ИСТОРИЯ ЭЛИТНЫХ ВОЙСК

БРИТАНСКИЕ КОММАНДОС

ДЖОН ПАРКЕР

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Дерзкие диверсанты, бесстрашные и умелые бойцы, британские коммандос, созданные в начале Второй мировой войны для рейдов в тыл врага, были и остаются отборным войском «туманного Альбиона». Книга английского писателя Джона Паркера основана на воспоминаниях многих офицеров и солдат, служивших в отрядах коммандос, и посвящена истории этих элитных подразделений с 1940 до 2000 г.

- Джон Паркер
  - ○
  - ○
  - ○ От редактора
  - ○ Предисловие
  - ○ Пролог
  - ○
  - ○
  - ○ Глава 1. ПЛОХОЕ НАЧАЛО
  - ○ Глава 2. ПЕРВЫЕ КОММАНДОС
  - ○ Глава 3. ЛУЧШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ
  - ○ Глава 4. ОПЯТЬ ВСЕ НЕ ПО ПЛАНУ
  - ○ Глава 5. ВЗРЫВ ТРОЯНСКОГО КОНЯ
  - ○ Глава 6. ПРИКРЫТИЕ
  - ○ Глава 7. ДЬЕПП: РАЗГРОМ
  - ○ Глава 8. МЕСТЬ ГИТЛЕРА
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○
  - ○

Глава 9. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА
Глава 10. ПОСЛАТЬ ЗА МОРСКОЙ ПЕХОТОЙ? НУ УЖ НЕТ, ЧЕРТ ПОБЕРИ!
Глава 11. ДЕНЬ «Д»: СМЕРТЬ И УНИЧТОЖЕНИЕ
Глава 12. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ
Глава 13. МЫ СНОВА В СТРОЮ!
Глава 14. УЖАС КОРЕИ
Глава 15. ОТСТУПНИК
Глава 16. ДОРОГИЕ МАМА И ПАПА…

- Глава 17. ИДЕМ НА ЮГ
- Глава 18. БОЕВОЙ АВАНГАРД (НА ОСТРИЕ НОЖА)
- Эпилог. НАШИ ДНИ

- notes
  - 1
  - 2
  - 3
  - 4
  - 5
  - 6
  - 7
  - 8
  - 9
  - 10
  - 11
  - 12
  - 13
  - 14
  - 15
  - 16
  - 17
  - 18
  - 19
  - 20
  - 21
  - 22
  - 23
  - 24
  - 25
  - 26
  - 27
  - 28
- comments
  - 1

Джон Паркер
История элитных войск
Британские коммандос 1940-2000

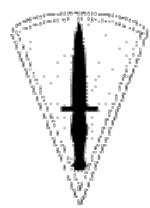
ДЖОН ПАРКЕР

ДЖОН ПАРКЕР

ИСТОРИЯ ЭЛИТНЫХ ВОЙСК

БРИТАНСКИЕ КОММАНДОС

1940–2000

Издательство «Изографус»
ЭКСМО
Москва 2003

COMMANDOS
The Inside Story of Britain's
Most Elite Fighting Force
John Parker

От редактора

Книга современного английского автора Джона Паркера представляет собой популярно изложенную историю коммандос, этих отборных воинских частей, прославившихся во многих вооруженных конфликтах XX в. и являвшихся, по мнению автора, «самой элитной боевой силой Британии». Имея своими предшественниками так называемые «отдельные» или «специальные» пехотные роты — диверсионные подразделения, сформированные в апреле 1940 г., коммандос были созданы в июне того же года, вскоре после эвакуации британских войск из Дюнкерка. В книге Паркера прослежен их боевой путь, начиная с тех тяжелых для Англии дней Второй мировой войны и заканчивая недавними событиями, когда в мае 2000 г. они были направлены в Сьерра-Леоне.

В результате гитлеровского «блицкрига» большая часть Западной Европы оказалась оккупированной немцами. Именно в эти тяжелые для Англии дни находит свое воплощение идея о значительном увеличении особых сил, предназначенных для проведения диверсий и малых десантных операций на контролируемой врагом территории. Британский премьер-министр Уинстон Черчилль первоначально хотел назвать бойцов этих формирований «леопардами», однако легко согласился на термин «коммандос», предложенный начальником Имперского Генерального штаба генералом Диллом. В том, что именно такое название является наиболее подходящим для подобных частей, сэра Джона Дилла убедил его подчиненный, подполковник Дадли Кларк, который являлся разработчиком проекта создания диверсионных групп. По мнению этого офицера, британские диверсанты должны были действовать по принципу «ударь и беги», то есть применять ту же тактику, что и бурские «коммандо» — мобильные конные отряды, доставившие англичанам немало хлопот во время войны 1899–1902 гг. в Южной Африке. Таким образом, отдельные части «спецназа» Великобритании, по своему составу примерно эквивалентные батальонам, получили наименование «commando», а служивших в них офицеров и солдат стали называть «commandos». В 1940–1945 гг. специально обученные и снаряженные британские отряды коммандос, активно использовавшиеся на всех театрах Второй мировой войны, заслужили исключительно высокую боевую репутацию. Отважные, хорошо натренированные бойцы в зеленых беретах или не менее популярных «лофотенских» вязаных шапочках сражались на трех континентах — в Европе, Африке и Азии, неся

на рукавах своих форменных курток темно-синие нашивки Командования объединенных десантных операций со стилизованным изображением адмиралтейского якоря, пистолета-пулемета «Томпсон» (модели 1928 г.) и летящего орла. Оснащенные разнообразным стрелковым оружием, взрывчаткой, ручными гранатами, огромными мачете — «гладиусами» (именуемыми так из-за сходства с древнеримским мечом), и, конечно, знаменитыми кинжалами «Фэйрбэрн-Сайкс», они высаживались с моря или с воздуха в тылу врага, нанося внезапные удары по его артиллерийским батареям, складам, командным пунктам и другим важным объектам. Джон Паркер описывает в своей книге многие известные операции, в которых они отличились, в частности рейд на Сен-Назер (март 1942 г.), десанты под Дьеппом (август 1942 г.), в Нормандии (июнь 1944 г.) и на острове Валхерен (ноябрь 1944 г.).

После Второй мировой войны численность британских диверсионных войск сильно сократилась — в 1946 г. из четырех их бригад коммандос осталась только одна 3-я бригада, которая ранее сражалась с японцами в Бирме. Включенная в состав Королевской морской пехоты, она сохранилась до наших дней. Автор достаточно подробно осветил участие подразделений этой бригады в различных военных кампаниях и миротворческих операциях второй половины двадцатого столетия. Так, например, он описал их боевые действия в Малайе и в Корее, в джунглях острова Борнео, в Египте (во время Суэцкого кризиса 1956 г.), на юге Аравийского полуострова и, разумеется, на Фолклендских островах, где в ходе англо-аргентинского конфликта 1982 г. отличилась вся 3-я бригада коммандос морской пехоты. Дополнительную ценность книге Паркера придает широко используемые в ней воспоминания участников боев — английских военнослужащих разного уровня. Не претендуя на полный и всесторонний охват темы, она, тем не менее, дает живое представление о деятельности коммандос. Надеемся, что российский читатель, интересующийся историей войск специального назначения зарубежных стран и войн новейшей эпохи, найдет на ее страницах немало любопытного.

А.А. Васильев

Предисловие

Коммандос, десантно-диверсионные войска, были созданы в начале Второй мировой войны, как армейские соединения, хотя первоначально предполагалось, что они будут входить в состав королевской морской пехоты. Во время войны морская пехота поставляла солдат и офицеров для формирования коммандос, а еще позже все десантно-диверсионные части были переданы под контроль морской пехоты. Вопрос подчинения коммандос оставался спорным в течение многих лет. Армейское командование непреклонно напоминало всему миру, что коммандос формировались из добровольцев, а не на основе мобилизации в регулярные войска. И действительно, коммандос во всех отношениях были «нерегулярными» частями. Первые коммандос начинали действовать как два соединения, армейское и морской пехоты. Они сражались бок о бок, оставаясь совершенно независимыми друг от друга. Однако, когда по окончании войны армейские части расформировывались, военное руководство, понимая всю важность десантно-диверсионных подразделений, сохранило их и передало под командование морской пехоты.

В этой книге я попытался рассказать историю десантно-диверсионных подразделений и воскресить некоторые из подвигов коммандос от создания десантно-диверсионных войск до наших дней. Я использовал отчеты обо всех крупных военных операциях, в которых принимали участие коммандос, как армейские, так и морские пехотинцы. Простые слова «Я был там» зачастую относятся к драматическим и даже трагическим событиям, мельчайшие детали которых на всю жизнь отпечатались в памяти участников. Собственный вклад автора заключается в объединении свидетельств очевидцев с историческим фоном и взглядами со стороны.

Я глубоко признателен огромному количеству людей, помогавших мне в данном проекте, и особенно тем, кто пожертвовал своим личным временем и силами ради выхода в свет этой книги. В результате, кроме армейских рапортов, в основу книги положены материалы, полученные в ходе интервью, проведенных лично мной и моим коллегой Аластером Маккуином, а также записанные на пленку для последующих поколений воспоминания из архива звукозаписей Имперского военного музея. Я также пользовался расшифровками записей, дневниками и подлинниками документов Военного министерства и Министерства обороны, хранящимися в Имперском военном

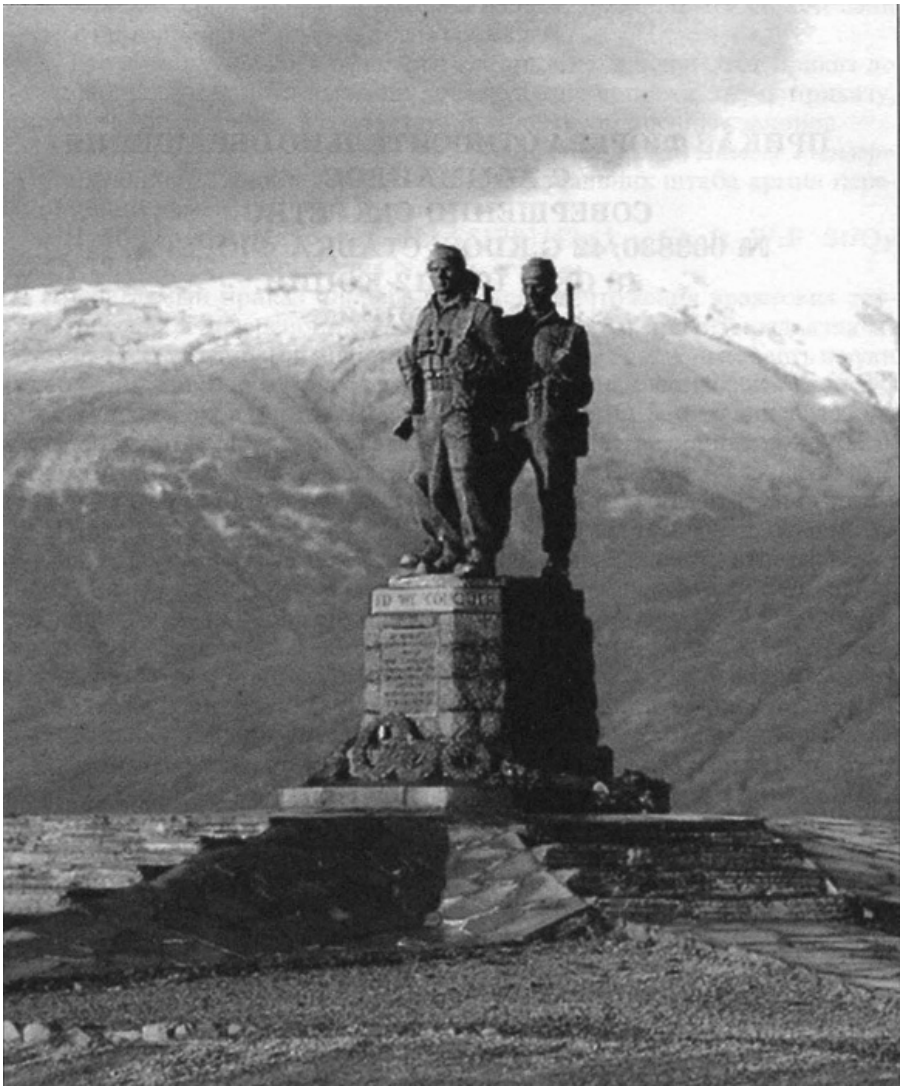
музее, Музее морской пехоты в Саутси и Государственном архиве в Кью. Я глубоко признателен персоналу архива звукозаписей Имперского военного музея за неоценимую помощь в розыске записей, относящихся к описываемым событиям, и лично Мэтью Литлу из Музея морской пехоты.

Пролог

Гитлеровские армии оккупировали почти всю континентальную Европу, обратили в бегство британские экспедиционные войска под Дюнкерком, сокрушили Скандинавию, открыли русский фронт, заняли господствующие позиции в Северной Африке, и только Великобритания не сдавалась. Пока Япония не разбомбила Перл-Харбор, Соединенное Королевство сражалось в одиночестве, угрожая окраинам нацистской «Крепости Европа» и досаждая Африканскому корпусу Роммеля постоянными прорывами его обороны. Гитлер был взбешен, и его ярость привела к появлению позорного приказа, противоречившего общепринятым международным нормам.

В приказе говорилось, что британские войска специального назначения под собирательным названием «коммандос» — всего лишь банда головорезов, игнорирующих правила ведения войны, бесцельно и всеми возможными способами убивающих немецких солдат и гражданских лиц, даже не предоставив им шанса сдаться в плен. Тот факт, что Уинстон Черчилль сам призвал к созданию подразделений, предназначенных для глубоких рейдов на занятую врагом территорию, «оставляя за собой след из немецких трупов», послужил достаточным обоснованием подобного заявления.

Гитлеровский приказ принял форму совершенно секретного меморандума для высших чинов немецкого военного командования — первоначально было отпечатано всего 12 копий. Затем в войска были переданы инструкции для немедленного исполнения. Военные историки часто недооценивают значение этого приказа отчасти из-за других, еще более бесчеловечных нацистских указов, отчасти потому, что не испытывают желания слишком глубоко копаться в причинах, которые прояснятся на последующих страницах.

ПРИКАЗ ФЮРЕРА ОТНОСИТЕЛЬНО ОБРАЩЕНИЯ С КОММАНДОС. СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО № 003830/42 G.KDOS. СТАВКА ФЮРЕРА, 18 ОКТ. 1942 12 КОПИЙ, 12-АЯ КОПИЯ

«1. В последнее время наши враги нарушают женевскую конвенцию о способах ведения войны. Особенно жестоко и вероломно поведение так называемых коммандос, которые, как установлено,

рекрутируются во вражеских государствах даже из освобожденных из тюрем преступников. Как стало известно из трофейных документов, отрядам коммандос не рекомендуется брать пленных, поскольку пленные представляют помеху в выполнении поставленных целей. Также были найдены документы, в которых недвусмысленно приказывается убивать пленных на месте.

2. По этой причине, как уже было заявлено в приложении к рапорту вооруженных сил от 7 октября 1942 года, отныне Германия перед лицом угрозы, исходящей от диверсионных частей Британии и ее сообщников, прибегает к аналогичным действиям, то есть, где бы эти части ни появились, они должны безжалостно уничтожаться германскими войсками.

3. Вследствие этого я приказываю: отныне все враги, захваченные во время так называемых боевых заданий коммандос в Европе или Африке, даже если по всем признакам они являются солдатами регулярной армии в полной военной форме, в сражении или во время отступления, должны уничтожаться до последнего человека. Не имеет значения, десантированы ли они с кораблей, самолетов, или сброшены с парашютами. Даже если вышеуказанные личности, будучи обнаруженными, готовы сдаться в плен, к ним никоим образом не должно проявляться снисхождение. В каждом отдельном случае полная информация посылается в ОКВ для публикации в Рапорте вооруженных сил.

4. Если отдельные коммандос, такие как агенты, диверсанты и т. д., попадают в руки военных какими-либо другими способами, например, через полицию на оккупированных территориях, следует немедленно передавать их в СД. Любое заключение под военную охрану даже на короткий срок, например, в лагеря для военнопленных, строго запрещается.

5. Этот приказ не касается обращения с вражескими солдатами, которые в ходе обычных военных действий (крупномасштабных наступательных, десантных и авиадесантных операций) захвачены или сами сдались в плен. Этот приказ не касается вражеских солдат, попадающих в наши руки после морских сражений, и вражеских солдат, пытающихся спасти свои жизни с помощью парашютов после сражений.

6. Все командующие и офицеры, которые не доведут

этот приказ до сведения своих подчиненных или действующие вопреки этому приказу, понесут ответственность в соответствии с кодексом военных законов.

(подпись) Адольф Гитлер»

Следующие 22 копии данного приказа начальник штаба армии передал старшим армейским офицерам:

Штаб армии. Секретно N 551781/42g.k.: Chefs W.F St/ Qy F.H.Qy,19.10.42 22 копии Копия N 21.

Прилагаемый приказ Фюрера касается уничтожения вражеских террористических и диверсионных подразделений. Этот приказ предназначается только командирам и ни при каких условиях не должен попасть в руки врага. Дальнейшее распространение приказа армейскими штабами должно быть строго ограничено. Армейские штабы, упомянутые в посыльном листе, несут ответственность за полное уничтожение всех копий приказа или цитат из него.

Начальник штаба Вооруженных сил[1]

Подпись: ЙОДЛЬ

Приказ Гитлера выполнялся неукоснительно, и тысячи британских солдат и солдат союзников, захваченных нацистскими войсками при обстоятельствах, попадавших в широкий спектр сформулированных в нем условий, были казнены. Под этот приказ подпали и уцелевшие участники знаменитого десанта (Cockleshell Heroes) в устье Жиронды, хотя они попали в плен до его издания. О подобных инцидентах будет рассказано в последующих главах.

Кем же были люди, так досаждавшие нацистам? И действительно ли они были разбойниками, какими их выставляли? Они появились в британской армии весной 1940 года, когда Норвегия перед лицом германского вторжения воззвала о помощи. Это случилось в то время, когда десятки тысяч британских солдат и их вооружение паромами переправлялись через Ла-Манш, чтобы противостоять ожидаемому наступлению Германии на Нидерланды.

Первоначально коммандос формировались как независимые подразделения, в действительности представлявшие собой маленькие отряды энергичных, но неподготовленных и слабо вооруженных людей, нежелательные для большинства британских генералов и возглавляемые разношерстной горсткой армейских идеалистов и чудаков.

Свидетели первых учений никогда бы не поверили, что коммандос способны доставить хотя бы мелкие неприятности могущественной германской армии. Изучая первоисточники, можно увидеть, что в первое время, время унизительных поражений, необученных добровольцев бросали в такое пекло, откуда вообще не было шансов вернуться живыми, и просто чудо, что они возвращались.

Итак, давайте обратимся к началу нашей истории, к тем первым месяцам войны, когда люди, которых потом будут называть коммандос, пустились в свое великое приключение, добровольно записываясь в части, до того момента не существовавшие в британской армии.

Глава 1. ПЛОХОЕ НАЧАЛО

Когда Соединенное Королевство стояло на грани катастрофы, рассматривались всевозможные выходы из создавшейся ситуации. Среди них были и совершенно фантастические, порожденные документами, пылящимися в архивах Военного министерства со времен Первой мировой войны. Документы касались «партизан» — небольших мобильных подразделений, проникавших повсюду, совершавших буквально все что угодно и не обремененных проблемами материального обеспечения, непременными при крупномасштабных войсковых операциях. Предполагалось, что вновь созданные подразделения войдут в состав морской пехоты. Еще в 1924-м Комитет Маддена (Madden Committee) по обороне, исследовавший некоторые военные катастрофы Первой мировой войны, включая огромные потери, понесенные при высадке десанта на полуостров Галлиполи, предложил переориентировать трехтысячную бригаду морских пехотинцев на рейды по вражеской береговой линии и базам. Однако из-за множества непредвиденных обстоятельств к 1939 году почти ничего не было сделано для формирования таких частей.

Во-первых, на подобную роскошь не хватало денег, во-вторых, ощущалось заметное сопротивление в среде высшего военного руководства, привыкшего к традиционным методам ведения войны. Партизанской тактике, как с присущим ей красноречием утверждала руководящая верхушка, нет места в британских вооруженных силах. Таким образом, к началу Второй мировой войны десантно-диверсионных соединений в британской армии не существовало, а когда, наконец, идея была воскрешена, морские пехотинцы испытывали такие затруднения, что не способны были ее реализовать. Создание сил специального назначения было поручено армии и армейскому добровольческому резерву.

К тому времени гитлеровские армии безнаказанно маршировали по Европе. Стремительно и безжалостно совершилось вторжение в Польшу, что заставило британского премьер-министра Невилла Чемберлена в сентябре 1939 года объявить Германии войну. Предполагаемое наступление британских и французских войск с целью освобождения Польши и наказания Германии осталось несбыточной мечтой. Во всяком случае, французское командование, убежденное в том, что хорошо укрепленная линия Мажино не позволит немцам вторгнуться во Францию, от наступательной тактики перешло к оборонительной. Однако, как известно, избежать вторжения не

удалось. После захвата Польши Гитлер приказал своей ставке еще до зимы начать наступление на Нидерланды и Францию, но генералы запросили время на подготовку того, что они рассматривали как беспрецедентную молниеносную войну с участием войск и тяжелой техники, перебрасываемых как по земле, так и по воздуху. В общем, за границами территории, оккупированной Германией, наступило затишье, нарушаемое лишь, образно выражаясь, мерным топотом сапог британских солдат, марширующих к линии фронта, которой, в общем-то, не существовало. В первые месяцы активность войск была настолько незаметной, что американские газеты окрестили объявленную войну «Странной войной». Тысячи молодых людей, призываемых на военную службу, направлялись через Ла-Манш в Британские экспедиционные силы (БЭС) во Франции либо маршировали по учебным плацам британских военных баз, готовясь к защите родных берегов. Такое положение дел, называемое новобранцами «Скучной войной», несколько оживила замаячившая угроза немецкого вторжения в Скандинавию.

Советский Союз воспользовался назревающим в Европе военным конфликтом и в октябре 1939 года вторгся в Финляндию. Войска Сталина оказались плохо подготовленными, а руководство ими — из-за политических чисток офицерского состава — неумелым. В результате, уступая по численности в пять раз, финны выстояли и всю зиму не давали передышки советской армии. Нападение Советов на Финляндию временно отвлекло внимание европейских соперников к этому региону, особенно к Кируне на севере Швеции, являвшейся главным поставщиком железной руды для Германии. Зимой руда перевозилась через незамерзающий порт Нарвик на западном побережье Норвегии, а затем по нейтральным норвежским водам — в Германию. Под предлогом поддержки Финляндии в войне с Советским Союзом Британия, с молчаливого согласия Франции, разработала план захвата Нарвика и Кируны, двух ключевых центров перевозки железной руды, — с целью остановить поток стратегического сырья в Германию.

Для воплощения этого плана в жизнь необходимо было согласие Норвегии и Швеции, однако, надеясь сохранить нейтралитет, обе страны отказались от сотрудничества, и 5-му батальону Шотландского гвардейского полка («Scots Guards»), прошедшему специальную лыжную подготовку и уже направлявшемуся в Финляндию, пришлось вернуться. Время шло, советские войска в Финляндии практически не продвигались, и Сталин, опасаясь интервенции, вывел свою страну из затруднительного положения, заключив мирное соглашение с

финнами 8 марта 1940 года. Теперь Британии и Франции предстояло искать новый предлог для запланированного захвата Нарвика и Кируны. Надеясь спровоцировать немцев и дать повод союзникам броситься на помощь Норвегии, британский флот заминировал подступы к гавани Нарвика.

И это не сработало. Из-за плохой погоды и противоречивых донесений разведки немецкое командование отложило оккупацию Нидерландов и сосредоточило внимание на развитии ситуации в Скандинавии. 7 апреля Гитлер одобрил вторжение в Данию и Норвегию через восемь морских портов — от Нарвика и далее по западному и южному побережью вплоть до Осло. В операции впервые предполагалось использовать воздушно-десантные войска для захвата удаленных от моря пунктов. В это время британская тактическая группа, успешно поставив мины вокруг Нарвика, направлялась домой и прошла мимо немецких кораблей, не заметив их и обеспечив немцам почти беспрепятственную высадку десанта утром 9 апреля.

Когда германские военные корабли подошли к норвежскому берегу, в глубине страны началась высадка десантов. За сорок восемь часов немцы высадили семь дивизий и захватили все главные морские порты, а воздушно-десантные войска укрепились в Осло и наиболее важных аэропортах. Метеоусловия предотвратили запланированный парашютный десант в аэропорт Осло, и туда один за другим стали приземляться Ю-52 с пехотой. Однако в других ключевых аэропортах было сброшено пять рот парашютистов. Немцы взяли под надежный контроль южную половину Норвегии.

Осло был захвачен к полудню того же дня, однако норвежское правительство, приняв решение сопротивляться, переехало в Эльверум, откуда отправило просьбу Британии и Франции немедленно прислать помощь. Триста пятьдесят тысяч солдат и офицеров уже были задействованы в Британских экспедиционных силах, предназначенных для защиты Великобритании от грядущего германского вторжения, а норвежская территория слишком сложна для ведения военных действий, и все же британское командование в конце концов согласилось на формирование «партизанских отрядов», набор в которые первоначально предполагалось проводить на территориальной основе. Подобная идея возникла не случайно. Маленькие особые отряды впервые появились у буров в конце девятнадцатого века и впоследствии подробно изучались британскими стратегами, включая и Комитет Маддена.

Партизаны первоначально использовались в набегах на враждебные африканские племена, а затем в Бурской войне

против Британии. Эти отряды наносили короткие и внезапные удары по военным базам, выводили из строя технику и коммуникации, атаковали вражеские войска. Буры создавали свои отряды через избирательные округа: каждая территория поставляла собственный отряд. Поскольку люди принудительно набирались в армию («commandeered») военными, они вскоре стали называть себя коммандос. Их отличительной чертой было самообеспечение: каждый сам содержал свою лошадь, они не получали ни жалованья, ни военной формы, не имели ни баз, ни постоянного главного командования. Коммандос наносили молниеносные удары по британским войскам и исчезали в вельде прежде, чем британцы успевали отреагировать.

Действия коммандос продлили Бурскую войну, по меньшей мере, на год. Самыми похожими на коммандос в британской армии были части особого назначения времен Первой мировой войны, когда Томас Эдвард Лоуренс поднял арабские племена на восстание против турок. В октябре 1918 года эти же части поддержали триумфальное наступление генерала Алленби на Дамаск.

В середине тридцатых годов помощник Лоуренса майор Дж. К. Ф. Холланд, бывший пилот, позже серьезно раненный в Ирландии, получил задание изучить тактику партизан. Холланд был временно прикомандирован к исследовательскому отделу Военного министерства с целью оценки действий бурских коммандос, частей Лоуренса и спецподразделений в локальных военных конфликтах после 1918 года, включая британские военные кампании на Северо-западной границе (North-West Frontier)[2]. Холланд должен был докладывать начальнику оперативного отдела (director of operations) Военной разведки (Military Intelligence), впоследствии MI(R). Вместе с Холландом работал подполковник Королевской артиллерии К. М. Габбинз, до этого служивший с ним в Ирландии и на севере России в 1919 году. Габбинза послали на сбор разведывательных данных в долину Дуная, Польшу и балтийские государства. Когда началась война, Габбинз находился в Польше, и ему пришлось бежать через Бухарест. MI(R) опубликовал ряд отчетов по партизанским действиям, и именно этот отдел весной 1939 года предложил создать лыжный батальон для помощи финнам, однако с урегулированием отношений между Советским Союзом и Финляндией этот вопрос отпал сам собой.

Отдел MI(R) работал и над другими проблемами, особенно над формированием отрядов типа коммандос для ведения нерегулярных военных действий. После германского вторжения в Норвегию 9 апреля 1940 года первые части специального

назначения наконец были брошены в бой. 14 апреля британский отряд под командованием генерал-майора П.Дж. Макеси (P.J.Mackesy) десантировался к северу от Нарвика. Двумя днями позже другой отряд высадился в Намсусе. К боевым действиям готовились еще несколько подразделений, включая французских альпийских егерей, Иностранный легион и польских солдат, бежавших из Польши после германской оккупации. Однако очень быстро стало ясно, что протяженное и скалистое норвежское побережье не место для плохо экипированных британских войск. Для подобных условий у них не было ни подходящей одежды, ни обуви, ни транспорта.

Генерал Картон де Виарт вел группу, в спешке набранную из территориальных полков, включая полки графств Бедфордшир и Хартфордшир. Группа высадилась 14 апреля с приказом атаковать германские позиции в Тронхейме при поддержке артиллерии ВМФ Великобритании, занявшей позиции у побережья. В тот же день корабль «Уорспайт» потопил семь вражеских эсминцев в фиордах Нарвика. Еще несколько вражеских кораблей были отброшены к Осло. Однако на суше дела обстояли гораздо хуже. Большинство людей Виарта прежде и холм-то вряд ли видели, не говоря уж о том, чтобы карабкаться по предательской скалистой местности. Более того, если немцы имели белую маскировочную форму, лыжи и все необходимое снаряжение, сделанное по индивидуальным меркам, «специальная» экипировка британских солдат состояла из меховых курток, толстых вязаных свитеров, сверхпрочных носков и протекающих рабочих ботинок. Генерал заявил впоследствии: «Если мои солдаты надевали все это сразу, они не могли двигаться и были похожи на парализованных медведей. Что касается артиллерии, авиации и транспорта, мне не приходилось о них беспокоиться, поскольку ничего подобного в моем распоряжении не было».

Отряду Виарта, изрядно потрепанному и разочарованному, пришлось отступить. Чтобы воспрепятствовать немцам подготовить авиационные и морские базы, требовались войска на обширной территории — от Нарвика на севере до Намсуса на 310 миль южнее и вплоть до Осло, так что британско-французская экспедиция, посланная на помощь Норвегии, с самого начала была обречена на провал. Следующим шагом MI(R) было предложение немедленно сформировать «партизанские роты». Предлагалось создавать их по модели бурских коммандос, хотя необходимо отметить, что вид первых новобранцев, безусловно смелых и отчаянных, не обнадеживал. В спешке первоначально планировалось создать десять самостоятельных рот из 21 офицера и 268 военнослужащих других званий каждая. Поскольку

время поджимало, все они вербовались в основном из добровольцев резервных дивизий Территориальной армии в Соединенном Королевстве. Каждая рота набирала солдат с каким-либо армейским опытом, дабы иметь собственных специалистов по легкому вооружению, подрывным работам, транспорту, инженерному делу и медицине.

Не предполагалось обеспечивать сформированные части ни казармами, ни каким бы то ни было жильем. Группы управления ротами укомплектовывались офицерами инженерных войск и корпуса этапно-транспортных войск (Royal Army Service Corps). Предусматривались и разведподразделения не крупнее взвода. Поскольку единственная цель — налеты на вражеские позиции за пределами Соединенного Королевства, базами должны были служить корабли, доставляющие подразделения к местам операций и обратно, а в остальное время предстояло размещаться в частных домах прибрежных городов, выбираемых офицерами. Не полагалось и транспорта; все передвижения осуществлялись по железной дороге.

Из-за абсолютной новизны этой структуры для британской армии проблемы роста были неизбежны. Воспоминания сэра Роналда Суэйна, присоединившегося к Отдельной роте № 9, сформированной в Росс-он-Уай в апреле 1940-го, красноречивее многих документов говорят и о планировании рейдов, и о готовности добровольцев, и об обстрелах вражеской артиллерией:

«Я служил в 38-й территориальной Уэльской пограничной дивизии (Territorial Welsh Border division) в Херефордширском полку, когда мне предложили принять командование взводом херефордширских парней, отобрав подчиненных из моих родных мест. Я согласился. Все выглядело очень мило и по-дружески. По дороге я заехал домой, переночевал, а на следующее утро отец отвез меня в Росс. Приближаясь к месту сбора, мы увидели человека в сдвинутой на один глаз форменной фуражке с эмблемой Королевских фузилеров Уэльских, в бриджах и легких спортивных туфлях на босу ногу, размахивающего дубинкой. Он был в чине майора, имел медали «За безупречную службу» и, кажется, «За заслуги». Через пару минут отец узнал в нем парня по имени Сиддонз, который в 1912 году был его посыльным. В то время солдат-кавалерист, он затем получил повышение; служил в «черно-пегих»[3] в Ирландии. Жуткий человек, очень странный, всегда пьяный, во всяком случае, после ланча, в общем, большой оригинал. Во время учений (если их можно так называть) мы с ним мечтали отправиться в Норвегию, чтобы вышибить оттуда немцев. Он, бывало, объяснял нам, как убивать людей. Одна из его лекций была посвящена убийствам вилами, столовой вилкой

и другими инструментами, попадающимися в окопах. Когда я впоследствии говорил об этом с моими солдатами, один юноша по имени Дженкинс спросил: «Я не думаю, что это правильно, мистер Суэйн, а вы?

Я ответил: «Да. Не могу представить, как сам это делаю», на что Дженкинс сказал: «Думаю, это не по-христиански». Ну, майор Сиддонз и не был хорошим христианином. Он был живым воплощением бригадира Риччи Хука из трилогии Ивлина Во «Вооруженные люди».

Когда мы практиковались в стрельбе, Сиддонз часто кидался на винтовки, подначивая нас пристрелить его. Так он, видимо, пытался ожесточить нас после того, как услышал, что убивать столовой вилкой не по-христиански. Однако среди нас было множество подобных личностей, как будто мы нарочно их подбирали. Некоторые были абсолютно безнадежны из-за своей сверхчудаковатости.

Вскоре наша рота была укомплектована и готова отправиться в Норвегию. Другие роты, сформированные примерно за неделю до нашей, уже были в пути, хотя, должен признать, в начале вся затея выглядела довольно непрофессионально. Не думаю, что на той стадии фрицы сильно бы нас испугались».

Создание самостоятельных диверсионных групп шло очень быстро, и к концу апреля 1940 года было сформировано десять рот, в основном из местных полков Территориальной армии, базировавшихся по всей Британии: от Сомерсета до Восточной Англии, в Мидлендс (центральные графства), на севере до Шотландии и Северной Ирландии. Каждая рота обозначалась просто номером в соответствии с порядком, в котором они формировались, то есть от единицы до десятки. Новая структура была фактически просто группой молодых неопытных людей, которые всего лишь несколько дней назад вели однообразную жизнь среднего британского парня из рабочего класса — от сельскохозяйственного рабочего до продавца. Среди них был Эрнест Чаппелл из Ньюпорта, Южный Уэльс, который до вступления в полк Королевских Уэльских фузелеров успел в шестнадцать лет закончить школу, а затем пару лет поработать в закусочной и на фабрике, где собирал газовые колонки для подогрева воды:

«Я прошел обычную начальную подготовку, и (в январе 1940 года) нас послали в район Уилтшира, в Андовер, охранять аэропорт и маленькие радиостанции командования береговой авиации. Служба оказалась очень скучной, и я попросил перевести меня куда-нибудь, где я мог бы служить более активно. В конце концов меня записали в Отдельную роту № 9,

разместившуюся в городке Росс-он-Уай. Когда я прибыл туда, дождь хлестал как из ведра, и солдаты возвращались после учений промокшими насквозь. Командир, майор Сиддонз, случайно оказался в тренировочном зале, и один из парней, с которого ручьями стекала вода, обратился к нему: «Сэр, не могли бы вы отправить меня обратно в мою часть?»

Сиддонз совершенно не по джентльменски заорал: «Отправить обратно в часть… почему?» И парень сказал: «Там все мои друзья». Сиддонз испепелил его взглядом: «Друзья? У тебя нет друзей по эту сторону ада, червяк. Катись в свою часть с глаз моих долой». Вот так я познакомился с Отдельными ротами. Что касается меня, то я наслаждался каждой минутой новой службы. Мне нравилось бегать по сельской местности одетым кое-как, словно наперекор обычному армейскому педантизму. Патронташ на шею, ранец, одеяло, котелок и вперед. Не надо соблюдать безукоризненный внешний вид, вытягиваться по-струнке и отдавать честь всему, что движется. Казалось, что я снова свободный человек. Нас собрали для высадки с моря и рейдов на вражескую территорию. В те первые дни у нас не было никакого специального вооружения, только винтовки «Ли Энфилд», в большинстве своем, еще образца Первой мировой войны. Мне нравилась свобода. Дисциплина поддерживалась нашим собственным сознанием ее необходимости и уважением к тем, с кем и для кого мы работали. Мы полагались друг на друга. Мы точно знали, что от нас ожидается и ради чего мы делаем свое дело. Если в Королевском Уэльском полку просто приказывали залечь и стрелять в любого, кто появится из укрытия, ты стрелял, но ты не знал почему. В то время как в отдельной роте — позже ставшей коммандос — нам четко объясняли нашу роль и причины того, что мы делали, то есть ты всегда имел какую-то цель. Ты знал, что тебе предстоит. Мы действовали маленькими группами по три-четыре человека. И если нам случалось заблудиться в лесу, то приходилось самим искать выход из сложившейся ситуации. У нас была свобода действий, свобода выбора. Мы могли сами разрабатывать планы. В таком стиле проводились наши учения, хотя вначале было очень мало времени. Предполагалось, что мы высадимся в Норвегии и начнем боевые действия за германской линией фронта буквально через несколько дней».

Первые десантные роты отправили в Глазго, откуда вместе с британскими и французскими частями их должны были перевезти на кораблях к Нарвику и сразу бросить в бой с немцами. Никаких настоящих учений перед экспедицией в Норвегию не проводилось. Если вспомнить о необычайно сложном для высадки и боевых действий побережье и о профессионализме вражеских

войск, то можно сказать, что недостатки подготовки граничили с фарсом. Многие солдаты, вероятно большинство, не умели плавать. Многие никогда прежде не садились в лодку, некоторые никогда в жизни не видели морских просторов и огромных атлантических волн, разбивающихся о скалы фиордов. Каждый шаг приносил новый жизненный опыт.

Не оставалось времени на инструктаж, и вообще никаких центров или средств тренировки солдат для подобного рода боевых действий в Британии не было. Оставалось довольствоваться сложившимся положением или исправлять ситуацию на ходу. Сэр Роналд Суэйн вспоминал: «Парни рвались в бой. Поскольку их набирали по территориальному принципу, я довольно хорошо знал многих. Мои солдаты были херефордширскими парнями, в основном из сельской местности. Я думаю, если бы было время для настоящих учений, они в конце концов стали бы хорошими партизанами, а так нам пришлось учить большинство из них плавать, и мы учили, выбрасывая их из вельбота».

Хуже того, остро ощущалась нехватка продовольствия, снаряжения и транспорта. Экспедиция оказалась путешествием в неизведанное. Единственные карты, которые удалось достать, были взяты из «иллюстрированного путеводителя по красотам Норвегии». Несмотря на все это, уже через десять дней после формирования Отдельная рота № 1 направлялась в Норвегию с приказом сойти на берег в порту Мо. Перед вами единственная инструкция, полученная командиром роты из Адмиралтейства:

«Для обеспечения мобильности ваших отрядов при наблюдении за вероятными местами высадки десанта реквизируйте местные суда. Не забывайте о возможной атаке с воздуха. Рассредотачивайтесь и укрывайтесь, однако сохраняйте возможность быстро сосредоточиться при появлении вражеского десанта. Обеспечьте резерв. Детально ознакомьтесь с местностью. Пользуйтесь помощью местных жителей, но не проявляйте излишнюю доверчивость. Будьте разумны, хитры и всегда начеку».

В течение недели в Норвегию были направлены и другие Отдельные роты под номерами 2, 3, 4 и 5, каждая с собственной задачей, под общим командованием подполковника Колина Габбинза, чьи инструкции о ведении партизанских действий легли в основу всего проекта. Габбинз расположил свой штаб в Буде, где размещалась Отдельная рота № 3. Его приказ гласил: «Ваши роты… не предназначены для длительного сопротивления, но должны удерживаться на флангах германских войск и, прибегая к тактике изматывания, разрушать коммуникации».

Исполнять такой приказ в подобных условиях было практически невозможно. Как обнаружила Отдельная рота № 4, сформированная в Сайзуэлле, графство Суффолк, в середине апреля, в частях господствовали замешательство и неразбериха. Рота прибыла в Глазго 5 мая, не имея инструкций о средствах пересечения Северного моря. После долгих поисков офицеры в конце концов выяснили, что рота должна погрузиться на пассажирский корабль «Улстер Принс», где всех накормят завтраком. Три часа спустя слонявшиеся по пристани новобранцы наконец поднялись на борт и обнаружили, что на корабле нет никакой еды: ни хлеба, ни мяса. Перед отплытием командир роты майор Дж. Р. Патерсон получил довольно расплывчатые указания о том, что рота должна высадиться в Мушеэне, раздобыть на месте лодки и двинуться на запад к Санднесшёэну (Sandnessjoen) в устье фиорда. Затем все изменилось, и обеим ротам, и 4-й, и 5-й, было приказано высадиться в Мушеэне.

9 мая части прибыли к месту назначения и едва успели выгрузить снаряжение, как корабль ушел, а они потащились к мысу в пяти километрах к северу от Мушеэна, где заняли позиции, рассредоточившись повзводно. В течение следующего месяца эти роты перемещались взад-вперед по западному побережью Норвегии, многократно завязывая бои с врагом и в общем придерживаясь тактики изматывания, как им и было предписано. Также 9 мая в Глазго должны были собраться оставшиеся роты — от 6-й до 10-й, чтобы на следующий день погрузиться на корабли. Суэйн вспоминал:

«Мы поднялись на маленький пассажирский корабль, направлявшийся в Норвегию, и после нескольких часов ожидания поплыли к устью Клайда, затем вернулись и сошли на берег. Пришло сообщение, отменявшее нашу экспедицию. Нас не направляли в Норвегию, ни одного из нас, ни одну из оставшихся рот, и все были безгранично разочарованы. Позже тем вечером мы узнали причину… Гитлер вторгся в Нидерланды».

Пока вторая волна «отдельных» болталась по шотландским докам в ожидании дальнейших инструкций, роты с номерами от 1 до 5 продвигались к своим позициям вдоль норвежского побережья, готовясь выступить против германских войск. Однако их действия уже не могли предотвратить катастрофу, надвигавшуюся на союзные войска Британии и Франции. Развивающиеся в материковой Европе события решили судьбу рожденной под несчастливой звездой попытки спасти Норвегию. Через двадцать четыре часа на заре важнейшего дня, 10 мая 1940 года, в Кельне германские воздушно-десантные и парашютно-десантные части погрузились в 42 планера, буксируемых

самолетами Ю-52, и пустились в бесшумный полет над Голландией и Бельгией. Сброшенные десантники захватили жизненно важные аэропорты и мосты.

Тем временем вдоль 150-мильной линии фронта было собрано и приведено в боевую готовность 28 немецких дивизий. Блицкриг начался без предупреждения. Немецкие дивизии вошли в Нидерланды, и британские экспедиционные войска начали свое злополучное отступление к побережью. Британская нация была потрясена. То же самое можно сказать и о военных аналитиках, впоследствии собравших воедино все элементы немецкой стратегии вторжения: стремительность бронетанковых дивизий, сминавших оборону при внушающей ужас своей точностью поддержке с воздуха пикирующими бомбардировщиками Ю-87 «Штука» и мощном — и абсолютно неожиданном — парашютном десанте.

К концу мая уже шла эвакуация в Англию из Дюнкерка британских экспедиционных сил. Вскоре к ним присоединились британские и французские части, покинувшие оставшуюся в лапах нацистов Норвегию. Хотя многие кабинетные наблюдатели сильно критиковали норвежскую операцию, особенно события вокруг Нарвика, все могло сложиться иначе, если бы войска не были неожиданно отозваны. Норвежцы при поддержке 12000 британцев и французов удерживали район между Осло и Тронхеймом до 3 мая. При Нарвике 4600 немецких солдат противостояли 24600 британцам, французам и норвежцам. Союзников поддерживала артиллерия британского военного флота, успешно расправлявшегося и с немецкими кораблями. К концу мая немцев вышибли с гор, окружающих Нарвик. Каково же было изумление отступавших немцев, когда все вдруг изменилось. Они просто поверить не могли в свою удачу, увидев утром 3 июня, как отплывают и скрываются за линией горизонта британцы и французы.

Разочарование, вызванное приказом отступить и вернуться в Британию, усугублялось с каждой секундой. В последние часы эвакуации союзных войск из Нарвика были потоплены авианосец «Глориес». и два эсминца с полутора тысячами человек на борту. Во Франции ситуация складывалась еще хуже. Британцев и французов вытеснили на узкий плацдарм у Дюнкерка, и сотни самых разных суденышек присоединились к военным кораблям, чтобы вывезти с пляжей 338226 человек. Всего в эвакуации принимали участие 222 военных и 665 других кораблей. Тысячи солдат и офицеров были убиты, ранены или попали в плен. Значительная часть всех британских запасов оружия: танки, пушки, грузовики и снаряжение, выведенные из строя или

сожженные, дымились вдоль дорог и в полях на всех подступах к пляжам Дюнкерка и пунктам отхода вдоль побережья.

Список потерянного вооружения был настолько ошеломляющим, что его стоит напомнить: 475 танков, 38000 автомобилей, 12000 мотоциклов, 8000 телефонов, 1855 радиоприемников, 7000 тонн боеприпасов, 90000 винтовок, 1000 крупнокалиберных пулеметов, 2000 тягачей, 8000 ручных пулеметов «Брен» и 400 противотанковых орудий. 6 июня 1940 года Кабинет военного времени был проинформирован о том, что во всем Соединенном Королевстве осталось меньше 600000 винтовок, всего лишь 12000 ручных пулеметов «Брен» и на возмещение потерь потребуется шесть месяцев. Ситуация была настолько отчаянной, что ее скрывали от широкой общественности. Воспоминания Джорджа Кука, с которым мы встретимся позже, как с полноценным коммандос, красноречиво характеризуют плачевное состояние Британии:

«Мы базировались на аэродроме, поскольку предполагалось, что немцы могут в любой момент сбросить парашютный десант и в первую очередь захватят аэродромы, как они это сделали в Бельгии и Голландии. Мы выкопали щели по периметру и вели охрану круглосуточно. Но у нас не было никакого оружия, вообще никакого. Я спросил одного из офицеров, что делать, если немцы действительно высадят десант. Неужели мы просто должны орать: «Бах, ты покойник?» А если они не свалятся замертво от нашего крика, что случится с нами? Меня обвинили в наглости!»

Тем временем во Франции ситуация все ухудшалась: маршал Анри Филипп Петен, герой Первой мировой войны, ставший накануне премьер-министром Франции, 25 июня подписал перемирие и перенес столицу в Виши на неоккупированный юго-восток. Теперь Гитлер нацелился на единственного активного врага — Соединенное Королевство…

Глава 2. ПЕРВЫЕ КОММАНДОС

Уинстон Черчилль хорошо знал историю бурских коммандос. В 1899 году он уволился из кавалерии, стал военным корреспондентом и был захвачен бурами в плен. Черчилль бежал, за его голову была назначена награда, и он вернулся домой национальным героем. В тот день, когда Гитлер начал победный марш по Нидерландам, Черчилль сменил Чемберлена на посту премьер-министра. Неудивительно, что уже через двадцать четыре часа он обратился к идее создания десантно-диверсионных частей, которых тогда не существовало в британской армии. Черчилль потребовал безотлагательно приступить к формированию отрядов типа коммандос — десантируемых с моря и воздуха диверсантов и шпионов, предшественники которых успешно противостояли вторжению нацистов в Норвегию, Бельгию и Голландию. Весь первый месяц пребывания на Даунинг-стрит, 10 Черчилль лично следил за созданием частей специального назначения, отмечая все значительные даты и прощая совершаемые ошибки.

Даже тогда для него был совершенно очевиден путь развития войны, касающийся Британии. Он понимал, что Британской армии понадобится время, чтобы оправиться после Норвегии и Дюнкерка, а первостепенной задачей оставалась защита Британских островов. В начавшейся «битве за Англию» судьба нации находилась в руках бесстрашных ВВС, военно-во? — душных сил Великобритании. Вся континентальная Европа была закрытой зоной для любых наземных войсковых операций, особенно после того, как к Германии присоединилась Италия. Единственно возможными оставались атаки с воздуха и рейды морского десанта на удерживаемое немцами и итальянцами побережье. Ключевыми этапными пунктами для операций в Средиземноморье служили Гибралтар и Мальта.

В то время, когда любые крупномасштабные попытки вернуться в Европу были обречены на поражение, только значительные десантные силы могли бы обозначить присутствие Британии на вражеской территории. Еще по одной причине Черчилль торопил создание диверсионно-десантных частей, и корни этой причины крылись в Первой мировой войне. Черчилль не мог забыть операцию на Галлиполийском полуострове в начале 1915 года, в которой Британия понесла самые крупные в своей истории человеческие потери. План форсирования пролива Дарданеллы был разработан министром вооружений Дэвидом Ллойд-Джорджем, первым лордом Адмиралтейства Уинстоном

Черчиллем, генералом Китченером и адмиралом Кардэном. Целью операции было открытие нового фронта и отвлечение немцев от готовящегося наступления на находившуюся в безвыходном положении Францию. Слабое планирование, плохие карты и гибельные подступы к местам высадки вынесли смертный приговор Союзным силам. Галлиполийская кампания закончилась с катастрофическими потерями в живой силе: 205 000 из 410 000 англичан, «анзаков» (солдат Австралийско-новозеландского армейского экспедиционного корпуса) и гурков (представители непальского племени гурков, призванных на британскую службу), были ранены или убиты.

Аналогии с Первой мировой войной ошеломляли: к данному моменту немцы снова вступили во Францию и снова побеждали. Никоим образом Черчилль не мог высадить крупные силы в континентальной Европе, даже если бы располагал лишними войсками и боевой техникой, а их в его распоряжении не было. Даже вопрос о том, выстоит ли Британия, был спорным, и судьба ее всецело зависела от способности ВВС противостоять ночным налетам Люфтваффе и в то же время наносить бомбовые удары по Германии. К тому же Гитлер избрал политику «взятия измором», используя подводные лодки для уничтожения британских морских коммуникаций в «битве за Атлантику». Эта угроза была предотвращена расшифровкой немецких кодов. Поскольку Германия теперь располагала базами подводных лодок в Норвегии и Франции, Британия ждала вторжения, однако Гитлер и его советники отказались от попыток пересечь Ла-Манш до тех пор, пока не нейтрализуют британские ВВС. В результате «битва за Англию» велась в воздухе, а не на побережье. Немцы начали дневные бомбардировки британских портов и аэродромов, а затем и удаленных от моря городов.

Хотя приоритетной для Британии была оборона, Черчилль прекрасно понимал, насколько необходимо поддерживать боевой дух нации в ее самый тяжелый час, и помочь здесь могли лишь рейды на занятое немцами европейское побережье. Биограф Черчилля Мартин Гилберт называет ситуацию «поисками Британией средств перехвата инициативы». Понимая, что британцы с надеждой прислушиваются к каждому его слову, Черчилль потребовал от военного командования немедленных действий, что подтверждает документ от 3 июня 1940 года:

«Нельзя позволить всецело оборонительной доктрине, погубившей французов, разрушить нашу инициативу. Поскольку Германии приходится сосредотачивать многочисленные войска на побережьях оккупированных стран, мы должны немедленно приступить к организации рейдов на территории, где находится

сочувствующее нам население. Создаваемые соединения должны состоять из самостоятельных групп численностью, скажем, от 1000 до, в целом, 10 000 человек.

Операции должны готовиться с расчетом на специально подготовленные части, которые будут наводить ужас на врага молниеносными рейдами. Позднее, вероятно, как только мы соберемся с силами, мы могли бы захватить Кале или Булонь, уничтожить или взять в плен немецкий гарнизон и удерживать позицию до тех пор, пока немцы будут готовиться к осаде или штурму, а затем отойти.

Необходимо покончить с пассивными оборонительными действиями, которые мы научились так успешно оправдывать. Я жду от начальников штабов предложений по решительному и непрерывному наступлению на все оккупированное немцами побережье. Танки и бронетехнику необходимо перевезти на плоскодонных судах, тогда после высадки десант сможет скрыто проникнуть в глубь вражеской территории, перерезая жизненно важные коммуникации, а затем вернуться, «оставив за собой след из немецких трупов».

Детализируя 5 июня этот план начальнику генерального штаба генералу Хастингсу Исмею, Черчилль предложил оснастить части, создаваемые для десантов на «занятые врагом дружественные территории», «гранатами, минометами, пистолетами-пулеметами Томпсона, бронемашинами и тому подобной техникой… необходимо выбросить из наших голов мысль о том, что порты Ла-Манша и вся территория между ними — вражеская территория».

На совещании 6 июня, на следующий день, эти идеи были представлены комитету начальников штабов, и их реакция последовала незамедлительно. Три дня спустя Военное министерство приказало всем частям представить имена 40 офицеров и 1000 военнослужащих других чинов для создания «мобильного подразделения», добавив, что впоследствии эта цифра может достичь 5000. Это подразделение теперь официально было названо «коммандос», и уже разрабатывался план скорейшего создания 10 отрядов коммандос. Ответственность за планирование всех операций коммандос была возложена на созданный Отдел M09, и 12 июня сэру Алану Бурну (Bourne), генерал-адъютанту морской пехоты, предложили стать командующим Наступательными операциями (Commander, Offensive Operations) — впоследствии переименованными в Объединенные операции (Combined Operations) — с мандатом на привлечение к сотрудничеству как ВМФ, так и ВВС Великобритании.

13 июня в совершенно секретном меморандуме генерал-майора Р.Х.Дьюинга, начальника управления оперативного планирования (R.H. Dewing, Director of Military Operations and Planning), были вкратце изложены характеристики формирований коммандос, и люди осведомленные не могли не увидеть сходства с бурскими коммандос:

«Предполагается создать из добровольцев отряды коммандос. Данный меморандум подготовлен мною с целью объяснить назначение нового воинского подразделения, его организацию и использование. Конечная цель: собрать вместе некоторое количество индивидуумов, натренированных сражаться самостоятельно, а не как регулярная воинская часть. По этой причине отрядам коммандос не полагается постоянная боевая техника, они не нуждаются в постоянных базах. Операции, проводимые по инициативе Военного министерства, безусловно, потребуют различного вооружения, снаряжения и методов. Назначение вновь созданных частей — предоставлять необходимое для данной операции количество коммандос. Для командования каждой операцией Военным министерством будет назначаться офицер, а отряд, которому предстоят военные действия, будет вооружен и снаряжен только для предстоящей операции из централизованных источников, контролируемых Военным министерством. Предполагается следующая процедура набора и содержания коммандос.

Командирами будут назначены один или два офицера, которые получат инструкции отбирать командиров отдельных отрядов коммандос из собственных войсковых соединений. Командиры отрядов, в свою очередь, будут отбирать офицеров и рядовой состав из своих подразделений. Пока точно не определен численный состав, я предлагаю 10 отрядов примерно по 50 человек. Каждый отряд будет иметь командира и, вероятно, еще двух офицеров. По окончании формирования командиру отряда будет предложен район (как правило, приморский город), где его подчиненные будут жить и тренироваться до участия в военных действиях.

Не предполагается предоставление офицерам и рядовым ни казарм, ни довольствия, но они будут обеспечены денежным содержанием, покрывающим прожиточный минимум. Отряды будут сами выбирать места проживания в назначенном им районе и тренироваться под руководством своих командиров. Как правило, им будут предоставляться казармы, лагеря и т. д. в качестве учебных полигонов, а также возможность тренироваться на судах ближайшего базирования.

Перед каждой отдельной операцией Военное министерство

будет проводить инструктаж, а затем предоставлять необходимое снаряжение в необходимом количестве и средства перемещения коммандос (обычно с помощью других воинских соединений) к местам высадки десанта. Как правило, операция не должна занимать больше нескольких дней, после чего коммандос возвращаются в «родной город», тренируются и ждут, возможно несколько недель, следующей операции. Как видно из вышеизложенного, для вновь создаваемых подразделений практически не потребуется хозяйственного снабжения по пункту Q (питание и жилье). Необходимо, конечно, предусмотреть пункт A (личные нужды), и с этой целью я предлагаю назначить в каждый отряд тылового офицера, который освободит командира от канцелярской работы. Тыловой офицер будет постоянно базироваться в «родном городе» своего подразделения. В общем и целом организация коммандос должна стать резервом военных специалистов, из которого можно быстро создавать нерегулярные соединения любого вида и численности для выполнения определенной задачи».

В последующие недели было предложено сформировать 12 отрядов коммандос по 500 человек в каждом, частично используя некоторые из действующих на тот момент Отдельных рот. Тем временем Черчилль, жаждавший активных действий, напоминал в своих посланиях военному руководству об ожидаемых в ближайшее время атаках на французское побережье. Не успел закончиться июнь, соответствующие планы были разработаны и, как станет ясно из отчетов о первых двух операциях, это оказалось ошибкой.

Когда операции планировались, части коммандос еще даже не начинали комплектоваться, так что 14 июня, через день после издания приказа генерал-майора Дьюинга о структуре подразделений коммандос, была поднята заново сформированная Отдельная рота № 11. Операция явно задумывалась как пробная, максимально приближенная к десантно-диверсионной. Рота была укомплектована частично новыми добровольцами, частично старым составом Отдельной роты № 9, которая, как уже говорилось, после плавания по Клайду и отмены рейда в Норвегию скучала в Шотландии. Командиром роты был назначен майор Ронни Тод. 25 офицерам и 350 рядовым и сержантам предстояла сомнительная честь выполнения первой операции, официально разработанной как операция коммандос. «Сомнительная» потому, что опять вся подготовка велась в спешке, а не неделями, что позже стало нормой, людей снова бросали прямо в бой. Неудивительно, что все пошло не совсем так, как планировалось. Роналд Суэйн, переведенный из

расформированной Отдельной роты № 9 в новую роту № 11, вспоминал:

«После эвакуации из Норвегии, мы все еще находились в Глазго в ожидании активных действий, когда вдруг получили приказ, предписывающий нескольким офицерам отобрать себе людей и явиться в определенное место в Саутгемптоне, причем добраться туда и расквартироваться самостоятельно. На офицера выделялось тринадцать шиллингов и четыре пенса (69 пенсов) в день, а на солдата — 6 шиллингов и восемь пенсов (36 пенсов) в день. Экипировка сформированных групп представляла удивительный набор, включавший и снайперские винтовки. Согласно полученному приказу, я и двое-трое моих товарищей самостоятельно отправились в Саутгемптон. Полагаю, это и было истинным началом коммандос, очень странного формирования, предназначенного, как мы узнали в свое время, для рейдов по французскому побережью. Я и мои товарищи удобно устроились в отеле «Ройял корт» в Саутгемптоне и, после нескольких дней интенсивной подготовки, получили приказ переехать поездом в Уайтхейвен. Джамбо Лестер, морской пехотинец с пышными усами, в то время полковник, коротко проинструктировал нас. Инструктаж включал сведения о быстроходных спасательных катерах: маленьких моторных суденышках с крохотными каютами, построенных по заказу ВВС для спасения падавших в море пилотов. Катера развивали скорость до восьми узлов и могли вместить не больше двенадцати человек».

23 июня майор Тод получил запечатанный конверт из Военного министерства. Согласно приказу, майору следовало разделить свою часть и на следующую ночь высадиться в четырех различных пунктах французского побережья. Впоследствии эта операция получила название «Коллар» («Collar» — «Ошейник»), Целью операции были разведка обороны противника, захват нескольких немцев для допроса и любые другие полезные действия. Операция также должна была обеспечить громкие газетные заголовки. Ничто не могло бы более укрепить моральное состояние нации, чем известие о том, что не прошло и трех недель после эвакуации из Дюнкерка, как британские части высадились во Франции и напали на немецких оккупантов.

В спешке не было проведено должной подготовки, планирования и разведки, и неприятности посыпались с самого начала. Обнаружилось, что вместо двадцати обещанных катеров, в наличии оказалось лишь девять. Тод решил разделить свои силы на пять отрядов и высадить их в нескольких пунктах между Булонью и Берком. Высадка, на которую отводилось 80 минут, была назначена на полночь. Роналд Суэйн, командовавший одним

из отрядов, продолжает свой рассказ:

«Мои люди, вооруженные до зубов, собирались забросать ручными гранатами и обшарить отель на пляже в Мерлимон в Ле-Туке, как предполагалось, реквизированный немецкой армией. Из-за различных осложнений мы прибыли к месту высадки довольно поздно, уже начинало светать. Высадившись на берег, мы отправились к цели и обнаружили, что отель заколочен и пуст. Мы послонялись немного вокруг, выискивая немцев, затем бросили это занятие, поскольку отведенное время истекало. Мы вернулись к месту высадки и обнаружили, что катер болтается довольно далеко от берега и связаться с ним невозможно. Стычка с внезапно появившимися немцами произвела достаточно много шума. Мы закололи их штыками. Я был вооружен револьвером 38-го калибра, но, должен признаться, что забыл его зарядить. Поэтому я ударил немца по голове рукоятью револьвера. Мой ординарец заколол одного, я сцепился с другим, и мы их убили. К сожалению, нельзя назвать происшедшее серьезным боем. В спешке мы не забрали их документы, что было совершенно непрофессионально и непростительно. Мы также потеряли очень много собственного оружия.

Затем в дюнах появилось еще больше немцев, и мне пришлось немедленно отвести своих людей. Единственное, что нам оставалось, это броситься в море и плыть к катеру. Я добрался до катера в полном изнеможении, тем более что военная форма не годится для плавания на длинные дистанции. Я сместил военно-морского офицера и передал командование старшине. Он подвел катер поближе, и в итоге мы выловили всех. Операция была довольно дилетантской, но я рад предоставленной возможности рассказать о ней, потому что позднее читал измышления одного кардиффского преподавателя, будто мы забросали ручными гранатами кафе, полное французских девушек и немецких солдат. Мы никогда бы не совершили ничего подобного. Возможно, мы подождали бы снаружи и уничтожили бы немцев, но мы никогда бы не стали забрасывать гранатами гражданских лиц. По крайней мере, мы не стали бы это делать на той стадии войны. Думаю, тот преподаватель услышал эту историю от кого-то, кто там не был.

Правда заключается в том, что мы видели мало немцев. Они появились только, заслышав шум схватки, и, несмотря на сильный огонь, мы убрались без потерь».

Группе Суэйна достались самые активные действия. Другие подчиненные Тода высадились в Булони, Ардело и Берке, причем пятая группа прибыла так поздно, что вообще не смогла высадиться и вернулась на базу, не испытав опасностей

путешествия в пропитанном водой катере. Те, кто сумел высадиться на берег, произвели рекогносцировку, отметив такие не имеющие особого значения объекты, как прожектора и закрытые зоны, возможно склады топлива и боеприпасов. Произошла парочка стычек с немцами, так как при отходе британские отряды попали под пулеметный огонь. Однако участник операции Эрнест Чаппелл вспоминает и о некоторых успехах:

«У майора Тода был пистолет-пулемет Томпсона с прикрепляющимся барабанным магазином. Майор вел разведку на дороге, когда услышал позади шум мотоциклов: приближались немцы. Когда майор обернулся с автоматом на изготовку, магазин отвалился. К счастью, немецкие мотоциклисты так удивились, что развернулись и умчались. Не раздалось ни единого выстрела. Итак, мы вернулись домой. Рейд не принес много пользы, разве что послужил учением в боевых условиях. Он также поднял боевой дух, как наш, так и, полагаю, населения, прочитавшего в газетах о том, что наши войска высадились на континенте менее чем через три недели после эвакуации британского экспедиционного корпуса. Не имеет значения, что мы сделали, а что нам не удалось сделать. Мы десантировались и вернулись без потерь в живой силе. Стало ясно, что мы сможем повторить высадку десанта, и это, на мой взгляд, самое главное».

Второй рейд, запланированный на ближайшую неделю с Южного побережья Англии, также был инспирирован самим Черчиллем. 2 июля, через два дня после десанта немцев на Нормандские острова, Черчилль продиктовал записку генералу Исмею: «Если правда, что немецкие транспортно-десантные самолеты высадили несколько сотен солдат на Джерси и Гернси, следует немедленно спланировать тайную ночную высадку на эти острова и перебить или взять в плен оккупантов. Коммандос подходят именно для подобных героических действий».

И опять реакция на предложение премьер-министра последовала незамедлительно. В тот же день правительство одобрило предложения по проведению рейда на Нормандские острова отрядом из 140 человек, некоторые из которых уже пересекали Ла-Манш. Им была поставлена задача уничтожить немецкие самолеты и аэродромные сооружения, захватить несколько немецких военнослужащих для допросов и перебить как можно больше солдат. Этой операции предстояло стать первым настоящим экзаменом коммандос. Первое из двенадцати формирующихся подразделений было укомплектовано, однако его командир, майор Джон Дернфорд-Слейтер, еще не успел проверить своих людей в деле. К его отряду должна была

присоединиться Отдельная рота № 11, сформированная для рейда в Булонь. Операция получила название «Амбассадор». У Дернфорд-Слейтера было всего десять дней на подготовку своего подразделения, так как операция была назначена на полночь 14 июля.

На южном побережье острова Гернси выбрали три пункта: два отряда из Отдельной роты № 11 должны были высадиться в бухте Ле-Жаонне (Le Jaonnet) и Пуэн де ла Муа (Point de la Moye), а сорок человек из вновь сформированного отряда коммандос № 3 под руководством Дернфорд-Слейтера — в бухте Мулен-Юэ (Moulin Huet). Два эсминца должны были доставить участников рейда как можно ближе к цели, затем им предстояло перебраться в маленькие лодки. Конвой вышел из Дартмута в 18.45. На борту в составе Отдельной роты № 11 снова был Роналд Суэйн:

«С точки зрения военной теории операция была прекрасно спланирована, но морская ее часть выполнялась очень неквалифицированно, отчасти из-за несоответствующего задаче снаряжения[4]. Двум отрядам из Отдельной роты № 11 предстояло провести отвлекающий маневр, высадившись первыми на довольно легком песчаном пляже с одной стороны острова. Затем мой отряд должен был высадиться на скалах достаточно близко к аэропорту. Мы должны были забросать гранатами отель, полный немецких пилотов, и взорвать самолеты, которых на аэродроме скопилось довольно много. К аэропорту нас должны были провести проводники-островитяне. Вокруг аэродрома было много сборно-разборных бараков типа «Ниосси», в которых размещались немецкие солдаты, и, чтобы добраться до самолетов, мы должны были атаковать эти бараки. Идея была замечательной, и рейд мог бы стать удачным, но транспорт был абсолютно безнадежным. Наши эсминцы тащили за собой маленькие суденышки — шлюпки и вельботы. Несколько спасательных катеров шли своим ходом. Ну, по дороге маленькие суда были повреждены: некоторые протекали, некоторыми вообще нельзя было пользоваться. В конце концов я оказался в полном воды моторном катере. Транспортировка заняла столько времени, что мы прибыли на место сбора, когда уже светало.

К счастью, над морем стоял туман, однако атаковать было совершенно невозможно; мой отряд оказался в безвыходной ситуации. Более того, мы потеряли из виду эсминец, который должен был вернуть нас домой. Мы решили добраться до острова Сарк, избавиться от половины отряда, чтобы катер смог вернуться в Англию своим ходом. Кто-то на эсминце — как оказалось, солдат — заметил что-то в воде. Он знал, что пропали люди, и привлек внимание офицера, который развернул корабль, чтобы

подобрать нас, и мы вернулись домой».

Однако одна из шлюпок действительно попала на остров Сарк. Из-за навигационных ошибок судно прошло мимо Гернси и оказалось в совершенно неприступном месте: высокие скалы и никакого пляжа. Как скупо вспоминал Эрнест Чаппелл: «Мы просто не могли этому поверить: какой-то чертов островок. Дикая глупость. Наша миссия закончилась через полчаса. Мы просто отправились на веслах назад искать эсминец». Из трех отрядов, погрузившихся в разношерстную горстку суденышек, только отряд Дернфорда-Слейтера достиг нужного пункта — и вовремя, но они не смогли подвести свои лодки достаточно близко к скалистому берегу. Пришлось идти по плечи в морской воде, а затем выбираться на скалы, что сильно их задержало. Они прошли так далеко, как позволяло отведенное время, не нашли никаких признаков немцев, и командиру пришлось отдать приказ вернуться к лодкам для встречи с эсминцем, чтобы отправиться в Англию.

На обратном пути коммандос были замечены немецкими пулеметчиками, открывшими огонь. К тому же начался шторм, и невозможно было подвести лодки ближе чем на 75 метров. Десантникам в полном снаряжении пришлось плыть в бурном море. Один утонул почти сразу, трое других, прежде утверждавших, что умеют плавать, как оказалось, плавать не умели. Они пытались идти вброд к лодкам, но не смогли. Из запасов на непредвиденный случай им были выделены французские франки, и Дернфорд-Слейтер назначил им место встречи, пообещав эвакуировать их двумя ночами позже. В действительности, все трое той же ночью попали в плен, но, если бы даже они остались на свободе, никто их не спас бы: морское командование не дало разрешения на спасательную операцию. Поскольку лишь один отряд сумел высадиться на берег, единственным результатом рейда можно считать приобретение опыта. Роналд Суэйн резюмировал:

«Лишь по счастливой случайности мы вернулись домой. И этот рейд прошел по-любительски, хотя и послужил накоплению опыта. Мы даже отдаленно не были готовы. Мы не знали, какие нам нужны лодки, мы не знали, как действовать. Не было штабной команды, умевшей планировать подобные рейды, и до сих пор ужасно не хватает оружия. Мы были вооружены револьверами 38-го калибра, о которых я всегда был очень низкого мнения. Позже у нас появилось несколько пистолетов-пулеметов Томпсона, однако не хватало боеприпасов для обучения солдат стрельбе. Некоторые вообще не практиковались на стрельбищах».

Согласно воспоминаниям лорда Ловата, вскоре ставшего ведущей фигурой в движении коммандос, «премьер-министру не нравилось это шутовство, и он высказал свое мнение самым определенным образом. Моряки получили выговор и личный приказ Черчилля на немедленную реорганизацию». 23 июля в записке Энтони Идену Черчилль отмечал, что «очень неразумно будоражить берега Европы такими глупыми провальными акциями, как рейды в Булонь и на Гернси. Категорически следует избегать бессмысленных налетов, восстанавливающих против нас местное население, и подробных официальных сообщений (опубликованных в газетах и переданных Би-Би-Си по радио)». Черчилль, однако, продолжил, что не возражал бы против того, чтобы «расшевелить французское побережье действиями мелких подразделений» зимой 1940–1941 г., имея в виду более крупные вторжения, надлежащим образом спланированные и выполненные весной и летом 1941 года и позднее. Это послужило достаточно ясным сигналом для скорейшего завершения комплектования 12 частей коммандос и первостепенной организации настоящих учений в самых тяжелых условиях, дабы укрепить силу воли солдат.

К тому времени большинство отдельных рот были расформированы и представляли готовый резерв кадров. Объявили набор новых добровольцев, и каждому, пожелавшему вступить в новые подразделения коммандос, гарантировалось личное собеседование. Согласно заранее установленному порядку при собеседовании проводилось первое отсеивание неподходящих лиц, а оставшиеся проходили такую жесткую начальную подготовку, что многие не выдерживали, и их возвращали в свои части. И снова самым важным фактором оставалось время. Это видно из скорости, с которой были набраны 6000 солдат: все, кроме одного, из 12 подразделений коммандос численностью по 500 человек были сформированы к началу августа. Странное название «Наступательные операции» (Offensive Operations) заменили более подходящими словами «Объединенные операции» (Combined Operations), а командующим Черчилль назначил своего старого друга адмирала сэра Роджера Кейса. Командующий Наступательными операциями сэр Алан Бурн был генерал-адъютантом морской пехоты и, очевидно, не мог отдавать все силы созданию коммандос. Теперь же он согласился оставить морскую пехоту и стать заместителем Кейса. Они расположились в Ричмонд-Террас, Уайтхолл, отныне и до конца войны штаб-квартире Объединенных операций.

Сам Кейс был вдохновителем и героем одной из нескольких британских десантных операций в Первой мировой войне. В 1918

году, командуя Дуврским патрулем, он возглавлял рейды на германские морские базы в Зебрюгге и Остенде, эффективно препятствуя действиям немецких подводных лодок. Эти рейды историки впоследствии расценивали как классические операции коммандос. Позже Кейс стал командующим Средиземноморским флотом, а выйдя в отставку членом парламента (консервативная партия) от Портсмута.[5] Однако, имея взрывчатый характер, Кейс нажил немало противников в Уайтхолле. Даже сам Черчилль в апреле, во время норвежского кризиса, резко отклонил предложение Кейса лично возглавить особое подразделение для захвата Тронхейма письмом, которое начиналось так: «Дорогой Роджер… меня удивляет тот факт, что ты думаешь, будто этот вопрос не изучался людьми, которые точно представляют, какими ресурсами мы располагаем и какие опасности нас ожидают… я не имею права принять тебя на основании нашей дружбы».

Лорд Данглас[6] рассказывал, что на совещаниях, предшествующих назначению Кейса командующим Объединенными операциями, тот был «так возбужден… что говорил бессвязно и его вполне можно было неправильно понять». Роджер Кейс начал руководить Объединенными операциями в атмосфере недоверия и недостатка содействия со стороны консервативного высшего командования, к тому времени уже глубоко озабоченного исходом «битвы за Англию». Армия, военно-морской флот и военно-воздушные силы были развернуты для защиты британских берегов, кораблей и городов.

Однако даже в такой ситуации Кейс следовал пожеланиям Черчилля и посылал из Ричмонд-Террас категорические требования перевести проект на постоянную основу и проводить учения в условиях, обеспечивающих готовность коммандос к любым ожидавшим их опасностям. На северо-западе Шотландии в поместье лорда Ловата по личной инициативе группы офицеров, прежде служивших вместе в Норвегии в Шотландском гвардейском полку, уже был создан один учебный офицерский центр. Идея принадлежала майору Биллу Стерлингу. Он и его младший брат Дэвид, кузены Ловата, были хорошо знакомы с местностью, так как посещали поместье в течение многих лет. Им удалось добиться разрешения Военного министерства на организацию учебного центра в поместье Ловата, занимавшем 80 000 гектаров и включавшем шесть оленьих заповедников. Самого Ловата заранее послали реквизировать всю земельную собственность близ города Форт-Вильям. Вместе с Биллом Стерлингом, как главным инструктором, они открыли курсы личного состава для младших офицеров. Курсанты начали прибывать в первую неделю июня 1940 года. Их базой стал замок

Инверэйлорт в 25 милях к западу от Форт-Вильяма. Это было большое квадратное здание, серое и мрачное, поднимающееся, словно призрак, из клубящихся предрассветных туманов. Построенное на берегу озера Лох-Эйлорт, оно открывало любые возможности для подготовки коммандос, включая и десантные операции под руководством военно-морского командира. Лорд Ловат предоставил охотников из своего поместья, великолепных стрелков и снайперов, в качестве гражданских инструкторов.

Через этот центр прошло множество офицеров, включая прославившихся впоследствии в операциях коммандос, таких, как Дэвид Стерлинг, в то время 24-летний второй лейтенант, и тогда 25-летний «Сумасшедший Майк» Калверт, один из великих зачинателей десантно-диверсионной войны. Среди его подвигов — помощь знаменитым формированиям «Чиндит» генерал-майора Орда Уингейта в Бирме, сотрудничество с САС (Special Air Service Regiment, полком специальной авиадесантной службы) Стерлинга. Калверт часто повторял слова, запавшие в души многих добровольцев десантно-диверсионных частей: «Главная работа солдата убивать людей. Как десантники, вы ничего не добьетесь одним своим присутствием. Ни одна регулярная армия ни одного государства не станет по-настоящему бояться десантников, пока не увидит результаты их действий: взорванных мостов, убитых солдат, попавшего в засады транспорта».

Центр имел огромный успех. Роналд Суэйн, к тому времени служивший в отряде коммандос № 1, вспоминал:

«Проект коммандос притягивал очень странных личностей. Некоторые были чрезвычайно полезными людьми, впоследствии прекрасно проявившими себя в войне. Некоторые были просто абсолютными чудаками, для которых учебный центр становился чем-то вроде родного дома. Коммандер Мюррей Левик пытался заставить нас питаться одним пеммиканом. Мы притворялись, что живем на пеммикане, однако часто после ужина ускользали в деревню и лакомились олениной. Некоторые из этих чудаков творчески подходили к учениям и, по моему мнению, помогали становлению окончательного характера коммандос».

Возвращающиеся из центра офицеры рассказывали о всесторонних испытаниях физической и психической выносливости. Роджер Кейс слышал эти разговоры и, став командующим Объединенными операциями, организовал Объединенный учебный центр десантных боевых действий в Инверэри. Тем временем Уинстон Черчилль не прекращал давление, что видно из его меморандума Энтони Идену от 25 августа:

«Если мы вообще собираемся воевать в 1941 году, операции

должны быть десантными. Наверняка найдется немало возможностей для внезапных десантов легко вооруженных мобильных частей, привыкших действовать, как свора гончих псов, а не нудно маршировать, как, по их мнению, требуют приличия. Регулярные войска, обремененные сложной боевой техникой, транспортом и коммуникациями, трудно использовать в любой операции, где жизненно важным является время. Следовательно, мы должны развивать штурмовые отряды или коммандос. Я запросил 5000 парашютистов, и нам также необходимы, по меньшей мере, 10 000 членов маленьких «братств» (bands of brothers), способных на молниеносные боевые действия. Только таким образом мы сможем впоследствии сформировать более масштабные регулярные боеспособные части».

Черчилль старался не напрасно, даже его собственный сын Рандолф немедленно вступил добровольцем в коммандос. Джеймс Шервуд из Саутпорта в графстве Ланкашир, мотоциклист связи RAMC, развозивший приказы по Кенту, тогда же добровольно записался в «особые части» и в конечном счете оказался в 8-й роте отряда коммандос № 8, сформированном в Виндзоре капитаном Годфри Николсоном. Шервуд вспоминал:

«В октябре 1940 года мы оказались в сложной ситуации. В то время каждый отряд коммандос тренировался по собственному разумению. Все началось с отсеивания тех, кто не мог выдержать темп. В первые же сутки мы выстроились в полной боевой выкладке: винтовка, респиратор, каска и прочее снаряжение. Нами командовал Рандолф Черчилль, считавший нас толстыми и непригодными личностями, но сам доказавший, что способен на все, что должны делать мы. Я помню, как пот ручьями лил с него. Во время быстрого марша, почти бега, думаю, он потерял не меньше стоуна (6,35 кг). По-моему, он хотел довести скорость марша до семи миль в час, что при полной выкладке задача сложная, особенно для людей из частей, как моя собственная, которые большую часть войны просидели в автомобилях.

В течение почти часа мы сломя голову неслись на север по дороге вдоль озера с Рандолфом во главе. Потом, после короткой передышки, повернули назад и помчались с той же скоростью. Те, кто не выдерживал, падали на обочину, а на следующий день их отправили в свои части, и мы их больше не видели. Остальные просто корчились от боли. Рандолф, все еще истекающий потом, заорал: «В ногу». Какой-то бунтарь завопил в ответ: «Отвали!» Вот таким был наш первый день».

Подобная подготовка в конце концов утвердилась во всех отрядах, хотя на той стадии режим был весьма простым:

форсированные марши и большие физические нагрузки. Пока организовывались столь необходимые полигоны для обучения младших морских офицеров маневрированию десантно-высадочными судами в Уорвошс (Warwash) на реке Хэмбл (Hamble River) и в районе Портсмута, коммандос проходили начальную подготовку в разных пунктах по берегам залива Ферт-оф-Клайд. Кажется невероятным, однако специальный учебный центр для коммандос открылся лишь в феврале 1942 года.

А до тех пор учения проводились в соответствии с требованием момента, и каждое подразделение само несло ответственность за подготовку. О бойцах 8-й роты отряда № 8 можно добавить, что на борту десантновысадочного корабля «Гленгайл»[7], незадолго до того приобретенного частями коммандос, они поднялись по Клайду до Гурока, откуда были переброшены в Ларгс на отдаленное побережье шотландского графства Эршир. Горожане, прежде никогда не видевшие солдат, теперь, в соответствии с приказом, предоставляли коммандос жилье. Коммандос расквартировывались по три-четыре человека. Как вспоминал Джеймс Шервуд: «Семьи из кожи вон лезли. Им все казалось, что они делают для нас недостаточно, и ухаживали за нами, как за родней».

Коммандос жили и тренировались в этом приморском городке около месяца, а затем их перебросили на остров Арран и снова разместили в домах в деревне Ламлаш. Однако плохие новости догнали их и здесь. Снова обратимся к воспоминаниям Шервуда: «Через день или два после прибытия сюда Годфри Николсон, командир 8-й роты, собрал нас и сообщил, к нашей ярости, что командование 8-го отряда считает наш уровень подготовки недостаточно высоким. Это означало для нас одно: возвращение в свои части. Все очень разозлились, так как полагали, что за подготовку отвечают офицеры. Многие на плацу ругались, что в других обстоятельствах обернулось бы против них».

По воле судьбы в то время в Ламлаше оказался лейтенант Роджер «Джамбо» Кортни, общительный и довольно известный человек. Он только что получил разрешение подполковника Боба Лейкока, командира 8-го отряда коммандос, на формирование экспериментального отделения «Фол-боут Секшн» («Folboat Section»). Кортни, сумасбродный и предприимчивый, которому на тот момент было 40 лет, между войнами успел побывать профессиональным охотником на крупную дичь и золотоискателем, а в 36 лет женился. Вместе с женой Доррис в двухместной складной байдарке, именуемой «Баттеркап» («Лютик»), он на веслах спустился по Дунаю. В другой раз он

прошел на веслах по Нилу от озера Виктория до устья всего лишь с мешком картошки и острогой. Кортни убедил Роджера Кейса в результативности тайных атак коммандос, перебрасываемых на байдарках, организовав учебный налет на «Гленгайл». Насквозь промокший, он ворвался в помещение, где проходило совещание высшего командования, и в доказательство того, что проник на корабль незамеченным, бросил на стол кобуру. В результате и было сформировано байдарочное отделение «Folboat Section», ставшее трамплином для создания СБС, «Спешиэл Боут Сервис» (байдарочные штурмовые и разведывательные подразделения, созданные королевским флотом и корпусом морской пехоты), существующих до сих пор под знаменем Королевской морской пехоты.

Джеймс Шервуд и полдюжины разгневанных солдат расформированной 8-й рота отправились к Кортни в его штаб-квартиру в Ламлаше. Большая часть этой группы была принята и вместе с другими, всего 12 человек, составила основу безрассудно отважной команды «Folboat Section». Они отправлялись в рейды на подводных лодках, пересаживались в байдарки, гребли к берегу и, высадившись на вражеской территории, взрывали жизненно важные сооружения, совершали другие диверсии. Не все возвращались из этих рейдов. Еще несколько человек из 8-й роты, включая Рандолфа Черчилля, остались в 8-м отряде коммандос, впоследствии отправленном на Ближний Восток.

Глава 3. ЛУЧШИЕ РЕЗУЛЬТАТЫ

Идя навстречу пожеланиям Черчилля, в начале октября началась реорганизация отрядов коммандос. Остатки отдельных рот, используя выражение лорда Ловата, все еще «удрученно сидевшие по грязным палаткам в горных долинах», объединившись с отрядами коммандос № 5,6 и 11, укомплектовали три десантно-диверсионных батальона (Special Service Battalion). Каждый батальон состоял из двух рот по 500 человек, каждый формировался из уже существующих отрядов коммандос. Затем из отрядов коммандос № 3, 4, 7 и 8 набрали еще два батальона. Реорганизация завершилась в начале ноября созданием Бригады специального назначения.

Перемены означали окончательное исчезновение отдельных рот. Процесс их расформирования вызывал горечь у людей, отправленных в свои прежние подразделения. Это настроение отражено в дневнике майора Билла Копланда, покинувшего Отдельную роту № 4: «Итак, в новую структуру берут сливки Отдельных рот, рожденных в неразберихе, выстрадавших хаос Норвегии, терявших драгоценное время дома, когда другие части проваливали дела, в которых они преуспели бы… Надеюсь, что новое командование будет достойнее того, что контролировало их судьбы в Норвегии».

Роналд Суэйн признавал трудности момента:

«Мы избавились от офицеров и солдат, которых считали недостаточно подготовленными, негодными из-за плаксивости или пьянства, и тех, кто нам просто не нравился. Структура коммандос становилась похожей на закрытые клубы. Когда у нас появлялась вакансия, мы просто обращались с предложениями к полковнику. Решение принималось, как в системе черного шара при баллотировке, и у каждого подразделения были свои особенности. Офицеры, сержанты, рядовые всех отрядов отбирались очень тщательно. Мы, большинство из нас, были хорошо развиты физически, занимались спортом и теперь наслаждались долгими пробежками по горам, что приходилось делать очень часто. Нам ничего не стоило пробежать 20–30 миль в день по пересеченной местности, и мы стали еще сильнее».

Был еще один интересный результат призывов Уинстона Черчилля к созданию многоцелевых, повсюду проникающих частей. Кроме коммандос, Черчилль потребовал сформировать парашютно-десантный полк численностью, по меньшей мере, в 5000. Первоначально предполагалось, что руководить его созданием будут ВВС, но они все силы отдавали «битве за

Англию». Не хватало самолетов для бомбардировок, не говоря уж о том, чтобы предоставлять самолеты парашютистам. Поэтому проект был передан армии, а ВВС должны были предоставить инструкторов. В результате отряд коммандос № 2 составил ядро первого парашютного подразделения Британии под названием 11 — й специальный воздушно-десантный батальон (11 Special Air Service Battalion). Коммандос передислоцировались в Рингуэй около Манчестера, где строился первый национальный парашютный учебный центр. Впоследствии батальон переименовали в 1-й парашютный батальон, позднее Парашютный полк, а название «специальный воздушный» подхватил молодой отчаянный офицер Дэвид Стерлинг, по мнению многих, слишком честолюбивый, однако создавший САС (Спешиэл Эйр Сервис). Итак, за несколько месяцев из личной заинтересованности Черчилля и идеи десантно-диверсионных частей родились четыре еще не оперившиеся, но жизненно важные структуры, которым предстояло решительно повлиять на исход войны и изменить мышление военных на остаток столетия: коммандос, Парашютный полк, Спешиэл Боут Сервис (СБС) и Спешиэл Эйр Сервис (САС).

К новому году решения все еще принимались вслепую, методом «тыка». В январе подполковник Боб Лейкок получил приказ немедленно собрать соединение, официально называемое «Отряд Зед» (Force Z). Передвижения были засекречены: не допускалось никакой утечки о месте назначения. Высшее военное командование (Chiefs of Staff) приняло решение захватить остров Родос, чтобы обеспечить Британию промежуточным аэродромом в восточном Средиземноморье. В группу из 100 офицеров и 1500 рядовых и сержантов вошли представители отрядов коммандос № 7, 8 и 11, взвода из отряда коммандос № 3 и взвода СБС Роджера Кортни. Войска отплыли с острова Арран 31 января на кораблях коммандос «Гленрой» и «Гленгайл». Уже в пути Лейкок получил сообщение Военного министерства о переименовании его отряда в «Лейфорс» и о том, что отныне категорически запрещается произносить слово «коммандос» в любом контексте. К ним должен был присоединиться третий корабль «Глен» — «Гленеарн» со специалистами из Мобильного соединения защиты военно-морских баз (Mobile Naval Base Defence Organisation), сформированного под покровительством Королевской морской пехоты за несколько месяцев до описываемых событий.

Десант должен был прибыть в Суэц в начале марта и соединиться с двумя другими отрядами коммандос — ближневосточными № 50 и 52, созданными в июне 1940 года на Ближнем Востоке, где уже появлялись симптомы надвигающихся

тяжелых времен. Однако мы еще вернемся к Лейфорс, а сейчас поговорим о тех, кто остался в Британии. Они, возможно и к лучшему, не подозревали о происходящем и жаловались на бездействие. Им предстояли многочисленные рейды в начале года, большинство из которых были отменены или прекращены в самом начале на стадии боевой готовности. Проводились учения к операции «Уоркшоп», высадке отряда коммандос на остров Пантеллерия у побережья Сицилии, и операции «Бриск», захвату Азорских островов. Ни одна из них не состоялась, однако в феврале был дан зеленый свет и коммандос стали планировать свой первый после провала десанта на Гернси рейд в Норвегию, в район Нарвика. Операция получила название «Клеймор», целью были Лофотенские острова, лежащие в 850 милях к северу от Оркнейских островов близ Нарвика. Эти острова имели очень важное значение для немцев, так как там находились нефтяные хранилища для обслуживания перевозок. Однако еще большее значение имели фабрики, перерабатывающие селедочные и тресковые вытяжки, из которых в больших количествах производился рыбий жир для самых различных целей, включая производство нитроглицерина, применяющегося в производстве взрывчатки. Фабрики поменьше производили рыбий жир в бутылках: витамины, предназначенные помочь немецким войскам выдерживать холода Заполярья.

Приказ был четким: взорвать нефтяные хранилища и любой попавшийся на пути вражеский транспорт, освободить узников, взять в плен предателей и привезти норвежцев, решивших вступить в базирующееся в Британии подразделение норвежских добровольцев. Никакой пощады и транспорту, перевозившему местные продукты под давлением немцев. «Продукты сжигать без угрызений совести» приказал лорд Ловат, назначенный в отряд коммандос № 4. В рейд отправлялись этот отряд и отряд коммандос № 3, по 500 человек каждый плюс 50 норвежцев. Из-за разногласий в Лондоне по поводу тактики начало операции дважды откладывалось, и десантники отплыли по Клайду через залив Скапа-Флоу на Оркнейские острова для учений, а затем на Фарерские острова для окончательного инструктажа и подготовки. Военные корабли «Куин Эмма» и «Принсесс Беатрикс», затемненные и битком набитые войсками, обремененные десантно-высадочными средствами, боролись с бушующим Северным морем. Многие солдаты, особенно новички, страдали морской болезнью. В водах, где часто появлялись немецкие подводные лодки, корабли конвоировались двумя эсминцами, а подводная лодка «Санфиш» ушла вперед, чтобы оказывать помощь в навигации. В Скапа-Флоу на борт поднялся

морской офицер-штурман, хорошо знавший эти воды. Никто вначале и не подозревал, что он один из уцелевших в катастрофе прошлой осени, когда авианосец «Ройал Оук» был торпедирован в заливе и погибло 800 человек.

Рано утром 4 марта 1941 года конвой достиг Лофотенских островов, и в мороз дюжина катеров начала перевозить на берег вооруженных до зубов десантников с зачерненными лицами по 35 человек в катере. Этому рейду предстояло стать самым крупным и успешным с момента основания коммандос, хотя они не встретили серьезного сопротивления. Первыми высадились разведчики и патрули, которым предстояло точно указать подрывникам расположение фабрик и хранилищ. Боевые патрули с тяжелым оружием заняли позиции на случай осложнений. Были реквизированы все транспортные средства, попавшиеся под руку. Одной группе из отряда № 4, например, достался старый грузовик из-под рыбы, и они водрузили на кабину ручной пулемет Брена. Лорд Ловат вспоминал о вскоре свалившихся на них неприятностях, с которыми, впрочем, они вполне справились:

«В темноте мы свернули в узкий проход между домами и налетели на колонну немцев. Норвежский офицер от изумления спустил курок, и револьверная пуля ударилась в приборную доску рядом с моим коленом. Кабина наполнилась пороховым дымом. Грузовик вильнул и ударился о парапет низкого моста… отчего пулеметчика и его второй номер выбросило на утрамбованный снег. Марширующие оказались невооруженными матросами немецкого торгового флота… один из них, посмелее других, закинул в ручей свой рюкзак».

В последовавшей потасовке одного немца, оказавшегося капитаном судна, сшибли через парапет в ручей. Ловат говорил, что пулеметчик в ярости оттого, что сломал зубные протезы, готов был пристрелить пловца, причем его подбадривали матросы, ненавидевшие капитана, ярого нациста. В конце концов капитана выловили из воды. Патрули вошли в город. К тому времени, через час после высадки, подрывники уже работали. Для Бернарда Дэвиса, молодого ветерана эвакуации из Дюнкерка, это был первый рейд с коммандос, к которым он присоединился через три недели после возвращения из Франции:

«После эвакуации из Дюнкерка 10-я пехотная бригада, в которой я служил, почти месяц стояла в Чичестере. Мы по горло были сыты происходящим: никакого оружия, достойного упоминания, муштра и тому подобное. И вдруг прибыл энергичный молодой офицер, объявивший набор добровольцев в войска специального назначения. Нас вызвалось человек двадцать. Офицер сформировал роту «В» отряда коммандос № 4,

и 5 июля мы все собрались в Уэймуте, где серьезно тренировались три или четыре месяца. Мы знали только, что будем участвовать в налетах на врага в прибрежных районах, и это нас, глупых юнцов, необыкновенно увлекало. Мы жаждали действий: надоело терпеть унижения. Моя рота полностью состояла из солдат регулярной армии, ребят, прекрасных во всех отношениях — высоконравственных, увлеченных. Они пришли из самых разных полков. Коммандос требовались всевозможные военные специалисты. Командиры были очень разборчивы. Кто не годился, того быстренько вышвыривали.

Лофотенский рейд был именно тем, ради чего мы записывались добровольцами, хотя должен сказать, что серьезного сопротивления мы почти не встречали. На острове размещались в основном части Люфтваффе, техники, и мы взяли в плен очень много немцев, уничтожили множество машин. Потерь было мало, во всяком случае с нашей стороны. Нескольких немцев мы убили, на мой взгляд, без всякой необходимости. Они все равно сдались бы в плен, хотя некоторые пытались бежать. Среди нас были и кровожадные парни, к счастью очень мало. Многие думают, что все коммандос такие, но это скорее исключение, чем правило. Может, кровожадных один из десяти, остальные вполне нормальные люди. Я мог бы убить довольно много немцев, но я спас их от смерти. Некоторые из наших парней при необходимости убили бы и раненых».

Как только норвежцы поняли, что пришли британцы, они вышли из домов и наблюдали за первыми взрывами фабрик. Когда солдаты вошли в зону администрации, местные указали на предателей, сотрудничавших с немцами (квислинговцев). Как вспоминал лорд Ловат, толпа патриотов, собравшаяся в гавани, разразилась аплодисментами. 315 норвежцев, в основном молодых мужчин и женщин с тощими рюкзаками за спиной, в лыжных брюках и ветровках, стремились в Великобританию, к свободе. Не отставая от десантников, они карабкались в катера, оставляя позади заснеженный остров, освещенный пылающими зданиями и пропитанный дымом горящей рыбы и нефти. В рапорте был подведен итог: взято в плен 216 немцев; арестовано 60 норвежских квислинговцев; прибыло в Англию 315 норвежских добровольцев; вооруженный вражеский траулер захвачен и приведен в Англию с командой, из которой 14 человек убиты или ранены; потоплено 11 кораблей (водоизмещением 22 000 тонн); взорвано 18 фабрик; 7 рыбных, масляных и нефтяных хранилищ сожжено дотла или взорвано, спасен один управляющий-англичанин.

Единственная потеря британцев — офицер из отряда

коммандос № 4, который беспечно сунул свой кольт 45-го калибра в карман и, поскользнувшись на льду, выстрелил себе в бедро. На обратном пути возбужденные десантники обменивались впечатлениями. Одна группа чуть не попала под обстрел артиллерии одного из своих же кораблей. Несколько солдат, обыскивавших административное здание, нарвались на двух немецких чиновников, мирно спящих в постелях. Открыв выстрелом запертую дверь, десантники увидели под одной из кроватей ночной горшок и выстрелили в него, не в силах справиться с искушением. Уже поднявшись на борт, сержант военной полиции Билл Читти, конвоировавший группу квислинговцев, нажав не на ту кнопку на своем пистолете-пулемете Томпсона (одном из двух, имевшихся в том рейде), дал очередь прямо между ступней своего командира Джона Дернфорд-Слейтера. «Поосторожнее с этими чертовыми штуковинами» — спокойно сказал командир.

На этот раз рейд заслужил детальных сообщений, которые так не нравились Черчиллю, когда не было реальных успехов. Хотя операция прошла без особых боев, ее значение стало очевидным после еще двух рейдов в Норвегию в 1941 г. В одном из них целью возвращения на Лофотенские острова был захват немецкого гарнизона, размещенного там после первого налета коммандос. 300 человек из отряда коммандос № 12 захватили гарнизон врасплох, взяли в плен и перебили множество немецких солдат, управившись за 24 часа. Вскоре, в конце декабря 1941 г., после пары переносов начала операции, еще более сложная миссия была поручена отряду коммандос № 3 при поддержке двух взводов отрядов № 2 и № 4. На этот раз целью был стратегически важный остров Ваагзе у входа в Нордфьорд, с объектами на Южном Ваагзе и острове Мелой, где находились нефтяные хранилища и размещался немецкий гарнизон. Как и ожидалось, для коммандос этот рейд оказался самым тяжелым.

Транспортные корабли с коммандос швыряло в бурном море. На этот раз высадку десанта прикрывали самолеты ВВС, сбрасывая дымовые бомбы и атакуя пикирующие с небес немецкие самолеты. Одно из десантновысадочных судов получило серьезную пробоину. В него ударила фосфорная бомба со сбитого немцами британского самолета. Отряд разделился на пять групп, каждая со своей боевой задачей. Местоположение хранилищ, которые предстояло взорвать команде подрывников, было разведано заранее, но они находились достаточно далеко. Майор Джек Черчилль, помощник командира отряда № 3, вел своих людей к берегу в свойственной только ему манере: играя на своей знаменитой волынке и вращая над головой клеймором

(палашом шотландских горцев). Каждой группе пришлось вступать в ожесточенные бои, часто сражаясь за каждый дом и врукопашную. Поскольку подрывники занимались своим делом, все происходило под грохот взрывов и освещалось ярким пламенем. В журналах Объединенных операций, в рамках которых проводился этот рейд, описывается один из боев коммандос отряда № 3:

«Нам приходилось пробираться по улицам, а снайперы, засевшие в пакгаузах, задерживали наше продвижение. Согласно приказу, мы должны были пересечь город и соединиться с другими частями. Нас вел в атаку капитан. Хотя дело продвигалось медленно, нам удавалось уничтожать снайперов. Один из наших сержантов получил три пули в спину от пропустившего нас вперед снайпера. Мы открыли огонь по окну, прикончили снайпера и бросились к следующему дому. Там засел упрямый немец. Капитан просунул голову в дверной проем и выстрелил одновременно с немцем. Оба промахнулись, и мы бросили ручные гранаты, много гранат. Фриц просто подошел к двери и уронил к нашим ногам две гранаты с рукоятками. Один из наших офицеров, уже раненный в плечо, вошел в дом с автоматом Томпсона. Фриц выстрелил, но офицеру удалось выбраться.

Тогда один из наших ворвался в дом и, разрядив магазин, прострелил фрицу бедро, однако тот скрылся в глубине дома. Тогда мы решили выкурить его, плеснули бензина, подожгли дом, и, когда фриц, наконец, вывалился на улицу, мы оставили с ним одного из наших.

Мы с боем пробирались от дома к дому, потеряли несколько человек и, наконец, оказались на другом конце города, где соединились с другими частями. Весь город был очищен, и сражение закончено».

На Ваагзе коммандос понесли свои первые серьезные потери: 17 убитых и 53 раненых. Они взяли 98 пленных и арестовали четырех предателей. Несомненно, рейд был успешным во всех отношениях, а особенно в выполнении своей главной цели: заставить Гитлера усилить немецкие гарнизоны в Скандинавии, ослабив войска в других частях Европы. Как указывал лорд Ловат, необходимо было создать условия, в которых Гитлеру и его командованию приходилось бы постоянно иметь в виду вероятность вторжения союзных войск в Норвегию. План сработал. Через неделю после рейда на Ваагзе Гитлер выпустил директиву, в которой утверждал, что «Норвегия является судьбоносной зоной в этой войне. Я требую беспрекословно подчиняться всем моим приказам и директивам относительно

защиты этого района». По рекомендации личного представителя Гитлера, совершившего инспекционную поездку по Норвегии, там были размещены еще три дивизии и оборудовано множество новых огневых позиций, прикрывающих подступы к фьордам и гаваням. Ловат отмечал: «Наши рейды заставили немецкое главное командование подчиниться директиве Гитлера и укрепить норвежское побережье… однако союзники так никогда и не вернулись в Скандинавию. В день высадки союзных войск в Европе, 6 июня 1944 года, немецкий гарнизон в Норвегии насчитывал 300000 человек. Дух захватывает, когда думаешь, как эти силы могли бы повлиять на боевые действия в Нормандии. В общем… Гитлер совершил огромную ошибку».

Глава 4. ОПЯТЬ ВСЕ НЕ ПО ПЛАНУ

Судьбы «Лейфорс» и коммандос, базировавшихся в 1941 г. в Соединенном Королевстве, сложились по-разному. Необходимо вспомнить, что объединенные отряды № 7, 8, 11 и взвод из отряда № 3 под руководством подполковника Боба Лейкока отправили на Ближний Восток для соединения с трсхсоттысячной британской армией под командованием генерала сэра Арчибальда Уэйвелла. Несмотря на успехи в Западной пустыне и пленение 100 000 итальянцев, Черчилль неоднократно критиковал явное нежелание Уэйвелла атаковать на других фронтах.

Уэйвслл отвечал, что уже связан задачей захватить итальянские Додеканезские острова и спланировать наступление на немецкую базу, расположенную на острове Родос, в начале следующего года. Высадка в Триполи 14 февраля 1941 г. немецкого Африканского корпуса генерала Эрвина Роммеля посеяла новые семена сомнения: смогут ли британские войска сохранить господство на Ближнем Востоке. Роммель получил приказ спасти войска Муссолини, потерпевшие серию унизительных поражений, и предотвратить вторжение британцев в Ливию. Переброска эскадрилий Люфтваффе на поддержку Африканского корпуса бросила вызов британским ВВС, эффективно контролировавшим воздух над ареной военных действий.

Хотя говорили, что Уэйвелл сам запросил «Лейфорс», однако, в свете некоторых свидетельств очевидцев, этот факт теперь вызывает сомнения. Безусловно, Уэйвелл поддерживал коммандос, уже доказавших свою эффективность в регионе, однако он использовал их далеко не в тех боевых действиях, для которых они формировались, то есть не как диверсионные части. Посылал ли ему кто-нибудь экземпляр учебника коммандос?

Результаты действий ближневосточных коммандос разочаровывали не менее, чем действия их коллег, оставшихся в Соединенном Королевстве. Три отряда коммандос, № 50, 51 и 52, были сформированы, по большей части, из опытных солдат регулярной армии, уже служивших в пустыне. Их долго не вводили в бой, а затем использовали в Судане, Эритрее и Абиссинии в составе более крупных соединений. Отряд № 50, размещенный на Крите в оборонительных целях, страдал от нехватки транспорта и необходимого вооружения. Если вспомнить, что коммандос формировали исключительно для десантно-диверсионных операций, то видно, что их использовали

далеко не по назначению.

Однако необходимо отдать должное дальновидности Уэйвелла. Именно он дал разрешение на создание нового соединения, которое в конечном счете было признано одним из первых и самых успешных в истории частей особого назначения, — пустынной группы дальнего действия ПГДД (Long Range Desert Group, LRDG). Группа была сформирована по инициативе военного инженера Первой мировой войны, а теперь майора, Артура Багнолда, одним из первых ратовавшего за мобильность воинских частей, базирующихся в пустыне. Багнолд доказал свою точку зрения еще в конце двадцатых годов. Служа в инженерных частях, он водил форд марки «Т» по пескам в то время, когда, по общему мнению, моторизованные войска можно было использовать лишь на дорогах. Багнолд вспоминал:

«Итак, когда разразилась война (в июне 1940 г.), я собрался с духом, составил докладную записку и попросил приятеля положить ее на стол командующему. Через полчаса за мной прислали. Уэйвелл был один… сидел в кресле. Он сказал: «Расскажите мне об этом…»

Я объяснил, что нам следовало бы иметь мобильные разведывательные подразделения… способные проникать в западные пустынные районы Египта… Не подумав, я сказал «пиратство в горной пустыне». — Вы будете готовы через шесть недель? — спросил Уэйвелл. — Да… при условии… — Знаю, знаю… будет противодействие, затягивание. Уэйвелл позвонил в колокольчик и продиктовал вошедшему генерал-лейтенанту: «… Любые требования, любые просьбы майора Багнолда должны выполняться немедленно и без вопросов». Записка была отпечатана и подписана Уэйвеллом».

ПГДД была сформирована, и через год, после нескольких успешных рейдов, Уэйвелл послал в Лондон следующую депешу:

«Я хотел бы воспользоваться возможностью обратить ваше внимание на маленькую группу людей, которые в течение прошедшего года оказали армии не бросающуюся в глаза, но бесценную услугу: на Пустынную группу дальнего действия. Она была сформирована майором (теперь полковником) Багнолдом для рекогносцировки огромной Ливийской пустыни на западной границе Египта и Судана. Маленькими колоннами группа проникла почти во все части Ливийской пустыни — пространства, по размерам сравнимого с Индией. Патрули не только доставали массу информации, но и нападали на вражеские укрепления, захватывали военнослужащих, транспорт и находящиеся на аэродромах самолеты на 800 миль в глубь вражеской территории. Они защитили Египет и Судан от налетов и заставили врага, в

предчувствии их действий, сковать значительные силы в обороне отдаленных постов. Участвуя в рейдах по обширным районам неизведанной пустыни, люди успешно переносили огромные физические нагрузки и высокие летние температуры, что было достигнуто тщательной организацией и очень высоким уровнем всей операции».

Хотя и не признанная подразделением коммандос, ПГДД была вдохновителем рейдов по пустыне и на сотни миль в тыл врага. Именно эту модель Дэвид Стерлинг, которому в ближайшем будущем предстояло сражаться в регионе в составе «Лейфорс», подхватит и модифицирует для своего САС. Фактически эта группа была единственной эффективной силой, действующей во вражеском тылу до прибытия «Лейфорс», ожидаемого с огромной надеждой. К сожалению, надеждам не суждено было оправдаться.

«Лейфорс» покинул Шотландию на кораблях под усиленной охраной 31 января 1941 года. Конвой сразу же направился в Северную Атлантику, чтобы оказаться вне досягаемости бомбардировщиков дальнего действия. Еще до того, как конвой повернул на юг, на него обрушилась вся мощь бушующего Атлантического океана. 11 марта после утомительного путешествия вокруг мыса Доброй Надежды «Лейфорс» прибыл в Александрию. В отряде находился младший капрал Джеймс Шервуд:

«Перед отправлением Лейкок произнес воодушевляющую речь… мы сразу попали в девятибалльный шторм, прочувствовав всю его мощь на корабле водоизмещением в 10 000 тонн. На шлюпбалках болтались десантные катера, а людям приходилось довольствоваться подвесными койками, прикрепленными к грузовым фиксаторам. Все это было сделано кустарно, как и туалеты: просто длинные ряды досок с дырами, под которыми струилась вода. Сидеть приходилось лицом друг к другу, очень примитивно, зато компанейски. В бурном море всем было так плохо, что уже не имело значения, с кем и в каких условиях ты разделял свое несчастье.

Конвой шел довольно быстро, хотя нам потребовалось недель пять, чтобы обогнуть мыс Доброй Надежды и добраться до Суэца, где на нас тут же набросились миллионы мух. Вначале мы базировались в Генейфе на берегу Большого Горького озера. Дряхлые палатки, очень простое снаряжение, никаких удобств, ни душа, ничего подобного. Через пару дней налетела песчаная буря, продлившаяся около 24 часов. Мы задыхались, ветер срывал палатки, засыпая песком нас и наше снаряжение. Все, что нам оставалось, — просто не высовывать головы из-под одеял.

Так мы провели около недели, без энтузиазма маршируя по пескам. Затем двое из нас во главе с Роджером Кортни двинулись на военно-морскую базу в Кабрит на другом конце озера. Там к нам присоединился капитан-лейтенант Найджел Уилмотт».

Найджел Клогстоун Уилмотт, тридцатилетний старший штурман военно-морского флота, разрабатывал планы морского десанта на Родос. Как ветеран прошлогоднего поражения при Нарвике, когда британцы понесли большие потери на скалах и отмелях норвежского побережья, Уилмотт прекрасно понимал, что многие корабельные штурманы, в недалеком прошлом гражданские лица, в лучшем случае, имели любительский опыт навигации. Уилмотт выдвинул серьезные аргументы в пользу предварительной рекогносцировки острова, Лейкок согласился и дал ему в помощники Кортни. Под покровом темноты Уилмотту и Кортни предстояло на подводной лодке «Триумф» добраться до места милях в двух от Родоса, а затем на байдарках подгрести к острову. Оснащенные автоматами, пистолетами-пулеметами Томпсона, ручными гранатами и термосом кофе с коньяком, они должны были разведать возможные места высадки на Родос для «Лейфорс» и следовавших за ним основных сил. Джеймс Шервуд получил задание оказывать поддержку двум разведчикам:

«После нескольких ночей скучных пробежек и учений мы отправились в путь и пару дней добирались до прибрежных вод Родоса. Я никогда в жизни не бывал на подводной лодке, и мне было очень интересно. Подлодки всегда казались мне довольно романтичными, но теперь я понял, что это не так. Я не должен был высаживаться на берег. В мои обязанности входило поддерживать обе байдарки в рабочем состоянии, присутствовать на корпусе лодки при их спуске на воду и возвращении. Когда пришло время отправляться в разведку, было темно, хоть глаза выколи. Во время спуска с подлодки разведчики сидели в байдарке, а когда байдарка оказалась в море, начали грести. С виду простое дело, но в действительности далеко не так».

Кортни и Уилмотт скользили под безлунным небом в поисках подходящих мест высадки для «Лейфорс», отмечая жирным карандашом на грифельной доске такие данные, как глубины прибрежных вод и расположение скал. Наконец Уилмотт отправился на берег. Огибая вражеские караулы, он составлял карту территории и дорог. Уилмотту удалось добраться до «Отеля роз», штаб-квартиры немецко-итальянских войск. Он ползал по лужайке в 60 метрах от отеля, пытаясь получить представление о вражеском контингенте. На следующую ночь он и Кортни провели разведку побережья к югу от города Родос, и на этот раз Уилмотт перерезал колючую проволоку, чтобы попасть к основному шоссе.

В третью ночь они проводили рекогносцировку берега через перископ «Триумфа», а в четвертую и последнюю снова отправились на остров. Кортни поплыл к берегу, а Уилмотт в байдарке направился вдоль берега, затем он должен был вернуться и подобрать Кортни, найдя его по тусклому световому сигналу карманного фонарика. Однако Кортни попал в беду, причем в тройную. В воде у него начались сильные судороги, и когда он корчился на берегу от боли, то привлек внимание брехливой собаки, и, в довершение, у него сломался фонарик. Уилмотту все же удалось найти Кортни и забрать его всего за несколько минут до появления вражеского патруля. Если бы Кортни схватили, то без сомнения пристрелили бы на месте. Эта разведка была первой такого рода, и за нее обоих разведчиков наградили орденами: Уилмотт получил «За боевые заслуги», а Кортни — «Военный крест». Тщательное составление карт потенциальных мест высадки десанта позднее станет одной из важнейших задач самой секретной структуры — лоцманских отрядов Объединенных операций, КОПП (Combined Operations Pilotage Parties, COPP), созданной на более поздней стадии войны для помощи крупным силам вторжения и возглавленной самим Уилмоттом. Структура была настолько засекречена, что о ее существовании стало известно лишь через двенадцать лет после окончания войны.

Однако в данном случае вся опасная работа, выполненная Кортни и Уилмоттом, оказалась бесполезной. Десант на Родос был отменен, хотя «Лейфорс» уже подготовился к рейду. Африканскому корпусу Роммеля удалось оттеснить Уэйвелла за порт Тобрук, а Гитлер тем временем приказал начать вторжение в Грецию, и немецкие войска вот-вот должны были высадиться на Крите и Родосе. Уэйвелл начал обращаться с «Лейфорс» так же, как с ближневосточными коммандос. Рейды постоянно назначались и затем отменялись; разочарование переросло в гнев; воцарились смятение и хаос. Использование не по назначению, плохое планирование и чистое невезение положили начало уничтожению, а последующие события потрясли всю структуру коммандос, включая и тех, кто в то время находился в Британии. Джеймс Шервуд кипел от злости даже спустя полвека:

«Очень скоро десантники «Лейфорс» обнаружили, что на самом деле никому не нужны, причем узнали это от самого генерала Уэйвелла, который вроде бы и не рад был тому, что под его командованием оказалось подразделение коммандос. Уэйвелл выразился очень вежливо: «Я не знаю, почему вас сюда прислали». Очень обидно, ведь в его распоряжении были три полностью укомплектованных отряда коммандос: добровольцев,

сильных духом и жаждавших действий. Мы были неприятно поражены и разочарованы, тем более что уже провели разведку Родоса. И вот, вместо радушного приема, сам командующий говорит нам, что не знает, почему мы здесь. А немцы в это время буквально стучались в парадную дверь.

Шокирующий результат: «Лейфорс» был частично расформирован и рассеян по Средиземноморью. Кое-кого послали в Тобрук, затем на Крит. Отряд № 11 понес значительные потери в боях против вишистов в южном Ливане, за границей территории, тогда называвшейся Палестиной. Такова история расформирования трех отрядов «Лейфорс», их возрождения в различных формах или возвращения в часть парней, не сумевших найти себе применения. Оказавшийся не у дел, Дэвид Стерлинг создал из остатков «Лейфорс» САС, а Роджер Кортни, благодаря лишь собственному упорству, сумел отвоевать нишу для СБС».

Краткий отчет Шервуда несколько уводит нас в будущее. Странное нежелание использовать «Лейфорс» для операций, к которым их готовили, причем в обстоятельствах, словно взывающих к их применению, было очевидно с самого начала. В новом наступлении Роммель отвоевал большую часть территорий, захваченных Уэйвеллом у итальянцев. 11 апреля «Лейфорс» поручили провести детальную рекогносцировку береговой линии Западной пустыни силами десанта из 200 человек. Отряд № 7 поднялся на «Гленгайл», но едва коммандос успели отплыть, как приказ изменился: теперь они должны были пощипать немцев в Бардии и заливе Бомба. Затем рейд в Бомбу был отменен, и коммандос отправились в 250-мильное плавание вдоль побережья. Конвой состоял из корабля коммандос, сопровождающего крейсера ПВО и трех австралийских эсминцев. В этой дорогостоящей операции Лейкок надеялся показать своих людей с самой лучшей стороны.

Ночью 20 апреля, как только конвой прибыл в намеченный для рейда район, планы снова начали рушиться. Байдарочная команда (folboat team) Роджера Кортни должна была прибыть заранее на подводной лодке «Триумф», чтобы обеспечить навигационные ориентиры, однако подлодке, по ошибке атакованной британскими самолетами, пришлось круто развернуться, и байдарки Кортни были повреждены. Тем временем на «Гленгайле» заело механизмы, и спуск десантно-высадочных судов затянулся на два часа. Как ни странно, враг не появился. Данные разведки оказались далекими от действительности. Десантники разбились на три группы, каждая со своей целью, однако большинства хранилищ, намеченных к взрывам, вообще не существовало, другие же не представляли

никакого интереса. Фактически удалось лишь взорвать мост и поджечь принадлежавшую итальянцам свалку шин. Затем десанту пришлось вернуться, чтобы конвой смог отплыть до рассвета.

При отходе случайным выстрелом своего же патрульного был смертельно ранен офицер. Одно подразделение перепутало место сбора, и 67 человек были схвачены немцами. Одно из десантных судов оказалось поврежденным, и «Гленгайл» ушел без него. Десантникам все же удалось выйти в море и через три дня добраться до Тобрука. Первый рейд коммандос можно назвать комедией ошибок, и самой глупой была их отправка в Бардию на такое короткое время, что они практически ничего не успели сделать. Далее они не раз попадали в подобные ситуации: готовились к рейдам, которые в итоге отменялись или приносили очень малую пользу. Чарльз Мессенджер в своем блестящем отчете отметил, что когда во время падения Греции и Крита «Гленгайл» был передан регулярным войскам, на одной из палуб нашли надпись: «Никогда за всю историю человечества столь малое не было испорчено столь многими».

Мессенджер говорил, что по возвращении с Ближнего Востока сам Лейкок в одной из своих лекций подтвердил это мнение: «Я думаю, большинство из нас представляло, что условия на Ближнем Востоке будут сильно отличаться от старой практики, что больше не придется работать до седьмого пота ради операций, которым не суждено состояться. Могу заверить вас… если только это возможно, что было еще хуже».

Умирание «Лейфорс» как боевой единицы с собственным командованием началось в конце апреля с падением Греции, когда союзникам после жестоких боев, в которых были разбиты австралийские и новозеландские части, пришлось отступить. К тому времени расшифровки «Энигмы» раскрыли немецкий план грандиозного вторжения на стратегически важный остров Крит.

Черчилль приказал Уэйвеллу послать подкрепления и орудия, однако командующий телеграфировал, что может выделить только шесть танков, шестнадцать легких танков и восемнадцать зенитных орудий, хотя после падения Греции союзный контингент на острове, укомплектованный британцами, австралийцами и новозеландцами под командованием генерала Бернарда Фрейберга, был доведен до 30 000 человек. Черчилль, благодаря расшифровкам «Энигмы», видевший немецкий приказ, явно сомневался, что британцы располагают достаточной для сражения огневой мощью: Фрейбергу отчаянно не хватало тяжелого вооружения, в большинстве своем брошенного при отступлении из Греции. Худшие опасения Черчилля оправдались утром 20 мая, когда, как предсказывала «Энигма», в воздухе

загрохотали немецкие пикирующие бомбардировщики и штурмовики, интенсивно обстреливая позиции союзных войск. Волна за волной следовали воздушные налеты и высадки десанта. Самолеты Ю-52 тянули огромные планеры ДФС-230, набитые войсками, грузовиками и орудиями. Совершенно неожиданно началось самое крупное в военной истории воздушное вторжение.

К вечеру на остров были высажены и сброшены 5000 немецких десантников и началось сражение, на тот момент собравшее больше всего жертв. За несколько часов численность немецких парашютных и горных войск достигла 22 040 человек. Немецкий десант встретил яростное сопротивление союзных войск, чьи силы немецкая разведка явно недооценила, и все же Фрейбергу с самого начала крайне не хватало тяжелой артиллерии, а самое страшное — практически не было поддержки с воздуха, и массированные бомбардировки немцев безостановочно продолжались пять дней.

Отряды коммандос № 7 и ближневосточных коммандос № 50, теперь соответственно батальоны «A» и «D», попали в этот смерч около полуночи 26 мая. Ими командовали сам Боб Лейкок и — в качестве офицера разведки — очень раздражительный капитан морской пехоты Ивлин Во[8]. Коммандос отплыли из Александрии на трех эсминцах и направились к месту высадки недалеко от Селино Кастелли. Штормовое море, однако, не позволило воспользоваться катерами для доставки коммандос на берег, и капитан ВМС, опасаясь, что его корабли пустят ко дну, решил вернуться в Александрию. Коммандос доставили в Суда Бей две ночи спустя на минном тральщике, бросившем якорь так близко к берегу, как только было возможно. Еще до завершения маневра от берега к кораблю рванулись всевозможные маленькие суденышки. Какой-то заляпанный грязью морской офицер, поднявшись на борт, выкрикнул: «Там кровавый хаос. Армия отступает по всему фронту. Мы эвакуируемся». — Ну, огромное спасибо за информацию, — сказал случайно услышавший это Фредди Грэм. — Мы как раз туда собираемся».

Коммандос явно еще могли пригодиться в кипевшем вокруг сражении. Как после войны отметил Фрейберг в письме к Черчиллю: «Мы были разбиты, но лишь после самого жестокого в той войне сражения. В районе Суда Бей осталось больше 4000 немецких могил и, думаю, столько же наших, большинство погибло под 500-фунтовыми бомбами». Коммандос должны были прикрыть отход войск к местам эвакуации, и им пришлось быстро выдвигаться на свои позиции под непрерывным воздушным и артиллерийским обстрелом. Батальон «D» разместился на гребне горы в шести милях к востоку от места высадки и на следующее

утро передвинулся на двенадцать миль к югу, посчитав новую позицию более выгодной для прикрытия отступающих войск. В то же время батальон «A», занявший позиции пехоты вместе с двумя танками из 7-го батальона Королевского танкового полка и отрядом новозеландцев, отражал упорное наступление немцев. Теперь они сами, будучи отрезанными от места эвакуации в двенадцати милях за ними, оказались в опасной ситуации. Батальон «A» был рассеян, и Лейкок начал медленный отход, правда, только после того, как обеспечил путь к отступлению сотням солдат союзных сил.

Батальону «D», находившемуся высоко на горе, вскоре предстояло столкнуться с быстро приближающимися механизированными немецкими частями. Танкисты явно заметили позицию батальона «D» и обрушили на них тяжелые снаряды. Коммандос пришлось отойти, и тут началось настоящее светопреставление. Появились пикирующие бомбардировщики «Штука», и над британскими войсками зажегся осветительный снаряд. Повсюду падали люди, многие искали укрытия. Затем батальону «D» пришлось выдержать лобовую атаку двух батальонов немецкой 5-й горно-стрелковой дивизии. Сражение кипело в течение часа, затем немцы отступили, чтобы дождаться подкрепления. И опять с помощью 2/8-го австралийского пехотного батальона[9] их удалось задержать. Батальон «D» потерял 18 человек.

Отход войск продолжался, и батальон «D» сам начал потихоньку отступать к берегу. Фрейберг эвакуировался днем 29 мая, оставив приказ войскам сдаться, чтобы избежать дальнейших потерь. К тому времени стало ясно, что военно-морской флот, также потерявший много людей и кораблей, больше не мог выдерживать сокрушительный обстрел. Приказ о капитуляции был продиктован старшему офицеру штаба бригады Фредди Грэму генералом Уэстоном. Покидая остров, Уэстон приказал Лейкоку, Грэму и Во подняться на последний катер. Они подчинились, бросив на произвол судьбы большую часть своих уцелевших солдат. Вместе с тысячами других военнопленных оставшимся на острове коммандос предстояло просидеть в немецких концлагерях следующие четыре года. Видя, как отплывают последние лодки, британские солдаты от негодования, стыда и гнева разбивали свое оружие. Цена поражения оказалась высокой: 4000 союзных военнослужащих было убито, 2500 ранено и более 11 000 попало в плен.

Из двух полных батальонов «Лейфорс», отправившихся на Крит, вернулись лишь 23 офицера и 156 рядовых и сержантов. Пока остатки двух батальонов плыли назад, третий — батальон

«Си», бывший отряд коммандос № 11, по приказу Уэйвелла оборонял Палестину. Черчилля предупреждали, что французы-вишисты разрешили немцам пользоваться своими аэродромами и средствами технического обслуживания самолетов в Сирии и что ожидается полномасштабное вторжение. Уэйвелл был слишком занят на Крите, чтобы беспокоиться о Палестине, так что батальон «С» был предоставлен самому себе. Прибывшие на «Гленгайле» коммандос должны были помочь 7-й австралийской дивизии, сражавшейся с алжирскими частями французов. Капитан счел море слишком бурным для высадки, хотя солдаты готовы были рискнуть ради того, чтобы захватить врага врасплох.

Им не позволили это сделать, и в конце концов враг узнал об их появлении и подготовился. По пути на позиции коммандос пришлось провести несколько боев. Прибрежная дорога на подступах к Бейруту была хорошо укреплена, особенно на реке Литани. Согласно приказу, батальон «С» должен был захватить и удержать все переправы через реки для наступающих войск союзников. Однако еще до их появления самый важный мост был взорван. Батальон «С» провел пару ночей, окруженный во много раз превосходящими силами врага, казалось, перекрывшими все дороги.

К исходу первой ночи батальон потерял четверть своего состава. Их спасло то, что на следующий день австралийские саперы смогли навести понтонный мост, и с новым наступлением захваченная накануне в плен часть батальона «С» обнаружила, что ситуация кардинально изменилась: теперь те, кто захватил их в плен, сдавались в плен им. Изрядно потрепанный батальон отозвали на Кипр в гарнизон, что никому не доставило удовольствия.

Еще большее потрясение вызвали новости о том, что в начале августа «Лейфорс» подлежит окончательному расформированию, так как Уэйвелл считает его слишком дорогостоящим, а военно-морской флот, теряя корабли, все неохотнее соглашается на десантные операции. После нанесения коммандос смертельного удара Уэйвелл был переведен в Индию, а на его место был назначен генерал сэр Клод Окинлек, оказавшийся спасителем, по меньшей мере, некоторых безработных коммандос.

В это время Дэвид Стерлинг, повредивший спину при первом прыжке с парашютом (неправильно раскрылся купол), лежал в госпитале. Там он размышлял над тяжелым положением «Лейфорс», лейтенантом которого он еще оставался, и рассматривал возможности объединения коммандос с Пустынной группой дальнего действия и СБС Роджера Кортни, в данный момент проводившей диверсии и разведку за линией фронта.

Добавить сюда прыжки с парашютом — новое дело в британской армии, и вот вам задатки новых десантно-диверсионных частей. Стерлинг задумывал нечто еще более грандиозное и, неподвижно лежа на спине, записывал свои предложения, которые, как только выздоровел, отослал Окинлеку. Идея понравилась не только командующему, но и Уинстону Черчиллю. Премьер-министра не пришлось долго убеждать. Во время визита в Северную Африку Черчилль вызвал Стерлинга к себе.

В результате появилась команда единомышленников, куда вошли тактический гений капитан Пэдди Мейн, ирландский регбист с международной известностью, и лейтенант Джок Льюис, который по чистой случайности оказался на дороге в тот момент, когда с грузовика свалилась куча парашютов, предназначенных для Индии. Новое подразделение прыгало с самолетов, быстро передвигалось на грузовиках, танках и любом имевшемся в наличии транспорте, бросалось в бой впереди основных частей и наводило ужас на противника. Это были все те же коммандос, однако под другим названием и более универсальные. Так родился САС, в июле 1941 года получивший базу в Кабрите около Суэцкого канала. Первоначально они претенциозно назывались «Отряд «L» бригады Специальной авиадесантной службы», явно надеясь заставить немцев поверить в то, что у Британии появилась новая воздушно-десантная бригада.

Однако «Лейфорс», не имевший должного снаряжения и покровительства командования, хотя и был разрушен, еще не умер. Черчилль этого не допустил бы. Лейкок в июле вернулся в Англию, чтобы пожаловаться на то, как обращаются с его подразделением. Он пытался убедить Военное министерство не расформировывать, а возродить «Лейфорс». Рандолф Черчилль, несомненно, держал отца в курсе событий, так как Уинстон Черчилль, казалось, не прочь был согласиться. 13 июля 1941 года он написал генералу Исмею: «Я хочу, чтобы коммандос на Ближнем Востоке были воссозданы как можно скорее… с ближневосточными коммандос действительно дурно обращались и недооценивали столь важное подразделение».

Когда Лейкок вернулся, ему практически нечем было командовать. Его люди погибли, попали в плен, вернулись в свои части либо вступили добровольцами в такие подразделения, как Пустынная группа дальнего действия. Кроме отряда «Ь» (САС под командованием Стерлинга), остались лишь: штаб-квартира и учебно-запасная рота в Генейфе, 3-я рота, собранная из остатков «Лейфорс» — 53 человека из полутора тысяч полных энтузиазма и надежд десантников, отплывших из Глазго десятью месяцами

ранее, а также 51 человек из 4-й и 5-й рот плюс 6-я рота, она же СБС Роджера Кортни.

Все эти изменения происходили, когда Окинлек планировал так долго откладываемую операцию «Крестоносец», новое наступление 8-й армии с целью вернуть территории, захваченные корпусом Роммеля. Эта операция, на которой Черчилль настаивал с августа, должна была начаться в ночь с 17 на 18 ноября 1941 года. В ходе операции предполагалось вернуть Тобрук и Киренаику. Коммандос предстояло провести отвлекающий рейд: дерзкий, а по мнению некоторых, безумный маневр. Они должны были проникнуть глубоко в тыл противника и устроить хаос накануне операции «Крестоносец»:

1) убить самого Роммеля на его вилле, предположительно в Беда Лит-тория в 190 милях за линией фронта; 2) напасть на немецкий штаб, находившийся там же, взорвать телеграфные и телефонные объекты в том же районе; 3) взорвать итальянский штаб в Кирене и итальянский разведывательный центр в Аполлонии; 4) в ту же ночь провести вспомогательную отвлекающую операцию, атаковав силами отряда «L» Дэвида Стерлинга пять вражеских взлетно-посадочных полос между Газалой и Тмими — историческое событие — первый рейд в истории неоперившегося САС. Боб.

Лейкок должен был координировать эти операции, хотя его больше всего волновал рейд коммандос, как наиболее опасный. Этим рейдом командовал подполковник Джефри Кейс, сын адмирала сэра Роджера Кейса, командующего Объединенными операциями в Лондоне.

Коммандос должны были высадиться с подводных лодок в районе, уже обследованном командой СБС, включавшей лейтенанта Инглза и капрала Северна. За пару ночей до рейда подлодка «Торбей» доставила разведчиков в указанный район, затем они добрались до берега в байдарке и провели детальную разведку побережья. Там они также встретились с офицером британской разведки капитаном Джоком Хазелденом, загримированным под араба, который должен был подать сигнал к высадке десанта коммандос ночью 15 ноября. После полуночи десантники вышли в море на подводных лодках «Талисман» и «Торбей». Погода испортилась, но, несмотря на бурное море, приказ не был отменен. Пересадкой тяжело вооруженных десантников с корпуса подлодки в крохотные десантно-высадочные байдарки и шлюпки руководили люди из СБС и, как они и предсказывали, в подобных условиях процесс грозил затянуться навечно. Основная часть десанта, 36 человек, находилась на «Торбее». Вместо намеченных девяноста минут их

пересадка заняла семь часов, и уже казалось невозможным десантировать оставшихся восемнадцать человек с «Талисмана», хотя Лейкок с шестью подчиненными все же в конце концов добрался до берега. Он решил остаться на месте сбора с резервом боеприпасов, назначив командиром боевой группы Кейса.

Существовала еще одна проблема: сомнения в местонахождении Роммеля. Теперь предполагалось, что он находится в Сиди-Рафа, а не в Беда Литтория. Прибывшие с Хазелденом два араба подтвердили это, и Лейкок изменил направление атаки. Сократившаяся группа начала 18-мильный марш по вражеской территории в проливной дождь и грозу. Во время высадки все промокли до нитки, так что грязь и скользкие камни лишь усугубляли их мучения. На рассвете Кейс приказал своим людям укрыться в пещере. Там они провели весь день и снова отправились в путь с наступлением темноты, добравшись до цели в ночь с 16 на 17 ноября.

Итак, в 23.30 десантники прибыли к дому, где, как они предполагали, находился Роммель. Кейс расставил своих людей на ключевые позиции: трое должны были вывести из строя электрическую силовую установку, пятеро, рассредоточившись вокруг дома, — прикрыть все выходы, двое остались у соседнего отеля, чтобы никого оттуда не выпустить, а остальные прикрывали дорогу по обе стороны от дома Роммеля. К полуночи, проведя разведку, все заняли свои места. Не сумев войти в дом с заднего входа, как планировалось, Джефри Кейс и его отряд нагло подошли к тяжелой парадной двери и постучались. Капитан Кемпбелл, бегло говоривший по-немецки, потребовал впустить их, и в конце концов часовой открыл дверь. Кейс тут же набросился на него, но часовой, схватившись за дуло пистолета-пулемета Кейса, отступил к стене, так что Кейс не мог выхватить нож. Ни Кемпбелл, ни сержант Терри не могли подобраться достаточно близко, чтобы, как их учили, перерезать немцу горло. Понимая, что бесшумно избавиться от часового не удастся, Кемпбелл пристрелил его из револьвера.

Шум выстрела встревожил остальных немцев. Двоих, выскочивших на лестницу, Терри расстрелял из пистолета-пулемета. Из холла вело несколько дверей. Кейс осторожно приоткрыл первую: комната оказалась пустой. Открыв вторую дверь, из-за которой не раздавалось ни звука, Кейс увидел с десяток немецких солдат в стальных касках и, несколько раз выстрелив из револьвера, захлопнул дверь. Кемпбелл сказал, что бросит гранату, и выдернул чеку. Когда Кейс вторично открывал дверь, в него впились полдюжины пуль, и он упал, смертельно раненный, как раз в тот момент, когда Кемпбелл швырнул

гранату. Взрывом гранаты убило всех немцев, остававшихся в живых после выстрелов Кейса. Терри и Кемпбелл вынесли Кейса на улицу, и через несколько минут он умер.

Кемпбелл вернулся собрать своих людей и получил пулю в ногу, в кость, от нервного десантника, принявшего его за немца. Кемпбелла отнесли в безопасное место. Страдая от сильной боли, он приказал своим людям забросать оставшимися гранатами окна здания и немедленно отойти. Кемпбелл понимал, какую обузу он представляет, и велел бросить его.

Всего 18 человек вернулись на место сбора, где полковник Лейкок, коротая утомительные часы ожидания, читал найденный на подлодке и промокший при высадке экземпляр детской книжки «Ветер в ивах». Все направились к тому месту, где спрятали лодки, предварительно посигналив в море. Словно в сказке, «Талисман» поднялся из воды и подошел поближе к берегу, однако отряд Лейкока обнаружил, что лодки исчезли — все до единой. Правда, даже если бы они и нашли лодки, море было слишком бурным, чтобы ими воспользоваться. Лейтенант (впоследствии майор) Томми Лангтон, воевавший затем в СБС, так описывает последовательность событий:

«Мы с облегчением увидели на берегу условленный сигнал, однако из-за высоких волн не смогли спустить байдарку (folboat). Капитан (подводной лодки) решил послать лейтенанта Инглза и капрала Северна с едой и водой в запасной резиновой лодке, однако лодку смыло до того, как экипаж успел погрузиться в нее. Впоследствии десантники на берегу просигналили, что нашли эту лодку. Они не знали, что произошло с их собственными лодками. Капитан подводной лодки сигналами предложил десантникам попытаться на рассвете вплавь добраться до подлодки, находившейся в восьмистах метрах от берега. Однако среди них было достаточно людей, которые не смогли бы преодолеть такое расстояние, и тех, кто вообще не умел плавать».

Предложение было отклонено: десантники решили спасаться всем вместе или никому. Даже в темноте подводная лодка находилась в опасности и, не видя никаких возможностей спасти людей, капитан решил отойти в море и просигналил, что вернется на следующий день после наступления темноты. Лангтон продолжает:

«Мы снова ушли в море… и приблизились к берегу на следующую ночь вскоре после наступления темноты. Море было гораздо спокойнее… но на этот раз мы с разочарованием не дождались никакого сигнала с берега. Подождав немного, капитан решил послать меня и капрала Фриберри на разведку. Берег был пустынным… затем на склоне горы появился огонек

оговоренного цвета, но опознавательный сигнал был неправильным, что вызвало у нас подозрение. Мы прошли немного дальше и заметили какое-то движение. Вскоре послышался крик, однако мы ничего не обнаружили, а, поскольку довольно далеко отошли от нашей лодки и нас могли от нее отрезать, я решил немедленно вернуться и ждать».

Лангтон и Фриберри прождали несколько минут, но больше ничего не увидели и решили грести на своей folboat вдоль берега в направлении огонька. Лангтон включил фонарик, услышал крик, но не увидел ответного сигнала. Они снова высадились и в смятении обнаружили, что потеряли весло. Затем Лангтон заметил в кустах огонек сигареты и понял, что там враги. Британцы забрались обратно в лодку и повернули к субмарине, непростая задача с одним веслом и выполненная лишь благодаря необыкновенной силе стокилограммового капрала Фриберри.

Только позже прояснились все обстоятельства. На уцелевших десантников напали немцы; некоторых убили, других, пытавшихся добраться до британских оборонительных рубежей, взяли в плен, и как минимум пятеро были убиты арабами. Только двоим удалось добраться до базы в Александрии: подполковнику Лейкоку и сержанту Терри. Они добрались до своих в Рождество после поразительного пешего похода по вражеской территории и пустыне. Наверное, первое, что сказал Терри: «Слава богу, я больше ни слова не услышу о мистере Жабе». Лейкок явно развеивал скуку, читая вслух отрывки из «Ветра в ивах».

Джефри Кейс был посмертно награжден высшим военным орденом «Крест Виктории» за личную храбрость и командование отрядом. Десант понес большие потери, правда, не по своей вине. Катастрофическая разведка и весь рейд продемонстрировали, что еще многое предстоит сделать, дабы довести подготовку десантников до необходимого уровня, хотя даже самые яростные критики признали, что исход этой важной миссии был предрешен трагическим стечением обстоятельств. Людей бросили на произвол судьбы. Впоследствии стало ясно, что ценность намеченных целей была сильно преувеличена. Намеченные здания были всего лишь складами, а атакованный дом никогда не использовался Роммелем. Он всего лишь раз появлялся на вилле в Беда Литтория, первоначальной цели рейда. По иронии судьбы, Роммеля вообще не было в то время в Северной Африке. Он проводил уикенд в Риме.

Второй отвлекающий маневр, назначенный на ночь начала операции «Крестоносец», был не более успешным, хотя больше десантников осталось в живых. Плохая погода, сильные ветры и песчаные бури едва ли способствовали успешному парашютному

десанту, однако, посовещавшись со своими людьми, Стерлинг решил начать операцию. Десантникам, разделившимся на пять групп, предстояло спрыгнуть с бомбардировщика как можно ближе к намеченным взлетно-посадочным полосам и взорвать их, затем отступить туда, где их должен был ждать транспорт Пустынной группы дальнего действия. Каждая группа имела 60 зажигательных и разрывных бомб. Приближаясь к намеченному району, самолету пришлось лавировать, чтобы избежать огня вражеских зениток, поэтому при ветре скоростью 45 миль в час парашютисты приземлились в пустыне далеко в стороне от цели. Только дней через десять уцелевшие десантники начали возвращаться, 22 из 60 добрались до патрулей, выполнив задачу наполовину. Стерлинг злился на самого себя и клялся, что подобная глупость никогда больше не повторится. В следующий раз, обещал он, не будет упущено ни одной детали. САС развивались, однако «Лейфорс», как и всем ближневосточным коммандос, явно пришел конец. Они выстрадали всю тяжесть ухудшения ситуации в Северной Африке и Средиземноморье. Их швыряли из одной операции в другую, в высшем командовании у них было мало друзей, которые могли бы заступиться за них и использовать по назначению; боевые возможности коммандос недооценивались их командирами.

После катастрофы рейда, целью которого был Роммель, энтузиазм пошел на убыль. Хотя, ради умиротворения Черчилля, название «ближневосточные коммандос» сохранилось, люди растворились в войсках, отражавших наступление Африканского корпуса Роммеля. Дэвид Стерлинг тем временем расширял САС, используя многих уцелевших коммандос из «Лейфорс». Когда Черчилль посетил Ближний Восток с кратким визитом, Стерлинг обратился с просьбой передать ему руководство всеми десантными операциями в регионе, кроме операций Пустынной группы дальнего действия. Черчиллю понравился замысел, и он согласился.

План предполагал объединение с СБС, все еще находившейся, к огорчению некоторых ее людей, на Ближнем Востоке. Стерлинг переименовал СБС в Специальную лодочную роту (Спешиэл Боут Сквадрон) (Special Boat Squadron) САС и назначил командиром лейтенанта (лорда) Джорджа Джеллико из бывшего 8-го отряда коммандос. Новое подразделение провело несколько важных и дерзких операций на Ближнем Востоке и Средиземноморье, а его основатель, Роджер Кортни, вернулся в Англию, чтобы успеть сформировать СБС Mk II к началу операции «Торч» («Факел»), десанту в Северную Африку, уже запланированному на осень 1942 года. Тем временем САС, как целое, отправился в

собственное путешествие в историю, продолжавшееся еще долго после того, как на следующий год Стерлинг был предан, схвачен и провел остаток войны в плену.

Боб Лейкок был повышен в звании до бригадира и возглавил Бригаду специального назначения (Десантно-диверсионной бригадой) Ближневосточного командования, сменив отозванного в Лондон Чарльза Хейдена. Перемены происходили стремительно. Шестидесятисемилетний Роджер Кейс явно устал и скорбел о смерти своего сына Джефри. Он взрастил «Объединенные операции», но теперь ему нашли замену, и Хейдена назначили заместителем нового командующего.

Глава 5. ВЗРЫВ ТРОЯНСКОГО КОНЯ

Лорд Луис Маунтбеттен в развевающейся полушинели вихрем ворвался в Ричмонд Террас, штаб-квартиру Объединенных операций. Тщеславие, переполнявшее Маунтбеттена, подхлестывалось тем фактом, что его подвигам в Средиземноморье вскоре предстояло увековечиться в кинофильме «Там, где мы служим». Фильм был поставлен его другом Ноэлом Коуардом в 1942 году. Маунтбеттен стал героем дня, несмотря на то, что его корабль «Келли» уже трижды с серьезными повреждениями побывал в ремонтных доках. В двух из этих случаев причинами послужили ошибки, которые, по неохотному признанию Филипа Зиглера, личного биографа Маунтбеттена, сделали несчастливый корабль «посмешищем военно-морского флота».

Осенью 1941 года честолюбивый Маунтбеттен с удовольствием сменил Роджера Кейса на посту руководителя Объединенных операций. В рукаве он припрятал множество планов, хороших, плохих и откровенно безрассудных. Коммандос с надеждой восприняли это назначение, так как знали, что Маунтбеттен прекрасно понимает, чего хочет Черчилль. Действительно, Маунтбеттену предстояло стать вдохновителем и создателем целого ряда новых отрядов по принципу коммандос. Безусловно, многим десантникам предстояло погибнуть, но Маунтбеттен объяснил и это словами, самолично написанными для сценария Ноэла Кауарда о вымышленном корабле «Торрин» (под которым подразумевался его собственный «Келли», затонувший у Крита в мае, когда коммандос помогали эвакуации британских войск):

««Торрин» постоянно участвовал в военных действиях, но, даже когда мы теряли людей, большинство оставалось в живых и приводило старый корабль домой. Теперь «Торрин» лежит на глубине 1500 морских саженей с более чем половиной наших товарищей. Если им суждено было умереть, то какая величественная смерть! И теперь они лежат в хорошей компании, вместе с кораблем, который мы все любили. Мы потеряли «Торрин», но они остались с ним, и мы продолжим сражаться с еще большим мужеством. Каждый из нас теперь знает вдвое больше о войне, и у каждого из нас появилась еще более веская причина для хорошей драки. Все вы замените людей, погибших на разных кораблях, и, когда вступите в бой, помните «Торрин»».

Фильм, полный патетики и непревзойденной пропаганды, имел огромный успех, правда, многочисленные вдовы и сироты

придерживались другого мнения. Коуард получил «Оскара», а «Геральд Трибюн» отметила: «Никому еще не удавалось воссоздать человеческую трагедию с таким жестоким величием и сочувствием». Ну, человечество еще не столкнулось с более поздними драмами той войны.

Сам Черчилль выбрал Маунтбеттена на замену Кейсу, несмотря на достаточное число противников, особенно в среде высшего командования. Однако, не остановившись на полпути, весной 1942 года Черчилль объявил, что Маунтбеттену присваивается чин исполняющего обязанности вицеадмирала, его пост отныне называется «Начальник штаба Объединенных операций» (Chief of Combined Operations), и в этом качестве он получает «полное и равное членство в Комитете начальников штабов». Хорошая оплеуха всем оппозиционерам. Первый лорд Адмиралтейства (начальник главного морского штаба) сэр Дадли Паунд очень сильно сомневался в разумности подобного назначения и в письме к Черчиллю отметил, что могут подумать, будто: а) это было сделано по его совету, что противоречит действительности и он не может «взять на себя ответственность»; б) это было сделано вопреки его совету, что может создать впечатление, будто премьер-министр пренебрег его мнением; в) назначение состоялось потому, что Маунтбеттен — член королевской семьи, а это, несомненно, повредит его службе. В любом случае, заявил Паунд, королевский военный флот не поймет, почему «младший капитан перескочил через три звания и получил береговое назначение».

Черчилль, ни в коей мере не смущенный этими возражениями, объяснил: «Я хочу, чтобы он повлиял на ход войны в целом, на планирование в самом широком смысле, на сотрудничество всех трех родов войск… Объединенные операции в более широком смысле не только те специфические операции, которые будет выполнять его собственная организация». Затем Черчилль добавил, что готов вводить изменения постепенно, следить за результатами, и, зная склонность Маунтбеттена к саморекламе, запретил всякие связи с общественностью.

Маунтбеттен пытался объединить десантно-диверсионные операции с некоторыми из своих собственных теорий. Ему нравилась идея СБС и диверсантов-байдарочников Кортни. Он предусматривал соединение рейдов в стиле коммандос со всевозможными формами десантных операций, от двухместных байдарок до крупных десантов людей и техники.

Напомним, что к тому времени силы коммандос в Соединенном Королевстве состояли из отрядов № 1, 3, 4, 5, 9 и 12. Другие должны были вскоре пополниться наряду с

подразделениями коммандос Королевской морской пехоты и военного флота, наконец-то преодолевающими первоначальную нехватку финансирования, снаряжения и личного состава. Маунтбеттен обычно выслушивал замыслы, от которых отмахнулся бы любой другой на его месте, и, по свидетельству Зиглера, «чем безумнее был план, тем больше удовольствия он получал».

Маунтбеттен оказался именно таким человеком, в каком нуждались коммандос, человеком непоколебимого честолюбия и влияния, достаточного для того, чтобы возродить их и дать возможность выполнять самые сложные задачи. Коммандос влачили жалкое существование; в этом не было никакого сомнения: многие операции отменялись в самом начале, учения все еще были непродуманными и отданными на откуп отдельным отрядам. Хотя коммандос и были более подготовленными, чем солдаты регулярной армии, тренировки не соответствовали стоящим перед ними задачам. Из-за уныния, царившего среди коммандос, они готовы были простить Маунтбеттену даже то, что многие считали безответственностью: он посылал своих людей в рейды, в которых шансы на выживание были невелики с самого начала. На подобную критику Маунтбеттен отвечал, что «все они добровольцы», и это полностью соответствовало истине. Маунтбеттен задумывал более разностороннее применение коммандос, чем его предшественник, который, необходимо отметить, не имел поддержки командующих других родов войск, слишком занятых собственными проблемами, чтобы беспокоиться о чужих.

Маунтбеттен понимал, как трудно будет изменить мнение тех, кто не чувствовал необходимости партизанской тактики, а его самого считал нежеланным выскочкой. Однако он располагал достаточной поддержкой сверху, то есть Черчилля, чтобы получить все необходимое для возрождения коммандос. Во вновь созданном Исследовательском центре Объединенных операций (Combined Operations Development Centre) Маунтбеттен собрал команду из известных ученых и инженеров и молодых энергичных офицеров всех трех родов войск. Их задачей была разработка самых фантастических схем, устройств, приспособлений, которые могли бы пригодиться в боевых условиях. Из личных бесед с Черчиллем Маунтбеттен знал, что премьер-министру необходимы штурмы и диверсии по всему европейскому побережью, а недостатка в замыслах он не испытывал. Он также имел в своем распоряжении очень большое количество добровольцев, жаждущих претворять в жизнь его планы и нетерпеливо ожидающих своего часа. Коммандос застоялись, им до смерти

надоела отмена операций в последнюю минуту. Как объяснил Роналд Суэйн:

«Это было похоже на подготовку спортсменов к соревнованиям. Ты абсолютно готов, ты находишься на пике спортивной формы, а в момент соревнования оно вдруг отменяется, и ты все начинаешь заново. Так было и с нами. Мы усердно готовились к рейдам, а их отменяли. Мы рвались в бой. Не думаю, что мы жаждали убивать немцев, просто мы хотели делать то, к чему готовились. Я прошел через две отмены рейдов; некоторые пережили по полдюжины».

Описанный ранее рейд на Ваагзе был первым после того, как Маунтбеттен прибыл в штаб-квартиру Объединенных операций, правда, план рейда он унаследовал от Кейса. Командиры десантников, включая его нового заместителя Чарльза Хейдена, честно сказали ему, что, если коммандос собираются посылать в партизанские рейды на вражескую территорию, они должны проходить более серьезное обучение. Это увеличит не только шансы на успех, но и шансы на выживание, которых, как хорошо знал Хейден, практически не было у ближневосточных коммандос.

С этой целью в феврале 1942 года в замке Ахнакэрри был открыт учебный лагерь коммандос (Commando Depot), впоследствии названный Центром базовой подготовки коммандос (Commando Basic Training Centre). Руководил центром подполковник Чарльз Вогэн, командир 4-го отряда коммандос (вместо него командование этим принял лорд Ловат). Лагерь разместился в сгоревшем баронском замке в 14 милях от Форт-Вильяма в Инвернессе. Здесь должны были проходить подготовку коммандос из всех подразделений, где бы они ни базировались. Северо-западная Шотландия предоставляла все возможности для приведения войск в боевую готовность: горы для тренировки альпинистских навыков, множество озер для обучения плаванию, без одежды и с полной выкладкой в ледяной воде. Теперь ни один командир не услышит возгласы: «Но я не умею плавать!» или «Неужели мы действительно должны залезть туда?»

Курсы, разработанные закаленными наставниками Ахнакэрри, обеспечивали все необходимое для того, чтобы люди осознали: если они не выдержат курс, у них вряд ли будет шанс выжить в боевых условиях. Начинали с элементарного: боев без оружия, дзюдо за три несложных урока и 15-мильных форсированных маршей в полном боевом снаряжении по пересеченной местности. Среди упражнений была Смертельная горка — переправа через реку без лодки: один человек плывет с веревкой или проволокой, обвязанной вокруг пояса один конец

прикреплен к дереву на высоте 20 футов, другой привязан к дереву пониже на другом берегу. Готовились и к форсированию рек на судах. По восемь человек набивались в речное десантно-высадочное судно, известное как лодка «Гоутли», оружие складывалось на дне лодки. Гребцы сидели на деревянных перекладинах и, если над брезентовыми бортами появлялось что-нибудь кроме рук, наставники поливали их с берега пулеметным огнем, причем пули были боевыми и ложились, как отмечал в дневнике один из курсантов, в «опасной для здоровья близости от лодки».

Еще более серьезными были упражнения по высадке десанта при контакте с противником. Курсанты мчались по болоту, в котором, если они медлили, вязли ноги, и атаковали холм, ныряя на землю и стреляя в металлические мишени. Затем, соскальзывая и скатываясь, они с криком штурмовали «вражеские» позиции под пулеметным огнем, опять же боевыми патронами. Нередко случались ранения, иногда со смертельным исходом.

Со временем подготовка ужесточалась. По всему британскому побережью коммандос тренировались в высадке десанта и подрывных работах. С наступлением эры Маунтбеттена — Хейдена стало ясно, что инструкции поступают с самого верха: любой будущей операции коммандос должна предшествовать специальная подготовка. И наставники, прошедшие суровую боевую школу, придумывали для курсантов всевозможные ужасы. Эрни Чаппелл, все еще служивший в 1-м отряде коммандос, находился в самой гуще событий:

«Мы получали огромное удовольствие, и я думаю, что те, кто выдерживал курс, были людьми особой породы. Мы действительно наслаждались, ведь это был наш собственный выбор. Многие солдаты просто не годились для этого — те, кого учили обычным, а не диверсионным действиям. Для них марши были тяжелой повинностью, а для нас — приключением, отличным приключением. Нам внушали, что мы, возможно, лучшие войска в Европе, и мы в это верили. Вот почему мы стали коммандос. Нам это нравилось, мы этого хотели. Мы были воинственны и жаждали риска».

Следующая возможность проявить себя уже планировалась. Зимой 1941–1942 гг. подготовка Чаппелла приобрела определенное направление, и несложно было свести концы с концами и понять, что замышляется. Никто никогда не задавал уточняющих вопросов. Все просто хотели, чтобы что-нибудь произошло, и чувствовали, что намечается нечто грандиозное:

«Я уже приобрел навыки взрывных работ и научился самым

забавным вещам: пробивать стены, чтобы переползать из помещения в помещение, взрывать дома, мосты, железнодорожные пути, телеграфные столбы — все, что имело отношение к коммуникациям. Однако неожиданно наше внимание сконцентрировали на верфях, и мы стали обследовать насосные станции, механизмы шлюзных ворот: учились, как открывать и закрывать их, где размещать заряды, чтобы нанести максимальный ущерб, и т. д. Мы также изучали разные способы разрушения доков и вывода из строя электрооборудования, распределительных щитов. Затем меня послали в местечко Бернитислэнд, на курсы повышенной сложности, где я встретился с разношерстной группой коммандос, очевидно, самых квалифицированных подрывников. Примерно две недели мы изучали оборудование верфей близ Эдинбурга, в Лейте (Leith) и Росайте (Rosyth). Мы разговаривали с рабочими, обследовали сооружения, прикидывали, где удобнее размещать заряды. Затем мы разбились на две группы; моя отправилась в Кардифф, другая в Саутгемптон. В Кардиффе мы практиковались, закладывая холостые заряды, и здорово наловчились».

Чаппелл и его товарищи готовились к неизвестному, хотя могли более-менее представить, в чем дело: они предполагали, что, вполне вероятно, отправятся во Францию, и их предположения оправдались. Маунтбеттена особенно интересовало разрушение верфей Атлантического побережья Франции. Во многих глубоководных портах и безопасных доках в устьях рек ремонтировались немецкие суда любых моделей. Одних баз подводных лодок было пять. Некоторые верфи были достаточно большими, чтобы обслуживать немецкие линкоры и эсминцы, атакующие морские конвои, связывающие Англию с Америкой. Один порт занимал особое место в новых планах Маунтбеттена: Сен-Назер в устье Луары, явно используемый немцами как сухой док и база их самого большого линкора «Тирпиц». Сен-Назеру и предстояло стать целью первого рейда. По словам Роналда Суэйна, идея рейда принадлежала двум офицерам коммандос, Биллу Притчарду и Бобу Монтгомери, который в 1940 году бежал в Англию именно через этот порт.

Офицеры представили свой план непосредственно Маунтбеттену, чья собственная команда уже разрабатывала аналогичный план. По стечению обстоятельств, Маунтбеттен тогда же получил рапорты о двух замечательных изобретениях итальянского военно-морского флота: человеко-торпедах, ведомых к цели экипажем из двух человек в дыхательных аппаратах, и, что казалось еще невероятнее, взрывающемся катере. Образец последнего был подобран британцами недалеко

от Крита. Это было маленькое суденышко с мощным мотором, набитое 225 килограммами взрывчатки, которое доставлялось к месту милях в 50 от цели кораблем или даже сбрасывалось с самолета. Дальше единственный рулевой с головокружительной скоростью направлял катер к кораблю или верфи, заклинивал руль и дергал рычаг, выбрасывающий его в море вместе с надувным спасательным плотиком. Затем он пытался добраться до суши или, в худшем случае, сдавался союзным войскам.

Заинтересованный Маунтбеттен немедленно заказал британский прототип, однако идея взрывающегося судна неожиданно переросла в нечто более грандиозное, чем крохотный катер. А почему бы не судно побольше? Например, моторный торпедный катер. И Маунтбеттен сказал: «Почему бы не корабль… большой корабль, старый эсминец, например?» В результате родилась операция «Чернот» («Колесница»). На первый взгляд замысел казался невыполнимым, но потихоньку выкристаллизовался в конкретный проект.

Корабль, набитый взрывчаткой, заплывет в неприступный док Сен-Назера. Взрыватели поставят на определенную минуту, часов через десять после прибытия, таким образом, предоставив время подрывникам коммандос. За кораблем проследует флотилия маленьких судов с десантниками, которые затем выберутся на берег и заложат дюжину массивных зарядов. Общая задача — разрушить сухой док в Сен-Назере с помощью корабля и, кроме того, уничтожить насосную станцию, генераторную станцию и топливопроводы так, чтобы их невозможно было восстановить. В дополнение с катеров по шлюзным воротам выстрелят двумя торпедами со взрывателями замедленного действия, которые взорвутся примерно тогда же, когда и корабль.

Таков был план, и Маунтбеттен считал его замечательным. Как и говорил Зиглер, для Маунтбеттена чем невероятнее план, тем лучше. Начались поиски корабля, которому предстояло выступить в роли взрывающегося Троянского коня. Маунтбеттен бросил клич, и ему предоставили старый эсминец «Кэмпбелтаун», бывший американский «Бьюкенен». Чтобы замаскировать эсминец под немецкий торпедный катер, ему срезали трубы. Эрни Чаппелл был среди подрывников-добровольцев, набранных из всех отрядов коммандос. Подрывников должна была сопровождать штурмовая группа из отряда коммандос № 2. Всего в рейде участвовало 242 десантника. Как обычно, инструктаж перед рейдом прозвучал просто и недвусмысленно, хотя никто не преуменьшал опасностей. Аэрофотоснимки и масштабные макеты причала Сен-Назера и системы шлюзных ворот сухого дока давали статичное представление, несравнимое с реальностью. Примерно так: «Мы

приближаемся отсюда… проникаем здесь… главный взрыватель будет поставлен на такое-то время… уходим отсюда… плывем домой. Просто». Теперь давайте взглянем на происходящее глазами Эрни Чаппелла, по меньшей мере до того момента, как он, будучи ранен, потерял сознание:

«После недели предварительных учений команда подрывников отправилась в Фалмут, где поднялась на борт судна «Принсесс Джулия Шарлотта». Нам сказали, что предстоит применить приобретенные навыки для разрушения французской верфи. Не уточнили, какой именно, но с того момента нас не отпускали с корабля и запретили всякие связи с берегом. Тренировки стали более направленными. Нас вывозили в Плимут и Девонпорт, и мы совершали учебные налеты на эти порты на рассвете. Администрацию портов не предупредили о нашем прибытии, поэтому в случае обнаружения нас ожидал враждебный прием. Действительно, некоторых наших парней поймали и посадили в гражданскую тюрьму, так что в этом отношении учебные налеты нельзя назвать успешными.

Затем нам показали взрывные устройства, предназначенные для рейда. Это были сложные устройства, созданные где-то в экспериментальном центре. Каждому члену команды поставили свою задачу. Мне предстояло соединить взрыватели главного заряда на вершине шлюзных ворот в пока неизвестном пункте назначения и взорвать их».

По словам Чаппелла, после технической подготовки их познакомили с экипажами судов военно-морского флота и самими судами, которые должны были доставить их через Бискайский залив к месту назначения. Коммандос были шокированы, и это самое слабое выражение. Вместо сверхпрочных десантных судов им предстояло совершить путешествие на шестнадцати катерах «Фэйрмайл» («Fairmile»), более известных как «Эврика» («Eurika)». Как заметил Эрни, это были всего лишь фанерные лодки, едва ли пригодные для намеченного рейда. Во-первых, им явно не хватало мощности, а, во-вторых, прямо на палубах были установлены дополнительные баки с горючим, что усугубляло опасность. Как объяснили десантникам, эти плавсредства являются обычными для данного района, поскольку используются в противолодочных операциях. Таким образом, даже будучи замеченными, они ни у кого не вызовут подозрений.

Коммандос интенсивно тренировались в высадке на берег. Морякам также необходимо было практиковаться в тонкостях, не описанных в руководствах, например удерживать судно в определенном месте, пока десантники находятся на берегу. Флотилия из катеров, одной канонерки и одного торпедного

катера под общим морским командованием коммандера Р. Э. Д. Райдера, должна была следовать определенным боевым порядком впереди и позади «Кэмпбелтауна», в который было вмонтировано шесть тонн взрывчатки. Две группы штурмового отряда и пять команд подрывников также находились на эсминце и должны были спрыгнуть с него или спуститься по десантным трапам в док Сен-Назера после того, как корабль протаранит ворота. Остальным командам подрывников, находящимся в катерах, предстояло высадиться на берег в указанных им местах. Для команды Эрни Чаппелла таким местом был так называемый Старый мол.

Перед отплытием из Фалмута возбужденные десантники собрались на церковную службу и причастие, чтобы несколько успокоиться. Затем командующий рейдом подполковник Чарльз Ньюмен из отряда коммандос № 2 снова разжег их вдохновляющей речью. Вдали маячили два эсминца-охотника, обеспечивающие безопасность плавания. Ночь 27 марта была на удивление тихой, и плавание через Ла-Манш в Бискайский залив прошло без приключений. Продолжает Эрни Чаппелл:

«Мы натолкнулись на французские рыболовные суда и, естественно, предположили, что на них могут быть немецкие агенты или радиосвязь с берегом. Поэтому один из конвойных эсминцев подобрал команды и потопил суда. Думаю, впоследствии выяснилось, что на одном из судов действительно была радиосвязь и о нас сообщили.

Мы вошли в залив, и в оговоренное время конвоирующие эсминцы нас покинули. Теперь мы были предоставлены самим себе, хотя — для навигационной поддержки — рядом с устьем Луары нас ждала погруженная подводная лодка. В устье Луары мы вошли где-то после полуночи. Наша цель находилась в шести милях вверх по реке. Мы надеялись, что большую часть этих шести миль пройдем необнаруженными. «Кэмпбелтаун» шел в авангарде под немецким флагом: допустимая в военных условиях уловка, при условии, что корабль под этим флагом не вступает в бой. На борту корабля находился опытный офицер связи, знавший сигналы входа в порт Сен-Назер, и мы надеялись, что он хотя бы ненадолго одурачит немцев, посылая сигналы их собственным кодом и сигнальными ракетами Вери, которые немцы использовали в этом районе.

Действительно, мили три или четыре мы поднимались по Луаре без происшествий. Затем вдруг реку залил свет прожекторов со стороны Сен-Назера и раздался орудийный залп. «Кэмпбелтаун» просигналил, что мы — немецкий отряд, пострадавший в бою в Бискайском заливе, и направляемся в Сен-

Назер на ремонт. На борту раненые, и мы просим встретить нас у причала с машинами скорой помощи. Похоже, немцы на время успокоились, и мы без проблем продвигались по реке еще четверть часа.

Потом с берега нас опять обстреляли. «Кэмпбелтаун» шел вперед под сильным огнем, и мы увидели, как соскользнул немецкий и взмыл вверх английский военно-морской флаг. Мы обрадовались; мы хотели сражаться под своим собственным флагом. Тут же начался орудийный обстрел с обоих берегов и с кораблей, стоявших в гавани. Снаряды летели на нас со всех сторон… как будто заговорили все орудия в мире… стена металла. Невозможно было не испытывать страха. «Кэмпбелтаун» шел вперед к водонепроницаемой защите входа в сухой док, которую должен был протаранить. По плану таран был назначен на 1.30. Корабль протаранил ее в 1.32. То есть за все путешествие из Фалмута мы задержались всего на две 5 История британских коммандос минуты. Коммандер С. Х. Битти, командовавший «Кэмпбелтауном», не дрогнув, стоял на палубе под жесточайшим артиллерийским огнем и вел корабль прямо к цели.

Наши катера шли двумя колоннами позади эсминца и находились под тем же огнем. Мы отстреливались. Катера были вооружены двумя крупнокалиберными пулеметами, на корме и носу, легкими пулеметами Брена, спаренными ручными пулеметами Льюиса и легким пулеметом старого образца. Мы открыли огонь по береговым орудиям, однако сами были уязвимы из-за баков с горючим на палубах. К тому времени, как мы достигли нашего места высадки, несколько катеров горели, и это делало нашу высадку практически неосуществимой. У Старого мола также пылал катер, и горело залитое бензином море. Самое страшное было видеть в горящей воде товарищей и проплывать мимо них. Они взывали о помощи, а мы кричали: «Мы подберем вас на обратном пути». Мы прекрасно понимали, что не сможем это сделать. Неприятное чувство, но мы должны были двигаться дальше. Несколько катеров получили серьезные пробоины. Мы несколько раз пытались добраться до места высадки, но ничего не получалось. Ронни Суэйн, наш командир, умолял капитана нашего катера, лейтенанта Яна Хендерсона, отличного парня, выбросить катер на берег, чтобы мы смогли спрыгнуть в грязь. Хендерсон не желал пожертвовать катером, и я не виню его за это».

Тем временем в том месте, где «Кэмпбелтаун» нанес удар по сухому доку, разгорелся ожесточенной бой. Береговые батареи обстреливали из шестидюймовых орудий пытающиеся выбраться на берег команды подрывников и штурмовой отряд. Не в одной

голове мелькала мысль, что вмонтированная в корабль взрывчатка, таймеры которой были поставлены на полдень, рванет, когда десантники еще будут находиться поблизости. Два снаряда попали в нос корабля, один из них снес орудие, убив экипаж. Многие коммандос были убиты или тяжело ранены еще до того, как сошли с корабля. Командир рейда Чарльз Ньюмен сумел высадиться на берег со своей группой управления. Безопасную высадку им должен был обеспечить находившийся на одном из катеров отряд полкового старшины Мосса, однако группа Мосса так и не появилась, а позднее выяснилось, что их катер был взорван снарядами береговых батарей и все на борту убиты. Команды подрывников, сумевшие высадиться на берег, добежали до своих целей по двое или по трое под невероятным градом снарядов, сыпавшихся со всех сторон, и сумели заложить заряды в некоторые из ключевых сооружений.

Раненый лейтенант С. У. Чант из 5-го отрада коммандос добрался до насосной станции с лейтенантом Хопкинсом и сержантом Докериллом. Они сумели спуститься на 12 метров к самому важному механизму. С двадцатью семью килограммами взрывчатки каждый, они работали быстро, хотя пальцы дрожали от нагрузки, и прикрепили заряды с двумя параллельными взрывателями к четырем главным и двум вспомогательным насосам. Хопкинс теперь тащил два ударных запала, прикрепленных к главному взрывателю. Им предстояло подняться по восьми лестничным пролетам, освещенным лишь маленькими фонариками до того, как все взлетит на воздух. Подрывники сумели выбраться за секунды до взрыва и бросились на землю в 18 метрах от насосной станции. Заряды взорвались, разбросав бетонные блоки, поставленные немцами для защиты от бомбовых ударов.

Подобное происходило и с остальными группами. Следующей должна была взорваться подъемная станция, за ней вторые ворота сухого дока и смертоносный груз «Кэмпбелтауна», о котором немцы, естественно, не подозревали. Пора было уходить. Непрекращающийся орудийный огонь и воцарившийся хаос не позволяли взорвать все цели. Десантники бежали к уцелевшим катерам. Лейтенант Чант на мгновение опоздал на один из катеров, тут же взорванный снарядом, убившим несколько человек. Остальные сумели доплыть до берега, где были схвачены в плен. Поскольку судов больше не осталось, лейтенант Чант присоединился к прорывавшимся с боем десантникам, однако путь к отступлению ему снова преградил артиллерийский огонь. В конце концов Чант попал в плен и, как тяжелораненый, в 1943 году был репатриирован в Англию. Выбравшиеся из того боя

встретились с отрядом Чарльза Ньюмена, в котором оставалось около 70 человек, включая и раненых. Снова начался бой, который Ньюмен назвал «долгой прогулкой в Испанию», однако, когда рассвело, британцев окружили и взяли в плен.

Тем, кому удалось уйти по воде, тоже пришлось нелегко. Свидетельствует Эрни Чаппелл, чей катер шел во флотилии предпоследним:

«После нескольких неудачных попыток высадиться пришлось признать, что это невозможно. Некоторые катера сумели высадить своих, но не мы. Все испытали глубокое разочарование, когда пришлось развернуться и направиться обратно вниз по Луаре. Проходя мимо береговых батарей, мы попали под очень сильный огонь. Нас здорово потрепали, но мы прорвались в Бискайский залив. Хотя на той стадии убитых и раненых было немного, борта были прошиты пулями, а такелаж свисал клочьями. Однако мы решили вернуться в Фалмут своим ходом.

Часа в три или четыре утра было еще очень темно и очень тихо. Сражение осталось далеко позади, однако со стороны Сен-Назера мы услышали страшные взрывы и увидели в небе отблески пожара. И мы подумали: ну, хоть кто-то что-то сделал. Вот взорвалась генераторная станция, вот — насосная. Мы умели различать такие вещи. И мы были очень сильно раздражены, просто ненавидели себя за то, что не смогли высадиться на берег».

Команда катера надеялась пройти большую часть пути до рассвета, когда вдруг послышался шум корабля. Коммандос уже заряжали корабельные пулеметы и готовились отразить атаку, когда капитан катера Ян Хендерсон сказал им: «Тихо, парни. Мы окружены. Я не могу понять, наши ли корабли отходят из Сен-Назера или это немцы». Британцы выключили шумные двигатели и некоторое время тихо дрейфовали, затем вдруг вспыхнувший луч прожектора осветил катер, и тут же последовал обстрел. Эрни Чаппелл:

«На полной скорости на нас несся немецкий минный тральщик. В свете прожектора, будто огромный нож, прорисовывался его нос, готовый протаранить нас. Тральщик чуть отклонился и, поливая нас огнем, промчался вдоль борта. Нас сильно качнуло, но мы не опрокинулись. Наш катер загорелся, многие были убиты. Тогда же был смертельно ранен Хендерсон. Ему оторвало ногу, и он умер. Меня самого ранило в ноги и чуть не выбросило за борт. Товарищи — не помню кто именно — втянули меня на палубу и прислонили к трубе.

Сержант Том Даррант, прямо над моей головой стрелявший из спаренного пулемета Льюиса, был ранен, но продолжал

отстреливаться. Вскоре прямо в дымовую трубу ударил снаряд, и шрапнель пробила мою каску. Я был ранен в голову и потерял сознание. В любом случае я уже выбыл из строя. Помню, как кружил тральщик и немецкий капитан кричал по-английски: «Может, хватит? Может, хватит?» И каждый раз Том Даррант отвечал пулеметной очередью. Я уверен, все думали, что пришел конец, и собирались драться до последнего. Никто не собирался сдаваться, и мы продолжали бой. Однако, когда катер загорелся, а боеприпасы подошли к концу, на очередной вопрос немецкого капитана «Может, хватит?» Ронни Суэйн, понимая, что ситуация безнадежна, крикнул в ответ: «Да, хватит». Немец крикнул, что, если мы поторопимся, он подведет корму своего тральщика к носу катера и заберет всех, кто может ходить. И вот тут Суэйн показал всю силу своего характера. Он сказал, что так не пойдет, что он не может принять такие условия. Либо немцы подведут тральщик к борту и заберут всех, либо мы останемся на катере. И немецкий капитан согласился. Это был капитан-лейтенант Фриц Пауль[10]. Мы тогда не знали его имени, но он оказался настоящим джентльменом. Думаю, лично для меня, раненного в ноги, встреча с расстрельной командой не стала бы особой проблемой, разве что вызвала бы душевные муки. Должно быть, я тогда ослеп. Помню только, что Суэйн подошел ко мне и сказал: «Как зовут твою жену, Чаппелл?» И кажется, я ответил, что Фрэнсис. И еще я спросил: «Где мы?». А он ответил: «Возвращаемся в Сен-Назер». Помню свои слова: «О, мы возвращаемся домой через Испанию». И его слова: «Заткнись, заткнись, заткнись». Больше я ничего не помню. Очнулся уже в госпитале. На самом деле это было казино, служившее нам временным пристанищем. Я лежал в ряду со множеством раненых парней. Некоторые, полураздетые или совсем раздетые, ждали перевязок. Помню, что был озабочен потерей вставных зубов. Так я их и не нашел, и до конца плена ходил беззубым».

А в это время в доках Сен-Назера царили хаос и смятение. Постепенно бой закончился и британцы, которым не удалось бежать, были схвачены и ждали отправки в лагеря для военнопленных, а раненых перенесли в казино, отведенное под временный госпиталь. Однако главные события были еще впереди…

В центре внимания находился застрявший в шлюзных воротах «Кэмпбелтаун», однако немцы не подозревали о его смертоносном грузе: шести тоннах динамита. В полдень взрыватели активизировались, и взрыв корабля потряс весь порт, разрушив док и убив 400 немцев, включая многих чиновников, прибывших оценить ущерб. Позже раздались еще два взрыва: от торпед со

взрывателями замедленного действия, выпущенных первыми катерами и до тех пор тихонько лежавших на дне гавани.

Ущерб оказался гораздо значительнее, чем планировали, и док вышел из строя почти на десять лет. По этой причине рейд считался очень удачным, вероятно, лучшей из всех операций коммандос. Однако человеческие потери были высоки. Только одна канонерка и пять из шестнадцати отправившихся в рейд катеров вернулись в Фалмут.

Из 242 коммандос, участвовавших в операции, 59 были убиты и 112 взяты в плен, многие тяжело ранены. Королевский военно-морской флот понес еще большие потери среди экипажей катеров и тех, кто находился на борту «Кэмпбелтауна». 85 человек были убиты или пропали без вести, 106 взяты в плен, и опять же, очень многие были ранены. Тех, кто мог ходить, отправили в особый временный лагерь для захваченных в Сен-Назере, а позже в концентрационный лагерь опять всех вместе, что было необычно. Впоследствии их соединили с теми, кто оправился от ран. Будучи изолированными, они сначала боялись, что их ждет какая-то особая участь, но на самом деле с ними обращались достаточно прилично, а некоторых из самых тяжелораненых репатриировали в 1943 году[11].

В Лондоне Маунтбеттен ликовал по поводу «великого успеха» первого серьезного рейда, разработанного при его командовании Объединенными операциями, и разрекламировал своих героев. Их представили к беспрецедентному, учитывая масштаб отряда, количеству медалей: в целом 83 награды. В их числе пять «Крестов Виктории», которыми наградили уцелевших коммандеров военно-морского флота Битти и Райдера, командира коммандос подполковника Ньюмена и посмертно — сержанта Тома Дарранта и матроса Сэвэйджа, стрелявших из пулеметов своих катеров буквально до того момента, как они были изрешечены вражескими пулями[12].

Уцелевшие в Сен-Назере еще не вернулись домой, а планирование новых рейдов уже велось полным ходом. И не самым последним из них был тот, по сравнению с которым, как сформулировал один остряк, Сен-Назер выглядел воскресной прогулкой: рейд на Дьепп.

Глава 6. ПРИКРЫТИЕ

Еще до начала рейда в Сен-Назер множество подобных предложений поступало Маунтбеттену или исходило от него. Всего за месяц его пребывания на посту изменился стиль действий коммандос под крылом Объединенных операций, хотя принципы остались практически неизменными. Маунтбеттен требовал проявления инициативы, и в идеях, причем, касающихся не только коммандос, недостатка не было. Одну из самых успешных и не потребовавших множества жертв операций провел вновь сформированный 1-й Парашютный батальон. 120 человек совершили налет на немецкую радарную станцию в Брюневале. Парашютисты убили довольно много немцев, захватили домой оборудование станции, позволявшее сбивать британские самолеты, и несколько технических специалистов для последующих допросов. Теперь, после успешной операции «Чернот», возникла идея непрерывных налетов на французское побережье и обсуждались различные предложения. Некоторые — абсолютно безумные, некоторые — самоубийственные, и, хотя в этом не признавались вслух, всех беспокоила вероятность больших человеческих потерь.

Вице-адмирал сэр Чарльз Норрис рассказал о совещании в Ричмонд Террас, на котором обсуждался один из рейдов на французское побережье; предлагалось десантировать танки в атлантический порт Брест и сбросить глубинные бомбы в сухой док. Норрис, тогда молодой член команды Маунтбеттена, громко пошутил, обратившись к другу: «Давайте-ка позабудем обо всей этой чепухе и захватим поезд 5.15 из Сен-Мало». Маунтбеттен услышал, и его тут же осенила идея: угнать поезд, начинить его взрывчаткой и на всех парах ворваться в гавань.

Этот план так и остался невостребованным из-за давления множества других. Хотя кое-какие его отголоски мы находим, например, в проекте взрывающегося катера и еще в одном, заимствованном у итальянского военного флота — человека-торпеды. Торпеда доставлялась в район операции подводной лодкой, затем двое рулевых в дыхательных аппаратах тихонько наводили ее на цель, а сами спасались бегством. О существовании этих торпед стало известно в декабре 1941 года, когда неподалеку от Александрии обнаружили пару цеплявшихся за якорный буй итальянцев. Британские моряки подобрали их 19 декабря в 03.30 и доставили на борт линкора «Вэлиент», стоявшего в порту вместе с линкором «Куин Елизабет».

Итальянцы разволновались и в конце концов сознались, что

являются частью команды из шести человек, которые провели три подводных судна через противоторпедные сети, защищающие корабли, и прикрепили заряды с взрывателями замедленного действия к корпусам «Вэлиента» и «Куин Елизабет». Сразу же объявили тревогу, экипажи обоих кораблей бросились задраивать люки и водонепроницаемые переборки, но предотвратить катастрофу уже было невозможно. «Вэлиент» содрогнулся от взрыва, в его корме появилась огромная пробоина, а вскоре два взрыва потрясли «Королеву Елизавету». Оба корабля на долгие недели выбыли из военных действий, и британский военный флот остался всего с двумя линкорами.

Исследовательскому центру Объединенных операций приказали изучить эти изобретения. Один из исследователей, майор Малколм Кемпбелл, вспомнил о рапорте 28-летнего моряка Г. Дж. «Блонди» Хазлера, в котором, среди прочих, излагалась идея моторных «подводных байдарок». Маунтбеттен решил организовать специальное подразделение, использующее маленькие суда для защиты британских портов и для атак немецких верфей, и назначил ответственным Хазлера. К тому времени Хазлер был кавалером «Ордена Британской империи» 4-й степени, французского креста «За боевые заслуги», и его имя упоминалось в списке отличившихся при Нарвике. Взрывающемуся катеру было присвоено кодовое название «Бум Пэтрол Боут» («Boom Patrol Boat»), а отряд Хазлера — «Бум Пэтрол Детэчмент» Королевской морской пехоты (Royal Marines Boom Patrol Detachment). Подразделение укомплектовали добровольцами из коммандос морской пехоты. Разработанные «подводные байдарки» получили кодовое название «Спящая красавица» и прославились в налете на японские корабли в Сингапуре, проведенном с территории Австралии[13]. Другой проект Хазлера больше заинтересовал его шефа. По этому плану подводная лодка должна была доставить к устью Жиронды 12 человек. Затем им предстояло пройти 62 мили на байдарках, гребя против течения, до Бордо и взорвать вражеские корабли. Смелый план, естественно, понравился Маунтбеттену, однако кое-кто счел операцию слишком рискованной и предложил отложить ее на год из-за других уже разрабатываемых рейдов.

Вскоре стало ясно, каких именно: на апрель 1942 года, сразу вслед за операцией «Чернот», последствия которой оказались не совсем такими, как планировалось, были запланированы еще три рейда. Первый, вызывавший наибольшее беспокойство, начался с пробного похода всего двух — капитана Джералда Монтанаро и рядового Фредди Приса из 101-й группы Королевских инженеров, использующей байдарки, позднее слившейся с СБС. В безлунную

ночь их на моторном катере переправили к месту в двух милях от Булони, затем они на веслах вошли в гавань, провели общую разведку и прикрепили магнитные мины к немецкому рудовозу с 5500 тонн меди. О том, что торпедированный в Ла-Манше рудовоз укрылся в Булони, было известно.

Несмотря на бурное море, байдарочники успешно выполнили задачу, однако, когда они уже собирались отходить, высокая волна подняла байдарку, и ее нос застрял в пробоине корпуса рудовоза. При попытках освободить байдарку зазубренный металл повредил ее и она дала течь. Прис греб, Монтанаро вычерпывал воду, им удалось освободиться, и байдарка еле выползла из гавани. Она уже готова была затонуть, когда подрывников подобрал посланный за ними катер.

Как раз в тот момент, когда их втягивали на борт, взорвались магнитные мины, и сделанная на следующий день аэрофотография показала, что байдарочники завершили то, что не удалось торпеде: рудовоз пошел ко дну. Однако у налета были и печальные последствия. Немцы, решив, что взрывы организовало французское Сопротивление, схватили и казнили 100 человек. Несмотря на это, французское побережье продолжало оставаться главной целью операций коммандос.

Следующей целью была деревня Ардело к югу от Булони. Рейд был поручен отряду коммандос № 4 и отличался от других тем, что в нем участвовали канадцы. Впервые подразделения Содружества принимали участие в боевых действиях с территории Британии, чему немало способствовал Маунтбеттен. Отряд состоял из 50 канадцев и 100 коммандос под общим командованием майора (лорда) Ловата, все еще заместителя командира отряда коммандос № 4. Целью была детальная разведка побережья, захват пленных, уничтожение прожекторной батареи, налет на радарную станцию и разрушение всего, что попадется под руку. Результат оказался далеко не удовлетворительным, однако из-за пристального внимания Содружества к этой миссии (как только стало известно, что вовлечены канадцы) рапорты о ней, похоже, были не только намеренно искажены, но и — если пользоваться современным языком — очень «экономно» подавали истинные факты, предположительно, по приказу самого Маунтбеттена.

Итак, желая узнать действительную историю, прислушаемся к свидетельству Уильяма Спирмана, к его записанному на пленку интервью, хранящемуся в архиве звукозаписей Имперского Военного музея. Спирман, уроженец Лондона, бросил торговый флот и вступил в отряд коммандос № 4 как раз после возвращения из Лофотенского рейда. Его знания о море и

кораблях были, естественно, намного выше средних. Рейд в Ардело был назначен на ночь 19 августа и, согласно большинству рапортов, был отменен из-за плохой погоды. Вторую попытку назначили в ночь с 20 на 21 апреля. Как отметил в своем заслуживающем доверия докладе Чарльз Мессенджер, тогда впервые использовался новый тип десантно-высадочных средств — тяжело вооруженное судно поддержки десанта Эл-Си-Эс (Landing Craft Support, LCS). Принимая во внимание воспоминания Спирмана, использование этого судна, вероятно, связано со случившимся при первой попытке 19 апреля. Спирман вспоминал:

«Лорд Ловат в своей автобиографии упоминает Булонь как незначительную операцию на побережье Франции, которая достигла немногого, но обогатила нас огромным опытом. С моей точки зрения, операция была гораздо значительнее. Рейд, может, и не был крупномасштабным, однако я сообщу несколько деталей, которые, насколько мне известно, никогда не появлялись в печати. Мы усердно тренировались. Перед рейдом нас отвезли в Дуврский замок, где мы пробыли неделю. К нашему изумлению, там оказалось много канадцев. Видимо, начальство стремилось к участию в операции канадцев ради поднятия боевого духа нации.

В ночь рейда погода действительно была плохой, но нам удалось выйти в море… на связанных вместе трех десантных судах, которые тянул торпедный катер. Я не помню ничего подобного за всю войну. Когда мы приблизились к суше, немецкая артиллерия обнаружила нас, и мы попали под огонь трассирующих и минометных снарядов. На этой стадии они (Ловат и его штаб) решили прекратить операцию.

Мы развернулись, поняв, что немцы знали о нашем появлении. (И я обязан сказать здесь, что в Дьеппе было то же самое. Мы, британские коммандос, никогда не знали, куда нас посылают, в Голландию или Францию, или еще куда, однако, похоже, канадцы знали заранее.) Когда моторный катер с тремя лодками за кормой разворачивался и набирал скорость, канаты натянулись. Среднюю лодку вырвало из воды, она перевернулась. Полагаю, погибло человек тридцать».

Поскольку Спирману эта история в печати не попадалась ни в то время, ни после, он начал размышлять, случилось ли это вообще. Странно, что Лорд Ловат не упомянул подробностей рейда в своей книге «Марш в прошлое» (March Past), опубликованной в 1978 году. Он удостоил рейд всего несколькими предложениями: «Я вел в рейд на Булонь смешанный отряд канадцев (из полка фузилеров Мон-Руайяля) и

коммандос. Значение этой операции, имевшей ограниченный успех, было переоценено, хотя канадцы так не думали… военные моряки высадили их на песчаной отмели, где они застряли до отлива. Отряд коммандос № 4 выполнил все свои задачи, во всяком случае, рейд доказал, что можно застать противника врасплох неожиданным десантом на защищенной территории. Однако я сомневаюсь в мудрости командования, поскольку некоторые награды были незаслуженными. Хотя мы вернулись домой, так сказать, в целости и сохранности».

Никакого упоминания о потерях, а в архиве звукозаписей Имперского Военного музея имеется еще один отчет о тех же событиях, записанный Бернардом Дэвисом независимо от Спирмана. Дэвис участвовал в том рейде, и его свидетельство подтверждает воспоминания Спирмана:

«К несчастью, мы потеряли одно десантно-высадочное судно и солдаты утонули в бушующем море. Я вытащил из воды одного парня и слышал, как где-то позади взывает о помощи его товарищ, однако в темноте мы его потеряли. Мы искали целый час в пяти милях от французского берега, но не смогли никого найти. Затем появились вражеские торпедные катера, и под обстрелом мы потеряли еще больше солдат. Мы представляли легкую добычу и надо было побыстрее убираться прочь. Мы больше ничего не могли сделать и вернулись в Дувр».

Вернемся к отчету Билла Спирмана:

«Как бы то ни было, на следующую ночь мы опять отправились в рейд, чему все десантники очень удивлялись после того, что случилось, и особенно после того, как немцы нас обнаружили. Полагаю, что командованию не терпелось впервые ввести в бой канадские войска. Итак, мы отправились снова. И снова немцы, казалось, поджидали нас, и о том, что они сотворили, вы не прочтете ни в одной книге, но это правда. Вместо того чтобы обстрелять нас на подходе, они позволили нам высадиться. Мы десантировались на удобной площадке — потрясающий сюрприз после предыдущей ночи, однако это была ловушка. Как только мы высадились, в море началась стрельба. Небо осветилось трассирующими снарядами.

В том районе у немцев были торпедные катера, похожие на наши, но более быстрые. Как только мы десантировались, началось настоящее светопреставление. Вражеские торпедные катера встали полукругом и заперли наши катера… потом они открыли огонь, и наши экипажи не могли выбраться, во всяком случае, легко выбраться. Пока на море шло сражение, мы направились к нашим целям; моя группа должна была напасть на радарную станцию в трех милях от берега. Приближаясь к

станции, мы подошли к окопу… из которого появился немецкий солдат с винтовкой. Он бросился на меня… его штык пронзил мое довольно толстое снаряжение, ремень и проник в живот. Хлынула кровь, и я решил, что мне конец. Но Джо Уолш, который был со мной, пристрелил немца и мы пошли дальше. Я не так уж сильно был ранен, хотя шрам остался до сих пор.

Вскоре вспыхнула сигнальная ракета Вери — строгий приказ нам возвращаться к берегу. У нас были датские и французские деньги на тот случай, если мы попадем в беду и не успеем отойти морем. Такое всегда было возможно, и нас заранее проинструктировали, где найти помощь (от французского Сопротивления). Однако в этом не было необходимости. Мы вернулись на берег и погрузились в десантно-высадочное судно, затем вышли в море и поднялись на торпедные катера. Сражение все еще продолжалось. Один снаряд пробил борт нашего катера и взорвался в радиорубке, убив двоих. Самое страшное — вернуться из рейда на корабль, думать, что ты в безопасности, и обнаружить, что бой вокруг тебя все еще продолжается».

Экипажам военного флота удалось вызволить коммандос из засады и без дальнейших инцидентов пересечь Ла-Манш. На следующий день британские коммандос с удивлением — и яростью — обнаружили газетные заголовки: «КАНАДЦЫ ВЫСАДИЛИСЬ ВО ФРАНЦИИ». Они прекрасно знали, что это не вся правда. Может, кое-кто из канадцев и попал на берег, но, как признал в своей книге лорд Ловат, большинство застряло на отмели. Злость Билла Спирмана и его товарищей подтверждает следующее:

«Мы уже слышали, что они не высадились. Нам объяснили, что они отказались из-за сильного обстрела, но только годы спустя мы узнали правду. О нас в прессе упоминалось по другому поводу: к нам был назначен офицер, лейтенант, очень приятный парень, который умудрился потерять ботинки и покинул корабль в том, что смогли найти, а нашли пару теплых тапочек. Заголовок «Всемирных новостей» («News of the World») гласил: КОММАНДОС ДЕСАНТИРУЮТСЯ В ТАПОЧКАХ. Какая разница, в чем пробираешься через колючую проволоку? Все это было довольно глупо».

Сотрудники Маунтбеттена обнаружили, что он использовал все возможности, чтобы получить положительные отзывы в газетах и на Би-Би-Си. Один из примеров привел автору майор Гарри Хоулден-Уайт, проводивший испытания нового изобретения ученых Маунтбеттена: управляемую вручную миниатюрную торпеду, приводимую в движение моторчиком от автомобильного стеклоомывателя. В первый раз их применили (и

обнаружили их абсолютную бесполезность) в операции «Торч» при высадке в Оране в ноябре 1942 г., и, хотя все вторжение в итоге прошло успешно, первая волна десантников была обстреляна с береговых батарей, и были потеряны сотни жизней. Гарри вспоминал:

«Когда я в конце концов вернулся в Англию, меня вызвали к Маунтбеттену. Я все еще был ожесточен из-за Орана и намекнул, что, по моему мнению, позорно потеряно слишком много людей. Маунтбеттен свирепо взглянул на меня, но пропустил мое замечание мимо ушей, так как в кабинете находился полковник Роберт Энрикес, отвечавший за связи с прессой. Маунтбеттен хотел, чтобы я дал интервью на Би-Би-Си и представил события в радужном свете. Я был возмущен. Мне казалось, что наживаться на такой катастрофе — предательство по отношению к павшим. Было и еще будет много неудач… шансы на выживание определенно против таких, как мы, и я не собирался говорить, как прекрасно все прошло. Не собирался, черт побери. Поэтому он очень неохотно в конце концов подписал приказ о моем награждении «Военным крестом»».

Можно представить, что нечто подобное произошло и по возвращении коммандос из первого совместного с войсками Содружества рейда. Судя по реакции прессы на то, что Ловат назвал «маленьким рейдом», явно удалось скрыть тот факт, что при первой попытке высадки среди коммандос имелись нечаянно потопленные, и преувеличить роль канадцев. Но, кроме желания обеспечить рейду определенное освещение в прессе, была еще одна причина. Маунтбеттен и его штаб уже планировали гораздо более масштабную операцию, в которой канадцы оказались бы намного полезнее, и этому плану предстояло стать поводом одной из самых ожесточенных дискуссий о Второй мировой войне.

Споры бушуют и в двадцать первом веке. Различные интернет-сайты посвящены воспоминаниям и критике, особенно со стороны канадцев. Одно упоминание слова Дьепп до сих пор вызывает гнев. Очень скоро после рейда в Булонь стало ясно, что он задуман как предшественник крупного десанта войск и танков в Дьепп. В предыдущие пару месяцев Маунтбеттен с головой ушел в разработку плана, известного как операция «Следжхаммер»: высадки на французском побережье ударной группы в несколько тысяч человек с тяжелым вооружением и открытия нового фронта в Западной Европе для помощи русским. Маунтбеттен был ключевой фигурой в планировании вторжения во Францию. По его замыслу возглавлять войска вторжения должны были коммандос, СБС и парашютисты.

Несмотря на давление американцев, требующих более активных действий в Европе, начальники штаба и Кабинет военного времени никак не могли прийти к согласию относительно «Следжхаммера»: ни насчет места высадки, ни насчет готовности союзников к масштабным сражениям в Западной Европе, тем более что японцы захватили Сингапур, а Роммель давил на 8-ю армию в Северной Африке. В итоге «Следжхаммер» был отложен, а затем заменен операцией «Торч» в Северной Африке в ноябре 1942 года. Когда стало ясно, что «Следжхаммер» не состоится, Маунтбеттен заявил в Комитете начальников штабов: «Тем важнее совершить еще один крупный рейд».

Маунтбеттен задержал все другие операции, включая и операцию Блонди Хазлера «Франктон». В планировании налета на Дьепп, начавшемся во время рейда в Булонь, чувствовалась спешка: Маунтбеттен хотел представить свои предложения Комитету начальников штабов к середине мая. Ему противостояли главнокомандующие всех трех родов войск, каждый из которых настаивал на том, чтобы нести ответственность за планы, касающиеся его собственных войск. Маунтбеттен буквально молил об «ответственности за проведение» следующего крупного рейда; другими словами, он добивался полного контроля. Несмотря на поддержку Черчилля, он добился не совсем того, к чему стремился. На него возлагалась ответственность за «сосредоточение войск и начало крупномасштабных рейдов», однако его полномочия заканчивались в момент подписания директив и распоряжений.

Итак, Маунтбеттен торопился, и его собственный персонал подготовил план налета на Дьепп для представления Комитету начальников штабов. Хотя пришли к единому мнению в том, что если рейду быть, то его идеальная цель — Дьепп, у замысла Маунтбеттена оставались влиятельные критики. Однако самый влиятельный человек — сам Черчилль дал свое благословение. Он рассматривал рейд в Дьепп как генеральную репетицию неминуемого союзнического вторжения в Европу, «разведку боем», как он это сформулировал, в которой техника десантирования подвергнется самому серьезному испытанию.

Годами Дьепп оставался темой горячих споров в военных кругах. И в то время, и позже многие открыто признавали, что так и не поняли его целей. В доказательство предъявляли следующую историю: когда Брайан Маккул, старший офицер по обеспечению высадки войск в Дьеппе (senior Military Landing Officer), попал в плен, немцы двое суток добивались от него, в чем же состояла цель рейда. Отчаявшись получить ответ, один из допрашивающих

сказал: «Послушайте, мы не идиоты. Мы прекрасно знаем, что для рейда силы слишком велики, а для вторжения — слишком малы. Так что же это было?». Маккул, как и предполагает его фамилия (кул — по-английски, спокойный, невозмутимый), ответил: «Я был бы чрезвычайно признателен, если бы вы объяснили это МНЕ».

Цель, однако, по меньшей мере Маунтбеттену, была предельно ясна: испытание техники и навыков, приобретенных в предыдущих рейдах Объединенных операций, и применение коммандос в массированных налетах на крупные порты. Войскам предстояло продержаться на берегу пятнадцать часов, а затем быстро отступить. Фактически рейд задумывался согласно требованиям Черчилля при создании отрядов коммандос. Если бы этот рейд прошел быстро и эффективно, то за ним последовали бы другие: два, может, три, к Рождеству, что серьезно помешало бы немцам атаковать жизненно важные морские коммуникации, по которым теперь, когда американцы запоздало вступили в войну, из США поступали люди и техника.

Однако традиционно мыслящим военным весь план казался катастрофическим. Некоторые вспоминали Галлиполи и отмечали серьезные трудности в обеспечении поддержки штурмового отряда с моря и воздуха. Учитывая капризы погоды и несомненное противодействие врага, результат мог оказаться ужасающим: войска понесут огромные потери.

Генерал Монтгомери, хотя и не отрицал необходимости рейда, поддерживал другой проект, представленный штабом войск метрополии. Этот альтернативный план предлагал лобовую атаку Дьеппа, тогда как по плану Маунтбеттена фланговые удары парашютистов и коммандос с последующим захватом в клещи, проведенным регулярными войсками и танками, позволили бы обойти прибрежные скалы и войти в город «через заднюю дверь». На первом же общем обсуждении рейда в Дьепп Монтгомери отверг план Объединенных операций, как «любительский», и подчеркнул, что если союзники не смогут взять Дьепп, рейд войдет в историю как не-удавшийся. То, что Монтгомери удалось настоять на лобовой атаке, обернется мучительными терзаниями уцелевших, обреченных подсчитывать огромные человеческие потери операции.

Маунтбеттен убеждал, что захват порта не основная задача, что самое главное — испытать методы десантирования и доказать возможность глобального вторжения. Маунтбеттену так и не удалось переубедить Монтгомери, и в конце концов ему пришлось смириться с лобовой атакой и вероятностью огромных боевых потерь, правда, он уступил при условии проведения

предварительной воздушной бомбардировки. Пугающее условие. Существовали общепринятые правила, касающиеся бомбежки населенных пунктов в оккупированной Европе, однако в данном случае начальники штаба согласились ими пренебречь.

Общий план налета на Дьепп все еще вызывал множество опасений, но успех Сен-Назера стал его путеводной звездой. 23 мая Маунтбеттен провел три часа с Черчиллем и фельдмаршалом Аланом Бруком, новым начальником Имперского генерального штаба. Брук впоследствии признал, что они «поддались оптимизму». Однако две недели спустя, пока Маунтбеттен в Америке вел переговоры с президентом Рузвельтом, начальники штаба провели еще одно совещание, на котором обсуждалась предварительная бомбардировка с воздуха. Сочли, что в результате бомбежки узких улиц Дьеппа танки будут отсечены от сил вторжения. ВВС также были озабочены тем, что при такой маленькой цели многие бомбы просто упадут в море или вдали от побережья. В итоге от предварительной бомбежки Дьеппа отказались.

Более того, была также отвергнута просьба Маунтбеттена предоставить линкоры и, по меньшей мере, два крейсера для артиллерийской поддержки. Причина: нахождение вблизи французского побережья при свете дня — слишком большой риск для самых важных британских кораблей. Таким образом, военно-морское обеспечение свелось к относительно малокалиберным пушкам группы эсминцев. Поражением в спорах о фланговой атаке, затем о предварительной бомбардировке и теперь о присутствии тяжелой военно-морской артиллерии неудачи Маунтбеттена не закончились. Командующие войсками высадки (Force Commanders), обладавшие правом окончательного решения, сообщили Маунтбеттену, что его план, по которому возглавлять штурм должны были коммандос и морские пехотинцы, изменен. Коммандос действительно пойдут первыми с задачей уничтожения немецких батарей, но ядро штурмового отряда составят канадцы, ранее и в меньшем количестве предназначавшиеся для поддержки.

Весь штаб Маунтбеттена пришел в ужас, поскольку операция планировалась, как десантно-диверсионная, для которой коммандос обладали и навыками, и опытом. Хотя никто не сомневался в храбрости канадцев, их единственным практическим опытом было участие в Булонском рейде пятидесяти солдат, большинство из которых застряло на отмели. Как отмечал Филип Зиглер, Маунтбеттен всегда считал это «решением на высоком политическом уровне, к которому я не имел отношения». Еще одно изменение в плане, которое потом

дорого обойдется: замысел Объединенных операций применить старые танки, наполненные взрывчаткой, чтобы пробить дорогу через дамбу и береговые укрепления, был отвергнут командующими войсками высадки на последней стадии подготовки. Они заявили, что целиком полагаются на торпеды Бангалор — длинные трубовидные устройства, набитые взрывчаткой. В итоге эти подрывные заряды оказались абсолютно неэффективными.

Таким образом, первоначальный план Маунтбеттена был совершенно разрушен вмешательством начальников штаба и других, которые, по большей части, руководствовались приказом Монтгомери. Даже когда в последнюю минуту один из советников Маунтбеттена Алан Хед прямо высказал недовольство Монтгомери, тот ответил: «Вы болтаете чепуху!» Хотя многие сомневались в оперативных достоинствах плана Маунтбеттена, непреклонность Монтгомери и главного командования выродилась в возмутительный конфликт самолюбий, который, несомненно, повлиял на последовавшую кровавую бойню.

Глава 7. ДЬЕПП: РАЗГРОМ

Итак… после долгих недель ожесточенных споров и колебаний, окружавших принятие главных решений, рейд в Дьепп стал делом ближайшего будущего. В южные порты стянули внушительную флотилию кораблей, лодок, десантно-высадочных судов, а также тяжелое вооружение, включая новые танки «Черчилль». Военно-морской флот делал все возможное, чтобы спрятать их от любопытных фотокамер самолетов-разведчиков Люфтваффе, хотя немецким агентам надо было дружно ослепнуть, чтобы не заметить неожиданного увеличения военного населения в окрестностях. Рейдерская группа — и это был рейд, а не вторжение — насчитывала 6100 человек: около 5000 канадцев, 50 американских рейнджеров, остальных набрали из британских подразделений коммандос, включая морскую пехоту. С 20 мая 2-я канадская пехотная дивизия интенсивно готовилась на острове Уайт к десантным операциям.

Первоначально рейд намечался на ночь 4 июля, однако помешала плохая погода. Четыре дня спустя операцию отложили снова, и Монтгомери, которому вскоре предстояло отправиться на Ближний Восток, хотел вообще отменить ее из соображений безопасности: канадские войска уже были проинструктированы, а с таким количеством задействованных в операции людей невозможно избежать безответственной болтовни. Те же опасения выразил подполковник Джеймс Хилл, командовавший 1-м парашютным батальоном. По первоначальному плану Маунтбеттена батальон Хилла должны были сбросить в Дьепп для уничтожения немецких батарей к востоку и западу от города до десантирования основных сил. В мае Хилл отправился на остров Уайт для встречи с командирами 2-й канадской пехотной дивизии. Он был шокирован услышанными разговорами, так как британцы никогда не инструктировали солдат — разве что старших офицеров — до самой ночи рейда, и даже командирам не раскрывалось место назначения; они просто изучали рельеф местности по макетам. Когда 4 июля операция была отменена и вместо парашютистов уничтожение батарей было передано коммандос, Хилл предупредил лорда Ловата, командира 4-го отряда коммандос. Несмотря на заявление Хилла и сомнения Монтгомери, в главный план не внесли изменений, лишь заменили парашютистов на коммандос, чтобы рейд не зависел от погоды. Изменили также название операции с «Раттер» на «Джубили» («Юбилей»).

Хотя новую дату рейда вроде бы тщательно скрывали, немцы,

несомненно, понимали, что нападение неминуемо: они подготовились и ждали. 10 августа, за девять дней до рейда, командир 15-й немецкой армии издал приказ, начинавшийся с предупреждения о том, что, «согласно имеющейся информации», союзники готовятся к вторжению. В приказе совершенно ясно формулировалось, что может ожидать немецких солдат:

«Мои приказы должны постоянно быть перед глазами солдат, чтобы для них не было никаких сюрпризов. Войска должны четко сознавать, что, когда наступление начнется, сложится очень опасная ситуация. Бомбежки и атаки штурмовой авиации, артиллерийский обстрел с моря, десанты с моря и воздуха, враждебно настроенное гражданское население, диверсии и убийства — вот с чем им придется столкнуться и, чтобы выдержать испытания, они должны быть непоколебимы. Ни в коем случае нельзя терять самообладание. Никаких страхов. Когда начнется сражение, солдаты должны навострить глаза и уши, крепче взяться за оружие и бороться так, как они никогда прежде не боролись. ОНИ ИЛИ МЫ — вот девиз каждого. Фюрер ставил задачи перед немецкими войсками в прошлом, и все эти задачи выполнялись. Задачи, стоящие перед нами сейчас, также будут выполнены. Мои люди докажут, что они не хуже других. Я смотрел в ваши глаза. Мы — немцы. С РАДОСТЬЮ ВЫПОЛНИТЕ СВОЙ ДОЛГ ДО КОНЦА. СДЕЛАЙТЕ ЭТО И ВЫ ОСТАНЕТЕСЬ ПОБЕДИТЕЛЯМИ. ДА ЗДРАВСТВУЕТ НАШ НАРОД И ФАТЕРЛЯНД. ДА ЗДРАВСТВУЕТ ФЮРЕР, АДОЛЬФ ГИТЛЕР. (подпись) Ваш командующий, ГЕНЕРАЛ-ПОЛКОВНИК ХАЗЕ»

Может, если бы британская разведка была также хорошо информирована, союзнические войска не потерпели бы неудачу. По свидетельству лорда Ловата, немцы вроде бы отводили войска из намеченного района, а на самом деле они концентрировали силы; МИ6 этого не заметила. Донесения разведки были небрежными и скудными. Агенты также не доложили, что немецкие технические войска в последнее время заливали бетон в скалах Дьеппа, используя принудительный труд гражданских и военнопленных. Немцы установили мелко- и крупнокалиберные пулеметы на рельсы, чтобы после обстрела укрывать их в пещерах. На всех выгодных точках были оборудованы закамуфлированные позиции снайперов, стрелявших бездымными патронами. Береговые оборонительные сооружения усилили минами и колючей проволокой, заблокировали или разрушили скальные лестницы. Немцы действительно знали о наступлении войск союзников.

Еще одна загадка, связанная с вопросом безопасности, не объяснена до сих пор, но мы приводим воспоминания полковника

Патрика Портьюса, тогда капитана 4-го отряда коммандос, награжденного за проявленную в Дьеппе храбрость крестом Виктории:

«Это был очень странный случай. Моя первая жена Луиза Рум в то время работала в Адмиралтействе, в отделе военно-морской разведки. За несколько дней до рейда в Дьепп она по дороге на работу купила газету, «Дейли Мейл», насколько я помню. Проглядев газету, она увидела объявление «Купите пляжный халат из Дьеппа». Очень странное объявление для ежедневной центральной газеты. Луиза знала о намеченном рейде в Дьепп и показала газету своему шефу в Адмиралтействе. Они смотрели на объявление, и им показалось, что силуэт халата очень похож на береговую линию Дьеппа, а разные нелепые пуговицы и отметины как будто указывают места высадки. Они ничего не могли доказать, и я не думаю, что этот случай имел продолжение. Странная история, однако, возможно, она имела смысл, с точки зрения немецких разведчиков».

Конечно, имела. Что же касается британских десантников, они и не подозревали о цели рейда, хотя прекрасно понимали, что что-то затевается. В отряде коммандос № 4 некоторые солдаты только что вернулись с альпинистских тренировок в Уэльсе и после короткого отдыха были в середине июля отозваны на базу в Шотландии. Затем им приказали самостоятельно добраться поездом до Уэймута и явиться на борт корабля «Принс Альберт», стоявшего в Пуле. Плавая затем вдоль южного побережья, они проводили учебные десанты. Билл Спирман говорил, что лорд Ловат, обследовав район, выбирал самые отвесные утесы:

«Одно из таких мест находилось поблизости от Сент-Ив в Корнуэлле. Веселенькое местечко. Очень крутые скалы, о которые с грохотом разбиваются волны. Как выяснилось, мы должны были провести показательный десант перед высшим командованием. Итак, Ловат выбрал самый скалистый участок побережья, где при определенных погодных условиях — и наверняка в день показательной высадки — отлив составлял бы 12–14 футов. В тот день мы пользовались не десантно-высадочными судами, а плоскодонными паромами, вмещавшими человек тридцать каждый; волны обрушивались на утесы, оставляя в воздухе водяную пыль. Паром, как упрямый жеребец, вставал на дыбы, на мгновение зависал в воздухе и камнем падал вниз. В верхней точке мы должны были выпрыгнуть и вскарабкаться на утес. Ну, перед лицом генералов, наших и американских, мы потерпели неудачу. Один из паромов перевернулся, и два солдата утонули. Все равно сделали учебный фильм под вполне соответствующим

названием «Десантирование в суровых условиях».

Ни у кого не осталось сомнений в близости рейда, хотя уроженец Манчестера двадцатитрехлетний Джордж Кук вспоминал, что и тогда ничего не было сказано о месте назначения. Коммандос просто продолжали тренировки по заведенному распорядку:

«Примерно после десяти дней пребывания на борту «Принса Альберта» мы сошли с корабля и отправились в Уэймут, где возобновили обычные тренировки. Затем как-то вечером нам объявили, что подготовка закончена: «Распрощайтесь с квартирными хозяйками, парни, оплатите счета и будьте на плацу в шесть часов утра».

Когда мы прибыли на плац, то увидели колонну крытых военных грузовиков. Мы забрались в них и отправились в лагерь за Саутгемптоном, где нас накормили. И все еще ни слова не было сказано о том, куда нас направляют. Затем мы вернулись в грузовики и поехали на верфь Саутгемптона, где снова поднялись на «Принс Альберт». Только там лорд Луис Маунтбеттен объявил, что нас посылают на французское побережье, объяснил нашу общую задачу, задачи каждого взвода. Нам приказали оставлять раненых на месте и ни с кем не возиться. Их подберут медики. А мы должны торопиться к намеченной цели, артиллерийской батарее, которую необходимо уничтожить до высадки канадцев. В общем, Маунтбеттен сказал, что хотел бы отправиться с нами. Он говорил замечательно, и мы ему поаплодировали, затем начали готовиться. Наш взвод отвечал за взрывы, поэтому мы таскали взрывчатку и паковали снаряжение: боеприпасы, запасные патронные сумки к пулеметам Брена, гранаты с уже вставленными взрывателями. Потом нас снова накормили и мы отплыли, прошли залив Те-Солент и мимо острова Уайт. Вечер был прекрасный…»

План «Джубили» предусматривал атаки в пяти различных точках фронта протяженностью в десять миль вдоль меловых скал Дьеппа. Намечались фланговые удары к востоку и западу от Дьеппа и лобовая атака на сам город. Перед рассветом одновременно должны были начаться четыре фланговые атаки, а полчаса спустя атака на Дьепп при поддержке 14-го канадского танкового батальона. Канадские войска составляли кулак главной атаки, а также должны были высадиться в скалах Пурвиля в двух с половиной милях к западу и в Пюи (Puys) к востоку. Две береговые батареи — «Роммель» и «Гинденбург», расположенные на востоке и западе от города соответственно, являлись целью Королевского полка Канады (Royal Regiment of Canada), поддерживаемого 370 британскими коммандос морской пехоты.

Роль британских отрядов коммандос № 3 и 4 заключалась в быстром налете — «грабительском налете», как сформулировал лорд Ловат, — на батареи в Берневале на восточном фланге (цель отряда № 3 под командованием подполковника Джона Дернфорд-Слейтера) и в Варанжвиле на западе (цель отряда № 4 под командованием лорда Ловата). Если бы до высадки главных сил коммандос не смогли подавить свои цели, десант был бы обречен. В действительности же эти батареи были лишь частью массивных немецких укреплений Дьеппа. Их масштабы были настолько серьезно недооценены разведкой, в том числе и воздушной, что даже с уничтожением двух указанных батарей бойня была неизбежна.

Первая часть плана провалилась еще до того, как десантники высадились на берег. Пройдя через Ла-Манш на разношерстных кораблях, собранных доя этой миссии, они должны были пересесть в десантно-высадочные суда в пяти милях от берега. Послушаем Патрика Портьюса:

«Наша часть плыла на старом бельгийском корабле, укомплектованном десантными катерами. Их было восемь, по четыре с каждого борта. Мы отправились перед наступлением темноты в составе огромного конвоя. Насколько мы могли видеть, везде были сотни кораблей и десантных судов. Впереди шли минные тральщики, чтобы очистить проход в немецких минных полях милях в десяти от берега.

Хорошенько выспавшись и отлично позавтракав тушеным мясом, мы около четырех часов утра приготовились к спуску десантных судов. Во все гранаты были вставлены взрыватели, все магазины наполнены; все было готово. Под защитой паровой канонерки[14] капитан-лейтенанта Питера Скотта нас спустили на воду. Из всей флотилии этих канонерок только одна шла дальше с нами плюс вооруженный моторный катер. Вот и вся наша поддержка в наступлении. До места высадки было около двух часов пути. К счастью, море было очень спокойным. Примерно через полчаса мы вдруг увидели фейерверк на востоке на нашем левом фланге.

Как оказалось, это был отряд коммандос № 3, наступавший на другую батарею в Берневале и нарвавшийся на немецкий конвой. Завязался жестокий бой. Десантные катера 3-го отряда разметало и потрепало».

Еще как потрепало. Отряд коммандос № 3, базировавшийся в Сифорде и до начала операции не имевший никаких контактов с отрядом № 4, двигался к своей цели на 24 пехотно-десантных катерах при поддержке десантных барж ПВО, вооруженных двумя четырехдюймовыми пушками. Дернфорд-Слейтер и его группа

управления находились на паровой канонерке, возглавлявшей и защищавшей эту минифлотилию. Все шло согласно плану, пока их не заметил немецкий конвой. Идущий в авангарде зенитный корабль тут же начал стрелять трассирующими снарядами. Британская паровая канонерка получила серьезные повреждения. По меньшей мере, половина матросов и десантников, находившихся на борту, была убита или утонула. Канонерка, ковыляя, вышла из боя, и домой ее дотащили на буксире.

В результате нападения десантно-высадочные суда, несущие большую часть отряда № 3, были разбиты и многие затонули; находившиеся на них десантники и члены экипажей были убиты или утонули. Только четыре из двадцати четырех десантно-высадочных судов добрались до берега. Уцелевшие 18 десантников начали пробиваться к батарее в Берневале. Превосходящий во много раз противник оттеснил их обратно на берег после более чем двухчасового сражения. Британцы обнаружили, что начался отлив, и их суда оказались на суше. Только горстке удалось бежать, остальные попали в плен.

Отряду коммандос № 4 повезло больше. Ловат разделил свою группу на две части: одной предстояла лобовая атака на батарею, другая должна была атаковать с тыла. Стреляя на ходу, Питер Скотт подвел свою канонерку так близко к берегу, как только было возможно. Высадка прошла успешно, однако к батарее вели две очень узкие лощины, заблокированные колючей проволокой. Одна была совершенно непреодолима, однако вторую разнесло взрывом торпеды Бангалор. Десантники проложили себе тропинку, набросив сверху проволочную сетку, рулоны которой несли как раз на такой случай. Немецкие солдаты, защищавшие батарею, теперь точно знали о высадке на своем участке, и на десантников обрушился град снарядов из хорошо замаскированного наверху орудийного окопа. Тут ударила двухдюймовая пушка и, как сказал Патрик Портьюс, «по какой-то невероятной случайности снаряд попал прямо в орудийный окоп, где находилась куча кордитовых (из бездымного пороха) зарядов, и выстрелы тут же смолкли. Орудийный окоп загорелся вместе с наброшенными сверху камуфляжными сетями. Весь орудийный расчет погиб».

На этой стадии операции пушки стреляли по кораблям с главными штурмовыми силами. Немецкий наблюдательный пункт находился на ближайшем маяке. Фонарь на маяке мигал, и двоих десантников из 4-го отряда отправили перерезать телефонные провода, соединявшие батарею с маяком, для чего предстояло забраться на телеграфный столб. Тем временем обе группы 4-го отряда начали выдвигаться к цели. Вот что пишет Джордж Кук:

«Маяк все еще мигал, и я подумал, что нас ожидает далеко не радушный прием. Из долговременных огневых сооружений стреляли трассирующими снарядами. Лорд Ловат, проходя над колючей проволокой, повернулся ко мне и сказал небрежно: «Они стреляют слишком высоко». Рост лорда Ловата шесть футов, мой — четыре фута четыре дюйма, так что я подумал: если стреляют выше его головы, то уж мне опасность точно не грозит. Вообще-то стреляли и из минометов, и четверо или пятеро наших парней выбыли из строя еще до того, как мы добрались до берега; кого-то ранили, кого-то убили. Один из санитаров, Джимми Паскаль, остался с ними на берегу помочь, чем мог, а мы двинулись вглубь. По дороге мы наткнулись на табличку с черепом и костями и надписью «Achtung Minen» («Осторожно, мины»). Берег был заминирован, но мы просто побежали вперед. Я не слышал разрывов мин, значит, никто не подорвался. Под обстрелом мы покинули берег. Я был впереди группы.

И вдруг мы увидели крохотный домик и не поверили глазам своим, когда из домика выбежала женщина, произнесла «Bonjour» и помахала нам бутылкой вина, приглашая выпить. Но у нас не было времени, мы просто отсалютовали ей и побежали дальше. Затем наши пути разошлись. В моей группе были сержант Дезмонт, сержант Хоум, младший капрал Диблок, рядовой Томми Брануэл и капитан Портьюс. Мы подошли к дому и решили, что там немцы. Томми Брануэл стал стрелять по замку, когда я заметил, как из выкопанного в земле бомбоубежища выглядывают какие-то люди. Это оказался хозяин дома с семьей. Они подошли и сказали нам: «Здесь немцев нет; они вон там». Мы велели им вернуться в убежище и не высовываться, если они не хотят погибнуть. Мы пошли дальше и тут я в первый раз заметил батарею. Вообще-то я услышал выстрелы. Я слышал: бум, бум, бум. Затем увидел, как из барака вышел парень, одетый во все белое, явно повар. Он начал мочиться в конце барака. Он стоял там и мочился, а я думал: «Чтоб мне провалиться».

Потом вдруг раздались выстрелы, и один из наших стал стрелять в сторону батареи. Я подумал, что немцы их уже обнаружили и они решили рискнуть. Кто-то, кажется Спирман, попал в немца на зенитной башне, и тот ласточкой пролетел 60 футов до земли. Под обстрелом мы добежали до батареи во фруктовом саду, и я с сержантом Хоумом стал резать колючую проволоку. Я услышал тихое «ах» и поднял глаза. Я увидел, как сержант Хоум споткнулся, из его груди хлынула кровь. Он тут же умер, что было для меня шоком, так как он — самый крепкий парень из всех, кого я знал. Он воевал на северо-западной границе Индии и в Палестине, он хорошо знал свое дело. Я

думал, что всегда буду радом с ним. Но я дорезал проволоку, вернулся к Портьюсу и доложил: «Сержант Хоум мертв. Его подстрелили».

И в следующий момент… бух, и это уже был я. Я получил пули в лицо, в плечо, должно быть, из пулемета. Я упал как подкошенный, и больше ничего не помню. Когда я очнулся, солнце светило вовсю и было полно мух. Я попытался встать, хотя бы пошевелиться, и не смог. Я потерял слишком много крови, я был весь пропитан кровью. Как раз когда я очнулся и попытался собраться с мыслями, подошли три немца. Один ткнул меня штыком прямо в горло и сказал по-английски: «Можешь двигаться?» Я сказал: «Нет, я пытался. Не могу». Они обыскали мои карманы, забрали сигареты и тут же закурили. Тот, что говорил по-английски, спросил, не нужно ли мне чего. Я сказал, что хочу пить. Подошли две француженки, и немец велел им принести мне попить. И добавил: «Мы за тобой вернемся». Они ушли. Одна из женщин, постарше, положила мою голову себе на колени; другая принесла чашку и попыталась напоить меня. Мне снесло часть лица и нижнюю челюсть, осталась просто большая дыра. Я не мог пить. Они вернулись со стаканом и вливали мне в горло вино ложкой. Потом они меня оставили. Снова я очнулся в фургоне для перевозки скота. Вокруг были еще раненые. Должно быть, после вина я потерял сознание. Стемнело, в фургоне стонали раненые, в основном канадцы… потом я снова вырубился»[15].

Десантники из отряда коммандос № 4 продолжали наступать. Они помнили приказ: всех раненых и убитых оставлять на месте. Хотя коммандос понесли серьезные потери, в окончательном штурме участвовало еще много людей. Патрик Портьюс, временно откомандированный из другой роты, не принимавшей участие в атаке, в конце концов оказался командиром роты «F», нападавшей на батарею с тыла:

«Мы поднялись на дамбу. Большую часть пути, примерно милю, пришлось идти вброд, поскольку немцы затопили долину. Затем мы повернули налево через открытую местность позади немецких оборонительных укреплений и попали в маленькую рощу позади батареи, которую должны были атаковать. В атаку шли две роты: «B» и «F». Я был с ротой «F» слева. Нам удалось добраться туда без каких бы то ни было проблем. В районе батареи мы наткнулись на грузовик, из которого как раз начали выгружаться немецкие солдаты. Очевидно, они приехали из Сент-Маргерит или еще откуда-то в той стороне. Нам удалось напасть на них еще до того, как все выбрались из грузовика, мы многих убили из «Томми-ганов» (пистолетов-пулеметов «Томпсон»).

Потом мы начали пробираться дальше: там было полно маленьких коттеджей, изгородей и тому подобного. Роджер Петтиуорд, ротный командир, был убит снайпером, а другой младший офицер, Джон Макдоналд, командир взвода, был убит брошенной в него гранатой, так что мне пришлось командовать ротой. Я шел по узкой тропинке к батарее — дамба была слева — и вдруг увидел немца, выскочившего с другой стороны. Я бросил в него гранату Миллса, а он швырнул в меня гранату с рукояткой. Как только гранаты взорвались, я выскочил оглядеться, но, к несчастью, он выскочил чуть раньше и прострелил мне левую руку, я спрятался и наложил на руку повязку. Мы двинулись дальше и потеряли еще несколько человек: кого пристрелили снайперы, кого взорвали гранатами. Мы растянулись вдоль насыпи, дававшей нам некоторое укрытие. Я связался с группой управления, приближавшейся к батарее, и мне сказали: «Вперед, пора атаковать»».

Роты «B» и «F» с примкнутыми штыками бросились к орудийным окопам. 90 метров, которые предстояло преодолеть, казались милей. Патрик Портьюс был снова ранен, на этот раз в бедро, из раны хлынула кровь. Портьюс, ковыляя, дотащился до окопа и упал, ослабев от потери крови. Тем временем штурм батареи продолжался. Происходящее очень красочно обрисовал Доналд Гилкрист:

«Наш взвод побежал вперед. Рядом с нами зашелестела изгородь. «Брен» дернулся в руках Маршалла. Краем глаза я с удивлением увидел, как оседает серый мундир. Гранаты взметнулись в воздух и разорвались в правом орудийном окопе. С примкнутыми штыками, издавая леденящие душу вопли, коммандос неслись в атаку… Острая как бритва шеффилдская сталь раздирала кишки батареи Варанжвиля. Крики, дым, запах горящего кордита. Безумные моменты скоро закончились. Стих ружейный огонь из зданий за изгородью, во дворе лежал раненый коммандос. Из мрака сарая появился ранивший его немец. Коммандос подскочил и ударил ботинками по вытянувшемуся лицу. Капрал поднял руку. Мы прекратили огонь. Капрал прицелился и нажал на курок. Немец схватился за живот, словно пытаясь вытащить пулю. Четыре пары глаз мрачно смотрели на его страдания. Стальных глаз. Ни злорадства, ни жалости к врагу, не имеющему моральных принципов, не ведающему сострадания…»

Подошла команда подрывников со сборными зарядами «пластик 808». Подрывники открыли казенные части орудий, затолкали туда заряды и закрыли казенники, поставив механизм замедленного действия на две минуты. Все орудия были

заряжены 100-фунтовыми зарядами, и взорванные дула раскрылись, как банановая кожура. Пушки полностью вышли из строя. Взорвав орудия, отряд коммандос № 4 выполнил свою задачу и теперь должен был быстро отступить. По свидетельству Бернарда Дэвиса, ветерана Дюнкерка, вступившего после эвакуации в 4-й отряд, десантники убили или ранили 400 немцев. Нескольких взяли в плен, чтобы нести раненого Портьюса на носилках, наспех сделанных из выдранных из сарая досок. Пленники не знали точного расположения мин и сильно нервничали. 4-й отряд возвращался, потеряв из 265 десантников 45 убитыми или пропавшими без вести. Отряд № 3 понес еще большие потери. Их практически обескровили: 117 убитых, раненых или пропавших без вести из 420 коммандос.

Возвращающиеся коммандос 4-го отряда видели вдали контуры союзных кораблей и уже начавшуюся высадку основных сил. Портьюс вспоминал:

«Одно из десантно-высадочных судов прикрыло наш отход дымовой завесой. Наше судно из-за отлива стояло довольно далеко от берега. Меня тащили два немца; бедняги тряслись от страха, думали, что им перережут глотки или еще что. Меня перенесли сначала на паровую канонерку Питера Скотта, где санитар старательно перевязал мне ногу и руку, затем транспортировали на эсминец. Операцию прикрывали шесть эсминцев класса «охотник». Вот и все наше военно-морское обеспечение — только маленькие 4,5-дюймовые пушки, честно говоря, не очень эффективные. Эсминец, на котором был я, подошел подобрать раненых в ужасной неразберихе, царившей вокруг Дьеппа, в этой ужасающей бойне. Когда мы полностью загрузились ранеными, около нас упала бомба с немецкого самолета. Свет погас, жуткое ощущение. Мы плыли около суток и добрались до Портсмута где-то в час следующей ночи. Я провел в госпитале шесть недель и позже обнаружил, что награжден крестом Виктории. Я так и не понял за что. Думаю, мне очень повезло, чертовски повезло, что я был награжден».

Скромность Портьюса, немедленно повышенного в чине до майора, подтверждается цитатой из приказа о его награждении крестом Виктории. Там признано, что отряд, которым он командовал, достиг самых успешных результатов в катастрофической операции:

«Майор Портьюс был назначен офицером связи между двумя подразделениями, в чьи задачи входил штурм береговых батарей тяжелой артиллерии. В первой атаке майор Портьюс, находившийся в меньшем из двух подразделений, был ранен в руку с близкого расстояния. Пуля прошила ладонь и вошла в

плечо. Не утратив присутствия духа, майор Портьюс бросился на противника, обезоружил, заколол штыком и тем самым спас жизнь британского сержанта, на которого немец нацелился. Тем временем больший отряд застрял, его командир был убит, а старшина тяжело ранен. Почти сразу же был убит единственный оставшийся в живых офицер. Несмотря на губительный огонь, майор Портьюс без колебаний пересек открытое пространство и принял командование этим отрядом. Сплотив солдат, он повел их в атаку на немецкие позиции и во второй раз был тяжело ранен. Хотя пуля попала в бедро, майор вместе с товарищами сражался врукопашную и потерял сознание уже после того, как орудия были уничтожены. Доблестное поведение майора Портьюса, его блестящее командование и ревностное служение долгу вдохновили весь отряд».

Примеров храбрости десантников можно привести множество, но операция неумолимо двигалась к логическому завершению: на пляжах Дьеппа разворачивалась кровавая бойня. Немецкая артиллерия изрыгала жесточайший огонь. В небе кипел бой между самолетами союзников и «Люфтваффе». Волна за волной налетали немецкие бомбардировщики и истребители, атакуя десантирующиеся канадские войска, их лодки и корабли. На десять часов воцарился настоящий ад.

Те отряды, которым все же удалось добраться до берега, непрерывно обстреливались с соседних утесов, с хорошо защищенных вражеских позиций.

Атаки начались с обоих флангов, затем в центре на пляжах Дьеппа, и поражение следовало за поражением. Королевский полк Канады (Royal Regiment of Canada), который должен был ударить по батарее «Роммель», пристроился не за той канонеркой, и их старт задержался на двадцать минут. В результате при высадке они попали под лучи прожекторов. О неожиданной атаке пришлось забыть, их буквально изничтожили: в тот день вернутся только 60 человек из 543. Три взвода подкрепления канадского батальона «Черной Стражи» (Королевского Хайлендского полка) (Black Watch, Royal Highland Regiment) накрыло на берегу минометным и автоматным огнем, и в конце концов они были вынуждены капитулировать. Из тех, кто высадился, 200 были убиты и 20 позже умерли от ран, остальных взяли в плен. В тот единственный день канадский батальон понес свои самые большие потери за всю войну.

В Пурвиле у канадцев, Южно-Саскачеванского полка (South Saskatchewan Regiment) и Королевского собственного полка Камеронских хайлендеров (Queen’s Own Cameron Highlanders) дела сначала шли получше. Они форсировали реку Си и

двинулись к Дьеппу. Однако немцы быстро мобилизовались, и интенсивным артиллерийским и воздушным обстрелом оба подразделения были остановлены почти рядом с их целями. Потери при отступлении оказались многочисленнее, чем при атаке.

Главный штурм каменистого пляжа Дьеппа был назначен через полчаса после фланговых атак. Немецкие солдаты, затаившиеся на позициях в скалах и снайперских точках в отелях, расположенных вдоль эспланады, выжидали. Когда Эссекский Шотландский полк (Essex Scottish Regiment) бросился через открытый восточный участок, враг залил пляж пулеметным огнем. Если бы кто-нибудь в тот момент крикнул «Вспомните Галлиполи», то был бы абсолютно прав; но вряд ли кто-то, кроме командующих, сохранил эти воспоминания, а если и вспомнил, то постарался поскорее отделаться от неприятных мыслей. Действительно, во многих отношениях Галлиполийская операция проигрывалась здесь снова и снова. Тогда — «анзаки» и гурки, теперь — канадцы и коммандос. Штурм Галлиполи британским военным флотом отменили, так как морские военачальники боялись потерять корабли; в Дьеппе тяжелую артиллерию не предоставили вовсе, и лишь мелкокалиберные орудия эсминцев обеспечивали довольно неэффективную поддержку.

Штурм Дьеппа всецело зависел от успеха четырех фланговых отрядов, в Галлиполи также полагались на фланговые атаки. В случае провала — а три атаки в Дьеппе захлебнулись — пляж становился местом массового убийства. Мысы с обеих сторон предоставляли немцам открытый обзор целей и возможность обстрела продольным огнем сверху вниз. У десантников не было ни единого шанса выжить.

Все попытки пробить брешь в дамбе провалились, и войска понесли большие потери. На штурм бросили резервный батальон полк фузилеров Мон-Руайяля (Les Fusiliers Mont Royal) — их постигла та же судьба. Королевский Гамильтонский полк легкой пехоты (The Royal Hamilton Light Infantry) высадился в западной части набережной напротив большого казино и пробился в город, где вступил в ожесточенные уличные бои. На берегу грохотали новые танки «Черчилль», целый танковый полк. Те танки, что не увязли в песке, теряли гусеницы на огромных камнях пляжей. Только двадцати четырем машинам удалось начать движение, только шесть из них успешно преодолели дамбу, но и они вскоре задымились. Тем не менее обездвиженные танки продолжали сражаться, поддерживая пехоту и прикрывая отступление. Экипажи танков попали в плен или погибли в сражении.

Последнему из подразделений коммандос еще только

предстояло вступить в бой. Для большинства из 370 человек, составлявших отряд № 40 морской пехоты, это была первая крупная операция под флагом коммандос. Они ждали в резерве недалеко от берега, и теперь им предстояло разделить судьбу канадцев. Около 11.30 они двинулись в бой и вошли в дымовую завесу на расстоянии около 450 метров от берега.

Когда десантники появились из дыма примерно в 365 метрах от пляжа, немцы открыли по ним огонь из ручных пулеметов. У первого десантно-высадочного судна заглох мотор, и оно беспомощно закачалось посреди разрывов снарядов. Экипажу удалось завести мотор, судно протащилось еще несколько метров и окончательно замерло в 275 метрах от берега. Тем временем остальные суда под командованием подполковника Пиктон-Филлипса приближались к берегу под непрерывным обстрелом. Поняв, что гибель его людей неминуема, подполковник натянул белые перчатки, встал во весь рост на палубе и флажками дал сигнал вернуться под прикрытие дымовой завесы. Он погиб через несколько секунд, а его судно, получив бортовую пробоину, загорелось. Его заместитель, майор Хоутон, был ранен и попал в плен. Несмотря на предупреждение, пехотинцы высаживались на берег. Один из них, Джим Хефферсон, вспоминал: «Повсюду лежали тела, у кромки моря текла кровавая река в ярд шириной. Суда и танки горели, самолеты пикировали чуть ли не на головы; повсюду, раскалывая камни, разрывались снаряды».

Только трем из судов пехотинцев удалось подойти к пляжу, и все, кто находился на них, были убиты, ранены или попали в плен. Вместе с майором Титчем Хоутоном погибло еще несколько человек, когда при высадке снаряд разнес на куски их десантное судно. Ни одному из находившихся на трех судах в тот день не удалось вернуться на базу. Общие потери: 76 человек из 370, хотя многие вообще не попали на берег.

В операции участвовал отряд коммандос № 10 (IA)[16], включавший роту французов и роту{1} «Икс», сформированный из бывших немецких подданных. Все немцы попали в плен, и больше их никогда не видели; несомненно, они умерли страшной смертью. Отряд № 10 потерял шесть из высадившихся восемнадцати человек. Американские рейнджеры также потеряли шесть человек из восемнадцати. Еще одно формирование коммандос впервые бросили в бой в Дьеппе — два отряда коммандос Королевского военно-морского флота (C и D). Они должны были прикрывать пляжи, однако, подобно прочим, некоторые так и не достигли намеченных целей, погибнув по дороге[17]. К середине дня операция «Джубили» практически закончилась. Те, кто сумел вернуться на суда, оставили позади

побоище, подобное которому ни один из них не захотел бы увидеть снова: длинные пляжи Дьеппа, усеянные трупами и горящими обломками танков. Из 4963 канадцев в Англию вернулись только 2210, многие из них раненые. Если учесть, что много канадских подразделений так и не добралось до берега, потери неприемлемы по меркам любой войны. Всего канадцы потеряли 3367 человек, из них 1946 военнопленными и 907 убитыми.

Потери других подразделений были еще страшнее. Только вспомогательные войска не досчитались 3000 человек. Сильно пострадали экипажи кораблей, катеров, десантно-высадочных судов и военно-воздушные силы союзников. ВВС Великобритании задействовали 74 эскадрильи, канадские ВВС — 12. Масштаб воздушной битвы над Дьеппом очевиден из потерь, понесенных союзниками: сбиты 106 самолетов и только 30 пилотов уцелели. «Люфтваффе» потеряли 96 самолетов. Союзники также потеряли 300 десантно-высадочных судов и катеров, 28 танков и 1 эсминец.

Один из летчиков, канадец, упал в море после десятиминутного воздушного боя с немецким истребителем. В тот день ему повезло. Его, уносимого в открытое море, заметили с одного из десантно-высадочных судов, на котором спасались коммандос из отряда № 4. Судно изменило курс. Летчика втянули на борт, кто-то сунул ему в руку консервную банку с саморазогревающимся супом и сказал: «Нравится тебе такая служба?» У летчика не нашлось ответа, зато число потерь уменьшилось на единицу.

Взаимные обвинения вспыхнули уже на обратном пути, однако пиаровская машина в Лондоне была запущена на полную мощность. В официальном сообщении Маунтбеттен говорил о полезных уроках, которые послужат будущему, имея в виду неминуемое вторжение в континентальную Европу, и, как положительную сторону операции, он подчеркивал тот факт, что две трети ударного отряда вернулись домой. Уроки, несомненно, были получены, и не первые, так как все это уже проходили в Галлиполи. Однако стоил ли результат той дорогой цены, что была заплачена, — совершенно другой вопрос, и мнения тут диаметрально противоположны. Спорам предстояло длиться годами, и, совершенно естественно, особую горечь при каждом упоминании Дьеппа испытывают канадцы. Ни одно из главных действующих лиц никогда не признается в поражении, хотя каждый испытывал чувство вины, даже стыд, за происшедшее. У Патрика Портьюса, шесть недель после описываемых событий пролежавшего на больничной койке, было время для размышлений, и он пришел к выводу, разделяемому многими:

Дьепп — полнейшая катастрофа, которая не должна была случиться. Когда он читал статьи в газетах, а позже — автобиографии и биографии армейской верхушки военного времени, его больше всего раздражали часто повторяемые утверждения об «усвоенных уроках», подобные заявлению Маунтбеттена сразу после Дьеппа. Вот слова Портьюса: «Я уверен, что 90 процентов тех уроков можно было усвоить, тренируясь в Британии у Уэймута или в любом другом месте. Взять, к примеру, тяжелые пехотные танки «Черчилль», которые прежде ни разу не участвовали в боях. Они просто рвали гусеницы на камнях: их можно было испытать в Британии и посмотреть, могут ли они работать на каменистом пляже. Мне очень, очень горько».

Кого же винить? Годы спустя в своих мемуарах фельдмаршал Монтгомери утверждал, что в рейде были допущены две серьезнейшие ошибки: решение о замене парашютистов на коммандос и отказ от предварительной бомбардировки немецких укреплений. Маунтбеттен пришел в ярость и уговорил Уилдмена Лашингтона, своего бывшего начальника штаба, написать ему письмо. В этом письме Лашингтон должен был напомнить, что председателем совещания, на котором принимались оба этих решения, был сам Монтгомери. Затем Маунтбеттен скопировал письмо и послал его Монтгомери вместе с поздравлениями по поводу «его замечательного вклада в историю военных успехов». Письмо нисколько не поколебало высокомерия Монтгомери. Он ответил, что не помнит Лашингтона, «слишком мелкую сошку», чье мнение не имеет никакого значения.

Словесную войну продолжили их биографы. Найджел Гамильтон в своей книге о Монтгомери «Монти: становление генерала», опубликованной в 1981 году, назвал Маунтбеттена «мастером интриги, ревнивым и неквалифицированным, который как капризный ребенок играет человеческими жизнями с полным безразличием к потерям, что объясняется его ненасытным, даже психопатическим, честолюбием». Гамильтон пошел еще дальше, заявив, что истинной причиной разгрома послужило невыполненное Маунтбеттеном обещание поддержать десант в Дьеппе артиллерией военно-морского флота, когда вместо серьезной поддержки, ограничились эсминцами класса «охотник». Филип Зиглер, биограф Маунтбеттена, в ответ утверждал, что Маунтбеттен прекрасно сознавал дефицит огневой мощи морской артиллерии и требовал от военно-морского командования линкоры или хотя бы крейсеры для поддержки рейда. Ему отказали.

Зиглер также посоветовал Гамильтону получше изучить сопутствующие подготовке рейда донесения разведки, которые,

как подтвердили вернувшиеся из Дьеппа офицеры, оказались «абсолютно не соответствующими истине». Пререкания ничего не решили. Обвинения и контробвинения лишь усиливали горечь. Однако был еще один аспект этой катастрофы: тайные помыслы самого Черчилля, который фактически осуществил удивительную мистификацию. Черчилль прекрасно понимал все слабости рейда, но не воспрепятствовал ему, хотя и мог бы, ведь сам Монтгомери хотел отказаться от операции. Черчилль находился под сильным давлением американцев и русских, требовавших открыть второй фронт в Западной Европе, чтобы ослабить натиск немцев на Советы. Он знал, что союзники не готовы к такому шагу, и был уверен, что любое нападение на Европу будет отбито. Сколько бы Рузвельт и Сталин ни запугивали Черчилля серьезностью обстановки, он не собирался поддаваться и ввязываться в операцию, еще более опасную, чем унизительный разгром при Дюнкерке. Причем в то же время Монтгомери готовил 8-ю армию к новому и жизненно важному наступлению на Африканский корпус Роммеля — обстоятельство, на которое часто не обращают внимания. Опасность, как вспоминал Черчилль в IV томе «Второй мировой войны» заключалась в том, что Сталин, войска которого громили на всех фронтах, мог попытаться заключить сепаратную сделку с немцами, подобно Ленину в 1917 году. Угроза, по мнению Черчилля, подразумевалась, когда летом 1942 года Сталин послал своего министра иностранных дел Молотова в Лондон и Вашингтон с просьбой открыть второй фронт, дабы «оттянуть 40 немецких дивизий».

Черчилль и думать об этом не желал. Пока генералы, начальники штаба и Военное министерство пререкались друг с другом, он просто пустил все на самотек и на время рейда укатил на Ближний Восток, где купался в Средиземном море. Дьепп должен был создать видимость действий в тяжелые времена. Было бы лучше для дела, если бы высшие командующие поменьше времени тратили на удовлетворение своих самолюбий. Тем не менее после рейда требования открыть второй фронт утихли, а немцы были вынуждены укрепить оборону западной Франции. Более важный момент: Дьепп доказал, что нападения союзных десантов на порты Западной Европы остаются пока несбыточной мечтой. Главный урок Дьеппа, который пригодится только в день «Д»: вторжение должно осуществляться как можно по более широкому фронту, а не против хорошо укрепленных позиций. Этот вывод, как часто доказывал Черчилль, в будущем спасет десятки тысяч жизней. Вот его слова: «В стратегическом отношении рейд заставил немцев осознать опасность, грозившую всему побережью оккупированной Франции. Это помогло сковать

их войска и ресурсы на западе и ослабить давление на Россию. Слава павшим храбрецам: их жертва не была напрасной».

Глава 8. МЕСТЬ ГИТЛЕРА

Захваченным в плен при Дьеппе предстояли суровые испытания, выходящие за рамки лишений, обычных в немецких лагерях для военнопленных. Целая серия инцидентов привела в итоге к позорному приказу Гитлера, приведенному в прологе нашей книги. Патрик Портьюс полагал, что все началось с захваченного в плен канадского бригадира, у которого нашли копию директив и распоряжений к вторжению в день «Д». В документах среди прочего было указано, что немецким военнопленным необходимо связывать руки. Кто так решил и почему, осталось невыясненным.

Вскоре после рейда берлинские газеты сообщили, что большое количество немецких солдат найдено мертвыми на пляжах Дьеппа со связанными за спиной руками и у некоторых прострелены головы. В газетах также утверждалось, что это результат жестоких казней, совершенных десантниками отряда № 4 Ловата, которым приказали не брать пленных. Патрик Портьюс с жаром опровергал это утверждение: «Насколько я знаю, в основной атаке при Дьеппе никаких пленных не брали; десантники были слишком заняты собственным спасением. У нас было трое или четверо пленных, они шли с нами, несли меня и, естественно, не могли это делать со связанными руками. Но инцидент, безусловно, отличное оружие для Гитлера, который держал пленных из Дьеппа в кандалах около шести месяцев».

Гитлер лично приказал, чтобы 2500 военнопленных из Дьеппа, канадцев, британских коммандос и других, захваченных в операции, поместили в особые лагеря и сковали друг с другом. В Британии Военное министерство немедленно заявило, что ни один немецкий военнопленный не был связан или застрелен в пылу сражения. Однако «зуб за зуб», и в отместку за британцев и канадцев были закованы некоторые немецкие военнопленные. Сам Уинстон Черчилль сказал по этому поводу: «Свой страх и злобу Гитлер вымещает на военнопленных, находящихся в лагерях и, следовательно, в его власти. Проявить малейшую слабость перед таким человеком — лишь потворствовать дальнейшим злодеяниям».

Все эти заявления, однако, были сделаны для того, чтобы скрыть правду: британские коммандос действительно застрелили пленных, у которых руки были связаны за спиной. Необходимо вспомнить, что капитан Портьюс был тяжело ранен, и из-под обстрела его выносили немецкие пленные, следовательно, он вряд ли полностью сознавал, что происходило вокруг него.

Детали раскрываются в заявлении Уильяма Спирмана, сделанном полвека спустя после событий, причем, необходимо отметить, что Спирман был одним из самых ревностных почитателей Ловата:

«Когда мы штурмовали батареи, была полная неразбериха. Темно, хоть глаз выколи, отовсюду артиллерийский огонь, над головой самолеты, и, любого, кроме десантника, которого ты знал в лицо, ты просто убивал. Мы получили инструкции привести пленных, но в разгар боя в операции подобного рода вопрос стоял так: убить или быть убитым. Я хочу сказать, что у нас не было никаких шансов брать пленных. Мы знали, что немцев на батарее не меньше трехсот, а мы должны подавить огонь любой ценой. Невозможно дискутировать с самим собой на тему «Что мне делать? Пристрелить или взять в плен?», когда вокруг свистят снаряды. Нет никакой возможности кричать в мегафон: «Эй, вы окружены. Не хотите ли сдаться в плен?». Просто идешь вперед, делаешь свое дело и надеешься уцелеть. К сожалению, многие не уцелели. Мы должны были уничтожать противника и ничто не могло остановить нас.

В конце концов мы выполнили задачу. Когда сопротивление было подавлено и мы взяли в плен несколько немцев, Ловат отозвал меня и еще одного парня, Перси Тумза, и попросил нас найти самый безопасный путь назад, поскольку с нами пленные и раненые. Ходячие раненые и раненые на самодельных носилках, естественно, замедляли наш отход. Я и Перси Тумз нашли наилучшую дорогу, и мы все отправились к берегу искать лодки. Когда мы пришли… вы видели этот длинный кровавый пляж. Может, потому, что мы устали, обратный путь под огнем показался чертовски длинным. Немцы укрепились на вершинах скал и, когда мы появились на пляже, начали стрелять. Десантным судам очень трудно подходить к берегу под огнем. Я помню, что видел всплески в воде, но необходимо было убраться с проклятого пляжа, иначе нас изодрали бы в клочья.

Наступил момент, когда стало ясно, что людей слишком много для имевшихся в наличии судов, и встал вопрос: что делать с пленными. Я, конечно, не участвовал в принятии этого решения. Я был просто одним из парней на том пляже. Но в конце концов решили, что единственный возможный выход: пристрелить некоторых пленных.

Были ли их руки связаны за спиной?

Да. Не могу точно сказать, как это получилось. Но раз нам предстояло тащиться с пленными от той батареи и везти их в Англию, мы должны были как-то их контролировать, чтобы они не были нам обузой и не задерживали нас. Итак, мы решили, что свяжем им руки за спиной у основания больших пальцев крепкой

и очень тонкой веревкой, и тогда, если они что-нибудь попытаются предпринять, веревка чуть ли не срежет им пальцы. В общем, мы так и сделали. Мы не могли вести их другим образом. Они просто шли своим ходом вместе с нами.

Оказывали ли они сопротивление?

Если бы они оказали какое-то сопротивление, то умерли бы, не дождавшись результатов. У них просто не было возможности сопротивляться. Они были связаны; мы сделали это очень быстро и повели их с собой. Но из-за того, что мы были ограничены в плавсредствах, их пришлось убить. Они были застрелены и оставлены на пляже. Это было очень неприятно, потому что никому из нас не нравилось убивать пленных. Я имею в виду, англичане не такие. Несмотря на то, что немцы и японцы творили ужасные вещи, я не думаю, что кому-то из нас нравилось стрелять в пленных. Мы сделали это не потому, что мы убийцы, мы просто завершали операцию».

То, что через много лет после событий подтвердил Спирман, доказало собственное расследование Гитлера, и его ярость бушевала все последующие недели, а новые рейды планировались и проводились именно в той манере, которая как будто нарочно раздразнивала фюрера.

Речь уже не шла о рейдах в масштабах Дьеппа. Сосредоточились на вторжении — операции «Торч», высадке союзных войск в Северной Африке в ноябре 1942 года. А пока штабисты Объединенных операций Маунтбеттена переключились на мелкие рейды и увеличение количества отрядов, подобных коммандос, которые должны были совершать налеты на захваченные противником территории Средиземноморья, французское побережье и Нормандские острова.

Одним из таких отрядов был Смолл Скэйл Рэйдинг Форс, ССРФ (Small Scale Raiding Force), под кодовым названием «отряд коммандос № 62», сформированный осенью 1941 года на основе роты «В» отряда коммандос № 7. В то время специалистами по шпионажу, диверсиям и убийствам располагали лишь коммандос, и двоих из блестящих и изобретательных молодых офицеров отряда, капитана Гаса Марч-Филиппса и лейтенанта Джефри Эпплйарда, откомандировали в Спешиэл Оперэйшнз Экзекьютив (СОЭ) Special Operations Executive (SOE) тренировать пополнение. Им также необходимо было судно для доставки обученных агентов к намеченным целям, задача, которая обычно выполнялась СБС. Довольно привычным зрелищем в Средиземноморье была поднимающаяся на поверхность британская субмарина. На корпусе появлялся мужчина в костюме с портфелем, которого под покровом темноты с риском для жизни

доставляли на берег в байдарке.

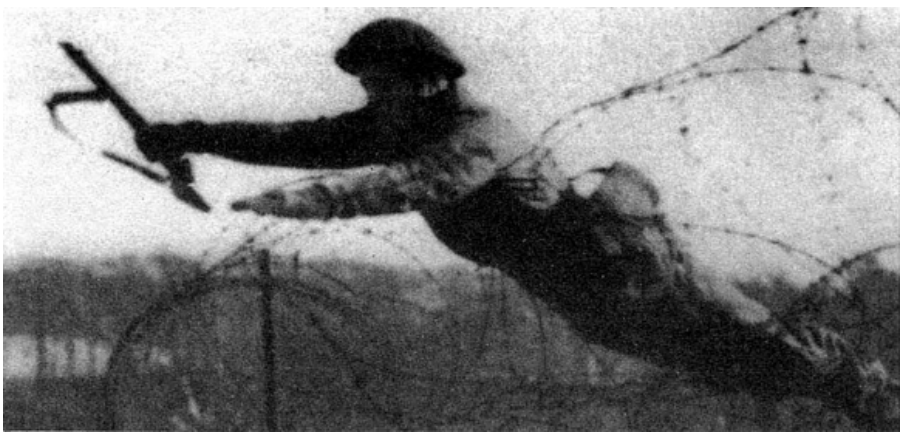
Одним из тех, кто появлялся на корпусе подлодки, был Марч-Филиппс. В его базовую группу входили Дэвид Стерлинг, Роджер Кортни, Пэдди Мейн, Майк Калверт, и кто-то из них отозвался о нем, как о «храбром идеалисте и донкихотствующем гении». Марч-Филиппс собрал такую же, как он сам, беззаветно храбрую команду и сумел достать очень крепкое судно, траулер «Мейд Онор» («Maid Honor»), реквизированный специально для десантов и в качестве плавучей базы отряда скромно стоявший на якоре в Пуле. Однако перед десантниками неожиданно поставили более серьезную задачу: обнаруживать подводные лодки противника у западного побережья Африки и докладывать о их местонахождении. Отряд с профессиональным шкипером перебазировался во Фритаун и уже оттуда отправлялся на тайные миссии по заданию СОЭ (SOE). Об этих миссиях нигде и никогда не упоминалось, хотя они, безусловно, имели большое значение, поскольку 24 июля 1942 года Марч-Филиппс был награжден орденом «За боевые заслуги», Эпплйард получил пряжку на орденскую ленту своего «Военного креста», а еще одного члена группы, Грэма Хейза, также наградили «Военным крестом»[18].

Маунтбеттен хорошо знал историю «Мейд Онор» и встретил команду, когда она в феврале 1942 года вернулась домой в отпуск. Он заявил, что они станут отличным штурмовым отрядом под эгидой его Объединенных операций. Отряд «Мейд Онор» — это имя они взяли в Лагосе — окончательно вернулся в Англию летом, а траулер впоследствии был продан. Хотя официально отряд контролировался и финансировался СОЭ, Маунтбеттен забрал его для «интересных маленьких поручений» в британских водах. Группе придали моторный торпедный катер № 344, который вскоре стал ее собственностью, и поручали налеты на побережье Франции. Первый испытательный десант был осуществлен за пару ночей до Дьеппа. Отряд высадился к северу от Шербура, убил трех немцев, провел разведку прилегающей территории и вернулся домой. На самом деле десантники должны были высадиться выше по побережью и атаковать зенитную батарею в Барфлере, но промахнулись, однако эту оплошность предпочли не заметить.

Второй рейд был осуществлен 3 сентября. Десантники напали на маяк в Ле Каскет (Les Casquets) у Нормандских островов, чтобы захватить персонал, документы и шифровальные книги. Маяки всегда были хорошим источником шифров, и этот не стал исключением. Марч-Филиппс взял в рейд 11 человек. Десантники взобрались на 25-метровый утес, напали на маяк и обнаружили всех обитателей спящими. Захватив без единого выстрела

семерых немецких солдат и двух телеграфистов, они вернулись в Британию. Согласно рапорту, «на захваченных в постелях немцах были сетки для волос, и одного из них командир принял за женщину».

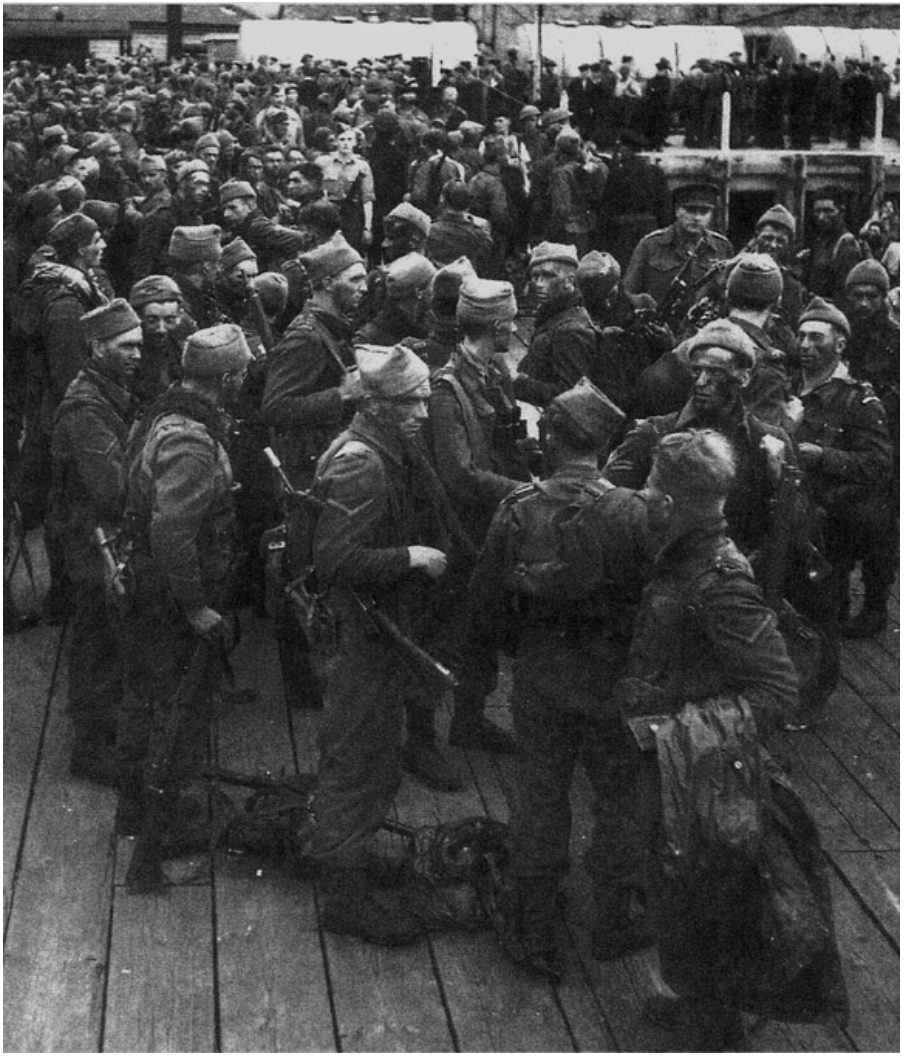
Десантники с пленными благополучно вернулись на базу, доставив много полезной информации. Успех этой миссии вдохновил другие: высадку в Иль Буру на Нормандских островах 8 сентября, а пять ночей спустя на французском побережье. Десантники должны были высадиться рядом с приморской деревушкой Сент-Онорин в западном секторе берега, впоследствии выбранного для десанта в день «Д», провести разведку, атаковать первый попавшийся немецкий опорный пункт и захватить пленных. Однако их ожидала неудача.

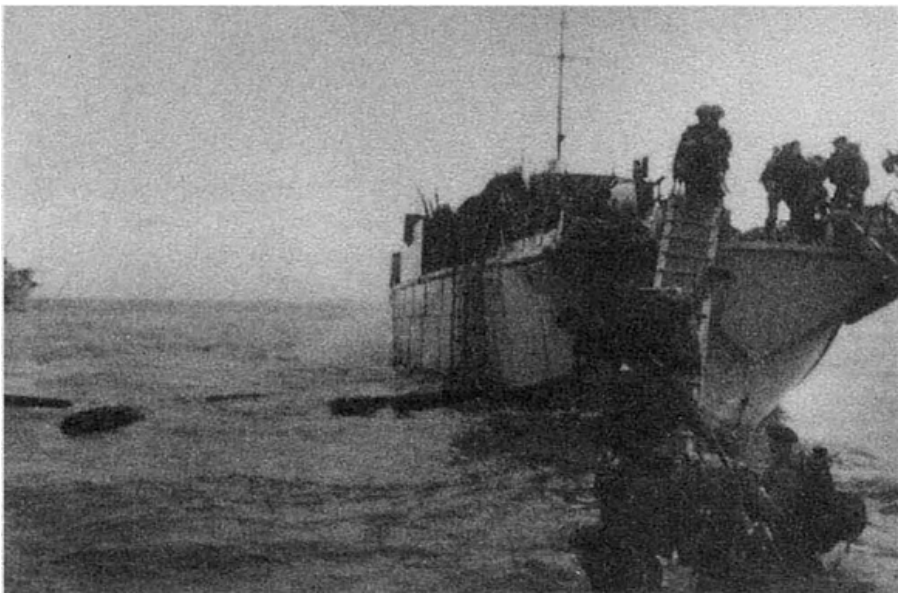

106

X TROOP 46 RM COMMANDO
Cpl. Ted Ford. Marine Waddington Marine Green Marine R Rogers
My Self

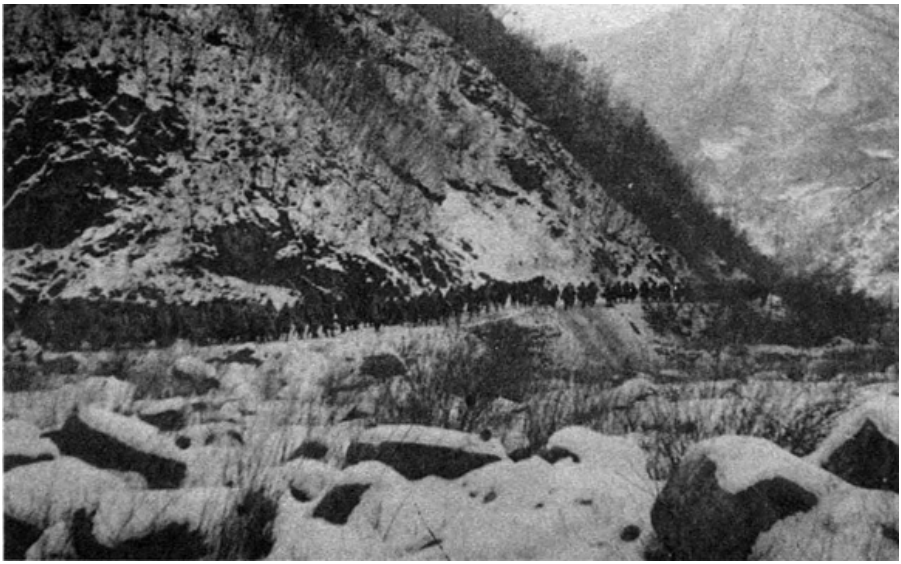

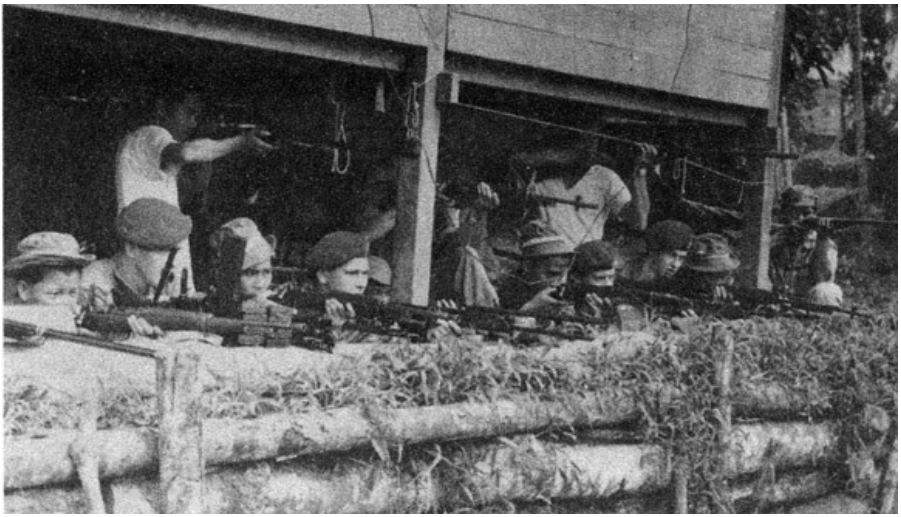

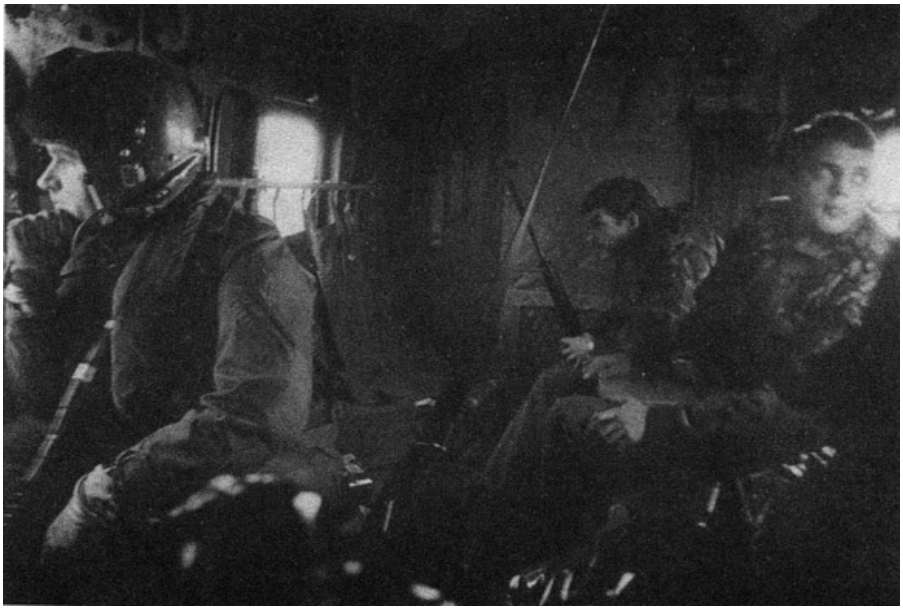

Аэрофотографии места высадки ясно указывали на небольшое количество немцев, но, к несчастью, в безлунную ночь сложно было найти намеченный пункт, и Марч-Филиппс подвел катер близко к маленькой гавани Сент-Онорин. Одиннадцать человек отправились к берегу на лодках «Гоутли», а Джефри Эпплйард, повредивший лодыжку в рейде на маяк, остался на катере. Вскоре после высадки десантники напоролись на немецкий патруль. С катера Эпплйард услышал автоматный огонь и крики: сначала голос Марча-Филиппса, затем Грэма Хейза, и, хотя он не мог точно разобрать слов, казалось, что его зовут на помощь.

В тот же момент на катер обрушился сильный огонь. Эпплйард быстро отвел катер в море, а когда вскоре вернулся, то увидел приближающиеся немецкие патрульные катера. В такой ситуации ему пришлось бросить своих товарищей на берегу. Несколько дней спустя данные разведки подтвердили самые худшие опасения: Гас Марч-Филиппс погиб, утонул у берега, явно пытаясь добраться до катера. Двое других, сержант Уильямс и рядовой Леонард (настоящее имя Лечнайгер) были застрелены немцами, семеро оставшихся взяты в плен и отправлены в лагеря; двое из них впоследствии бежали, остальные находились в лагерях до конца войны. Грэм Хейз бежал во время схватки, затем связался с местными участниками французского Сопротивления, которые переправили его в Испанию, где он поверил, что находится в безопасности. К несчастью, его раскрыл предатель. Хейза арестовали и передали немецким властям. Его отправили в Германию, и он находился в одиночном заключении девять месяцев, а в июле 1943 года был расстрелян, как британский коммандос.

К тому времени приказ Гитлера об уничтожении всех британских коммандос выполнялся неукоснительно и, по иронии судьбы, в этом, до некоторой степени, были виноваты выжившие члены ССРФ Марча-Филиппса. Джефри Эпплйарду, по совету Маунтбеттена, поручили командование новым отрядом; он быстро привел его в боевую готовность, стараясь забыть о трагической потере товарищей. В этом ему снова помог Маунтбеттен, предложив отправиться в рейд после двухнедельной подготовки. Новая команда во многих отношениях стала важной вехой в истории маленьких десантных отрядов. В отряд вошли датчанин лейтенант Андерс Лассен, ставший легендарной фигурой в САС и героем операции при озере Комаччио в составе коммандос морской пехоты, и капитан Филип Пинкни, еще одна будущая звезда САС, заслуживший сомнительную славу тем, что умел мгновенно превратить в пищу все, что ползало, прыгало, ходило и росло.

Пинкни и еще четырех добровольцев перевели в ССРФ из отряда коммандос № 12. Они и семь остальных членов группы составили десант на остров Сарк ночью 4 октября все на том же катере 344. Они поставили перед собой сложную задачу: взобраться на 45-метровый утес. Ловкий Лассен отправился первым разведать обстановку, но не нашел ничего интересного и присел у железнодорожных рельсов в ожидании товарищей. Отряд направился к коттеджам, оказавшимся необитаемыми, а затем к дому, где предположительно находились немецкие солдаты.

Десантники проникли в дом через окно и обнаружили лишь одинокую вдову. Франсис Питтар оказалась дочерью бывшего офицера военно-морского флота и вдовой начальника медицинской службы острова. За следующие полчаса, потчуя грязных мрачных десантников кофе, она сообщила им много сведений о немецких солдатах и, главное, о том, где их можно найти в данный момент. Немцы занимали флигель «Дикскарт отеля» недалеко от дома Франсис.

Хотя десантники предложили вдове вернуться с ними в Англию, Франсис отказалась, сказав, что всю жизнь прожила на Нормандских островах и не собирается бежать из-за нескольких фрицев. В темноте отряд отправился к отелю. Нигде не было ни одного часового. Сонный остров Сарк явно не считался вероятным местом появления ночных гостей. Десантники тихонько проникли в темный отель, быстро обыскали помещения и обнаружили пятерых немцев, спящих так крепко, что успели прихватить документы, оружие и лишь потом разбудили и схватили немцев прямо в ночных сорочках и пижамах.

В темноте один из пойманных пытался бежать, был схвачен, но не угомонился и был застрелен при повторной попытке к бегству. Трое других кричали и визжали, пытаясь в суматохе улизнуть. Двоих пристрелили тут же, а третий был застрелен «случайно», когда его пытались утихомирить. Пятый немец благоразумно замер, высоко подняв руки. Его-то и привезли в Англию.

Однако через два дня стало ясно, что один из четверых, считавшихся убитыми на Сарке, выжил и доложил начальству о событиях той ночи. Немецкое высшее командование немедленно заявило в прессе, что британцы продолжают свое грязное дело: четверо солдат на Сарке связаны и убиты британскими коммандос. Было перечислено несколько подобных инцидентов и сделан вывод о том, что десантников специально натаскивают на связывание и убийство пленных, с которыми некогда возиться. Немцы также заявили, что подобное варварство наблюдалось при Дьеппе и ранее, на Лофотенских островах, когда коммандос связывали пленных, затыкали им рты кляпами и убивали тех, кто собирался сдаться в плен. Жестокость коммандос на Лофотенских островах, как мы помним, косвенно подтверждается свидетельством Бернарда Дэвиса лет пятьдесят спустя, которое мы привели в главе 3: «Нескольких немцев мы убили, на мой взгляд, без всякой необходимости. Они все равно сдались бы в плен».

Другими словами, их застрелили до того, как они успели поднять руки. Этот вопрос поднимал и Роналд Суэйн, попавший в плен при Сен-Назере и вместе с другими военнопленными закованный на некоторое время в кандалы. Ситуация обсуждалась и тогда, и после войны. Суэйн настойчиво утверждал:

«Гитлер представлял нас безжалостными убийцами. Это абсолютно фальшивый образ. Офицеры и солдаты коммандос отбирались очень тщательно. Большинство из нас были хорошо развиты физически, занимались спортом, получали удовольствие от горных походов. Я считаю, что мы вовсе не были убийцами, офицеры уж точно. Многие позже написали книги. Они были интеллигентами, всем, чем угодно, только не убийцами. Однако несколько человек, оказавшихся на вражеской территории, всегда испытывают трудности. Если вы захватываете много врагов, проблема в том, что с ними делать. На самом деле я не знаю, убивали ли коммандос пленных. Я знаю, что в одном рейде, кажется на Ваагзе (Лофотенские острова), солдат поощряли стрелять во врагов прежде, чем они успеют поднять руки, другими словами, для того, чтобы слишком много людей не сдалось в плен. Однако это оказалось бесполезным: в плен попало

очень много солдат, что создало определенные проблемы.

Лично я никогда не видел никаких расстрелов. Полагаю, такое случалось. То есть в каждом стаде найдется паршивая овца. Да, мы считали таких паршивыми овцами. Подобное поведение противоречит моим взглядам, а также взглядам тех, с кем я служил. Естественно, коммандос всегда атаковали жестоко, чтобы ошеломить противника».

Однако сразу после рейда на Сарк дела приняли новый оборот. 9 октября немецкое главное командование, представившее свои войска абсолютно непорочными, — явная ложь, конечно, приказало заковать 1376 британских военнопленных, с уверенностью опознанных как коммандос, и сторожить их круглосуточно. Берлинское радио объявило, что это результат «варварских и неуклюжих методов, используемых британским военным руководством». На следующий день британские и немецкие газеты сообщили, что Красный Крест выступил посредником и есть надежды на то, что военнопленных освободят от кандалов. Переговоры протекали медленно и полностью прекратились, когда известие о рейде на Сарк достигло ушей фюрера.

Гитлер закатил одну из своих знаменитых истерик и продиктовал приказ, известный как позорный «Приказ относительно обращения с коммандос», опубликованный в виде меморандума 18 октября 1942 года. Отныне всем армейским командирам предписывалось убивать на месте любого взятого в плен коммандоса и уничтожать до последнего человека все отряды коммандос, вступившие в бой с немецкими солдатами; нарушения приказа не могут быть оправданы никакими причинами.

Более того, немцы нанесли удар возмездия по Сарку, депортировав Франсис Питар и еще несколько человек во Францию под наблюдение военных властей, чтобы восстановить жителей Нормандских островов против коммандос, «бесчинствующих» на их родной земле. Переговоры о закованных военнопленных временно прекратились, но Красному Кресту удалось возобновить их, и наконец было достигнуто соглашение, по которому 12 декабря военнопленных в немецких лагерях освободят от цепей, если британское правительство пообещает издать приказ, запрещающий связывать пленников на поле боя или в лагерях для военнопленных.

Несмотря на соглашение, приказ, касающийся казни коммандос, взятых в плен на оккупированной немцами территории, остался в силе, как и было вскоре продемонстрировано. Осенью 1942 года Маунтбеттен,

подгоняемый Черчиллем, благословил серию рейдов малыми силами, дабы изматывать немцев, пока союзники осуществляют самый масштабный десант в войне — операцию «Торч».

Некоторое время немцы держали позорный приказ в секрете. Если бы коммандос знали о нем, то высказались бы просто: «Гитлер, да пошел ты…». Десантники ССРФ, не обескураженные вновь разгоревшейся из-за связанных военнопленных шумихой, увеличили личный состав втрое. К концу октября к потрепанному МТК 344 добавилось шесть моторных лодок береговой охраны с временно прикомандированными группами и тремя подразделениями из отряда коммандос № 12. Командование операцией поручили майору Биллу Стерлингу.

Как и его брат Дэвид, сломя голову носившийся по Северной Африке со своим САС, Билл Стерлинг стойко верил в необходимость диверсионно-десантных действий. Теперь уже в чине подполковника, ему предстояло вести свой отряд бок о бок с еще одним новым подразделением, набранным из регулярных частей 102-й бригады морской пехоты и названным Джей-Форс (J-Force). Это подразделение капитана ВМС Дж. Хыо-Халле-та базировалось в Каусе на острове Уайт. Хыо-Халлет и Стерлинг должны были сообща разработать план и представить его на одобрение лично Маунтбеттену. Первый десант в новом качестве, руководимый Питером Кемпом, отправился на разведку оборонительных укреплений на побережье Бретани около Пуэн де Луезек (Pointe de Louezec).

С трудностями преодолев минное поле, десантники вскоре после высадки натолкнулись на немецких часовых. Один из десантников швырнул гранату, и о результатах нам расскажет сам Кемп: «Страшный взрыв и ослепительная вспышка вспороли тишину ночи. Часовые кричали так, что я никогда этого не забуду… Я оцепенел от ужаса. Невозможно было поверить, что тихие ленивые голоса, доносившиеся до нас, в одно мгновение превратились в нечеловеческие визги, полные невыносимой боли и страха».

Десантники обстреляли часовых из автоматов. С винтовками наперевес выбежали еще два немца и тут же были застрелены. Поскольку стычка нарушила план Кемпа, он подал знак к отходу; британцы бросились к своим лодкам и, растворившись в темноте, без приключений вернулись на базу. Повторный рейд через четыре ночи, включавший вновь набранных людей из отряда коммандос № 12, был отменен из-за плохой погоды. Метеоусловия часто влияли на вылазки десантников.

Тем временем готовился еще один крупный рейд, только в нем — вместо высадки с моря — планировалось применить

воздушный десант. План операции «Фрешмен», отчаянный и, как утверждали некоторые, невероятно безрассудный, принадлежал лично Маунтбеттену. Хотя операцию нельзя назвать чистой операцией коммандос, предполагалось использовать их методы, и поэтому для помощи регулярным войскам привлекли советников из числа коммандос.

В течение нескольких месяцев британская разведка получала ценную информацию от норвежских агентов о том, что нацисты форсируют работы на сверхсекретном заводе, связанном с проектом немецких ученых по созданию атомной бомбы. Производство тяжелой воды, одного из важнейших компонентов, было сосредоточено на заводе фирмы «Норс Гидро» в Рьюкане в центре области Телемарк в 60 милях к западу от Осло и 80 милях от побережья среди самых высоких гор Норвегии. Еще в начале 1942 года из Берлина пришел приказ утроить производство. Стало ясно, что немцы пытаются создать атомную бомбу раньше союзников и могут в этом преуспеть.

Хотя информация была довольно отрывочной, в Лондоне решили вывести завод из строя и отсрочить немецкий атомный проект любой ценой. Агенты норвежского Сопротивления и британские шпионы обследовали район с земли, была проведена аэрофотосъемка. Карты и фотографии, доставленные в Лондон, ясно показали грандиозность проблемы. Кольцо немецких войск, наверняка неуязвимая система безопасности в сочетании с естественными преградами исключали успех обычной атаки.

Подобраться к заводу, расположенному под горой Гаустал Фьелль высотой 1646 метров, было практически невозможно. С одной стороны долина, густо поросшая высокими деревьями и кустарником. С трех других — резкий подъем на 760 метров от русла реки. Сам завод расположен на скалистом уступе, нависающем над долиной на высоте в 305 метров. К нему ведет единственная и хорошо охраняемая дорога с множеством контрольно-пропускных пунктов. Завод находится в глубине страны, следовательно, о бомбардировках не может быть и речи, как и о морском десанте: слишком много взрывчатки и другого снаряжения пришлось бы тащить десантникам. Те же трудности поджидали и парашютистов. Лишь когда сформированная Воздушно-десантная бригада стала получать сверхпрочные планеры «Хорса», появился план, по которому бомбардировщики «Галифакс» должны были доставить планеры с диверсионными отрядами как можно ближе к заводу.

И этот план был очень опасным, практически самоубийственным: шансы на возвращение элитных десантников колебались от 40 до 60 из 100. Две зоны возможной высадки,

предложенные агентами, находились на расстоянии пятичасового марша от цели. Чтобы навсегда вывести завод из строя, требовалось столько взрывчатки, что необходимо было задействовать, по меньшей мере, двенадцать человек и столько же иметь в резерве, так как потери не исключались и при приземлении. Поскольку подобные десанты в Британии находились в самом зародыше и еще только начинали опробываться, Маунтбеттен решил послать две команды, то есть продублировать план: если одной команде не удастся взорвать завод, может, повезет другой.

Подобную задачу могли выполнить лишь квалифицированные инженеры, поэтому набрали добровольцев из 9-й полевой воздушно-десантной роты инженерных войск (9th Field Company (Airborn) Royal Engineers) и 261-й воздушно-десантной парковой роты инженерных войск (Field Park Company (Airborne) Royal Engineers). Ими командовали лейтенант А. К. Аллен и лейтенант Д. А. Метьюэн. К операции привлекли два «Галифакса» из 38-го авиакрыла ВВС полковника авиации Т. Б. Купера. Только «Галифаксы» могли отбуксировать планеры «Хорса» на 400 миль и вернуться на базу.

Добровольцы подверглись серьезным испытаниям под руководством коммандос и инструкторов-парашютистов. Первую неделю они учились читать карты, проходили боевую подготовку и участвовали в длинных походах. Затем их отвезли в Северный Уэльс, где они совершали горные восхождения и учились выживать в самых суровых погодных условиях на консервированном рационе. Третью неделю посвятили технической подготовке, включая посещение шотландских заводов тяжелой воды, подобных заводу в Норвегии. Затем группа получила снаряжение, провела генеральную репетицию и изучила макет завода.

Тем временем экипажи самолетов практиковались в буксировании планеров «Хорса», абсолютно новых для британских ВВС и намного превышающих прежние по размеру и весу. Несмотря на тщательную подготовку, оставалась еще одна проблема: абсолютно непредсказуемая и обычно очень плохая погода середины ноября. В Шотландию доставили норвежского метеоролога подполковника Сверре Петерсена. По результатам своих наблюдений он должен был выбрать наиболее благоприятный день нападения. Сошлись на 19 ноября, но к назначенному часу небеса затянулись свинцовыми тучами, ветер усилился, и Петерсен предложил отложить операцию. Однако шифрорадиограммы с места высадки десанта сообщили об относительно ясной погоде.

Хотя все понимали, что в горах погода меняется очень быстро, десантники и экипажи самолетов решили вылететь незамедлительно. В 17.50, в четверг, 19 ноября первый из двух «Галифаксов» с планером, нагруженным семнадцатью десантниками и их снаряжением, покинул аэродром Шиттен около Вика. Второй самолет поднялся в воздух 20 минут спустя. Летчики получили приказ хранить радиомолчание до самой цели, а затем послать шифрованный сигнал на базу. Агенты, ожидавшие в Норвегии, должны были направлять самолеты с помощью системы радиосвязи «земля-воздух» «Ребекка-Эврика», которую по каналам Объединенных операций тайно доставили неделей раньше.

Пять с половиной часов не было связи, затем пробился слабый сигнал одного из самолетов, запрашивающего обратный курс. Самолету не удалось приблизиться к намеченному району: сначала он попал в сгустившийся над берегом туман, затем — в снежное облако. Пилоты безуспешно пытались вырваться из белой мглы, при которой невозможно отличить небо от горизонта, топливо заканчивалось, обледеневший буксирный трос лопнул. Экипаж «Галифакса» уже ничего не мог сделать и повернул домой. 20 ноября в 01.51 самолет приземлился в Шотландии.

Оторвавшийся планер разбился при посадке над западным побережьем Норвегии к северу от Ставангера. Восьмерых погибших десантников и планериста похоронили на месте. Девять уцелевших попали в плен. Четверых с различными травмами отправили в военную медчасть, оставшихся пятерых — в местное гестапо, где они два месяца подвергались допросам и пыткам и были расстреляны 18 января 1943 года. В ту же ночь четверым пленным, находившимся в госпитале, врач-гестаповец вколол морфий с воздухом. От полученных доз они впали в полубессознательное состояние, а впоследствии их пытали и они умерли мучительной смертью. Одного из них, привязанного за шею кожаным ремнем к батарее, гестаповцы дергали вверх-вниз. Другого, также привязанного за шею, били головой об пол. Третий, тяжело раненный, корчился от боли на полу, пока один из гестаповцев не наступил ему сапогом на шею. Последнего, не так тяжело раненного и остававшегося в сознании до рассвета, отвезли на гестаповскую базу в Эйганенсвейен и там выстрелили в затылок, когда пленный спускался по лестнице в подвал. На следующий день все четыре трупа вывезли на грузовике к пристани и сбросили в море.

Расстрелянных гестаповцами в январе и закопанных в Трандуме десантников эксгумировали в августе 1945 года и

похоронили со всеми воинскими почестями на кладбище Вестре Гравлунд в Осло. После войны троих гестаповцев, участвовавших в казнях раненых солдат, включая и врача, судили за военные преступления. Двоих приговорили к смерти, третий получил пожизненное заключение. Норвежский коллаборационист, также арестованный, совершил самоубийство до того, как предстал перед судом. Врач умер до начала суда.

Второму «Галифаксу» удалось долететь почти до намеченного места высадки. Норвежские агенты на земле слышали рев самолетных двигателей в облаках, однако радиомаяк не включился, и они не смогли навести экипаж на цель. Тем не менее планер отделился от самолета и рухнул в горах около Хеллеланда. Обледеневший самолет, едва не задев гору, разбился о следующий горный кряж. Ни один из членов экипажа не уцелел. Трое из семнадцати десантников, находившихся в планере, погибли на месте. Остальные, включая четырех ходячих раненых, бросились бежать и попытались заручиться помощью норвежского чиновника, однако были выданы немцам в качестве военнопленных. Тот норвежец (как и сами десантники) не подозревал, что с коммандос никогда не будут обращаться как с военнопленными. В соответствии с позорным приказом Гитлера они были расстреляны несколько часов спустя.

Норский гидроэлектрический завод все же был выведен из строя в январе 1943 года норвежскими диверсантами. Эта героическая история легла в основу голливудского фильма «Герои Телемарка» с Кирком Дугласом в главной роли. Добровольцы «Фрешмена» погибли, в общем-то, из-за поломки крохотного электронного маяка. «Фрешмен» по сей день остается одной из самых отчаянных малых операций той войны. Десантники и подхватившие выпавший из их рук флаг норвежцы внесли свой вклад в борьбу с самой страшной угрозой, не дали Гитлеру вовремя получить разрушительное оружие, которое могло изменить ход войны в его пользу.

Десантников «Фрешмена» внесли в списки пропавших без вести, а в Объединенных операциях уже планировался последний рейд 1942 года: амбициозный, сверхоптимистичный и очень опасный проект под кодовым названием «Операция Франктон», более известный как «Cockleshell Heroes», благодаря одноименному кинофильму. Этот проект впервые обсуждался годом ранее, когда лорд Селборн, министр военной экономики, в письме к Уинстону Черчиллю выразил свою озабоченность тем, что торговые суда «Оси» прорывают британскую блокаду по всему западному побережью Франции. Летом он вторично отметил, что разведкой отмечена особая активность в порту Бордо, где резина,

олово, вольфрам и растительные масла перегружаются для дальнейшей транспортировки в Германию. В начале сентября Объединенные операции представили черновой проект рейда в Бордо с целью потопить вражеские корабли. Комитет начальников штабов, еще не оправившийся от катастрофы Дьеппа, отверг план на том основании, что порт находится в 62 милях от моря и, следовательно, неприступен.

Маунтбеттен не сдался и в том же месяце предъявил Комитету детальный план, разработанный и усиленно расхваливаемый командиром «Бум Пэтрол Детэчмент» (Boom Patrol Detachnent) морской пехоты майором «Блонди» Хазлером, который все лето тренировал свой новый отряд коммандос морской пехоты. По плану Хазлера подводная лодка должна перевезти двенадцать человек, включая его самого, на 500 миль к югу от Плимута через Бискайский залив в устье Жиронды, откуда отряд на шести двухместных байдарках доберется до Бордо. Пройдя на веслах 90 миль с запасами взрывчатки, десантники прикрепят магнитные мины к корпусам вражеских кораблей, затопят байдарки и с помощью французского подполья ускользнут в Англию через Испанию.

Вот таков вкратце был этот план. Маунтбеттен представил его Комитету начальников штабов 30 октября и восторженно заявил, что, как упоминалось в его письмах премьер-министру, «план всецело удовлетворяет требованиям лорда Селборна». На этот раз план был одобрен, и здесь необходимо напомнить, что в то время союзники все еще не подозревали о существовании гитлеровского приказа об уничтожении коммандос. Мало кто из присутствовавших на совещании надеялся на успех предприятия, но, поскольку речь шла «всего о дюжине человек», никто не стал возражать. Отряд «Франктон», состоявший из молодых добровольцев морской пехоты, начал интенсивную четырехнедельную подготовку к героическому походу. Хазлер собственноручно составил список необходимого снаряжения и заказал байдарки, которые могли бы вместить запасы еды, снаряжение, включая комплекты гражданской одежды и боеприпасы: 48 магнитных мин, 12 гранат и пулеметы системы «Стен» с глушителями с тремя магазинами каждый, вместе весившие 180 килограммов.

Рейд начался 5 декабря 1942 года после того, как разведка подтвердила, что в Бордо находится 12 больших транспортных судов. Двенадцать отважных байдарочников поднялись на борт субмарины «Тыона», чтобы отправиться к устью Жиронды, а оттуда в марафонский заплыв на байдарках. Когда подводная лодка подошла к намеченному месту, перископная разведка

обнаружила необыкновенное скопление немецких патрульных судов, и высадку отложили на 24 часа. На следующую ночь подлодка снова поднялась на поверхность. Берег казался пустынным. Только блуждающие лучи прожекторов пронзали «отвратительно ясный» вечер. В начале девятого команда начала спускать на воду байдарки.

Неприятности начались сразу же. При выгрузке одну из байдарок сильно повредили, и отряд сократился до десяти человек. Под предводительством Хазлера, находившегося в байдарке с гребцом, двадцатидвухлетним Недом Спарксом, десантники спустились в неспокойное море. Несмотря на приличное знание прибрежных течений, гребцы продвигались с большим трудом, очень медленно. Когда они лавировали, чтобы улизнуть от немецких прожекторов, на них обрушились высокие волны. При входе в реку не досчитались одной байдарки. Вторую перевернуло приливом, и гребцы попытались добраться до берега вплавь. Затем, рядом с Ле-Вердоном, где стояли на якоре три французских корабля, пришлось принять меры предосторожности, чтобы не быть замеченными. Когда опасность миновала, Хазлер обнаружил, что не хватает третьей байдарки. Видимо, экипаж первой байдарки попал в плен, так как в Берлине немцы не только заявили, что знают о попытке подняться вверх по Жиронде, но и запустили неприятную дезинформацию о том, что «отряд британских диверсантов погиб в сражении в устье Жиронды».

На самом деле две оставшиеся байдарки продолжали свое опасное путешествие, зачастую требующее от десантников сверхчеловеческих усилий. Днем они прятались, гребли лишь по ночам, и в ночь с 10 на 11 декабря они достигли порта Бордо, однако до целей смогли добраться лишь на следующую ночь. Под покровом темноты, каждую секунду рискуя быть обнаруженными, обе команды лавировали между кораблями, прикрепляя магнитные мины. При взрыве сильно пострадало семь кораблей. К тому моменту Хазлер потерял связь со второй командой и, как было предусмотрено, он и Спаркс приступили ко второй части плана. Затопив байдарку, они отправились на встречу с членами французского Сопротивления, начав таким образом 1400-мильный путь домой по Франции, через Пиренеи в Испанию и наконец 1 апреля 1943 года добрались до британского Гибралтара.

Об остальных восьми десантниках так и не было никаких сведений. Только через многие месяцы стали просачиваться новости о пропавших пара за парой в том рейде. Сначала через каналы Красного Креста выяснили, что двое из опрокинувшейся

байдарки утонули. Судьбу шести оставшихся узнали из документов, обнаруженных в отделе «Заграница/Безопасность» немецкого верховного командования. Рапорт майора Рейхеля, озаглавленный «Атаки диверсантов на немецкие корабли в Бордо», подтвердил, что «несколько ценных немецких кораблей были сильно повреждены в Бордо взрывами ниже уровня воды группами британских диверсантов». Рапорт заканчивался леденящими словами:

«Все пленные были расстреляны на месте в соответствии с приказом от 23 марта 1943 года».

Глава 9. ПОСЛЕДНИЙ БОЙ ГЕРЦОГА ВЕЛЛИНГТОНА

После операции в Бордо рейды коммандос на французское побережье были приостановлены. Активные действия перенесли в Северную Африку, печально известную уничтожением «Лейфорс». Союзники, наконец, решились начать новое наступление в Северной Африке, планируя вторжение на занятое вишистской Францией побережье Алжира, затем в Тунис, а в будущем в Сицилию и материковую Италию. Поскольку в грядущих операциях предстояло участвовать многим отрядам коммандос, началось их переформирование и усиление. Бригада специального назначения (Special Service Brigade) под командованием бригадира Боба Лейкока к тому времени состояла из десяти армейских отрядов коммандос[19], Смолл Скэйл Рэйдинг Форс (Small Scale Raiding Force), известной как отряд коммандос № 62, и разведывательной части отряда под кодовым названием коммандос № 30. Из 8-го батальона морской пехоты численностью 1000 человек был сформирован дополнительный отряд коммандос морской пехоты № 41, причем численный состав сократился до 450 человек. Остальные не выдержали тренировок и отборочных методов в Центре подготовки коммандос в Ахнакэрри. Вновь сформированному отряду предстояло сражаться бок о бок с отрядом № 40 коммандос морской пехоты.

Под флагом морской пехоты будет воевать и «Бум Пэтрол Детэчмент» (Boom Patrol Detachment) «Блонди» Хазлера, имевший диверсионный взвод для подрыва вражеских кораблей в Средиземноморье. Роджер Кортни пошлет в Северную Африку группу из СБС № 2 для выполнения секретных миссий, оставив остальных для агентурной работы во Франции и разведочных рейдов на Нормандские острова. Новые лоцманские отряды Объединенных операций (Combined Operations Pilotage Parties) тренировали пополнение для разведки мест высадки десанта и подходов к ним. Береговым коммандос Королевского военно-морского флота (Royal Navy Beach Commandos) предстояло оказывать помощь наступающим войскам. На Ближнем Востоке все еще не сдавали позиций Пустынная группа дальнего действия, САС Стерлинга[20] и отряд № 1 СБС, также призванные поддержать войска вторжения.

Все перечисленные отряды так или иначе присоединились к контрнаступлению, целью которого было обращение в бегство

войск «Оси». Наступление началось 30 октября 1942 года, когда командующий 8-й армией генерал Монтгомери начал при Эль-Аламейне против немецкого Африканского корпуса канонаду из 1000 орудий и одержал свою первую блестящую победу. Неделю спустя началась вторая фаза перекраивания союзниками региона, названная операцией «Торч». В ней участвовало максимальное с начала войны количество союзных кораблей и самолетов.

Число британских коммандос было невелико по сравнению с общими силами вторжения, развернутыми по 900-мильному фронту и состоявшими из 65000 человек на 670 кораблях, 1000 десантно-высадочных судов[21] и 1700 самолетов. Хотя невозможно проследить за передвижениями всех групп коммандос, некоторые факты демонстрируют их универсальность в разнообразных боях, включая и рукопашные. Армейские командиры, по меньшей мере на ранней стадии наступления, все еще недооценивали коммандос и использовали их не по назначению. В результате коммандос понесли огромные потери, которые вполне можно было избежать.

В операции «Торч» задействовали 25000 американцев, прибывших с 250 танками прямо из американских портов и получивших задание десантироваться в Касабланке. Еще 18500 человек со 180 танками приплыли из Британии через Гибралтар и должны были высадиться около Орана в Алжире. Эти два соединения составили 5-ю армию. В то же время сборное соединение из 20 000 человек, известное как 1-я армия, должно было занять Алжир и, быстро наступая, захватить четыре ключевых порта: Бон и Филиппвиль в Алжире, Бизерту и Тунис в Тунисе.

«Копписты» Найджела Клогстоуна Уилмотта[22] проводили первую в своей истории разведку, предваряющую крупный десант, и составляли карты побережья. Копписты внесли огромный вклад в то наступление и успешно действовали до конца войны. Они всегда получали сверхопасные задания, для которых требовались сильные пловцы, хладнокровные и с хорошей технической подготовкой, необходимой для преодоления подводных препятствий на подходах к берегу и обеспечения огневых позиций для подавления вражеского сопротивления. Убежденный аргументами Уилмотта, Маунтбеттен лично добился образования КОПП и их материального обеспечения. Первые добровольцы, всего восемнадцать человек, в основном офицеры военно-морского флота и СБС, начали тренировки с минимальным специальным снаряжением и очень скоро доказали свою необходимость. Никогда больше десанты не будут полагаться на такую небрежную разведку, как в Дьеппе.

Не менее опасные задачи стояли и перед коммандос военно-морского флота (Royal Navy Commandos), которые следовали непосредственно за коппистами и принимали на себя всю огневую мощь врага до десантирования основных сил, то есть играли роль комендантов пунктов высадки морского десанта. К концу 1943 года было сформировано 22 отряда коммандос ВМФ с подразделениями из 20 человек каждый.

Десанты в Северной Африке, Сицилии и материковой Италии станут серьезным и многогранным экзаменом для всех новых формирований в самых суровых условиях. Хотя ближайшей стратегической целью был Тунис, штабисты уже думали о будущем и главное — как отрезать путь к отступлению войскам «Оси» при вторжении 8-й британской армии в Западную пустыню. Если бы удалось уничтожить базирующиеся на южных берегах Средиземноморья армии «Оси», открылся бы путь для вторжения в Европу через Сицилию и Италию.

Отряд коммандос № 6, брошенный в наступление на Тунис через Алжир, первым из десантно-диверсионных соединений прочувствовал, что такое настоящая война. Вместе с 3-м парашютным батальоном коммандос получили задание захватить город Бон, несмотря на непрерывные бомбежки. При штурме лишь несколько коммандос были ранены, но, по иронии судьбы, 43 человека выбыли из строя (из них 11 — убитыми), когда при переезде на новую позицию в 60 милях к западу от Бона их поезд атаковали вражеские истребители. Примерно через неделю отряд потерял еще 82 человека, впервые сражаясь в несвойственной ему роли пехоты вместе с 8-м батальоном Аргайлского полка и 6-м батальоном Западно-Кентского полка.

Отряд коммандос № 1 хотя бы получил возможность участвовать в десантных операциях на побережье к западу от Бизерты, наступая на флангах, но и их вскоре бросили на усиление позиций пехоты на повсеместно расширявшемся фронте. Предстояли еще более жестокие бои, а мало кто понимал, что коммандос плохо экипированы для обычных военных действий. Им не хватает огневой мощи и практически нет собственного транспорта. Они путешествуют налегке, все свое снаряжение несут на себе и не имеют никакой тыловой поддержки, как регулярные войска. Без своевременных подкреплений наступление дорого им обошлось. Например, отряд № 6 в Меджез-эль-Баб, южном районе Туниса, отражая непрерывные вражеские атаки на площади в 75 квадратных миль, из оставшихся к тому времени 250 человек потерял еще более 60, но не отступил. Когда тунисская кампания близилась к завершению, генерал Эйзенхауэр высоко оценил стойкость

коммандос: «Вы подтвердили свою репутацию, проявив в тяжелейшей ситуации качества, которые весь мир ассоциирует с самим именем «коммандос»: мужество и опору лишь на свои силы. Офицеры и рядовые десантники, пожалуйста, примите мою благодарность».

Когда союзники начали медленно оттеснять войска «Оси» к морю, вторжение в Сицилию оказалось даже ближе, чем надеялись. В конце февраля две группы КОПП тайно обследовали берега Сицилии. Недавно сформированный отряд остро нуждался в тренировках, однако времени не оставалось, поскольку рапорты требовались к середине марта. Стоял жуткий холод, костюмы явно не годились для длительного пребывания в воде и к тому же протекали, но коппистыторопились. На трех подводных лодках их доставили с Мальты к Сицилии для ночных операций. Пройдя 75 миль, субмарины должны были всплыть в двух милях от берега после перископной разведки.

План состоял в следующем: если все чисто, коппистыпарами отправляются на байдарках к своим целям. В 180 метрах от берега гребец остается в замаскированной байдарке и пытается удержать ее на месте, а офицер-разведчик соскальзывает в воду. Громоздкий костюм из прорезиненной ткани, по идее, должен обеспечить его плавучесть и защитить от холода. Костюм снабжен спасательным жилетом, надуваемым ртом, и карманами для снаряжения: пистолета 38-го калибра, боевого ножа, подводного призматического компаса, лота-линя для промеров глубины, прибора для измерения уклона берега, доски и жирного карандаша для записей, суточного пайка на случай разделения с напарником и двух фонариков для сигнализации напарнику при возвращении.

Во избежание чрезмерных потерь пловцы должны были зарегистрировать как можно больше деталей, необходимых комендантам пунктов высадки десанта для ориентировки тяжелого транспорта, танков, орудий и людей, а также найти подходящие площадки для причалов. После примерно двухчасового обследования пловец возвращается в байдарку, а затем на субмарину.

Неприятности при рекогносцировке сицилийского берега посыпались с самого начала. Как оказалось, места, намеченные для десанта, усиленно охранялись, часовые стояли через каждые сто метров. Первым пропал командир экспедиции КОПП капитан-лейтенант ВМФ Норман Тичер, его сочли убитым или взятым в плен. Правдой оказалось первое. Его гребец, лейтенант Ноэль Купер, опытный байдарочник, комендант пункта высадки десанта в операции «Торч», вернулся на субмарину, измученный долгими

и безрезультатными поисками. Несмотря на усталость, 2 марта Купер снова отправился в разведку с капитаном Бербриджем. Больше их никто никогда не видел. В штормовой день 3 марта лейтенанты Боб Смит и Д.Бранд также не вернулись на подводную лодку. Их сочли погибшими, однако они просто сбились с курса и, не найдя свою субмарину, на веслах прошли 75 миль до Мальты. После изнурительного двухдневного путешествия они вошли в Большую Гавань Валетты. 6 марта пропали лейтенант А.Харт и младший лейтенант ВМФ Э. Фолдер, также из ближневосточного подразделения. 7 марта лейтенант П.Де Кок и младший лейтенант А. Кроссли не встретились со своей субмариной, а на следующую ночь не вернулся и отправившийся на их поиски лейтенант Дейвис. И это еще не все потери. Из шестнадцати человек, начавших рекогносцировку, насколько известно, осталось четверо. О пятерых — Тичере, Купере, Бербридже, Де Коке и Кроссли — ничего не узнали, видимо, они утонули. Остальные попали в плен.

Существует мнение, что трос пропавших офицеров КОПИ — Тичер, Купер и Бербридж, попав в беду, воспользовались крайним средством: утопились, чтобы избежать пыток в плену и не дать немцам ни шанса раскрыть цель их сверхсекретной миссии. Кое-кто с этим не согласен, считая, что они просто утонули или были захвачены и расстреляны, а их тела зарыты. Однако, несмотря на потери, обследование берега продолжило подкрепление КОПП, прибывшее из Египта. Рекогносцировку благополучно завершили, и, как впоследствии выяснилось, результаты стоили жертв. Тем временем Клогстоун Уилмотт интенсивно тренировал свой отряд, чтобы в будущем свести потери до минимума.

Еще гнали из Северной Африки последние немецкие части, а в Тунисе собирался мощный кулак из союзных кораблей, самолетов, сверхпрочных планеров и живой силы для первого крупномасштабного десанта на занятую врагом территорию. Три британские парашютные бригады и 1-я планерная воздушно-десантная бригада должны были возглавить вторжение, в то время как коммандос предстояло выступить в своей традиционной роли десантных отрядов, штурмующих береговые батареи до начала высадки основных войск.

Планировалось захватить Сицилию в клещи. Общее руководство осуществлял Эйзенхауэр. Американская 7-я армия под командованием генерала Паттона должна была высадиться на юго-западном побережье, а 8-я армия Монтгомери — на юго-восточном. За ними с запада последуют 1-я канадская дивизия и 51-я Хайлендская дивизия, британские 5-я и 50-я дивизии высадятся к югу от Сиракуз. Аэрофотосъемка обеспечила

сведения о береговых батареях, особенно наглядно в местах высадки канадцев и 5-й дивизии.

Вторжение в Сицилию назначили на середину июля, однако к марту 1943 года, когда десант еще только планировался, отряды коммандос № 1 и № 6, пять месяцев не выходившие из боев, были обескровлены и измотаны. Необходимо было выводить их в Англию для отдыха и пополнения. 6 апреля отряд коммандос № 3, охранявший вместе с другими войсками Гибралтар, Средиземноморские ворота Британии, отвели для подготовки к сицилийскому рейду. В мае отряд соединился в Египте с 5-й дивизией, десантирование которой они должны были упредить штурмом береговых батарей.

Отряд коммандос № 2 также готовился отправиться в Сицилию, а семь отрядов береговых коммандос Королевского флота (RN Beach Commandos) уже находились в пути. Боб Лейкок перевел штаб своей десантно-диверсионной бригады (Special Service Brigade) в Египет, чтобы управлять подразделениями, маневрирующими в зонах боев, штурмующими береговые батареи и в пожарном порядке закрывающими бреши в линиях пехоты, страдающей от контратак немцев. Кроме штаба, Лейкок привез 40-й и 41-й отряды коммандос морской пехоты и подразделения 1-й канадской дивизии, которые должны были взаимодействовать при высадке десанта, хотя для настоящей подготовки времени практически не оставалось.

САС Пэдди Мейна, к тому моменту переименованный в Special Raiding Squadron (Специальную диверсионную эскадрилью)[23], был доставлен из Северной Африки на поддержку 51 — й Хайлендской дивизии и для начала должен был захватить маяк и береговую батарею на скалах мыса Пассеро. Все десантно-диверсионные части репетировали и хронометрировали десантирование. Невозможно исключить вероятность накладок и плохих метеоусловий, и, действительно, 10 июля погода была необыкновенно холодной для разгара лета, а к часу «Ч», началу наступления, поднялся ураганный ветер. 300 офицеров и рядовых 1-й парашютной бригады приземлились в полном беспорядке. Планеры «Хорса», перегруженные войсками, боролись с ветрами. Неопытные американские пилоты «Дакот» сбросили часть буксируемых планеров слишком рано, и 78 новеньких планеров «Хорса» рухнули в море. Многие десантники утонули, остальные поплыли к берегу. Придя в себя на удивление быстро, они бросились к намеченным целям.

Бурное море трепало и крушило десантные суда. Многие коммандос морские пехотинцы, участвовавшие в подобной операции впервые, страдали морской болезнью. Прожектора

обшаривали затянутое тучами небо в поисках союзных бомбардировщиков и истребителей, которые должны были обрушить огонь на врага до высадки десанта. Как только самолеты появились, взревели дюжины очень шумных моторов десантных судов. Позабыв о морской болезни, десантники скорчились за мешками с песком с пистолетами-автоматами Томпсона наготове. Под мерный рокот двигателей суда осторожно продвигались вперед. В соответствии с ориентирами КОПП суда остановились в 45 метрах от песчаных пляжей. Загрохотали аппарели, и десантники ринулись вперед, в любой момент ожидая орудийного обстрела, однако в нескольких местах батареи вообще молчали. Лишь издали, оттуда, где парашютисты вступили в первые бои, слышались автоматные очереди. Так продолжалось всю ночь. Рапорт о действиях эскадрильи Пэдди Мейна довольно типичен для всех подразделений коммандос:

«С кораблей «Улстер Монарх» и «Дыонера» эскадрилья спустилась на штурмовые самоходные десантные баржи. Удалось без помех достичь намеченного места в 03.20 и начать очень точный обстрел батареи из трехдюймовых минометов. Одну роту послали остановить вражеские подкрепления, которые могли подойти с запада, вторая рота обеспечивала прикрывающий огонь, а третья бросилась на штурм. К 05.00 без особых трудностей батарея была захвачена. Взяли шестьдесят пленных, около 50 солдат убили или ранили. Захватили четыре 6-дюймовых орудия, три легких зенитных орудия, один дальномер и несколько мелко- и крупнокалиберных пулеметов «Бреда». У нас потерь не было. Когда мы укреплялись на завоеванной позиции, к нам присоединилось несколько человек из воздушно-десантной дивизии, включая бригадира Хикса. Поскольку операция прошла успешно, майор Мейн решил наступать на северо-запад и атаковать батарею из шести орудий примерно в 2,5 мили от нас, которая к тому времени открыла огонь. Эскадрилье приказали собраться на ферме Дамерия и в 06.00 продолжить наступление. Продвижение задержалось из-за пяти-шести ферм, обороняемых пулеметными и снайперскими позициями, расположенными в полях, однако огневые точки врага были подавлены, и освобождено несколько воздушных десантников, среди которых были и тяжело раненные. Приближаясь к отстреливающейся батарее, 1-я и 2-я роты снова открыли огонь при поддержке 3-дюймовых минометов. Наши потери были невелики (один убитый и двое раненых), несмотря на то, что мы уничтожили или захватили пять 80-миллиметровых орудий, один большой дальномер, четыре 4-дюймовых миномета и несколько крупно- и мелкокалиберных пулеметов. Затем майор

Мейн решил атаковать и третью батарею в Пунта Делла Мопла. Он послал на штурм 1-ю роту, а минометам приказал обстреливать четвертую батарею. 1-я рота успешно выполнила задачу, захватив и разрушив следующее вооружение: три орудия береговой обороны (6 дюймов), одно 40-миллиметровое зенитное орудие, две легкие зенитные пушки, один дальномер, несколько крупнокалиберных и ручных пулеметов, а также взяли в плен командира батареи и все орудийные расчеты. Минометы тем временем успешно обстреливали четвертую батарею: подожгли или взорвали боеприпасы… выполнив поставленные задачи, эскадрилья соединилась с 5-й дивизией и в 21.00 расположилась на отдых. Суммарные потери врага: 500 пленных, 200 убитых или раненых. Наши потери: 1 убитый и 2 раненых».

Другим частям не так повезло в отношении потерь, особенно парашютистам и коммандос, хотя нельзя отрицать, что скорость захвата Сицилии превосходила самые смелые надежды. Оставались еще крупные очаги сопротивления отдельных немецких соединений, в основном на юге и востоке острова. Отряд коммандос № 3, успешно выполнив первую часть задачи и потеряв меньше дюжины человек, 13 июля снова погрузился на «Принс Альберт», чтобы высадиться к северу от Аугусты, и захватить мост через реку Лентини до наступления 50-й дивизии, в то время атаковавшей находящийся неподалеку город. Дивизия должна была подойти к мосту на рассвете. При десантировании коммандос попали под минометный огонь с расстояния около 275 метров, но тем не менее быстро отвоевали плацдарм и высадились, потеряв меньше 20 человек. Затем они направились к мосту, по дороге подавив несколько немецких и итальянских позиций. На успешно захваченном мосту они обнаружили заряды с взрывателями замедленного действия. Мост должен был взорваться через тридцать минут. Саперы сняли немецкие взрыватели, заложили свою взрывчатку, и коммандос стали ждать прибытия 50-й дивизии. Однако немцы подкатили тяжелый танк и стали обстреливать отряд, у которого не было противотанковых орудий. Одновременно усилился минометный и пулеметный огонь, а на рассвете все еще не было и признаков подкрепления. Командиру отряда подполковнику Дернфорд-Слейтеру пришлось отвести коммандос на 730 метров в горы. Немцы пустились в погоню и заставили коммандос залечь под огнем минометов и 88-миллиметровых пушек, стрелявших разрывающимися в воздухе снарядами, вызывающими серьезные шрапнельные ранения. Потери британцев увеличивались: уже погибло или было ранено 60 человек, а 50-я дивизия все не появлялась. Дернфорд-Слейтер приказал своим людям рассеяться и затем собраться в

назначенном месте. Предприняв энергичное контрнаступление, отряд коммандос № 3 до подхода 50-й дивизии потерял 153 человека убитыми, ранеными и пропавшими без вести, однако жизненно важный мост был спасен от взрыва. Монтгомери заявил, что этот мост отныне будет называться «Мост отряда коммандос № 3». Почти идентичную операцию провела 1-я парашютная бригада у моста Примасоле, понеся за двое суток ожесточенных боев примерно такие же потери, однако мост был спасен от взрыва. Примасоле стал полем чести Парашютного полка и пришедших им на помощь подразделений Дарсмского полка 50-й дивизии.

Тем временем два отряда коммандос морской пехоты вели образцовое наступление, преодолевая значительные очаги сопротивления. По иронии судьбы, самые серьезные потери они понесли не в боях с немцами, а когда еще находились на борту корабля. Вместе со «Спешиэл Рэйдинг Сквадрон» (Special Raiding Squadron) Пэдди Мейна они направлялись в Катанию, но в последнюю минуту наступление было отменено, поскольку разведка донесла, что немцы усиленно укрепляют район, намеченный для высадки десанта. Во время ночного воздушного налета в корабль «Куин Эмма» попала бомба. 16 человек погибли, 63 были ранены — самые большие одномоментные потери обоих отрядов коммандос морской пехоты за всю сицилийскую кампанию.

22 июля прибыли подкрепления коммандос: отряд № 2 под командованием подполковника Джека Черчилля, прекрасного рассказчика и бунтаря, воевавшего в собственной эксцентричной манере, раздражавшей вышестоящих командиров, зато поднимавшей настроение его подчиненных в самые тяжелые минуты. С места высадки в Катании до бивака он маршировал со своим знаменитым клеймором на поясе, большим луком со стрелами на шее (Джек участвовал в чемпионате мира 1939 года) и волынкой подмышкой, и ни один из этих аксессуаров не скучал подолгу без дела. Брат Джека, подполковник Том Черчилль, уже находился на Сицилии в качестве штабного офицера Лейкока.

Джек Черчилль вспоминал некоторые события завершающей стадии сицилийской кампании и начала подготовки к вторжению в Италию:

«Когда отряд № 2 прибыл на Сицилию, первое время нам приходилось несладко, и мы несли потери. Потом все наладилось, и между боями мы даже жили в очень приличных домах, безусловно благодаря Рандолфу Черчиллю, который работал в штабе Боба Лейкока. Уинстон, конечно, использовал Рандолфа, прикомандированного к коммандос, как шпиона.

Рандолф прекрасно уживался с Лейкоком и иногда приходил ко мне, своему однофамильцу; мы с ним тоже неплохо ладили. Рандолф мелькал повсюду, но особой пользы от него не было. Одно время Боб Лейкок предлагал ему вступить в коммандос, однако он отказался, думаю, потому, что зарабатывал деньги, пописывая о войне. В общем, все мы оказались на Сицилии, и Рандолф, бросив один лишь взгляд на бригадную столовую, громко пожаловался: «Это место похоже на паршивый свинарник. Неужели вы думаете, что я буду здесь питаться? Посмотрите на нас, мы все коммандос, а живем хуже пехотной роты. Возмутительно».

Боб Лейкок сказал: «Ну ладно. Если ты думаешь, что можешь что-то сделать, делай». Продолжая шуметь, Рандолф нашел местного мэра: «Со мной генерал Лейкок. Какой дом лучший в городе?» И в ответ услышал: «Там живет князь Боргези». «Выгоните его, — заявил Рандолф. — Теперь там будет жить британская армия». Вот так все было улажено. Конечно, вскоре Рандолф встретился с Боргези и сказал ему: «Я сын британского премьер-министра». Он часто извлекал пользу из этого, особенно с американцами; они прекрасно к нему относились, и для него нигде не было преград. Рандолф нравился Лейкоку, а нам нравился Лейкок. Боб был отличным командиром: не вмешивался в наши дела, пока считал, что все нормально, а если что-то случалось, то начиналась охота на ведьм, и виновные получали сполна».

Уже чувствовалось скорое и успешное завершение сицилийской кампании. Итальянцы растеряли боевой задор. Муссолини, правивший Италией 21 год, был свергнут 25 июля, и страной стал руководить король Виктор Эммануил. Антифашист маршал Бадольо стал премьер-министром и командующим итальянской армией. Пронесся слух, что Италия выходит из войны. У союзников было так много итальянских военнопленных, что они просто не могли с ними справиться. Известен случай, когда во время наступления одной из британских частей из амбара появилась толпа итальянских солдат с поднятыми руками, и им просто велели убираться прочь. Однако немцы продолжали удерживать ряд опорных пунктов, прикрывая вывод своих войск и вооружения на материк, и основные силы вторжения еще продолжали ожесточенные бои, особенно в долинах и горах вокруг Катании.

В первую неделю августа Эйзенхауэр созвал в Алжире совещание, чтобы изложить в общих чертах план вторжения в Италию. Боб Лейкок и Том Черчилль вместе с другими командирами вылетели на инструктаж. Первоначально

планировалось прямое вторжение с «носка» итальянского сапога, однако верховное командование решило ускорить процесс дополнительным десантом в Салернском заливе в 30 милях южнее Неаполя. Этот план подтвердился в середине августа, когда британские и американские войска встретились в Мессине, разрушив последнюю линию обороны немцев и полностью захватив остров.

К тому времени дальнобойные пушки и самолеты уже обстреливали береговые батареи материковой Италии, и немцы отходили в глубь страны, чтобы успеть выстроить оборону до вторжения войск союзников. Вторжение было назначено на 3 сентября, день, когда Италия официально капитулировала и приказала своим войскам сложить оружие. Немцы еще энергичнее взялись за оборону, чтобы остановить продвижение союзников в центральную Европу. Немецкие штабисты, которым помогали естественные преграды, бросили в Италию все, что смогли высвободить, и в итоге получили 16 хорошо вооруженных дивизий, восемью из которых командовал сам Роммель, руководивший и всей обороной.

В дни, предшествующие высадке десанта, отряду коммандос № 3 и Специальной диверсионной эскадрилье (Special Raiding Squadron) приказали послать группы через Мессинский пролив шириной в три мили на разведку береговых укреплений. Коммандос вернулись, доложив, что оборона легко преодолима. 28 августа снова послали шесть патрулей из отряда № 3, на этот раз приказав им остаться на материке, а результаты доложить. Не дождавшись сообщений, послали поисковый отряд. Оказалось, что у разведчиков сломались радиопередатчики, потом немцы атаковали их и рассеяли в горах. Один патруль попал в плен, однако пять дней спустя, когда десантировались главные части, более сорока десантников из той группы вернулись в свои части.

8-я армия Монтгомери форсировала Мессинский пролив и высадилась на «носке» с остатками отряда коммандос № 3, Special Raiding Squadron и отрядом коммандос № 40 морской пехоты. Последний, наткнувшись на вражеские орудийные позиции, вступил в бой и потерял более 30 человек. Коммандос выслали патрули, чтобы уточнить местоположение батарей, и для их подавления вызвали бомбардировщики «Киттихок». В общем, десантирование успешно завершилось за 48 часов, положив начало тяжелому шестимесячному походу на север.

Американская 5-я армия и британский 10-й корпус вместе с отрядом коммандос № 2 и 41-м отрядом морской пехоты начали наступление 8 сентября. Лейкоку со штабом и коммандос пришлось преодолевать сопротивление врага, засевшего в горах,

окружавших широкие песчаные пляжи Салернского залива. В описании Джека Черчилля это больше напоминает путешествие «Большого тура» (намек на поездку молодых аристократов по Франции, Италии, Швейцарии и другим европейским странам после окончания учебного заведения):

«Когда после тяжелых сицилийских боев мы отдыхали в Катании, я услышал, что нас собираются бросить на плацдарм в Салерно. Мы и 41-й отряд коммандос морской пехоты поплыли к побережью вечером. Это было спокойное и приятное путешествие в довольно цивилизованных условиях. Рандолф Черчилль, мой брат Том и я попивали портвейн, болтали, разглядывали пейзаж, и Том сказал: «Меня всегда интересовало, как выбираются кодовые названия операций. Почему, например, в разгар лета они называют операцию «Аваланш» («Лавина»)?». Рандолф ответил: «Наверное, имелась в виду лавина десантирующихся Черчиллей».

Мы должны были занять позицию в Вьетри к востоку от Салерно. Типичное задание для коммандос: захватить батарею и удерживать фланг до подхода коммандос морской пехоты, направлявшихся в ущелье Ла Молина, чтобы занять высоты по обе стороны ущелья на случай подтягивания немцев. Теоретически армия смогла бы пройти там и занять Неаполь. Мы высадились без единого выстрела и без проблем уничтожили батарею. Итальянцы только что вышли из войны, а немцы еще не успели укрепиться, хотя надо сказать, что много времени им не понадобилось. Мы взяли город, смогли его удержать и захватили много пленных.

Я расположил свой штаб в городе, хотя плацдарм в Салерно так и не расширился: это был один из нескольких плацдармов, которые мы едва не потеряли. Немцы в глубине страны и в горах еще были очень сильны, имели наблюдательные пункты, и обстрелы не прекращались. Враг атаковал нас с востока от Салерно, и завязались тяжелые бои».

Как отмечалось в одном из боевых донесений, для 41-го отряда морской пехоты первые два дня были «самыми тяжелыми в истории отряда; потери были большими». Когда отряд после десантирования поднимался в горы, его атаковали отборные немецкие парашютисты и танковые войска. Командир, подполковник Б.Дж. Д.Ламзден, был ранен при прямом попадании снаряда в его штаб. Рота «P» потеряла три четверти личного состава, а в роте «Q» к исходу второго дня на ногах осталось лишь двое. Им пришлось оставить мост, и, чтобы его вернуть, потребовалась целая бригада.

Еще один бой разразился за контроль над Ла Молиной. Наступление захлебнулось до тех пор, пока немцев не выдавили в

контратаке, возглавляемой 41-м отрядом и отрядом коммандос № 2. Немцы отошли на ближайшие высоты, на одной из которых находился наблюдательный пункт, и отряды № 41 и 2 получили задание выдавить врага. Атаку возглавлял Джек Черчилль:

«Мы должны были уничтожить наблюдательный пункт, тогда основные силы смогли бы просочиться через ущелье на свои позиции. Легче сказать, чем сделать. Кровавая работа, и среди нас (коммандос) росло недовольство, ведь нас бросали в атаку за атакой, и мы делали то, что, черт побери, должна делать армия.

Тринадцатого сентября мы участвовали в тяжелом бою за Драгонеа, потом нас сменили Лестерширцы. Четырнадцатого мы спустились, и нас послали вверх по очень крутому склону к дороге, ведущей от долины к вершине горного кряжа. Туда просочились немцы, и полк Королевы оказался в опасной ситуации. Мы уже понесли очень серьезные потери, но генерал сказал: «Если вы подниметесь сегодня же вечером, то очень нам поможете»».

Черчилль, с клеймором в руке, пошел впереди вместе со своим сержантом. Они захватили 45 пленных, а затем сигнализировали отряду выступить и захватить деревню Пиголетти. Выполнив задание, Черчилль привел своих людей и пленных обратно. Нескольких раненых катили на тележках с огромными колесами, которые, как он заметил, словно вышли из Наполеоновских войн. Тележки катили немецкие военнопленные. Трех раненых пришлось оставить, поскольку они не выдержали бы мучительного спуска. Когда отряд уже был внизу, Черчилль велел своим людям поесть и связался со штабом дивизии. Там, по словам Черчилля, разволновались и приказали коммандос удерживать позицию.

«Я сказал им, что мы уже спустились, а они велели мне быстро вернуть всех наверх. Итак, отряд № 2 вернулся в Пиголетти и занял первоначальное расположение на левом фланге, затем поднялся 41 — й отряд и встал справа. Получилась подкова с Пиголетти и холм, прозванный «Пимпл» («Прыщ»), а немцы поливали нас огнем из 88-миллиметровых орудий с близкого расстояния. Ранним утром 16-го, в мой день рождения, мы отразили мощную контратаку и удержались, правда, потеряли несколько человек убитыми и ранеными. Затем началась вторая контратака, в которой пострадала 2-я рота, рота Веллингтона (под командованием капитана герцога Веллингтона, которого все называли Морни по его прежнему титулу — лорд Морнингтон). Я пытался связаться с Веллингтоном по рации — он был всего лишь метрах в 275 от меня. Мой штаб практически всегда находился на передовой, откуда я довольно легко мог докричаться до своих

людей. Морни был очень спокойным парнем и скромным для человека с титулом, особенно герцогским. Большинство титулованных особ казались мне занудами, но только не он, и совсем не высокомерный.

Итак, я связался с радистом и сказал: «Позовите капитана герцога Веллингтона». А он ответил: «Он не может подойти к телефону, сэр». — «Почему? — спросил я. — Почему не может? Он ранен?». — «Нет, не ранен, но мы не можем поднять голову… нас атакуют. Может быть, сомнут». Я приказал ему крикнуть герцогу, что полковник приказал отступить. Минут через двадцать 2-й взвод вернулся, и я сказал: «Слава богу, Морни, вы дома. Как понимаю, вам здорово досталось».

«Ничего особенного», — ответил он. Оказалось, что его радист — паникер. Морни добровольно вызвался вернуться на позицию, чтобы закрыть образовавшуюся брешь. Он только выпил чашку чая и повел свой взвод назад. За это время немцы немного продвинулись, и почти сразу же герцог Веллингтон был застрелен немецким офицером. Как выяснилось позже, они выстрелили одновременно, убили друг друга и были похоронены в одной мелкой могиле.

На следующее утро я позвонил в штаб Лейкока, поговорил сначала с братом, а затем с Бобом и сказал ему: «У нас была тяжелая ночь и утро, бригадир. Мы понесли значительные потери, включая, к сожалению, герцога Веллингтона». — О, господи, он убит?

— Да, он убит, — подтвердил я. — Вы видели тело? — Нет, у нас нет никаких тел. Мертвые похоронены на месте. Его парни сразу же его похоронили. — Откуда вы знаете, что он убит? — Ну, все так говорят, совершенно очевидно, что он убит. — Ну, я не могу занести герцога в список убитых, — сказал Боб. — Я запишу его в пропавшие без вести. — Послушайте, бригадир, если вы так поступите, то его мать, герцогиня, и его сестра Анна будут надеяться, что он когда-нибудь вернется, а это невозможно. Он мертв, мертв. — Как вы можете это утверждать, если не видели труп? — Но я же сказал, старина, я абсолютно уверен. У меня есть свидетели. Лейкок все же решил солгать. — Нет, я объявлю его пропавшим без вести. Я буду выглядеть полным идиотом, если через пару месяцев окажется, что он в плену. — Послушайте, бригадир, я все равно напишу его матери, герцогине, и сестре о его гибели и объясню, почему вы объявили его пропавшим без вести, только я уверен, что он мертв. Лейкок согласился: — Ладно. Если хотите, пишите. Вы — его командир. В общем, я написал им обеим, но это еще не конец истории».

На следующий день полная пехотная бригада сменила

коммандос в боях, и 19-го немцев окончательно выдавили с «Пимпла». Части коммандос храбро сражались почти десять дней и сильно пострадали. Их отвели в Сицилию на отдых. Из 738 коммандос, десантировавшихся в операции «Аваланш», на Сицилию вернулись только 372. Невосполнимые потери, и, очевидно, что легковооруженных коммандос снова использовали не по назначению: в качестве штурмовых, а не десантно-диверсионных сил. Как утверждал Джек Черчилль, коммандос легко могли играть обе роли, но при наличии соответствующего тяжелого вооружения. А так, все равно что отстреливаться от хорошо вооруженного врага из детских духовых трубок.

Как объяснил Черчилль, история с герцогом Веллингтоном продолжилась в Сицилии:

«Сначала никто не интересовался деталями смерти герцога, вообще никто. Но потом случилось любопытное совпадение: в Сицилии оказался дядя Морни, Джералд Уэллсли, наследник титула, так как Морни не имел ни братьев, ни сыновей. Уэллсли входил в Военную администрацию союзников на оккупированных территориях, более известное, как «Древние военные джентльмены в большом путешествии». Семья Морни давно не общалась с ветвью Уэллсли, хотя Морни сохранил бы титул, если бы произвел на свет наследника.

И вот, когда я привел отряд № 2 на Сицилию, вдруг объявляется Уэллсли, и я должен сообщить ему, что он теперь герцог Веллингтон. И это еще не конец, потому что Боб Лейкок, услышав о появлении Уэллсли, стал досаждать мне. Он хотел, чтобы я нашел и опознал тело Морни, дабы не ставить Уэллсли в дурацкое положение, если настоящий герцог Веллингтон найдется живым в плену или еще где-нибудь.

Конечно, я знал, что Морни мертв, но все же вернулся в Салерно с «похитителями трупов», то есть с похоронной командой с их мешками из оберточной бумаги. Мы раскопали могилы на поле боя, где был убит Морни, и нашли разлагающиеся трупы, один из которых уверенно опознали как труп герцога по зубному протезу, трубке и кольцу. Я сказал: «Это труп Веллингтона, — и санитары пометили его мешок. — А это немецкий офицер». Они пометили второй мешок. Так закончилась история герцога Веллингтона. В то утро случилось еще кое-что интересное: нас наконец догнала почта со штампами пяти промежуточных пунктов, и из первого же своего письма я узнал, что принят в Мэрилендский крикетный клуб».

Крикету придется подождать. Хотя Неаполь был взят 1 октября, впереди еще были длительные тяжелые бои.

Глава 10. ПОСЛАТЬ ЗА МОРСКОЙ ПЕХОТОЙ? НУ УЖ НЕТ, ЧЕРТ ПОБЕРИ!

В то время как союзные армии в Италии начинали усеянный боями путь на север, в Лондоне планировалось открытие второго фронта: операция: «Оверлорд». Десантирование предстояло возглавить отрядам, за формирование которых Уинстон Черчилль ратовал с момента своего назначения премьер-министром в мае 1940 года, то есть парашютно-десантным бригадам и коммандос. Решимость Черчилля в создании «боевых частей численностью в 10000 человек», способных с суши, моря и воздуха молниеносно атаковать цели, недоступные регулярным войскам, принесла плоды. Особые отряды нерегулярной армии и все маленькие тайные армии, сформированные, несмотря на противодействие старомодных военных лидеров, не обладавших даром предвидения, проявили необыкновенную храбрость на всех фронтах. Теперь их ожидало самое великое и опасное приключение.

Точно так же, как германским штурмовым отрядам во время блицкрига в Европе, парашютно-десантным, воздушно-десантным и диверсионно-десантным британским формированиям, собранным в один кулак, предстояло десантироваться на французское побережье и погнать нацистов по проторенному ими же пути.

Хотя и парашютисты, и коммандос с самого начала формировались как легко вооруженные штурмовые отряды для точечных атак, с началом согласованного наступления по всей оккупированной немцами территории планы союзников изменились. Боб Лейкок, как глава коммандос, лучше других сознававший возможности своих частей, в начале лета 1943 года представил документ, в котором подробно изложил предложения по переводу коммандос на новую основу. Лейкок считал, что время маленьких групп, изводивших врага точечными ударами, подходит к концу.

Предполагая оставить старую тактику малочисленным группам, Лейкок предвидел гораздо более широкое поле деятельности для своих коммандос. Его также серьезно беспокоила проблема их выживания. Парашютистов и коммандос все чаще привлекали к длительным сражениям, в то время как они привыкли «ногой распахивать парадную дверь для всех

остальных». Армейское командование бросало их в изнурительные бои, для которых им не хватало огневой мощи. Они не имели ни баз, ни транспорта, все снаряжение тащили на себе и редко получали артиллерийскую поддержку. Их переправляли на тесных кораблях, зачастую в жутких условиях, и доставляли к берегу в суденышках, не приспособленных для высадки десанта.

За время наступления в Северной Африке, на Сицилии и в Италии коммандос потеряли более половины своего состава, что высветило еще одну проблему: на новых театрах военных действий нет специально тренированных подкреплений, и возместить потери можно лишь вербовкой в Англии или призывом необученных добровольцев с линии фронта. Однако нигде, кроме Акнакэрри, не было условий для обучения диверсионным действиям и базовым навыкам выживания: плаванию на выносливость, длительным переходам с 45-килограммовым грузом за спиной, быстрой реакции, бесшумному приближению к цели или шумной атаке (с визгом и криками, чтобы до полусмерти напугать врага), изучению всех типов взрывчатых веществ, умению сориентироваться в тылу врага и навыкам распознавания звуков, необычных для сельской местности и способных предупредить об опасности. На такую подготовку требовалось много недель, а когда цель рейда определялась, начиналась более специфическая работа и тщательный хронометраж. Именно из-за серьезных требований столь многих кандидатов признавали негодными. Тот, кто не преуспевал хотя бы по одному предмету, представлял опасность не только для себя, но и для всего отряда. Корпоративный дух коммандос, прошедших коллективную тренировку, был важной составляющей их успехов.

Лейкок предвидел все эти проблемы и в своем рапорте Маунтбеттену выдвинул две альтернативы: или распустить коммандос, или поставить их на более прочный фундамент, значительно увеличить численный состав, приостановив на время операции и модернизировав вооружение. Второй вариант поддержали, когда Англо-американский объединенный штаб, руководимый генералом Фредериком Морганом, выдвинул предложения по операции «Оверлорд». Черновой план представили Черчиллю, который находился тогда на кратком отдыхе в Марракеше вместе с Монтгомери и Эйзенхауэром. Когда обоим генералам показали план, Монтгомери заявил, что необходим более мощный «первоначальный удар».

Привлечение ударных сил парашютистов и коммандос уже обсуждалось. Сэр Алан Брук, начальник Имперского генерального

штаба, требовал укомплектовать девять отрядов армейских коммандос к концу сентября 1943 года и удвоить это число к началу операции «Оверлорд». Сложная задача, учитывая трудности обучения, и, по мнению Маунтбеттена, практически невыполнимая, если только морская пехота не обеспечит пополнение. Маунтбеттен пошел еще дальше: предложил передать всю структуру коммандос под крыло морской пехоты.

Подобный подход устраивал морскую пехоту, уже сформировавшую два отряда коммандос и не исчерпавшую своих возможностей. Морской пехоте так мало поручали в войне, что это уже начинало надоедать. Также вспомнили, что еще в 1922 году Комитет Маддена считал логичным использование в десантно-диверсионных операциях именно морской пехоты, однако его рекомендации остались без внимания. Испытывая давление армии, штаб Объединенных операций Маунтбеттена решил, что морская пехота вполне может стать главной силой коммандос, на что армия ответила очень выразительно: «Ну уж нет, черт побери!»

Однако в конце лета 1943 года перемены стали свершившимся фактом. Морской пехоте поручили создать еще шесть отрядов в дополнение к двум уже сформированным: будущие отряды коммандос морской пехоты с номерами от 42 до 47. Девятый, отряд № 48 коммандос морской пехоты, прибавится весной 1944 года, когда будут наращивать силы к операции «Оверлорд».

Это было не просто расширение системы коммандос, а полное изменение их управления и личного состава. Их огневая мощь усилится, они получат инженеров, транспортную часть, медиков и связистов, чьи задачи до сих пор осуществлялись на уровне собственных взводов. Армейские коммандос, пионеры движения, выражали недовольство незаконным и непрошенным, по их мнению, вмешательством в их дела. Они настаивали на том, что коммандос — десантно-диверсионные части и не тренированные, не испытанные в боях морские пехотинцы — просто не справятся. Те возражали: они, мол, совершали подобное со времен королевы Елизаветы I, и никаким выскочкам не отнять их уникальную и славную историю, прослеживаемую аж до 1664 года, а армейские коммандос за свою короткую жизнь дали достаточно поводов для критики. Однако идея коммандос была «дитятей Уинстона», а потому вслух мало что говорилось. Ощущение враждебности запомнил бригадир (лорд) Ловат:

«Летом 1943 года я встретился на совещании с командирами морских пехотинцев и изложил свою точку зрения на слияние. Дискуссию нельзя назвать очень тактичной. Некоторые (Джамбо

Лестер, Дэвид Феллоуз, генерал-майор Роберт Стерджес) были добрыми друзьями, однако многие представители морской пехоты не были столь благожелательны. Они держались высокомерно, и понятно почему. За ними — великие традиции, за нами — ничего. Они умеют обучать строю и маршировке лучше, чем большинство регулярных соединений… но мало кто из морских пехотинцев вставал к орудиям или участвовал в сражениях эпохи крупных боевых кораблей. Ни у одного из них нет опыта десантно-диверсионных операций, они понятия не имеют о ближнем бое. Лично мне трудно было терпеть снисходительное отношение «кадровых вояк» к нам, «выскочкам»».

Однако стерпеть пришлось, слияние неуклонно надвигалось. Когда новости дошли до рядового состава, коммандос разъярились, ведь все они — добровольцы и горды этим, а теперь предстоит объединяться с новобранцами регулярных частей. Один из первых армейских коммандос, Джон Дернфорд-Слейтер, подытожил чувства многих офицеров и рядовых: «Мы были решительно против. Я гордился нашими принципами. Несмотря на то что идея принадлежала Маунтбеттену, я был убежден в том, что части мобилизованных морских пехотинцев не смогут соответствовать высоким стандартам ударных частей».

Однако впоследствии, наблюдая за совместными тренировками отряда № 45 морской пехоты и отрядами № 4 и 6 армейских коммандос, он неохотно признал, что, возможно, пехотинцы и добьются успехов «в такой хорошей компании». Ощущая несогласие обеих сторон и опасаясь, что враждебность выйдет из-под контроля, командир морских пехотинцев генерал-майор Стерджес предложил объединить обе группы в новых бригадах, чтобы они могли воевать бок о бок, как в Италии. Однако эти меры не смогли полностью изжить чувство обиды и после войны, ведь именно армейские коммандос подверглись сокращению, тогда как морские пехотинцы остались в деле.

Пока же армейским коммандос и коммандос морской пехоты предстояло объединиться в четыре десантно-диверсионные бригады (бригады специального назначения), хотя по мере продолжения военных действий в Западной Европе, Германии, Италии, на Балканах и в Юго-Восточной Азии, командные структуры и группировки претерпят серию сбивающих с толку изменений.

Дальнейшие перемены в иерархии помогли слегка успокоить ярость. Боб Лейкок, тот самый что 41 день шел пешком по Северной Африке после неудачной попытки убить Роммеля, одинаково уважал и своих армейских коммандос, и морских

пехотинцев. Однако его перевели в Лондон на смену 43-летнему Маунтбеттену, назначенному Верховным командующим союзных войск в Юго-Восточной Азии. Это повышение ускоренно провел сам Черчилль, несмотря на то же недовольство, что сопутствовало назначению Маунтбеттена шефом Объединенных операций. Задача номер один для Маунтбеттена на новом поле деятельности: отвоевать Бирму у японцев. Отступление союзных войск в Индию годом ранее стоило 13463 потерям, и лишь недавно унижение сгладилось диверсионными операциями генерал-майора Уингейта и его «Чиндитов» в тылу врага. Орд Уингейт, еще один сумасброд, игнорировавший военные традиции, заслужил славу нового Лоуренса за подвиги своего партизанского отряда, сформированного в феврале 1943 года. Бывший коммандос «Сумасшедший Майк» Калверт, также отличившийся в боях, был назначен бригадиром «Чиндитов». Уингейт не увидел окончательных результатов своих усилий. Он погиб в авиакатастрофе в марте 1944 года и покоится теперь на Арлингтонском кладбище в Вашингтоне.

Маунтбеттен вылетел в свою новую штаб-квартиру в Индии в октябре 1943 года. Вскоре он прибегнет к помощи коммандос, коппистов и СБС, в то время не вылезавших из непрерывных боев в Италии или готовившихся к грядущему главному событию — дню «Д». Получив новое назначение, Лейкок передал командование своему заместителю бригадиру Тому Черчиллю. На тот момент он располагал четырьмя отрядами коммандос и «Спешиэл Рейдинг Сквадрон» (Special Raiding Squadron) в десантно-диверсионной бригаде № 2 в Италии, а почти все их коллеги в Англии готовились возглавить десанты в день «Д». Мы прервали рассказ об итальянской кампании на октябре 1943 года, когда отряд коммандос № 2 под командованием Джека Черчилля, брата Тома, и отряд № 41 морской пехоты отдыхали после тяжелых боев при Салерно, а отряд № 3 и отряд № 40 коммандос морской пехоты вместе со «Спешиэл Рейдинг Сквадрон» Пэдди Мейна вернулись в бой. Они должны были высадиться в порту Термоли на восточном побережье Италии и закрепиться на передовых позициях до прибытия 8-й армии.

Оба отряда были изрядно потрепаны: № 3 не получил никакого пополнения после тяжелых потерь при высадке и насчитывал менее 200 человек, отряд № 40 под командованием пользовавшегося заслуженным уважением подполковника «Попса» Маннерза — менее четырехсот. Отряд № 3 благополучно высадился в Термоли, тогда как бурное море выбросило отряд № 40 на песчаную отмель, и десантникам пришлось идти к берегу вброд. Глубина достигала полутора метров, рации утонули. Отряд

№ 3 тем временем выполнил задачу, закрепившись на плацдарме в миле к западу от Термоли. Перед отрядом № 40 и СРС стояла задача захватить город и дорогу на Неаполь и удерживать до подхода главных сил позиции, находившихся милях в 15 от авангарда 8-й армии.

Подполковник Питер Янг, оправившись от ранения, выписался из госпиталя и присоединился к отряду № 3 в операции у Термоли. Когда на заре коммандос выдвинулись на позиции, с неба стали пикировать вражеские штурмовики, после воздушного налета в контратаку бросились немецкие наземные войска. Вскоре к ним неожиданно пришло подкрепление: 26-я танковая дивизия, отдохнувшая после боев в Салерно, обрушилась на позиции союзников танками и пехотой. Противники сошлись настолько близко, что швыряли друг в друга гранатами.

Сражение продолжалось 24 часа, а 8-я армия, которая должна была десантироваться через семь часов после коммандос, так и не появилась. Позже выяснилось, что авангард армии задержался из-за взорванных мостов. Ситуация становилась отчаянной. Коммандос, как обычно уступавшие врагу в огневой мощи, держались до прибытия 78-й дивизии. Отряд № 40 вроде бы получил передышку, но едва они отошли, как им снова пришлось вернуться на передовую. Под яростным натиском немцев солдаты союзников побежали с поля боя, бросая орудия. Это печальное зрелище и предстало перед глазами коммандос. «Попс» Маннерз выхватил пистолет и пригрозил расстрелять беглецов, если они не вернутся на позицию. То, что вначале походило на краткую стычку, длилось десять дней, и к концу этого периода отряды № 3 и 40 настолько сократились, что им пришлось призвать добровольцев из 8-й армии и экипажей десантных судов.

В середине октября их отвели в Британию на перевооружение и тренировку новобранцев. В Италию послали вновь сформированный отряд коммандос морской пехоты № 43. Там он должен был присоединиться к отрядам № 2,9 и 40 морской пехоты, контингенту бельгийских и польских солдат отряда коммандос № 10 (Inter-Allied) — всем, кто составлял теперь десантно-диверсионную бригаду № 2 под командованием Тома Черчилля.

Отряд № 43 прибыл в Италию после рождества 1943 года и сразу окунулся в водоворот боев на Адриатике, где коммандос найдутся дела до конца войны. Хотя 5-я и 8-я армии потихоньку теснили немцев на север, противник постоянно получал подкрепления и упрямо отвергал приглашение союзников покинуть страну. Немцы твердо держали удар в одном из самых

яростных сражений той войны.

В ближайшие месяцы боевая история союзных войск пополнится такими известными названиями, как бои при Анцио, Кассино и озере Комаччио. Если двое суток под огнем кажутся вечностью, то полгода и подавно, а в последние месяцы итальянской кампании атака следовала за атакой. Непрерывные разрывы снарядов, искромсанные тела — сцены, несравнимые с Первой мировой войной. Необходимо отметить, что обе стороны проявляли чудеса храбрости. Солдаты союзников собрали небывалый урожай наград, включая множество крестов Виктории.

Яростные сражения, в которых участвовало до четверти миллиона человек, подробно запротоколированы, однако формат данного труда не позволяет отдать им должное хотя бы кратким описанием событий. Достаточно сказать, что британские коммандос, поддерживая союзные армии в бесчисленных боях, стойко сражались против врага, бросавшего против них все, что было в его распоряжении. Кульминация наступила, когда 5-я и 8-я армии достигли «линии Густава», протянувшейся от устья реки Гарильяно на западном побережье до восточного побережья на 30 миль севернее Тер-моли. Именно за этот оборонительный рубеж немецкие армии по приказу Берлина не имели права отступать. Именно там они должны были сражаться до последнего солдата. «Линию Густава» обороняли 130 000 человек и множество бронированной техники. При Кассино, господствовавшем над дорогой в Рим, завязли американцы, британцы, индийцы, гурки и новозеландцы, понеся огромные потери. Бенедиктинский монастырь на горе Монте-Кассино был частью укреплений, преграждавших путь союзникам, и стоил им 6000 убитых, раненых и попавших в плен. День и ночь бушевали сражения, закончившиеся только в конце мая после воздушной бомбардировки монастыря, споры о необходимости которой не утихают до сих пор.

Внезапный десант союзников в Анцио 22 января 1944 года, на который штабисты возлагали большие надежды, был первой попыткой выйти из тупика. К полуночи 36000 человек и 3000 единиц автотранспорта появились перед «линией Густава» всего в 30 милях к югу от Рима. Союзные силы включали три батальона американских рейнджеров, американского эквивалента британских коммандос, представленных 9-м отрядом армейских коммандос и 43-м отрядом коммандос морской пехоты, высадившихся с крейсера «Дербишир». Хотя в Лондон сообщили о полном успехе десанта, практически не встретившего сопротивления, эйфория длилась недолго.

Немцы спешно укрепились в обороне, представлявшей

полукольцо, и вскоре начались жесточайшие бои. Союзные силы при Анцио дрались в окружении почти до самого конца операции, сковывая значительную часть немецких войск и не давая им вступить в решающие бои на «линии Густава» и при Кассино. Часть коммандос бригадира Тома Черчилля участвовала и в операции при Кассино с самой ранней ее стадии, с 29 декабря 1943 года, где им пришлось вызвать на себя вражеский огонь при форсировании союзными войсками реки Гарильяно. Затем они прошли весь фронт с востока на запад, выполняя различные задачи. Сражения казались бесконечными, и, во многих отношениях, это было именно то, чего хотели союзники, — сковать 20 отборных немецких дивизий, пока Британия готовится пробить главную брешь в обороне оккупированной немцами Европы. Надвигался день высадки союзных войск в Европе, день «Д», но прежде чем описывать эти события, обратимся к Джеку Черчиллю и отряду коммандос № 2, воевавшему на островах Адриатики у берегов Югославии, куда к весне 1944 года будут стянуты три отряда коммандос.

Черчилля уведомили о том, что югославские партизаны удерживают остров Вис, стратегически важный из-за маленькой взлетно-посадочной полосы, пригодной для дозаправки «Спитфайров». Правда, Вис находился среди островов, занятых немцами, и слишком близко к маршрутам кораблей, снабжавших немецкие гарнизоны. Коммандос вернулись к десантно-диверсионной тактике, однако, совершая налеты на немецкие грузовые корабли и островные аванпосты, они вскоре оказались вовлеченными в бои против укрепленных позиций немцев, по мощи во много раз превосходящих их собственные силы, причем в суровой гористой местности. Коммандос несли большие потери. Обстановка усугублялась тем, что они оказались в центре конфликта между двумя главными группами югославского Сопротивления — принадлежавшими к правому крылу четниками Дразы Михайловича и партизанами-коммунистами Иосифа Броза, впоследствии ставшего известным миру как маршал Тито. В 1941 году при стремительном нападении немцев на Югославию обе группировки сражались вместе, но постепенно усиливающаяся взаимная враждебность вылилась в борьбу друг с другом. Британия не помогла разрешению конфликта, вначале признав четников, а затем предпочтя Тито, которого, естественно, поддерживали русские.

Прячась в горах и совершая набеги с островов у побережья Далмации, обе группы сумели создать самые эффективные из действовавших в оккупированных странах партизанские соединения. Коммандос входили в число британских

подразделений, в разное время нападавших на немцев вместе с местными партизанами. Первым на остров Вис 6 января 1944 года прибыл отряд № 2 Джека Черчилля. Месяц спустя к нему присоединился вышедший из боев при Анцио отряд № 43. Для совершения рейдов на окрестные острова, изобилующие немецкими войсками, коммандос захватили с собой маленькую флотилию торпедных катеров и канонерских лодок, укомплектованных экипажами морского флота.

Коммандос оказались в горной местности с холодным и дождливым климатом среди суровых людей, мало ценивших собственную жизнь и считавших за честь быть убитыми или ранеными. Местные жители смотрели на британцев с подозрением, в общем-то не лишенным некоторых оснований. Женщины и девушки, принимавшие ухаживания коммандос, жестоко наказывались. Очень скоро Джеку Черчиллю пришлось собрать своих людей и внушить им необходимость воздержания от радостей секса еще на некоторое время. «Если девушки попадутся, — сказал он, — их расстреляют. И очень вероятно, пристрелят и вас!». Его слова оказались пророческими. В апреле расстреляли трех девушек только за то, что они забеременели от британцев.

Используя остров как базу для налетов, коммандос, словно пираты, нападали на немецкие конвои. Их торпедные катера и канонерские лодки неожиданно появлялись из многочисленных укромных местечек побережья и подходили к немецким кораблям. Коммандос взбирались на борт, обезвреживали команду, забирали груз и топили корабль. Эти рейды казались приключениями, но нападения на немецкие островные укрепления были опасными и изнурительными. Побережье совершенно не походило на знакомые пляжи Франции и даже на скалы Нормандских островов. Острые камни в клочья резали обувь.

Тем временем на острове Вис собрались 2000 партизан с собственным командованием, а в начале мая к британцам присоединился отряд № 40 морской пехоты. Разведка сообщила, что немцы собираются атаковать штаб-квартиру Тито в Боснии, и — для обсуждения совместных действий партизан Тито и союзников — к нему послали сверхсекретную делегацию британских офицеров связи, среди которых был и Рандолф Черчилль. В «сугубо личном» послании Черчилля к Тито от 25 мая говорилось: «Передайте мой сердечный привет Рандолфу, который вскоре окажется рядом с вами… Хотел бы приехать сам, но я слишком стар и толст для прыжков с парашютом». Немцы начали атаку в тот самый день, и Тито с британскими офицерами,

включая Рандолфа, бежал в горы. 26 мая в Лондоне получили известие о том, что британская миссия и Тито находятся в безопасности и их вскоре тайно вывезут из страны.

Десантникам Джека Черчилля, базировавшимся на Висе, приказали организовать крупный налет на один из ключевых оккупированных немцами островов, дабы оттянуть силы с материка и дать возможность Тито бежать. В прошлом подобные планы вызова огня на себя были довольно сомнительными, и этот не оказался исключением. Выбранный для рейда остров Брач был самым скалистым, и на нем размещался один из самых значительных немецких гарнизонов с большим количеством техники. Джек Черчилль собрал для рейда пеструю армию: 1500 партизан, 43-й отряд коммандос морской пехоты, один взвод из 40-го отряда и артиллерийскую батарею из 3-го полевого полка под командованием опытного артиллерийского офицера, ветерана Эль-Аламейна майора Тернера. Десантникам предстояло тащить тяжелый груз, включая 3-дюймовые минометные мины и удлиненные подрывные заряды для подрыва береговых и других укреплений.

Успешно высадившись и не встретив сопротивления, десантники обнаружили, что немцы укрылись в неприступных скалах, недоступных для орудий майора Тернера. Джек Черчилль перешел к плану «Б»: фланговые атаки с партизанами на одном крыле и коммандос на другом. К сожалению, выдвинувшись на исходные позиции, партизаны решили, что уже слишком поздно и следует перенести штурм на следующий день. К тому времени по горам уже разнеслись звуки волынки Джека Черчилля, призывающие его людей к бою. Призыв заглушили «Спитфайры», атаковавшие по ошибке своих. Когда десантники вылезли из укрытий, курьер принес весть, что партизаны вообще не собираются наступать сегодня.

Коммандос быстро отошли и снова были атакованы «Спитфайрами». Затем Черчилль вызвал с Виса подполковника Маннерза с тремя ротами отряда № 40, и началась атака на успевших хорошо укрепиться немцев. Роты «C» и «D» 43-го отряда, атаковавшие противника в лоб, попали под сильный пулеметный огонь и из-за нарушения радиосвязи оказались отрезанными. Все офицеры и многие рядовые погибли в первой же атаке. Сержанты Гэллон и Пикеринг, оба раненые, продолжали наступать, пока им не приказали отойти. В тот день отряд № 43 потерял шесть офицеров и шестьдесят солдат и сержантов убитыми, ранеными и пропавшими без вести. Вторую атаку возглавил сам Джек Черчилль, естественно, со своим «боевым инструментом», волынкой, которой он когда-то зарабатывал на пропитание в

Париже («мне платили, чтобы я убрался»).

Дав волынкой сигнал к атаке роты «Y» отряда № 40, Черчилль вызвал на подмогу остатки 40-го и 43-го отрядов. По его словам, «рота «У» великолепно проявила себя. Шли шеренгой с криками и стрельбой, будто на учениях в Ахнакэрри». Коммандос швыряли гранаты во все, что двигалось, и поливали огнем окрестности. Радиосвязь все еще была плохой, и только одна рота 43-го отряда подоспела на помощь. Партизаны же наплевали на тщательно согласованный план сражения и, как выразился Черчилль, «убрались Бог знает куда… и больше я их никогда не видел». Судя по затянувшемуся молчанию, немцы оценивали свое положение, а когда поняли, что отряд Черчилля действует в одиночку, бросились в контратаку. Тем временем отряд № 40 успешно потрепал две вражеские позиции, но потом и на них обрушились фланговые контратаки. Подполковник «Попс» Маннерз, один из пионеров коммандос, был так тяжело ранен, что его пришлось оставить, и его подобрали немцы. Сам Джек Черчилль попал в плен вместе с клеймором и волынкой.

Британские части, потерявшие более 80 человек убитыми, ранеными и попавшими в плен, вернулись на Вис. Немецкие санитары немедленно вышли на поле боя подобрать раненых с обеих сторон. «Попс» Маннерз умер, хотя позже узнали, что немецкие медики сделали для него все возможное. Британским военнопленным разрешили выкопать братскую могилу для своих погибших. Они молча молились вокруг могилы, а Джек Черчилль играл на волынке похоронную песнь «Цветы леса».

В той братской могиле не было Нокера Уайта из роты «У» 40-го отряда, которого все его товарищи считали мертвым. Робин Нейландз рассказал, что Нокер получил пулю в шею, а один из его ближайших друзей позже доложил, что он умер, и написал его жене: «Нокер умер на моих руках». Однако на самом деле, Нокер не умер, просто потерял сознание. Придя в себя, он обнаружил, что два немецких солдата тычут в него штыками, и очень вежливо спросил, не прекратят ли они это дело и не доставят ли его к ближайшему врачу, пока он не испустил дух. В итоге Нокер выжил и месяцы спустя его жена получила из Военного министерства письмо с хорошей новостью и неприятным дополнением: «Ваш муж жив и поэтому верните, пожалуйста, пенсию вдовы, которую мы платили вам последние шесть месяцев». Миссис Уайт, несомненно, ответила в духе настоящих коммандос.

Хотя вся операция прошла совершенно не по плану, в основном из-за плохой связи и ненадежности темпераментных партизан, требуемый результат все же был достигнут. Тито

вывезли из Боснии и благополучно доставили на Вис, где он в июне принимал посетителей. Среди визитеров был генерал-майор Стерджес, сообщивший о дне «Д» и роли, которую коммандос предстояло играть в десанте. Все, кто был на Висе, пожалели, что находятся далеко от главного театра военных действий.

Глава 11. ДЕНЬ «Д»: СМЕРТЬ И УНИЧТОЖЕНИЕ

Подготовка к вторжению в Европу, самой большой десантной операции в истории, развернулась в полную силу, когда генералы Эйзенхауэр и Монтгомери вернулись в Британию в январе 1944 года. Первоначальные планы вторжения предусматривали участие десяти отрядов коммандос, как ударной силы парашютно-десантных и воздушно-десантных войск. Это условие оказалось невыполнимым, так как коммандос уже были задействованы повсюду. Следует напомнить, что к тому времени были сформированы четыре десантно-диверсионные бригады (бригады специального назначения), состоящие из шестнадцати отрядов коммандос. Как мы видели в предыдущей главе, 2-я бригада (армейские отряды № 2, 9, отряды № 40 и 43 морской пехоты) сражалась в Италии и у берегов Югославии. 3-я бригада (армейские отряды № 1, 5, отряды № 42 и 44 морской пехоты) направлялась на Дальний Восток, чтобы присоединиться к коммандос Маунтбеттена в Юго-Восточной Азии. Следовательно, в десанте в день «Д» могли участвовать лишь 1 — я и 4-я десантно-диверсионные бригады, то есть, восемь отрядов коммандос: три армейских и пять морской пехоты. 1 — я бригада под командованием бригадира (лорда) Ловата состояла из отрядов № 3, 4 и 6 армейских коммандос и № 45 коммандос морской пехоты. 4-я бригада под командованием бригадира «Джамбо» Лестера, полностью сформированная из морских пехотинцев, состояла из отрядов № 41, 46, 47 и 48 коммандос морской пехоты. Из морских пехотинцев только отряд № 41 ранее участвовал в десантно-диверсионных операциях. Остальные, хотя и служили прежде в регулярных частях морской пехоты, только-только закончили ускоренный курс обучения основам десантно-диверсионной техники. Один этот факт вызывал ужас в рядах более опытных коммандос. До некоторой степени их страхи были обоснованны, хотя в храбрости морских пехотинцев никто и никогда не сомневался.

Характерно, что, хотя решающий штурм гитлеровской «Крепости Европа» планировался три года, перед самым началом операции «Оверлорд» некоторые детали остались непроработанными. В кошмаре маневрирования сотнями кораблей, самолетов, тысячами тонн тяжелого вооружения, миллионами патронов и двумя миллионами людей на некоторые примечания плана вообще не обращали внимания. Все, особенно

немцы, размышляли над датой, временем и местом предстоящей операции. Роммель, которому предстояло командовать немецкой обороной, сказал: «И для союзников, и для немцев это будет самый длинный день». Его слова оказались пророческими и вошли в историю названием книги и кинофильма. 156 000 американских, британских и канадских солдат должны были высадиться на северо-западном побережье Франции за первые двадцать четыре часа. Эта первая волна войск подвергалась самому большому риску как со стороны немецких береговых батарей, так и четырех миллионов мин, заложенных в предыдущие месяцы по приказу Роммеля.

Вскоре станет ясно, что воздушно-десантные и парашютно-десантные войска возглавят вторжение в Нормандию при поддержке коммандос. Коммандос должны будут захватить батареи и ключевые немецкие позиции, чтобы увеличить шансы наступающих главных сил. К концу весны новая британская воздушно-десантная дивизия, 6-я, под командованием генерал-майора Ричарда Гейла, одного из пионеров парашютных бригад, была полностью готова к боевым действиям. 3-й парашютной бригадой командовал бригадир Джеймс Хилл. Три батальона Хилла должны были десантироваться вместе с канадским парашютным батальоном, 5-й парашютной бригадой и 6-й воздушно-десантной бригадой. 6-й воздушно-десантной дивизии предстояло возглавить силы вторжения, сбросившись около Ранвиля, к северо-востоку от Кана, и прикрыть 2-ю британскую армию, десантирующуюся с моря на пляжи с кодовыми названиями «Гоулд», «Джуно» и «Сворд».

Американским 82-й и 101-й воздушно-десантным дивизиям поручили поддержку американской 1-й армии, десантирующейся на пляжи с кодовыми названиям Омаха и Юта. 6-я британская дивизия должна была захватить высоты в восточном секторе у реки Орн и Кан-канала. В полночь 5–6 июня парашютисты и планерные части начали десантирование. Всю ночь британские бомбардировщики утюжили немецкие позиции, а на заре в атаку бросились 1300 тяжелых бомбардировщиков американской 8-й воздушной армии, эскортируемые истребителями «Мустанг», «Лайтнинг» и «Тандерболт». Вскоре после рассвета тысячи судов, по планширам набитые войсками, транспортом и вооружением, вышли из южных портов Британии.

Первоочередные цели британских парашютно-десантных и воздушно-десантных сил включали печально известные немецкие батареи на господствующих высотах в Мервилле, способные уничтожить тысячи десантников при высадке и контролировать мосты через реки и каналы. Высадившись через 90 минут после

первых десантов, 1-я десантно-диверсионная бригада лорда Ловата должна была обеспечить огневую поддержку 6-й дивизии.

Группа Ловата — 146 офицеров, 2456 сержантов и рядовых — получила задание высадиться на пляже «Сворд» у реки Орн, на левом фланге союзных армий, взять Уистрэм и пробиться вглубь, чтобы захватить и удержать важнейший мост через Кан-канал, «мост Пегаса», вскоре прославивший Парашютный полк.

Тем временем 4-я десантно-диверсионная бригада направится на запад штурмовать береговые батареи и маленькие курорты, такие, как Сент-Обен, Лион-сюр-Мер и Ангрюн-сюр-Мер, а затем соединится с британскими и канадскими частями. Отряд № 47 коммандос морской пехоты получил особое задание атаковать рыбный порт Порт-ан-Бессен, а отряд № 46 должен был остаться подвижным резервом у берега и десантироваться 7 июня через день после начала вторжения.

За месяцы до вторжения части КОПП, № 1, 5 и 6, проводили обследование берегов и наносили на карты подводные и другие препятствия, ожидавшие коммандос; они также вели разведку на всем протяжении французского побережья, предназначенного для десанта. Их миссия была жизненно важной и вполне заслужила множество боевых наград, полученных относительно маленькой группой. С самого начала вторжения коммандос морской пехоты, оставив одну часть в резерве, должны были играть не менее важную роль комендантов пунктов высадки морского десанта и регулировщиков движения.

Постепенно люди и техника выдвигались на стартовые позиции. В конце мая после тренировок в Шотландии с отрядом № 45 коммандос морской пехоты бригады Ловата направлялся на юг и Генри Козгроув:

«Мы приехали в местечко близ Саутгемптона, обнесенное колючей проволокой; никого не выпускали. Секретность была полная. Однако в одной большой палатке находились щиты с перекрывающимися аэрофотографиями французского побережья. Ничего не было известно о точной цели, просто ты видел все пространство на фотографиях. Люди постоянно ходили взглянуть на них. В общем, вот, мол, куда вы отправитесь, но никто не собирается сообщать вам, куда именно. Постепенно число фотографий увеличивалось. А потом начали происходить разные события. Нам выдали неприкосновенный суточной паек… консервная банка, похожая на банку с сардинами, но, как оказалось, твердая плитка шоколада. Твердая, как сталь. Разломить ее можно было только штыком. Рационы выдали в маленькой коробке примерно восемь дюймов шириной, восемь дюймов длиной и два дюйма толщиной. В коробке были кубики,

маленькие белые кубики с черными крапинками: чай, сахар и молоко. Из одного кубика можно приготовить пинту чая. Были кубики и побольше — куриный суп. Еще выдали маленькие спиртовки и твердый спирт. Спиртовки — круглые, дюйма в четыре высотой с подставкой в центре для котелка. Так можно было приготовить себе чай или суп. Это были десантные рационы. Потом мы снова и снова проверяли снаряжение. Всем выдали чистую пару носков, чистую пару белья и чистую рубашку — вот и вся сменная одежда. Еще рюкзак: на дне у меня были 4 двухдюймовые минометные мины, взрывчатка и 200 патронов к пистолету-пулемету Томпсона, а также две дымовые шашки, очень опасные. Они содержат фосфор, и я боялся, что в них попадет пуля. Рюкзак весил прилично, около 80 фунтов. Еще я получил 200 патронов; все в нашей части, включая полковника, тащили по 200 патронов в нагрудном патронташе. Проверили обувь, а потом еще раз рассмотрели аэрофотографии.

Из Саунтгемптона мы переехали в красивое местечко Хэмбл и пятью группами погрузились на корабли. Я в жизни своей не видел столько судов, потрясающее зрелище. Казалось, что флот построил дорогу через Ла-Манш. Мы двигались среди рядов кораблей, как по размеченному шоссе. Сразу после отплытия нам объяснили, что нас ждет. Наша задача — как можно быстрее добраться до мостов через Орн, чтобы оказать помощь парашютистам».

Путешествие через Ла-Манш потрясло и Уильяма Спирмана, ветерана множества рейдов коммандос, включая Дьепп в составе 4-го отряда. Многие навсегда запомнят тот ужасный переход. Море, бурное из-за непогоды и волн, создаваемых кораблями, швыряло десантно-высадочные суда. Сотни людей, набитых в корабли, как сардины в банки, страдали морской болезнью, что только усугубляло неудобства и страх. Спирман вспоминал:

«Думаю, только при форсировании Ла-Манша стала вырисовываться грандиозность происходящего. Насколько видят глаза, повсюду суда всех размеров и формы. Когда мы приближались к французскому побережью, слева, недалеко от нас, вдруг взорвался и всего за несколько минут затонул корабль. Наверное, налетел на большую мину, напомнив нам, что все подходы к берегу заминированы. Впереди шли минные тральщики, но очень трудно убрать все мины. Так что несколько кораблей еще до высадки подорвались на минах. Мы получили четкие инструкции. Мы — на левом фланге, восточном фланге всего десанта. Наша первая задача — подавить батарею в Уистрэам справа от восточного сектора десанта. Затем мы должны занять и оборонять позиции в районе Ожер в нескольких

милях от берега. Если бы наше судно затонуло, понятия не имею, кто бы выполнил это задание, потому что нам не предусмотрели никакой замены. Очень рискованная ситуация. Кто бы подавил батарею? Кто бы защищал тот левый фланг?

К счастью, мы благополучно доплыли до места, где должны были пересесть в бронированные десантные суда. Тогда нас снова потрясла грандиозность всей операции. Слева и справа, повсюду корабли и десантно-высадочные средства. А наши бомбардировщики непрерывно пролетают над головой бомбить побережье. Только, когда мы высадились, невозможно было поверить в предварительные бомбежки. Войска, высадившиеся перед нами, кажется, 3-я бригада, Восточно-Ланкаширский полк (East Lancashire Regiment) и канадцы попали в беду. Я впоследствии часто размышлял, не послали ли их, как пушечное мясо, отвлечь внимание от нас, потому что, когда мы высадились, повсюду валялись тела. Нам вообще повезло, что мы высадились. Некоторые суда взорвались в воде задолго до того, как достигли берега. Взрывались плавучие базы, взрывались транспорты. Грохот стоял неописуемый. Но удача все еще была на нашей стороне, и мы высадились на берег, сгибаясь под огромным грузом — полсотни фунтов или больше. Мы тащили личное оружие, огнеметы, мины… подразумевалось, что вооружения должно хватить, если вдруг мы не дождемся подкрепления или пополнения боеприпасов. Если с таким грузом упасть, то самостоятельно уже не подняться. Мы неслись по берегу, потрясенные количеством тел, мертвых тел, живых тел, будто утонувших в собственной крови. Пляж был усеян телами. Вдоль всего берега чудовищные укрепления: огромные кубы из скрещенных стальных балок, и на пляже повсюду торчат балки и столбы, препятствующие приземлению планеров и причаливанию судов. И над всей территорией господствуют огневые точки и долговременные огневые сооружения. Все простреливается насквозь. Отличные укрепления. И отчаянная ситуация для наших парней.

В нашу задачу не входило их подавление. Мы должны были добраться до батареи. Думали только об этой цели и спешили убраться с проклятого пляжа. Жуткая обстановка. Грандиозность происходящего и все эти тела на пляже удвоили нашу решимость. Что бы ни происходило, мы должны были убраться с пляжа. Уберешься с пляжа, уберешься из-под огня. Жестокий урок, который никто не хочет выучить.

Почему так много необученных солдат первыми бросили на пляж? Любой из нас заранее сказал бы, что они не добьются успеха. Они просто оцепенеют от страха и не пройдут. Мы,

конечно, тоже были охвачены страхом, но мы твердо знали, что если остановимся, то погибнем. Некоторые из наших парней все же попытались по пути что-то предпринять. Я помню, как худющий лейтенант Карр, отличный офицер, сознательно подошел к огневой точке и бросил пару гранат. По-моему, очень храбрый поступок, даже подумать об этом — смелость».

Коммандос Ловата шли к намеченным целям под сильнейшим огнем, вокруг них свистели и взрывались снаряды. Им пришлось полагаться на свои карты и воспоминания о фотографиях разведки, которые они видели перед отплытием. На самом деле, как прекрасно запомнил Генри Козгроув, требовалось лишь установить общее направление и следовать на шум:

«Аэрофотографии оказали неоценимую помощь, ведь ты на незнакомой территории, черт знает где. На тех фотографиях была возвышенность с рощей. Мы знали, что должны добраться туда, в наше место сбора милях в двух от пляжей. Собравшись там, мы отправились к мостам через Орн. Эти парни (воздушные десантники) обосновались на одном конце моста. Когда мы добрались до мостов, вокруг было полно мертвых немцев и несколько наших парашютистов. Снайперы стреляли в нас, но ничего серьезного. И тогда бригадир пошел по мосту под звуки волынки, как будто прогуливался в своем загородном поместье.

Это был лорд Ловат (с волынщиком Биллом Миллином, часто возглавлявшим атаки Ловата). Мы последовали за ним через мост, и тут-то начались настоящие проблемы. Мы должны были удержать прилегающую высоту и проверить, захватили ли парашютисты батарею в Мервилле и не нужна ли им наша помощь. Они частично подавили батарею, хотя немцы еще были сильны, и, начав терять много людей, мы передислоцировались повыше и укрылись от минометного обстрела. Мы оказались в окружении под сильным огнем около маленькой деревушки и, в довершение, потеряли рации. Первый связист погиб, а потом ранили и второго. Обе рации вышли из строя, и мы не могли связаться со штабом бригады. К тому времени мы уже были полностью отрезаны. К счастью, удалось связаться с артиллерийским офицером передового наблюдательного пункта, который должен был корректировать огонь с кораблей, если бы нам понадобилось, и через него мы сумели передать наши координаты на корабль и оттуда в штаб бригады. Нам сообщили, что выйдут ночью… но до ночи было далеко, а у нас кончались боеприпасы. Мы уже делились последними патронами. Наш командир, подполковник Рис, был ранен, и командовал майор Грей — мы звали его Долли. Он решил, что мы должны попробовать прорваться и вернуться в штаб бригады в Ле Плейн.

Мы довольно спокойно шли около мили, а потом минометный огонь стал очень точным; мы отстреливались тем, что осталось, и сумели пробиться, хотя и потеряли несколько человек. К тому времени, как мы соединились с бригадой, мы не спали 36 часов».

Бернард Дэвис из отряда коммандос № 4 и его группа задерживались. Они высадились на берег только поздно вечером. Их десантное судно было подбито и несколько часов барахталось в море среди других судов, а когда бой немного стих, их взяли на буксир. Перед ними развернулось невероятное зрелище: полузатонувшие десантно-высадочные суда, застрявшие в песке танки, множество раненых и мертвых. Рота Дэвиса бросилась в бой и сразу же столкнулась с неприятностями:

«Когда мы прибыли, 6-я воздушно-десантная дивизия находилась в щекотливой ситуации. Мы должны были занять высоту к востоку от места высадки. Если на той высоте находились немецкие орудия, они могли простреливать семь миль берега. Они были почти подавлены. Пока мы занимали позиции, моя часть, рота «С», серьезно пострадала. Мы потеряли 80 процентов личного состава и всех офицеров. Командование принял старшина Питер Кинг, произведенный в лейтенанты. Он был награжден медалью «За безупречную службу». Немцы бросили в бой все, что имели, а у нас чертовы ручные пулеметы Брена, которые выпускают всего лишь 400 патронов в минуту. У немцев есть пулемет, стреляющий 1500 патронами в минуту — 25 патронов в секунду. Как обычно, мы были вооружены совершенно неадекватно. Это был близкий бой, 30 или 40 ярдов, с большими потерями, но мы держались, пока нас не отвели на отдых, а затем перебросили на передовую ко все еще окруженному Бревилю. Немцы удерживали большую часть территории вплоть до Кана. Нам пришлось отражать там атаки две недели, а потом мы двинулись вперед. Мы несли потери и из-за ночных снайперов. За неделю в Нормандии я научился большему, чем за все предыдущие четыре года. Кое-какие штучки немцев поразили меня. Вдоль проселочных дорог тянулись высокие насыпи с проходами, только не прямыми, а под углом в 45 градусов, так что увидеть немцев можно лишь тогда, когда уже слишком поздно. Днем в живых изгородях немцы держали пулеметчиков, совершенно незаметных, а ночами отводили их в поля и наши ночные патрули становились легкой добычей. Немцы слышали, как мы приближаемся, и стреляли в нас. В борьбе с лучше вооруженным врагом нас часто выручали летчики. Мы располагали людьми и организацией — 6-я воздушно-десантная дивизия с ядром коммандос — в этом нас невозможно было превзойти. Однако нам остро не хватало огневой мощи».

Через четыре дня жестоких боев Ловат собрал в штабе командиров 1-й бригады специального назначения для оценки ситуации, и естественно, не упустил и эту проблему. Предварительные подсчеты показали, что бригада на тот момент потеряла 270 человек; это была неполная цифра и, как оказалось, преуменьшенная. Ловат не смог сдержать гнев, когда Джон Дернфорд-Слейтер явился с поздравлениями от армейских командиров, и разбушевался:

«Если завтра немцы устроят такое же представление, генерал Демпси получит списки погибших, означающие конец бригаде, а высота все равно будет потеряна. И где, черт побери, подкрепления, которые помогли бы избежать массового истребления? У них вроде бы есть учебно-запасная часть и учебный центр, полный солдат, а они ни черта не присылают. Двадцать пять парней, меньше половины взвода, вот и все пополнение за четыре дня боев, и те вводились частями по мере прибытия. И все эти бедняги погибли или пропали без вести, так и не успев понять, что с ними случилось. Нам требовалось полсотни еще до того, как мы убрались с берега. Еще больше парней утонуло в море. Кто ответственен за всю эту неразбериху?».

Никто не смог дать ответ. Утром в понедельник 12 июня командир дивизии приказал захватить хорошо укрепленный район Бревиль Вуд, где накануне батальон «Черной стражи» (Black Watch) понес большие потери. Среди наступавших была и сильно потрепанная часть Генри Козгроува. Затем, по словам Козгроува, наступило короткое затишье, а когда часть Козгроува готовилась к атаке на Бревиль, генерал Гейл выслал разведпатрули, предваряя наступление 6-й воздушно-десантной дивизии с коммандос на флангах с целью захвата немецкого штаба. Козгроув вспоминал:

«Началось светопреставление. Потери были очень большими. Сильно пострадали воздушные десантники, а потом немцы взялись за нас. У них были подвижные орудия, и нас обстреливали очень точно. Мы потеряли много людей убитыми, ранеными и пропавшими без вести; больше четверти личного состава, а бойня продолжалась. Черт побери! Нас обстреливали из минометов. Кто-то из врачей собрал колонну джипов, чтобы вывезти раненых. Джипы сновали туда-сюда под непрерывным обстрелом: надо быть очень храбрым, чтобы сидеть в машине под обстрелом. Все не так страшно, когда можно где-то спрятаться, но торчать на открытой местности с ранеными… Та еще ночка была, скажу я вам».

Еще раньше в тот же день у подполковника Дерека Миллз-

Робертса, командира 6-го отряда, раненного в ногу, начала развиваться газовая гангрена. Ему сделали внутримышечную инъекцию и приказали лежать несколько часов без движения. Он остался на ферме, которую использовали, как базу, а его часть отправилась на штурм Бревиля. Несколько часов спустя одурманенного лекарствами подполковника разбудил капрал, присланный из Бревиля с сообщением: раненный во время немецкого контрнаступления Лорд Ловат немедленно вызывает его к себе. Миллз-Робертс, все еще нетвердо державшийся на ногах, бросился к месту боев и нашел Ловата в одной из старых конюшен. Вот, что он пишет:

«Почти совсем стемнело и жуткая сцена освещалась горящими строениями фермы. Ловат был в ужасном состоянии; крупный осколок снаряда глубоко вошел ему в спину и бок. Питер Таскер, врач 6-го отряда, делал ему переливание крови. Ловат очень спокойно приказал: «Примите командование бригадой на себя и, что бы ни случилось, ни шагу назад». Он повторил это несколько раз, а затем сказал: «Приведите мне священника».

Парашютный батальон, атаковавший Бревиль, попал под обстрел минометов и «небельверферов» (Nebelwerfers) — горючие снаряды этого коварного оружия, взрываясь, вызывали страшные увечья и ожоги. Полковника парашютистов смертельно ранило. Многие раненые горели, и мы сбивали с них пламя, набрасывая одеяла. Поодаль лежало еще больше раненых. Медики творили чудеса. Старший сержант Вудкок хватал все оказывающиеся по близости джипы, чтобы увезти лежачих раненых в безопасное место. Теперь я командовал не 6-м отрядом, а бригадой и должен был руководить всем сражением. Я вернулся во двор фермы, сплошь усеянный лежачими ранеными, несмотря на снующие джипы. Если бы снаряды продолжали падать во двор, бойня была бы страшной».

Лорд Ловат был среди раненых, в конце концов попавших в полевые госпитали, и выжил, несмотря на очень тяжелые ранения. Тем временем Джамбо Лестер еще сохранял способность наступать. Его 4-я десантно-диверсионная бригада высадилась не так кучно, как 1-я.

Большинство групп испытало на себе все, что мы описывали выше, а многие из коммандос морской пехоты Лестера так и не покинули берег. Из-за разнообразия их задач мы можем лишь кратко изложить их действия в последующие семь-восемь недель. Как мы помним, только отряд № 41 коммандос морской пехоты побывал в боях, остальные были сформированы в месяцы, предшествовавшие вторжению. Однако необходимо отметить, что

большинство служило в батальонах морской пехоты, в целом предоставившей к высадке в Нормандию 17000 человек. Они выполняли разные задания: от защиты кораблей до штурмов вражеских позиций.

Три из отрядов Лестера получили последовательную цепочку задач. Номер 41, высадившийся в секторе «Сворд», должен был атаковать вражеские позиции в Лион-сюр-Мер, однако с самого начала все пошло вкривь и вкось. Они высадились почти в четверти мили от назначенного места и под градом снарядов и мин прорывались с пляжа, уже усеянного останками неудачных десантов: горящими машинами, застрявшими танками и трупами. Отряд разделился на две группы: одна отправилась штурмовать немецкий опорный пункт на подходе к Лиону, другая — хорошо укрепленный замок, командный пункт немцев. Обе группы встретили решительный отпор и сражались почти сутки. Затем коммандос снова объединились для выполнения следующей задачи, еще более сложной. Вместе с отрядом № 48 им предстояло штурмовать важнейшую цель: дуврскую радиолокационную станцию, окруженную массивными укреплениями и минными полями. Немцы считали этот объект абсолютно неприступным. Сходу взять станцию не удалось, и еще 12 дней немцы решительно отвергали предложения выйти с поднятыми руками. Коммандос вызвали танки-заградители (танки с бойковыми тралами), чтобы расчистить минные поля, а затем — при поддержке танкового взвода и бомбардировщиков — пошли на штурм. На этот раз немцы капитулировали. Затем коммандос отправились на противоположный берег Орна в Сальнель, где генерал Гейл использовал их для патрулирования — очень опасное дело, как уже рассказывал Бернард Дэвис.

Отряд коммандос № 48 высадился в секторе «Джуно» и, вслед за канадским полком Северного Берега (North Shore Regiment), должен был атаковать Сент-Обен. Но и они десантировались неудачно. Отряд был сформирован всего за три месяца до дня «Д», и любой коммандос, положа руку на сердце, сказал бы, что такого срока недостаточно для серьезной подготовки. И не имеет значения, служил человек прежде в морской пехоте или нет; скорее, коммандос сказали бы, что это абсолютно невозможно без неприемлемо высокого риска.

Отряд № 48 сразу же испытал на себе все недостатки подготовки. Многие высадились в воду, и непомерная тяжесть их рюкзаков немедленно удвоилась; пришлось тащить, по меньшей мере, сотню фунтов. Неопытность канадских частей еще больше усугубляла ситуацию. Однако справедливости ради отметим, что отряд № 48 ни в коем случае не виноват в большинстве своих

проблем. Во-первых, им достались десантно-высадочные суда, совершенно не похожие на те, на которых они тренировались; под обстрелом вручную пришлось перекидывать сходни через нос судна, и все, кто этим занимался, были ранены. С местом высадки опять напутали. Отряд десантировался прямо под носом немцев, засевших в бетонном доте, и попал под сильный обстрел. Канадцы не обеспечили безопасность берега, и неразбериха быстро усиливалась. Солдат, прорывавшихся с пляжа между танками и другой техникой, срезали на бегу. Один из офицеров 48-го отряда попытался остановить канадский танк, пытавшийся тронуться, явно не замечая, что давит раненых. Офицер постучал по орудийной башне, а когда танк не остановился, швырнул противотанковую гранату. Остатки 48-го отряда собрались у стены гавани и направились мимо канадцев в Сент-Обен, а затем в еще одну серьезную заварушку в Лангрюне в паре миль к востоку по побережью. Несмотря на все потери, отряд № 48 отважно сражался, в конце концов захватил вражеский опорный пункт и тем самым спас множество жизней.

Отряд № 46, прошедший специальную альпинистскую подготовку, должен был штурмовать немецкую батарею, но им сменили задачу. Теперь им вместе с французско-канадской частью предстояло уничтожить вражеские позиции вдоль реки Мю. Задание оказалось более изнурительным, чем первое. Вражеские войска засели в деревнях Ла Амель (La Hamel) и Рот. Коммандос не знали, что им противостояли части 12-й танковой дивизии СС, отборные молодые фанатики, воспитанные Гитлерюгендом. В ходе жестоких уличных и рукопашных боев отряд № 46 потерял более 60 человек убитыми, ранеными и пропавшими без вести, однако обратил немцев в бегство, захватив 47 пленных.

Наступление продолжалось гораздо дольше, чем рассчитывали коммандос и парашютисты. Некоторые продолжали сражаться и в октябре. Отряд № 47, находившийся в первую ночь в резерве, надеялся, что выйдет из боев довольно быстро, а вернулся в Англию лишь 14 месяцев спустя и все это время сражался на передовой. Они сообщили женам, что вернутся домой к Рождеству, только не уточнили, к Рождеству какого года.

Многие вообще не вернулись. 1-я и 4-я десантно-диверсионные бригады понесли примерно равные потери, а общие жертвы коммандос в той кампании: 39 офицеров и 371 рядового и сержантского состава убиты; 114 офицеров и 1324 рядовых и сержантов ранены, 7 офицеров и 162 рядовых и сержантов пропали без вести. Это составило почти половину обеих бригад. Ужасный итог, хотя и несравнимый с общими

потерями союзных войск: 5500 убитых, 22 000 раненых и 12 000 пропавших без вести всего за 15 дней с начала десанта в день «Д». Вернувшиеся домой находились в плачевном состоянии, как вспоминает Генри Козгроув:

«Мы непрерывно наступали, и немцы во Франции уже готовы были капитулировать. С самого начала и до конца августа мы не вылезали с передовой. Но мы сделали свою работу. Нас отвели отдохнуть в лагерь на побережье, а потом отправили домой. Если честно, я не помню, был то Портсмут или Саутгемптон, но нас встречал оркестр. Мы сошли с трапа грязными, дико грязными. Мы отсутствовали три месяца… форма превратилась в клочья, у большинства завелись блохи, у некоторых — вши. Иногда мы мылись в лужах, других вариантов не было. Когда мы вышли к железнодорожной станции, какой-то идиот запустил фейерверк. Только что на платформе было полно встречающих, а через мгновение ни души, все забились под поезд. А мы тогда ничего не боялись. Подойди к любому из нас и крикни «Бум!», мы бы вздрогнули, обернулись и пристрелили бы шутника. Все-таки нервы расшатались. Нас бомбили и обстреливали, иногда по нескольку дней кряду… В лагере Петуорт (Petworth) нам приказали раздеться догола, сожгли нашу одежду, а личные вещи продезинфицировали. Мы вымылись в душе, прошли медосмотр, многим обрили головы, а некоторым еще и разукрасили. Когда с этим покончили, нас отправили в большую палатку, где выдали каждому пару белья, брюки, куртку, носки и ботинки. А потом мы на плацу обменивались вещами, пытаясь найти более-менее подходящее по размеру, чтобы дома в отпуске выглядеть прилично. Пополнение длилось довольно долго, ведь мы потеряли отличных ребят… но нас уже готовили к другой работе».

Глава 12. ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ В ЮГО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ

Вторжение в день «Д» было лишь началом большого пути. Предстояло отвоевать центральную и восточную Европу, да и на Дальнем Востоке ситуация складывалась неважная. Ожидалось, что лорд Маунтбеттен, честолюбивый и энергичный, начнет изменения к лучшему, однако встретили его с цинизмом и подозрением. В разгромленной Юго-Восточной Азии накопилось столько проблем и разногласий, что трудно было понять, с чего же начинать. Прибыв к месту нового назначения в октябре 1943 года, Маунтбеттен свел все проблемы к «трем М» — муссоны, малярия и моральное состояние. Муссоны и дожди досаждали, но к ним привыкли, малярия стала повсеместной, а моральному состоянию японцы нанесли, как казалось, непоправимый ущерб. Британцев до сих пор угнетали воспоминания о драматичном отходе из Рангуна и полном изгнании из Бирмы с потерями в 13 643 человека.

Однако увиденное не поколебало амбициозного Маунтбеттена, еще до отъезда предупрежденного о том, чего следует ожидать. Он восторгался путешествием в Индию на свою базу в Дели, как «зримым символом намерений Британской Империи возобновить атаку на Азию». Правда, довольно скоро Маунтбеттен осознал, что прошлого не вернуть и никакого подобия имперскому правлению восстановить в этом регионе не удастся. Эмигранты и колониальные чиновники просто напивались в барах, не замечая угрозы коммунизма и национализма, надвигавшейся на Дальний Восток вслед за великим китайским походом Мао Цзэдуна. Однако эти проблемы навалятся позже, а вначале у Маунтбеттена от восторга кружилась голова, и он стремился вернуть Рангун во имя Империи. Сложная задача, если вспомнить, что все британские владения в регионе, кроме Индии и Цейлона, находились в руках врага. Хуже того, Маунтбеттен унаследовал самые заброшенные и плохо вооруженные формирования британских войск. «Забытая армия», как назвал ее фельдмаршал Уильям Слим. Ничего удивительного, ведь все британские резервы были брошены на вторжение в Европу в день «Д».

15 генералов и двух адмиралов штаба, поступившего под командование Маунтбеттена, отделяло от фронтов войны пол континента. Части различных войсковых соединений союзников, дислоцированные у индийской границы в кишащих насекомыми

лагерях, предназначались для тяжелых походов по джунглям и болотам Аракана и Бирмы, в то время, как штаб, который должен был заботиться о их нуждах, роскошествовал в Дели, где жизнь текла так, словно в мире не существовало никаких забот, а война была лишь далеким неудобством.

Прежде всего Маунтбеттен решил покончить с потоком гражданских посетителей и наложить запрет на самозабвенное участие штабистов в спортивных и светских мероприятиях. Затем, перейдя к проблеме трех «М», он занялся малярией и был потрясен, когда обнаружилось, что малярией в различной степени страдают 84 процента подопечных ему войск, причем многие больны очень серьезно. Состояние госпиталей, как он выразился, «отвратительное и неадекватное», привело его в ужас: сплошная грязь, никакого представления о гигиене. Маунтбеттен послал в Лондон срочный запрос на 700 медсестер и потребовал от индийского правительства немедленно улучшить условия в госпиталях.

Неизбежен был и конфликт с генералами, не желавшими возобновлять военные действия против японцев. Мнение американцев о том, что после отступления из Бирмы британцы проводят политику бездействия, очень близкое к истине, изложил в сверхсекретном меморандуме Вашингтону генерал Альберт Ведемейер, командовавший американским контингентом: «Поведение британцев достойно сожаления… Маунтбеттен полон энергии, однако между ним и войсками стоят командиры, которые сильно урезают его директивы и стремятся доказать, что правильно действовали в прошедшие два года. Они намеренно не выполняют приказы верховного главнокомандующего».

Именно из-за бездействия генералитета американцы одобряли операции, спланированные Уингейтом. Эксцентричный Орд Уингейт, бывший офицер разведки в Палестине, предлагал глубокое проникновение в джунгли войсковых колонн, снабжаемых с воздуха. Местные генералы с презрением относились и к идеям Уингейта, и к нему самому. В отряд коммандос Уингейта, названный «Чиндит» по имени крылатого льва Чинте из бирманской мифологии, вошли подразделения Королевского Ливерпульского полка (King’s Liverpool Regiment), 2-го батальона полка бирманских стрелков и 3-го батальона 2-го полка гуркских стрелков. 3000 коммандос «Чиндит» вступили в бои в начале лета 1943 года, отправясь на мулах и слонах взрывать железную дорогу, ведущую к горе Мандалай. Этот первый крупный рейд Уингейта закончился катастрофически. Увязая в болотах, коммандос 12 недель кружили по джунглям и потеряли треть личного состава в стычках с японцами и от

малярии. Английские газеты объявили операцию образцовым рейдом в тыл японцев, хотя много позже один из авторов высказался более резко: «Безумными рейдами в тыл врага руководил психопат Орд Уингейт». Однако британская армия сражалась с фанатичным врагом, чья тактика выходила за все привычные рамки. Генерал сэр Уолтер Уокер, бывший в бирманскую кампанию подполковником, объяснял:

«Они (японцы) были первоклассными бойцами джунглей. Именно по этой причине нас и вышибли из Бирмы. Нам приходилось учиться их тактике, а когда мы вроде бы заучивали урок, они прибегали к другим методам, например привязывали тротил к животам и бросались под танки. Похоже, многие забыли, если вообще когда-либо знали, что ни один воин не сравнится с японским. Они хитры и невероятно жестоки. Я видел тела своих солдат после того, как японцы поработали над ними штыками…»

Генералов методы Уингейта вовсе не убедили. Даже Слим, поддерживавший Маунтбеттена, считал «Чиндит» полезным в определенных условиях, но не в 1944 году и не в Бирме, где от отряда больше неприятностей, чем пользы. Вторая экспедиция «Чиндит» планировалась в то время, когда Маунтбеттен прибыл в Индию. Маунтбеттен поддержал Уингейта, что не удивительно, если вспомнить о его пристрастии к самым невероятным идеям и личностям. Однако по мере того, как требования Уингейта возрастали, у Маунтбеттена зародились сомнения. И все же к 10 марта 1944 года 9000 человек и 1100 самых разных животных — шесть бригад — пешком и по воздуху забросили в глубокий тыл японцев в рамках сложной и довольно невнятной операции «Четверг». Как говорил Уингейт, цель операции — «воткнуть мощный кулак в нутро врага». Выражение Маунтбеттену понравилось, и, хотя особой уверенности он не испытывал, он все же пошел наперекор мнению своих военных советников. 24 марта 1944 года Уингейт погиб в авиакатастрофе, и его сменил офицер гурков бригадир Джо Лентейн (Lentaigne). Операция продолжалась. Бригады гуськом пробирались сквозь джунгли к своим целям. Среди командиров 77-й бригады был и бывший коммандос Майк Калверт. В первые же недели произошли жестокие бои и мелкие стычки. Хотя и лучше прежнего подготовленные, «Чиндит» несли большие потери под яростным натиском японцев. Во многих упорных боях они одерживали победы и получили множество наград, включая два креста Виктории. Особую храбрость в боях против японцев проявили гурки.

Когда американский контингент, базировавшийся в Китае, пытался пробиться к Могауну (Mogaung), сварливый

американский генерал Джо Стиллуэлл, заместитель Верховного главнокомандующего, потребовал помощи. Бригада Калверта, не вылезавшая из боев почти полгода, сражалась в то время в 160 милях от Могауна. Добраться до американцев можно было лишь пешком, а солдаты Калверта были измотаны, страдали от малярии и дизентерии, к тому же стоял сезон дождей. Однако влиятельный Стиллуэлл настоял на своем. Бригада прибыла к месту с указанными координатами 8 июня 1944 года и вступила в бой, продолжавшийся 16 долгих дней, к исходу которых из 2000 человек, классифицированных как «боевой состав», то есть не больных и не раненых, осталось 806. Маунтбеттен пришел в ярость и обвинил Стиллуэлла в бессердечном отношении к «Чиндит», и все лишь из-за жажды собственного успеха. Он потребовал отозвать «Чиндит», что было исполнено, однако сразу же после пополнения отряд продолжал боевые действия весь 1944 год и до самого конца войны.

Параллельно с операциями «Чиндит» проводились в жизнь планы коллег Маунтбеттена по «Объединенным операциям», которых он теперь собрал вокруг себя: старых друзей из частей, созданных в Англии при его поддержке. Самые первые коммандос присоединились к операциям Маунтбеттена в Юго-Восточной Азии почти сразу после его назначения. Это была передовая группа 3-й десантно-диверсионной бригады, состоявшая из армейских отрядов коммандос № 1 и 5, отрядов № 42 и 44 морской пехоты.

В начале нового года Маунтбеттен подтвердил приверженность к тайным диверсионным действиям, сформировав то, что он назвал своей Группой Малых Операций, СОГ (Small Operations Group — SOG). В СОГ вошли три роты СБС, отряд № 385 из штурмовой роты коммандос морской пехоты, четыре группы КОПП (Combined Operations Pilotage Parties), две группы береговых коммандос морского флота и четыре части морской разведки (Sea Reconnaissance Units — SRU). Последняя — относительно новая организация, поначалу предназначенная поставлять выносливых боевых пловцов для дальних разведмиссий, превратилась в первую британскую часть подводного плавания, использующую довольно примитивные кислородные дыхательные аппараты. Предполагалось привлечь всех морских разведчиков к рейдам на побережье Аракана и близлежащие острова, а затем использовать их в более грандиозных проектах. С расширением военных действий летом 1944 года эти части должны будут вернуться в Бирму, затем отправиться дальше: в Малайю и Сингапур. СБС привлекли к секретным миссиям в Сиаме и Индокитае.

Несмотря на дырявые десантные суда и недостаток снаряжения, СОГ внесла значительный вклад в борьбу союзников на Дальнем Востоке и за 13 месяцев — с момента создания до конца войны — участвовала более чем в 160 рейдах и операциях, как собственных, так и в рамках комбинированных боевых действий на финальной стадии повторного захвата Бирмы.

Маунтбеттен также призвал на помощь героя операции «Франктон» «Блонди» Хазлера, к тому времени подполковника, и уважаемого всеми полковника морской пехоты Хамфри Толлмаша. Если бы всем этим людям когда-либо выпал шанс, они несомненно сказали бы: «За что же вы с нами так обошлись?» Они попали в ситуацию, ужасную во всех отношениях: враг, способный на все мыслимые гадости, удушающая влажность джунглей, проливные дожди, засасывающие болота и реки, ядовитые насекомые, москиты и непрерывные болезни, косившие всех без разбора.

Британские коммандос, посланные в Бирму, сражались теперь под новым именем — 3-я бригада коммандос, и это имя станет одним из самых славных боевых имен второй половины двадцатого века. В конце 1944 года вместе с другими формированиями 3-я бригада коммандос примет участие в наступлении на Аракан и дальше по территории Бирмы, однако вначале, прибыв в Юго-Восточную Азию, коммандос с гневом узнали, что, из-за недостатка десантных судов и самолетов, их будут привлекать к относительно мелким операциям. Маунтбеттен лишь смог пообещать им походы в джунгли, подобные походам «Чиндит».

А пока момент был довольно неудачным. Верховный главнокомандующий как раз собирался изменить правила ведения боевых действий. До появления Маунтбеттена война зависела от времени года, то есть в сезон дождей бои велись от случая к случаю. И британцы, и японцы свято верили в то, что невозможно полномасштабно воевать в таких условиях, а потому с мая по конец сентября война более или менее затихала. Еще до отъезда из Британии технические эксперты Маунтбеттена по его заданию разрабатывали методы ведения боевых действий в сезон дождей, и по прибытии он почти сразу же объявил своим генералам, что сражения отныне не будут зависеть от погоды. Он предъявил данные экспертов, подтверждающие, что элемент внезапности с лихвой компенсирует риск боев в сезон дождей. Маунтбеттена горячо поддержал фельдмаршал Слим, командир 14-й армии, жаждавший бросить в бой своих людей. Ближайшие месяцы продемонстрировали, что нововведения себя оправдывают: к концу лета японцы уже отступали.

5-й отряд и 44-й отряд коммандос морской пехоты вскоре прочувствовали весь ужас сражений в джунглях против врага, с каким не сталкивалась ни одна британская боевая часть. Архивы 3-й бригады коммандос хранят письменные свидетельства бойцов после всего лишь нескольких коротких стычек с японцами. 5-я индийская дивизия только что захватила Маунгдо в 50 милях от индийской границы, откуда выдвинулась навстречу врагу: «За очень короткий срок против нас применили все хитрости, о которых можно прочитать в инструкциях: японцы привязывали снайперов к верхушкам деревьев; оставляли на поле раненого, искушая нас выйти и забрать его; кричали по-английски; шумели в одной стороне, а нападали с другой. Войска должны быть готовы ко всему этому, или погибнут… мы сражаемся с настоящими фанатиками, не ждущими пощады».

Когда различные десантные части британцев начали прощупывать японские позиции, вражеские командиры осознали опасность морских десантов. Вскоре японцы утыкали дно на расстоянии 275 метров от берега бамбуковыми кольями, практически невидимыми ночью и очень часто наносившими серьезные ранения десантникам. Так продолжалось весь следующий год и позже. Несмотря на пугающее начало, 3-я бригада коммандос бросалась в одну атаку за другой и отражала контратаки японцев. Постепенно союзники теснили японцев все дальше на юг и восток к местам, где вскоре развернутся самые упорные бои. В наступлении так или иначе участвовали все коммандос. Все они прочувствовали ужас местных условий, муссонов и болезней, преследовавших их с начала и до конца боевых действий.

Это полностью подтверждается депешами офицеров в штаб и на английскую базу. Один из офицеров отряда № 5 описывал важнейшее сражение в Кангао в январе 1945 года: «Никогда в жизни мне не было так страшно. Ужасающим был даже не бой, а обстрел… в нас безостановочно стреляли из 20 орудий».

Война близилась к концу, и сражения становились все ожесточеннее. Один из самых упорных боев развернулся за Высоту 170, которую бригаде коммандос приказали захватить и удержать. Коммандос стояли насмерть против грозного натиска превосходящих сил японцев. В одном секторе всего 24 человека из отряда № 1 оборонялись от 300 японцев. Под командованием лейтенанта Дж. А. Ноуленда оставшиеся в живых удерживали свои позиции восемь часов. Ноуленда видели в центре стреляющим с бедра из миномета. Первой миной он убил шестерых японцев. Когда миномет заглох, лейтенант под пулеметным огнем бросился за новыми минами, а обнаружив, что

боеприпас иссяк, выхватил у раненого бойца пистолет-пулемет Томпсона и, встав в полный рост, стал стрелять в японцев, уже находившихся в девяти метрах от него. Ноуленд успел убить еще десяток, а затем, раненый, упал в окоп. За героизм и воодушевление своих людей он был награжден крестом Виктории.

Ветеран десантников и заместитель командира 3-й бригады подполковник Питер Янг после боев за ту высоту написал:

«Потери японцев были раза в три больше наших. Склоны были сплошь усеяны телами… Я никогда не видел столько трупов в одном месте. Боши ни за что бы не выстояли пять часов. Нескольких наших мы нашли далеко впереди, в гуще японцев, полегших в контратаках. Один офицер морской пехоты, четырежды раненый, убил четверых японцев… и все это на двух акрах земли… Я убежден в том, что ни одна британская часть не сражалась лучше, чем наша в тот день».

Лишь позднее десантникам стало ясно полное значение того, что они совершили. Если бы японцы захватили Высоту 170, то перерезали бы все пути снабжения британских войск в битве за Аракан. На бригаду пролился дождь благодарностей и наград. Ликующий Маунтбеттен широко разрекламировал успехи коммандос. Не скупясь на похвалы, он заявил, что если бы коммандос провели лишь одну эту операцию, то и этим бы оправдали свое существование. Красивые слова, но коммандос и раньше сражались не хуже, а впереди еще предстояли бои в Бирме, Малайе, а там уж и капитуляция японцев. Как и сказал Маунтбеттен, отправляясь посмотреть на освобождение Сингапура, до конца еще далеко… Действительно, довольно скоро, в так называемое мирное время, коммандос вернутся в этот регион.

А в Европе накануне осени 1944 года коммандос в передовых рядах штурмовали немецкие цитадели, развивая наступление с пляжей Нормандии. 25 августа французские танки вошли в Париж, однако дорога в Германию была вымощена серьезными проблемами. 1-я британская воздушно-десантная дивизия получила задание при поддержке американцев захватить мосты в Арнеме, что позволило бы союзникам контролировать нижний Рейн. Попытавшись «закончить войну к Рождеству», военные стратеги серьезно просчитались. Важнейшее сообщение разведки о том, что отборная немецкая танковая дивизия отдыхает неподалеку, проигнорировали все, включая самого Монтгомери. В результате в том печально известном сражении парашютистов просто изничтожили. После восьми дней кровопролитных боев из 10 000 человек, сброшенных на Арнем, вернулось всего 2400.

Теперь самым важным было обеспечить доступ в порты северо-западной Франции и Нидерландов. Союзные армии удалялись от побережья; их грузовики, танки, джипы и орудия нуждались в обслуживании и топливе, а людей требовалось кормить. Провиант, топливо и боеприпасы приходилось подвозить по дорогам из портов Ла-Манша, а поскольку передовые войска продвигались на удивление быстро, снабжение оставалось постоянной проблемой. Решить ее можно было, лишь захватив порт Антверпена. 2-я британская армия окружила Антверпен ко второй неделе сентября, но его порт находился в 18 милях от устья реки Шельды. Немцы приняли меры безопасности на случай крупного морского и воздушного союзного десанта, хорошо укрепив устье реки и господствующий над ним остров Валхерен. Они затопили низины и перегородили столбами и балками все подходы.

Таким образом порт оставался практически недоступным. Вскоре стало ясно, что проложить путь к порту может лишь крупный десант в окрестности Валхерена при поддержке тяжелых бомбардировщиков. Черчилль, ознакомленный с предложениями начальников штабов, возражал по гуманитарным соображениям: слишком велика была опасность для гражданского населения главной цели, городка Флиссинген. Эйзенхауэр настаивал на необходимости штурма, и в итоге Черчилль согласился при условии, что сам город бомбить не будут, а ограничатся воздушными атаками на немецкие укрепления.

При подобном условии оставалось полагаться на быстрый морской десант в стиле рейда коммандос, когда действия диверсионных частей предшествуют высадке пехоты и танков. На эту роль выбрали 4-ю десантно-диверсионную бригаду, оставшуюся на материке после вторжения в день «Д». К тому моменту отряд № 46 коммандос морской пехоты, сократившийся до 200 человек, отправили домой и заменили армейским отрядом коммандос № 4. Штурмовую группу усилили бельгийскими и норвежскими коммандос. Три отряда должны были высадиться в западной части острова, а отряд № 4 с двумя ротами французов — во Флиссингене. За ними пойдет 155-я пехотная бригада и части 7-й бронетанковой дивизии. Десант поддержит артиллерия военно-морского флота и десантных судов, вооруженных многоствольными реактивными установками и противотанковыми орудиями. Королевские ВВС обеспечат предварительную бомбардировку острова, а «Спитфайры» атакуют вражеские позиции. К моменту начала операции, 31 октября 1944 года, немцы усилили долговременные огневые сооружения и бункеры из тысяч тонн армированного бетона

дополнительной артиллерией и войсками. Подавить вражеский огонь можно было, лишь подбежав к бункерам и забросав гранатами узкие бойницы.

Все побережье было заминировано и перегорожено стальными и бетонными укреплениями, вдобавок для затруднения маневрирования перепаханы дюны и затоплены равнины. Немцам помогла и погода: густая облачность над всем районом ограничила действия авиации. Передовые разведгруппы, определявшие места высадки, понесли небольшие потери и даже привели пленных, однако появившиеся в небе «Спитфайры» насторожили немцев, и их тяжелая артиллерия заговорила еще до того, как коммандос высадились на берег. Некоторые десантные суда затонули, и многие десантники погибли.

Вовремя подоспевшая 155-я бригада обеспечила отряд № 4 необходимой поддержкой, и к середине дня была выполнена большая часть намеченных на первый день задач. На другой стороне острова три отряда коммандос высадились чуть позже и понесли еще большие потери, потеряв шесть десантно-высадочных судов. Как только коммандос ступили на берег, немцы открыли по ним смертельный огонь, однако десантникам удалось закрепить плацдармы для следовавших за ними главных сил.

Немцы, заранее пристрелявшие орудия, вели смертельно точный огонь, а вскоре им уже не уступали морская артиллерия и бомбардировщики союзников. Земля утонула в неописуемом грохоте, пламени и взрывах. Ожесточенные сражения, продолжавшиеся долгих шесть дней, постепенно перешли в бои за отдельные дома среди гражданского населения, которому просто негде было прятаться. Однажды ночью два британских солдата, отрезанные от своей части, укрылись в местной семье. Немцы, впоследствии об этом узнавшие, расстреляли всю семью из пяти человек.

Несмотря на казалось бы неприступные укрепления, на пятый день немцы отступили, а на восьмой капитулировали. Валхерен и все важные подступы к Антверпену были освобождены. Одна эта операция изменила судьбу 40000 немецких солдат и офицеров, оттесненных в Нидерланды, а затем и в Германию. К концу месяца, когда минные поля были обезврежены, в порт Антверпена заспешили корабли союзников с войсками, боеприпасами и топливом для дальнейшего наступления.

Без сомнения это был замечательный успех, очень важный для всего наступления, к тому же, не сравнимый по затратам с трагическими и бессмысленными человеческими потерями в Арнеме. А ведь и в Арнеме удалось бы добиться положительных

результатов, если бы высшее военное руководство прислушалось к разведчикам и отложило бы десант до тех пор, пока танковая немецкая дивизия не отправится после отдыха дальше.

4-я десантно-диверсионная бригада успешно воевала на Валхерене, однако понесла тяжелые потери. Валхерен собрал большую дань с десантников, потрепанных еще в день «Д»: 103 убитых, 325 раненых и 68 пропавших без вести за восемь дней сражений. Бригаду временно отвели на пополнение, однако половину состава вернули на Валхерен на случай возвращения немцев. Остальные, вместе с отрядом № 47 коммандос морской пехоты и тремя взводами из отряда № 48 коммандос морской пехоты, перешли в британский 1-й корпус, используемый как резерв союзников во время недолгого декабрьского прорыва немцев в Арденнах, а затем поступили под начало 1-й канадской армии, очищавшей от немцев северную Голландию.

За оставшиеся до конца войны месяцы 4-я десантно-диверсионная бригада провела не менее 28 боевых патрульных и 14 разведывательных рейдов.

В декабре все четыре десантно-диверсионные бригады, включая 3-ю бригаду, воевавшую на Дальнем Востоке, были переименованы в бригады коммандос. Бывшая 1-я десантно-диверсионная бригада стала 1-й бригадой коммандос под командованием преемника лорда Ловата Дерека Миллз-Робертса. Вернувшись в сентябре в Англию «грязными и вонючими», как выразился Генри Козгроув, части 1-й бригады после переформирования снова отправятся в Бирму. К ним вскоре присоединится и отряд № 46 коммандос морской пехоты. Они будут переброшены в Западную Европу и добавят еще один славный эпизод к подвигам коммандос той войны: долгий поход, по большей части, пеший и с непрерывными боями, из центра Голландии к Балтике.

По дороге коммандос выполняли различные задания: усиление обороны в Антверпене на случай контратак немцев, оборонительный рубеж в Маасе, марш через Голландию и прорыв во главе союзных войск в Германию. Четырежды они с боями форсировали реки, в том числе Рейн и Эльбу, и приняли капитуляцию фельдмаршала Эрхарда Мильха в Нейштадте. Своим высокомерием фельдмаршал заработал удар по голове жезлом от Миллз-Робертса. Послушаем Генри Козгроува, прошедшего весь этот путь с отрядом № 45 коммандос морской пехоты:

«Из доков Тилбери до Остенде мы добрались на брошенном за негодностью пароме, когда-то работавшем на острове Мен; затем поездом до Хелмонда в Голландии и далее пешком с 15-й Шотландской штурмовой (пехотной) дивизией до Маасбрахта и

дальше до Брахтербека, который и захватили с небольшими потерями. А вот на берегах Мааса нам не повезло, и завязалась старая добрая драка. Фрицы накрыли нас огнем на открытом пространстве и здорово потрепали. Один парень из армейского медицинского корпуса по имени Харден показал себя настоящим героем; отличный парень, он всем нравился. Сновал повсюду, вытаскивая раненых, а потом его застрелили. Получил крест Виктории».

Младший капрал Харден из Королевского армейского медицинского корпуса бросился к раненым офицеру и двум морским пехотинцам, оттащил их в безопасное место. Несмотря на приказ не рисковать больше собственной жизнью, он еще дважды возвращался с санитарами и помогал эвакуировать раненых, а на третий раз получил пулю в голову. Посмертно его наградили крестом Виктории за храбрость.

Отступая, фрицы оставляли разные ловушки, и мы попались. Мы залегли, потеряв довольно много бойцов. Потом парни, которые шли за нами, поставили дымовые завесы, чтобы мы смогли выбраться, но как только дым рассеялся, немцы открыли огонь из всего, что у них было. Они знали расстояние, и мы не могли пошевелиться, но им удалось выбить нас только с наступлением темноты.

Мы тогда шли в авангарде 2-й армии, направлявшейся через Голландию и собиравшейся форсировать Рейн (в Везеле). Стоял жуткий холод, полно снега, и, чтобы согреться, мы по ночам зарывались в снег. По дороге я подобрал утку, которую назвал Гектором, думал рано или поздно сделать из него ужин. Гектор здорово досаждал; как только мы приближались к воде, он начинал крякать, и приходилось связывать ему клюв. Я привязывал его сверху к рюкзаку. Итак, перевязав Гектору клюв, мы переправились на другой берег. Там завязалась перестрелка, но мы справились неплохо. Тем временем Гектор снес яйцо и пришлось переименовать его в Гекторину. Я отдал ее румынским детишкам. Бедняги просто умирали с голоду. А на следующий день началось светопреставление».

В первой атаке 23 марта восемьдесят бомбардировщиков «Ланкастер» сбросили на Везель 450 тонн бомб. Вторая волна из 200 бомбардировщиков сбросила более 1000 тонн мощной взрывчатки. За бомбардировкой последовал воздушный десант частей американского 18-го воздушно-десантного корпуса и британской 6-й воздушно-десантной дивизии. По словам Генри Козгроува, наземные войска почувствовали перемены, в любом случае, они были счастливы видеть десантников:

«Нам к тому времени здорово досталось, а потом пришел

приказ собрать всех раненых, и мы собирались переправить их обратно через реку. Тут, к счастью, «Дакоты» сбросили парашютистов… сначала американцев. Их сбросили с большой высоты, они падали в реку и куда угодно, кроме того места, где должны были приземлиться. За ними британцы, эти летели низко, наши старые друзья из 6-й воздушно-десантной. В общем, они нас поддержали. И только потом мы узнали, что одна бригада коммандос столкнулась с целой немецкой дивизией. Неудивительно, что мы не могли сдержать их. У них вся мыслимая поддержка, полно подвижной артиллерии, а у нас только легкое вооружение. Когда мосты были захвачены и подошла армия, у нас появились артиллерия и танки, нам помогли знаменитые «Крысы пустыни» (Desert Rats), 7-я бронетанковая дивизия. Мы опять бросились вперед, теперь на танках, сидели вокруг башен. Сначала все шло неплохо, пока мы не приблизились к Черному лесу (Шварцвальду,) а потом пришлось резво отходить».

Следующим местом сражений для 1-й бригады коммандос стал Оснабрюк с большим немецким гарнизоном. Однако по сравнению с тем, что ожидалось, немцы сопротивлялись довольно слабо; город был захвачен быстро, и коммандос практически без передышки продолжили наступление впереди главных сил. Следующее серьезное испытание ожидало их в Лауэнбурге при форсировании Эльбы. Бригаде удалось выбить немцев, окопавшихся на крутом противоположном берегу, и закрепить плацдарм для 6-й воздушно-десантной дивизии и 11-й бронетанковой дивизии. Затем они двинулись к Балтийскому морю и закончили поход в Нейштадте. Снова передадим слово Генри Козгроуву: «Там был большой концентрационный лагерь. Вонь стояла невероятная. Толпы людей за заборами, множество людей, и все цеплялись за проволоку. Видны были только их ладони, лица и глаза. Живые скелеты. И тот запах; поверить невозможно, что может быть такой запах. Это были в основном политзаключенные: бельгийцы, французы, все национальности, какие только можно вспомнить. Именно там бригадир Миллз-Робертс треснул фельдмаршала Мильха его собственным жезлом по голове за какое-то замечание. Можно понять его чувства в тот момент, хотя вообще-то я удивился, когда услышал об этом. Правда, он бешеный, наш бригадир, о, какой же он бешеный, и отличный солдат. Но когда мы увидели тот лагерь, нам стало не до немцев. Там была большая яма с трупами, а сверху ползало несколько еще живых людей. И мертвецы повсюду, куда ни пойдешь. Многие уцелевшие выбрались из лагеря и слонялись по окрестностям. Можно представить, что они чувствовали по

отношению к немцам. Боюсь, что и мы после этого не слишком церемонились с немцами. Поверить невозможно, что люди могут так обращаться с другими людьми.

И после этого ужаса мы вернулись в Эйтин, невероятно красивое местечко недалеко от Балтийского моря. Там была огромная казарма и — из-за того, что объявили мир — мы вдруг оказались с тысячами немецких военнопленных. Предполагалось, что мы должны заботиться о них, один Бог знает, сколько их там было. А потом поступил тревожный сигнал: «В Норвегии немцы не капитулировали. Мы отправляемся в Норвегию». Мы вернулись в Гамбург и отплыли в Норвегию на танко-десантных кораблях. Завершилось все в Тилбери: мы вернулись домой».

Оставался один театр военных действий, где коммандос сражались уже 18 месяцев. Теперь под началом бригадира Ронни Тода, ветерана отряда коммандос № 9, 2-я бригада коммандос состояла из четырех подразделений: отрядов № 2 и 9 армейских коммандос и № 40 и 43 коммандос морской пехоты. 40-й и 43-й отряды продолжали сражаться там, где мы их оставили: вместе с партизанами совершали набеги на побережье Югославии и Албании, но чаще на острова Адриатики. А на острове Вис они обеспечивали безопасное убежище Тито. Немцы упорно сопротивлялись, однако бои велись методами, привычными для коммандос, и наконец-то они имели соответствующее вооружение. Коммандос вытеснили немцев с ряда ключевых позиций, включая остров Солта, где взяли много пленных. К концу осени 1944 года немцы уже отступали с Балкан, и коммандос вместе с партизанами старались сделать это отступление как можно более болезненным. Теперь им приходилось выполнять и другие задачи, например ремонтировать дороги для продвижения машин и боевой техники. Красная армия наступала с северо-востока, и британцы ощутили, что их коллеги-партизаны, коммунисты по убеждениям, сгорают от нетерпения. С приближением победы возникли трения. Несмотря на общую борьбу в прошлом, партизаны перестали скрывать свои политические предпочтения, и британцы почувствовали это на собственной шкуре. Командиры партизан начали действовать, не считаясь с британцами, и даже запрещали гражданскому населению разговаривать с коммандос.

В третью неделю января 1945 года отряд коммандос № 43 был окончательно выведен из Югославии и после перевооружения и отдыха соединен с остатками 1-й бригады коммандос и 8-й армией. В последние недели войны они с большими потерями воевали на севере Италии. Тем временем отряд № 40, базировавшийся на Висе, активно действовал на Адриатике,

подавляя последние очаги немецкого сопротивления. В начале февраля их перебросили в Италию, и они также присоединились к последнему броску на север. Силы 2-й бригады коммандос бригадира Тода объединились для своего последнего великого сражения той войны — при озере Комаччио.

К предстоящей операции стянули все имевшиеся под рукой части. Бригаде обеспечивали поддержку различные артиллерийские части 8-й армии, КОПП-2 под командованием лейтенанта Ричарда Файсона и рота «М» СБС, руководимая датчанином майором Андерсом Лассеном, уже знакомым нам по подвигам отрядов ССРФ на побережье Франции.

Хотя Комаччио называли озером, на самом деле это была комбинация естественного озера и огромной затопленной территории, представлявшей, по большей части, мелкое вонючее болото с илистым дном. На больших пространствах было чуть более 45 сантиметров воды, слишком мелко для десантно-высадочных судов. Отсутствие дождей лишь усугубило трудности; в некоторых местах уровень воды опустился до 15 сантиметров. Вся эта территория, преграждавшая союзникам путь на север в долину реки По, была окружена укрепленными немецкими позициями и представляла последнюю в войне серьезную цель для 2-й бригады коммандос. В операции под кодовым названием «Роуст» они должны были проложить путь наступающим за ними войскам.

Отряды № 2 и 9 коммандос получили задание форсировать озеро Комаччио и захватить объекты на северном и восточном берегах. Таким образом они оказывались в глубоком вражеском тылу. Рубеж отряда № 40 пролегал по реке Рено, вытекавшей из озера на юге, а отряд № 40 должен был захватить длинную полосу между озером и Адриатическим побережьем. Штурм начался на рассвете 1 апреля 1945 года, но неудачно. Десантная флотилия состояла в основном из плоскодонных десантных барж, буксировавших цепочки тяжело груженных «Гоутли», и двигалась медленно. Как и ожидалось, немцы начали обстрел с противоположных берегов. Не помогла и дымовая завеса длиной 5500 метров. Немцы не ожидали такого массивного десанта, но быстро оправились от испуга и отразили серию атак коммандос. В одной атаке, начавшейся днем, дым развеялся слишком быстро, и части отряда № 9 пришлось десантироваться под мощным огнем. Коммандос неумолимо шли на штурм под мелодию волынки «Дорога на острова» и к наступлению темноты захватили свою цель, взяв в плен 128 немцев.

Отряд коммандос № 43 также попал под сильный пулеметный обстрел, и передовой взвод был буквально вжат в

землю. Осознав отчаянность ситуации, капрал Том Хантер бросился вперед и начал расстреливать из ручного пулемета Брена пять немецких огневых точек. Пока он стрелял, несомненно обреченным десантникам удалось бежать. К несчастью, несколькими пулями сам Том был смертельно ранен. Посмертно его наградили крестом Виктории. Остатки его части продержались до рассвета, когда подошла 24-я гвардейская бригада.

Вскоре коммандос получат еще один крест Виктории. Кроме главных целей на севере и западе, предстояло захватить четыре маленьких острова. Эта задача была поручена роте «М» СБС Андерса Лассена и итальянской 28-й гарибальдийской бригаде. В последующие ночи они провели ряд операций. На рассвете 9 апреля Лассен возглавил рейд к дороге, ведущей к городу Комаччио в самой северной части озера. На подходе к городу патруль неожиданно обстреляли, но, подавив огневые точки противника ручными гранатами, коммандос двинулись дальше. Вскоре из одного здания вышли шесть немцев с поднятыми руками, однако, когда десантники попытались приблизиться к ним, их обстреляли из пулеметов. Раненый Лассен приказал своим людям отойти, а сам остался прикрывать их. Он отстреливался, пока весь отряд не погрузился в лодки, но когда сам попытался догнать их, на него обрушился вражеский огонь. Мужество Лассена было отмечено посмертным награждением крестом Виктории вдобавок к его трем «Военным крестам», полученным за подвиги на побережье Франции и с отрядом Джеллико на Средиземном море.

Бригаду ожидали еще две недели упорных боев. 2 мая 1945 года немцы окончательно капитулировали в северной Италии и Австрии. За бои на озере Комаччио коммандос получили 38 коллективных боевых отличий (battlo honours), самое большое количество в рамках одной операции, что было утверждено королевой в сентябре 1957 года. От унылых дней 1940 года коммандос прошли с боями Норвегию, Сен-Назер, Дьепп, Нормандию, Валхерен и Северо-западную Европу, Северную Африку, Ближний Восток, Италию, Адриатику, Грецию и Бирму. В тяжелых боях Второй мировой войны погибли не менее 1706 коммандос, как армейских, так и морской пехоты.

Глава 13. МЫ СНОВА В СТРОЮ!

Конец войны застал коммандос на местах их последних боев, где они и помогали разгребать неразбериху. 3-я бригада коммандос оставалась на Дальнем Востоке на подхвате у военно-морского флота до осенней капитуляции Японии. 1-я и 4-я бригады коммандос до лета находились в Германии вместе с регулярными союзными войсками, решая несметное множество проблем, оставленных побежденной Германией: вылавливали нацистских военных преступников и чиновников, которые должны были предстать перед трибуналом, допрашивали и кормили тысячи военнопленных и помогали наведению хоть какого-то подобия общественного порядка. 2-я бригада коммандос вернулась в Англию в июне 1945 года, измотанная боями, в которых участвовала до самой последней минуты.

2-я бригада только готовилась насладиться честно заработанным отпуском, когда будущее всех коммандос, наряду с демобилизацией тысяч британских солдат, обсуждалось на самом высоком уровне. Результат тех дискуссий вызовет у коммандос разочарование и гнев. В сентябре 1945 года комитет начальников штабов решил претворить в жизнь рекомендации Комитета Маддена 1924 года и возложить ответственность за все десантные штурмовые отряды на морскую пехоту. Армейских коммандос, первые во Второй мировой войне британские диверсионно-десантные войска, решили немедленно распустить и всех добровольцев демобилизовать или вернуть в прежние части.

Приказ включал и САС, хотя в 60-х годах, когда по всей территории бывшей британской империи заполыхают колониальные войны, эту службу возродят. Решили распустить и другие части, связанные с коммандос: КОПП, «Бум Пэтрол Детэчмент» морской пехоты (RM Boom Patrol Detachment) и подразделение морской разведки (Sea Reconnaissance Unit). Их методы, изобретенные и усовершенствованные в военное время, сохранит маленький отряд морской пехоты, сформированный на базе СБС военного времени (Special Boat Section). СБС с честью понесет и дальше свое славное имя, но уже как подразделение морской пехоты.

В рядах армейских коммандос царило полное уныние. Сообщить печальную новость пришлось Бобу Лейкоку: «Сегодня, обращаясь к вам, я волнуюсь гораздо больше обычного, поскольку в прошлом, когда я разговаривал с вами, меня обуревали совсем другие чувства: воодушевление солдата, предвкушение опасности сражений. Но сегодня мое волнение глубже и острее. Во-первых, я

безгранично признателен каждому из вас, всем, сделавшим зеленый берет коммандос символом мужества и доблести. Во-вторых, я счастлив тем, что был связан с вами, и считаю это большой честью. И последнее, и самое горькое, я глубоко опечален… Невозможно привести более ярких примеров храбрости, чем подвиги коммандос в дни самых тяжелых испытаний, которым подвергся мир… высшее проявление мужества: добровольность поступления на службу… любовь к приключениям; мастерство и преданность; непревзойденная храбрость, которая часто приводила к трагическому исходу, многие ваши товарищи принесли величайшую жертву — свою жизнь. Именно моральной силой коммандос так справедливо гордится Британия. И тем не менее я должен признать… на мою долю выпало сообщить вам, что коммандос, так беззаветно воевавшие, расформированы».

Лейкок также объявил, что упраздняется знаменитый зеленый берет коммандос, но это решение позже отменят благодаря личному вмешательству Маунтбеттена, и коммандос морской пехоты носят зеленые береты до сих пор. Бригаде коммандос морской пехоты суждено остаться единственным десантно-диверсионным формированием и сыграть главную роль в операциях сильно сокращенной морской пехоты. Из восьми отрядов коммандос морской пехоты осталось три, и с окончанием войны личный состав уменьшился с 70000 до 13000. Только 2000 будут базироваться в море из-за послевоенного сокращения количества крупных боевых кораблей. Новая 3-я бригада коммандос морской пехоты, сформированная из отрядов № 40, 42 и 45, подхватит знамя коммандос и станет одной из сильнейших боевых групп второй половины двадцатого века. Для выполнения специальных заданий был сформирован и Добровольческий резерв морской пехоты (The Royal Marines Forces Volunteer Reserve).

Реорганизацию осуществили с удивительной скоростью. Новый учебный центр коммандос располагался сначала в Уэльсе, а затем в Бикли (Bickleigh) близ Плимута. Базовое обучение всех морских пехотинцев проводилось в лагере морской пехоты в Диле. Кент, пехотный тренировочный центр, был основан в Лимпстоуне, а новые штурмовые роты базировались в Истни и позже в Пуле. Для коммандос разработали новые сложнейшие программы, по большей части основанные на методах, впервые использованных армейскими коммандос в учебном центре в Ахнакэрри и модернизированных в соответствии с военным опытом. В той спешке, в которой проводилась реорганизация, была важная причина. В бывшей Британской империи царили

беспорядок и замешательство. Крах правительств, организованных под давлением «Оси», оставил пустоту, из которой полезли революции в самых разных формах, особенно после того, как лейбористское правительство Клемента Эттли дало понять, что собирается освободить испытывающую экономические трудности Британию от военных обязательств за ее пределами. Надвигающийся хаос уже проявился в Сингапуре, лишенном управленческих структур. До возвращения в Британию 3-ю бригаду коммандос и парашютные бригады использовали как полицейские части: некоторых офицеров даже назначили временными шефами полиции и районными администраторами. «Это было похоже на оперетту, — сказал Джим Абсалом, неожиданно для себя оказавшийся суперинтендантом полиции. — Все местные организации и группы начинали стрелять друг в друга, едва заслышав выстрел, и мы из кожи вон лезли, чтобы установить закон и порядок».

Еще большей угрозой, в глазах Запада, была экспансия коммунизма. После раздела территорий победившими союзниками разросшаяся советская империя господствовала над Северной и Восточной Европой. Шайка политических гангстеров Сталина совершала в Советской России и на вновь приобретенных пространствах чистки и массовые убийства, затмившие даже нацистский геноцид и Холокост. На Дальнем Востоке коммунистическая армия Мао Цзэдуна, еще в 1935 году начавшая свой «долгий поход», была близка к победе над националистами Чан Кайши, и капитулировавшая после атомных бомбардировок Япония не могла этому воспрепятствовать. Коммунизм поднимал голову на всем Дальнем Востоке, особенно в Малайе, Корее и Вьетнаме, и скоро британские политики убедятся в существовании отвергаемого ими хваленого «принципа домино».

Столкновения между евреями и арабами на Ближнем Востоке разгорелись с новой силой, и путь вновь сформированной 3-й бригады коммандос начался с Палестины. Партнер коммандос по многим прошлым — и будущим — операциям, Парашютный полк, находился в Палестине с конца 1945 года. После Первой мировой войны и раздела Османской империи Британия получила от Лиги Наций мандат на управление Палестиной, землей обетованной и для христиан, и для евреев, и для мусульман. Вторая мировая война ничуть не сгладила напряжения в регионе. Ситуация обострилась, когда тысячи европейских беженцев бросились искать убежище на земле, которую палестинские арабы считали обещанной им. После Первой мировой войны Британия приняла двуличное решение: правительство пообещало арабам независимость от Османской империи и в то же время

подтвердило намерение создать в Палестине «национальный очаг для еврейского народа» без нарушения «гражданских и религиозных прав существующих нееврейских общин». Так был заложен фундамент вспыхнувших между обеими сторонами сражений, которые не затихнут до конца столетия.

После Второй мировой войны сионисты, естественно, хотели, чтобы Британия разрешила иммиграцию в Палестину европейских евреев, бездомных и эмоционально потрясенных гибелью в Холокосте шести миллионов своих собратьев. «Национальный очаг», обещанный после предыдущей войны лордом Бальфуром, теперь стал не просто местом, где неприкаянные евреи могли бы преклонить головы, но и важнейшей составляющей духовного и психологического исцеления.

К концу 1945 года беженцы, вдохновляемые сионистами и другими авторитетными еврейскими организациями, хлынули в Палестину. Несмотря на призывы американцев о содействии беженцам, британское правительство попыталось ограничить иммиграцию. Британия послала войска и канонерки, чтобы удержать тысячи евреев, плывущих в Палестину на кораблях из Европы и других мест. Переброшенные в Палестину британские солдаты столкнулись с яростным сопротивлением вооруженных еврейских формирований самообороны, таких, как Хагана и отряд Штерна. Британцы оказались между двух огней: арабы и евреи развернули открытые военные действия. В июле 1946 года сионистские террористы взорвали штаб-квартиру британских войск в Иерусалиме, отель «Кинг Дэвид». 94 британца погибли и 52 были ранены. В ноябре восемь британских солдат погибли при взрыве джипа в Иерусалиме. В январе 1947 года британские семьи эвакуировались из региона, а в апреле была взорвана казарма британских полицейских около Тель-Авива.

Тем временем евреи готовили одну из своих самых драматических попыток нарушить запрет британцев на иммиграцию. Экипаж американцев-добровольцев вывел из Балтимора старое американское транспортное судно «Президент Гарфилд», переименованное в «Эксодус» (Исход). В маленьком французском порту близ Марселя «Эксодус» подобрал 5000 еврейских беженцев и 18 июля 1947 года вошел в Хайфу. Когда британские солдаты попытались подняться на борт переполненного судна, беженцы стали отбиваться консервными банками, железными прутьями и слезоточивым газом. Рукопашный бой, продолжавшийся более часа, закончился победой солдат, и беженцев пересадили на три корабля, направлявшихся на Кипр.

Британцы уже задержали более 20 000 будущих еврейских иммигрантов и вывезли их из Палестины в лагеря для интернированных в Северную Африку и на Кипр. Ответные меры последовали незамедлительно. Два британских солдата, сорокатрехлетний сержант Мервин Пейс и двадцатилетний сержант Клиффорд Мартин, были похищены сионистами и повешены на двух эвкалиптах на окраине Хайфы. К их рубашкам были приколоты записки, в которых говорилось, что солдаты казнены, как шпионы. Лишь после многих других зверств Британия решилась представить спорный вопрос на рассмотрение Организации Объединенных Наций. Политики пререкались и тянули время, однако Британия заявила, что выходит из игры в любом случае, вмешается ООН или нет.

Специальная комиссия ООН прибыла в Палестину с инспекционными целями лишь в начале лета 1947 года. Арабы полностью бойкотировали комиссию. Ввиду неизбежности кровавой катастрофы в Палестину послали коммандос. Джорджу Ричардсу не было и двадцати лет, когда в 1946 году он вступил в отряд коммандос № 42. В числе новых рекрутов он прошел тренировочный курс и вскоре испытал себя в действии. В 1947 году 3-я бригада коммандос, передислоцированная на Мальту, находилась в состоянии полной боевой готовности.

«Пару раз нас бросали в разрываемую противоречиями Триполитанию, которая была передана арабам. Нам пришлось подавить пару стычек между соперничающими группировками, затем всю бригаду нацелили на Палестину. Коммандос получили приказ выступить через 12 часов после получения распоряжения, и начались поспешные сборы. Мы отплыли в Палестину на танкодесантных кораблях «Страйкер» и «Дьепп». Штормило на всем пути: плоскодонные суда трясло и качало, огромные двери грохотали.

В конце концов мы оказались в Хайфе. Высаживались с оружием в руках, потому что евреи хорошо подготовились. Мой отряд расквартировался в Хайфе. Мы заняли пустой отель и выставили орудия на крыше. У меня была рация. Мы должны были стоять между евреями и арабами, патрулировать территорию, искать террористов и оружие. Именно во время нашего пребывания в Хайфе еврейские корабли пытались высадить нелегальных иммигрантов, а после того, как мы остановили два или три их корабля, угрожали убить нашего командира подполковника Ричеза. Мы оставались в Хайфе около месяца, а потом неожиданно получили приказ перебраться в Иерусалим.

Во время движения нашей автоколонны произошла

любопытная стычка. Сразу за Рамаллахом нас остановила Трансиорданская армия под командованием английских офицеров, вооруженная большими полевыми орудиями. Они контролировали дорогу на Иерусалим и не позволили нам двигаться дальше. Пришлось вести долгие переговоры, но в конце концов нас пропустили. Мы добрались до Иерусалима и рассредоточились; 42-й отряд коммандос расквартировался в одном из поселений сразу за городом, старая фабрика стала нашим штабом.

Неподалеку находились три еврейских поселения, а с противоположной стороны — две или три арабские деревни. Так что поводы для перестрелок находились постоянно. Например, одна из женщин в еврейском поселении выходила развесить выстиранное белье, и арабы открывали огонь. Любое движение вызывало стрельбу из арабских деревень и наоборот. Такое происходило почти каждый день. Они стреляли друг в друга из винтовок и пулеметов, а иногда пули залетали и к нам. В нашу задачу входило остановить стрельбу и заставить их заключить перемирие. Однако не успевали мы остановить их, как все начиналось снова. И этому не было конца».

Обострение военных действий наглядно показывает статистика. За шестинедельный период, проконтролированный ООН в январе 1948 года, в Палестине было убито около 2000 человек: 1069 арабов, 769 евреев, 123 британца и 23 представителя других национальностей. В конце концов ООН рекомендовала образовать независимое еврейское государство путем разделения Палестины. Британия с радостью приняла вердикт ООН и поспешила убраться из региона, поскольку столкнулась с более серьезными проблемами в Индии, где подобное решение протолкнул Маунтбеттен. В результате образовались два независимых государства — Индия и Пакистан, что положило начало самому жестокому этническому конфликту современности, в котором погибнут четыре миллиона гражданских лиц. Палестинское «решение» привело к взрыву насилия, так как каждая сторона боролась за господство и территорию. В марте британские войска из самых больших 25-фунтовых орудий обстреляли арабские позиции на холмах в 20 милях к западу от Иерусалима. Перед назначенным на 14 мая рождением Израиля британцы начали выводить оставшиеся войска. Джордж Ричардс вспоминает сцены, предшествующие контрольному сроку:

«Мы перебрались в Иерусалим. Палестинских полицейских, по большей части британцев, вывели из города. Мы должны были сменить их и, как выяснилось, уничтожить их казармы. Эти

современные здания уже были пусты. В общем, мы заняли казармы, окруженные колючей проволокой. По периметру были вкопаны бронированные автомобили с крупнокалиберными пулеметами. Как мы обнаружили, по ночам в Иерусалиме все стреляли во всех. Несмотря на комендантский час, как только темнело, начиналась стрельба. Представьте: они забирались на плоские крыши и стреляли друг в друга. Я не думаю, что они знали, в кого стреляют в темноте. Творилось черт знает что. Слышно было, как повсюду рикошетили пули. Как-то ночью нас начали штурмовать. Позже узнали, что это были люди из Хаганы, вероятно, они искали оружие. Завязался тяжелый бой, мы отстреливались из пулеметов всю ночь. На следующее утро по всему периметру лежали бойцы Хаганы в сине-белых шарфах, многие из них — девушки. Это было трагическое зрелище: совсем юные девушки, бойцы Хаганы».

Через два дня коммандос получили приказ уничтожить все, что невозможно унести из казарм. Эвакуация ожидалась в любой момент. Снова дадим слово Ричардсу:

«Почти все оборудование было совершенно новым. Мы должны были разбить большие дизельные электрогенераторы и тому подобное. Многое просто сожгли. Затем из войск сформировали огромную автоколонну длиной в несколько миль. 1-я гвардейская бригада, танки, инженерные войска и все другие части выстроились для отхода к Хайфе. В небе летали самолеты; «Спитфайры» сновали туда-сюда, охраняя автоколонну. Любой грузовик или танк, ломавшийся по дороге, просто сталкивали в сторону и поджигали. За нашим грузовиком-трехтонкой шел танк, и, когда он спускался с одного из холмов, его тормоза не выдержали. Замерев, мы смотрели, как танк скользит на нас. В конце концов, танк врезался в наш грузовик. Нам пришлось вылезти, столкнуть грузовик с дороги, поджечь и перебраться в другой. Так продолжалось на всем пути. Колонна была огромной, и вокруг валялось множество брошенного транспорта».

Британские коммандос и значительная часть британских военных сил увязнут в открытых военных конфликтах по всему свету на следующие пять лет. На Дальнем Востоке армия Мао Цзэдуна громила китайских националистов, несмотря на то, что американцы оказывали Чан Кайши существенную помощь. В Малайе коммунисты, которых сами же британцы обучили и вооружили для борьбы с японцами, повернули свои армии против бывших союзников. 22 июня, менее чем через месяц после ухода из Иерусалима, в Малайе после убийства нескольких каучуковых плантаторов, британцы арестовали более 800 известных коммунистов. Вскоре коммунистические террористы, в основном

китайцы по национальности, начнут крупномасштабные военные действия. Поводы для восстаний в этом взрывоопасном регионе находились непрерывно, и скоро туда стянут коммандос и многие другие части британской армии. Однако вначале 2-я бригада коммандос понадобилась в британской колонии Гонконг, где проводилась «дипломатия канонерок». Чиновников Гонконга все больше тревожило появление коммунистической армии Мао буквально на их пороге. К тому же ожидалось, что тысячи националистов, бегущих от коммунистов, захлестнут эту британскую колонию.

Среди самых юных новобранцев отряда был Джим Грин из Ормскерка, Ланкашир, еще недавно работавший на ферме трактористом. В возрасте семнадцати с половиной лет он отправился на вербовочный пункт, где, узнав, что флоту требуются лишь кочегары, заявил, что хочет служить на свежем воздухе. Офицер повел его в другую комнату… В общем, Джим вышел на улицу, подписав контракт на минимум 12 лет службы в морской пехоте. 18 мая 1948 года Джим Грин прибыл в учебный лагерь в Диле:

«Сначала я испытал шок, ведь я простой деревенский парень. Но как только поймешь, что главный здесь — парень с тремя нашивками, больше никаких проблем. Если честно, мне там здорово нравилось, некоторым тоже, другие так и не привыкли. В Портсмуте мы прошли артиллерийскую подготовку, затем пехотную в течение четырнадцати недель, потом нас послали на шесть недель в Бикли для обучения тактике коммандос. Я уже приступал к специализированному курсу, когда началась заваруха в Гонконге, и нам приказали готовиться к отправке. Наш набор был большим, пять или шесть рот, и мы должны были присоединиться к бригаде на Мальте, а потом плыть дальше на специально для этой цели реквизированном лайнере. Мы высадились на Мальте, корабль пошел на Ближний Восток за другими коммандос, а потом вернулся за нами, и мы поплыли в Гонконг. Вместе с отрядом коммандос № 42, разместившимся в казармах Уайтфилда в Коулуне, я сразу приступил к своим обязанностям. Мы патрулировали границы новых территорий, охраняли полевые склады и резиденцию губернатора. Пограничные патрули должны были останавливать беженцев из Китая, которых было очень много. У нас было четыре стрелковых роты, «A», «B», «X» и «Y», названные в соответствии с орудийными башнями крейсера. Еще были роты «S», подразделения огневой поддержки с тяжелым вооружением: «Викерсами», минометами и т. п., а также штаб, который общался с местной администрацией. Для меня это была потрясающая командировка, ведь раньше я не

был нигде дальше Ливерпуля. Все шло замечательно, и было очень мало неприятностей, с которыми мы не могли бы справиться».

К декабрю 1949 года гражданская война в Китае свелась к отдельным случайным вспышкам. Коммунисты закрепились в Пекине, где националисты потеряли 600 000 человек, после чего перенесли свою столицу в Тайбей на прибрежном острове Формоза (впоследствии Тайвань). Однако «эффект домино» остановить уже было невозможно. Северная Корея объявила себя республикой; в Индокитае, будущем Вьетнаме, французы никак не могли справиться с объявленным вне закона коммунистическим лидером Хо Ши Мином. В том же месяце британское правительство отправило четыре полка в Малайю для борьбы с воюющими в густых джунглях коммунистическими террористами. Мятежники называли себя Освободительной армией народов Малайи, хотя командовал ими Чин Пен, китайский коммунистический лидер. Примечательная личность. За службу у союзников во время Второй мировой войны Британия наградила Чин Пена «Орденом Британской империи» 3-й степени, который тот получил из рук короля Георга VI, а в 1946 году он маршировал в Лондоне на параде Победы. После объявления в Малайе в 1948 году «чрезвычайного положения» Чин собрал хорошо обученную и дисциплинированную пятитысячную армию, постоянно ускользавшую от британских войск. К марту 1950 года коммунистические террористы уничтожили 863 гражданских лица, 323 полицейских и 154 солдата, сами же потеряли 1138 человек убитыми и 645 захваченными в плен. Вместе с другими британскими военными формированиями части 3-й бригады коммандос уже находились в Малайе, разместив штаб в Ипо. В составе 42-го отряда коммандос из Гонконга отплыл Джим Грин:

«В начале 1950 года нас отправили в Малайю. Сначала мы прибыли на остров Пенанг для обучения действиям в джунглях: учились патрулировать, устраивать засады, избегать засад и выслеживать партизан. В местных условиях очень важна акклиматизация. Для большинства из нас все было новым. Я стал разведчиком, действующим далеко впереди основных сил. Опасная работа, но на удивление популярная среди коммандос. Я получал большое удовольствие. Приходилось все время быть начеку и тогда ты замечал гораздо больше. Конечно, ты первым попадал в засаду, но это только повышало адреналин. Разведчиков обычно было два, ведущий разведчик и второй, а между ними следопыт с Борнео. Это были очень преданные пареньки, гордившиеся службой в британской армии. Они были отличными следопытами: потревоженный лист, след — они все

замечали и объясняли нам. Замыкала цепочку пулеметная группа с ручными пулеметами Брена. Всего в патруле было десять человек: три в пулеметной группе, семь в стрелковой, из которых двое были разведчиками».

Сначала отряд разместился в двух палатах Центральной китайской психиатрической больницы: ряд кирпичных стен по пояс высотой, а дальше до крыши сетки. Коммандос недолго там оставались из-за отвратительной канализационной системы. Все отбросы стекали по открытым стокам, пока заполняющаяся яма не приближалась к жилым помещениям. Вонь стояла жуткая. Все, кроме двенадцати человек, заболели дизентерией, и отряд переместился в палаточный лагерь на каучуковой плантации и некоторое время базировались там:

«Каждая рота, контролировавшая огромное пространство, кроме ротного командира, имела двух полуротных офицеров, каждый из которых возглавлял половину роты, то есть два взвода. На обычное задание отправлялись, как правило, патрули из двух взводов, которыми, в зависимости от дальности рейда, мог командовать и сержант. В моей полуроте был один парень, Энсли, племянник «Сумасшедшего Майка» Калверта. Он ненавидел базовый лагерь, и в результате мы не вылезали из патрулей. Одно патрулирование по трем штатам Малайи длилось семь или восемь недель.

Позже это стало обычной практикой патрулирования в джунглях; на Борнео патрулирование длилось и до 12 недель. Энсли пришло в голову, что, раз террористы передвигаются столь свободно, значит, пользуются дорогами. Он хотел найти эти пути и поставить на них засады. Некоторые из территорий, по которым мы бродили, даже не были нанесены на карты. На найденных тропинках мы устраивали ловушки. Мы вешали ожерелья из гранат, но чаще всего они оставались пустыми, а самой крупной нашей добычей была дикая свинья. Каждое ожерелье состояло из 36 гранат с чеками, привязанными веревкой к проволочной ловушке; если кто-то спотыкался о проволоку, чеки выдергивались и гранаты взрывались с интервалами в несколько секунд. Предполагалось, что ведущий террористической группы попадает в ловушку, а все остальные террористы оказываются в зоне засады. Во всяком случае, мы на это надеялись.

С воздуха нам сбрасывали свежую еду и чистую одежду. Мы заказывали припасы по радио и быстро их получали. Это была тяжелая служба, но мне, двадцатилетнему мальчишке, она очень нравилась. Не вся наша жизнь состояла из патрулирования. Вместе с полицией джунглей мы заходили в деревни, считавшиеся пристанищем террористов, и сгоняли всех

обитателей. Иногда в таких операциях участвовали две роты. Одна группа занимала позиции вокруг деревни, другая входила в деревню, сгоняла и строила мужчин и женщин отдельно. Приводили информатора с закрытым лицом, и он шел вдоль рядов и указывал тех, кто был связан с террористами. Их арестовывали и забирали в местный полицейский участок. Иногда, чтобы добраться до деревень к рассвету, нам приходилось вставать в два или три часа ночи. Дорога от нашего лагеря шла через мост, построенный из железнодорожных шпал, которые грохотали под колесами грузовиков. Грохот разносился на многие мили. Только несколько позже мы поняли, что таким образом сами предупреждали жителей соседних деревень о нашем приближении, и стали избегать этот мост, форсируя реку вброд. Через много лет на одной из встреч я увидел фотографии той реки с крокодилами, хотя наяву никогда их не замечал. Пиявки, да. Когда мы вылезали из реки, всегда приходилось тщательно проверяться, хотя и так все было ясно, потому что из ботинок хлестала кровь. Однажды я сигаретой выжег из ног 32 пиявки.

Не сразу мы обнаружили, что наши повар и полицейский переводчик — шпионы террористов. Они всегда знали, когда мы выходим, поскольку накануне патрулям выдавался паек. Повар знал о каждом нашем движении. В одном из первых патрулей мы разведывали местность; разделились на отделения, чтобы обследовать два горных хребта, и перед тем, как мы вошли в джунгли, командир разрешил нам передохнуть. Мы курили на поляне, когда увидели трех человек, бегущих вниз, и решили, что это парни из другого взвода, но командир посмотрел в бинокль и понял, что это террористы. Мы открыли огонь и убили двоих. Третий, раненый, скрылся, оставив кровавый след. Один из убитых оказался японским сапером, видимо, задержавшимся после войны, а второй — местным террористом.

Процедура опознания была следующей: если находишься далеко от базы, невозможно тащить труп, так что отрубали голову. Среди наших парней добровольцев не нашлось, и мы попросили борнейца. Он был вне себя от радости, потому что принадлежал к местному племени охотников за головами; он подумал, что голова террориста — его трофей, и, отрубив, не хотел ее отдавать. Когда командир собрался положить голову в мешок, дело дошло до потасовки.

При отступлении японцы зарыли много боеприпасов, и китайцы искали их. Вот для чего был нужен японец; он мог разобрать заряды и смастерить кустарные бомбы или что угодно».

Дальние патрули, инспирированные лейтенантом Энсли, напоминали операции военного времени его дяди, бывшего

коммандос Майка Калверта, который, по случайному совпадению, служил сейчас в британском штабе в Гонконге. В мае 1950 года генерал сэр Джон Хардинг, главнокомандующий наземными силами на Дальнем Востоке, попросил Калверта изучить проблемы, с которыми столкнулись войска в Малайе, и как можно скорее доложить выводы. Калверт прошел по кишевшим террористами джунглям 1500 миль. Он посещал деревни, разговаривал со старейшинами. На основе увиденного он составил пространное резюме, которое стало основой плана Бриггза, генерала сэра Гарольда Бриггза, руководившего оперативным отделом штаба. По этому плану операция имела две стадии: на первой стадии планировалось ликвидировать 410 малайских деревень, где террористы находили убежище и продукты, хотя обитатели помогали им больше из страха, чем по убеждениям. Крестьян перевезли в укрепленные поселения, где они могли жить и заниматься сельским хозяйством, не боясь набегов коммунистических террористов. На второй стадии десантные войска должны были отрезать партизан от их баз и убежищ в джунглях, тем самым лишив еды и боеприпасов. Калверт бросил клич и набрал отряд особого назначения специально для действий в Малайе. Вновь созданный отряд, подобный САС, должен был осуществлять связи с местным населением, стараясь завоевать их доверие. Многие из вступивших в отряд Калверта во время войны служили в подразделениях САС, к данному моменту расформированных. Под именем «Малайских скаутов» они станут предшественниками возрожденного САС. Юный Джим Грин был свидетелем их успехов:

«Операции по овладению «сердцами и умами» местного населения оказались успешными. В результате по всей стране постепенно уменьшилось число терактов, а когда я вернулся в Британию в ноябре 1951 года, стычек было совсем немного; наши патрули ничего в джунглях не находили. Местные были вполне счастливы, потому что им не приходилось содержать террористов. Несмотря ни на что, мне очень нравилось в джунглях, и если бы не смерть брата в октябре, я бы остался. Оглядываясь назад и вспоминая то, что мы делали, я иногда думаю, не был ли я сумасшедшим, однако в то время шатание по джунглям и горам казалось большим приключением. Дружба и все остальное было потрясающим. Через многие годы, встречаясь с друзьями, мы часто говорили об этом. Думаю, верно, что чем старше ты становишься, тем разумнее. В те дни мы, юнцы, иногда вели себя чертовски глупо».

Когда Грин вернулся в Англию, чтобы возобновить

специализированный курс, коммандос все еще были необходимы в Малайе. «Чрезвычайное положение» с интервалами тянулось еще пять лет до получения страной независимости. А за горизонтом уже слышались отзвуки новых, еще более жестоких сражений.

Глава 14. УЖАС КОРЕИ

Особую часть британских коммандос сформировали для Корейской войны, начавшейся в июне 1950 года и тянувшейся три долгих кровавых года. Одна из самых жестоких и бесчеловечных войн современной истории, эта война уникальна по ряду причин, в частности, она была предшественницей Вьетнама, даже перекрывшего ее ужасы. Здесь впервые китайские коммунисты, кроме других зверств, занимались «промыванием мозгов» военнопленных. Методы, используемые американцами, не подкреплены доказательствами, однако, учитывая опыт Вьетнама, поверить в них нетрудно. Именно в Корее американцы начали интенсивно использовать напалм против гражданского населения. Корейская война стала первым конфликтом, в котором Организация Объединенных Наций финансировала применение военной силы против агрессора. Вдохновителями принятого решения были американцы, обеспечившие также 90 процентов солдат, вооружения и снаряжения.

Хотя сами военные действия останутся за рамками этой книги, некоторые горькие воспоминания, включая сведения из первых рук о «промывке мозгов», позволят понять степень участия в этой войне британских войск. Прежде чем продолжить наш рассказ, полезно коротко перечислить ряд событий.

Причины конфликта коренились в истории страны. С 1910 года Кореей правила Япония. Когда в 1945 году русские и американцы вышибли японцев, советские войска оккупировали север Кореи до 38-й параллели, а американские войска стали контролировать территорию к югу от 38-й параллели. В 1947 году Генеральная Ассамблея ООН объявила о необходимости провести выборы по всей Корее, чтобы избрать единое правительство. Советский Союз не санкционировал выборы на севере, однако 10 мая 1948 года народ Южной Кореи избрал Национальное собрание. Северяне ответили образованием Корейской Народной Демократической Республики. Обе стороны заявили о своих притязаниях на всю страну, и коммунисты сделали первый шаг: 25 июня 1950 года вторглись в Южную Корею. Когда требование ООН вывести войска было проигнорировано, Южная Корея запросила помощь ООН. Шестнадцать стран— членов ООН, включая Великобританию, послали на помощь Южной Корее войска, а сорок одна страна помогла вооружением, продовольствием и другими ресурсами. Советы поддержали северных корейцев снаряжением и военными советниками, а Китай, имевший неисчерпаемые людские ресурсы, — войсками.

Наземные силы ООН и южнокорейские войска поступили под начало генерала Макартура, командующего 8-й армией США. Первыми десантировались американцы, вскоре за ними последовали британские коммандос, однако поначалу силы ООН терпели поражения. В стремительном броске на юг северные корейцы захватили Сеул, столицу Южной Кореи, и загнали ее защитников в юго-восточный уголок страны. В сентябре, после вливания крупных подкреплений ООН, Макартур осуществил внезапный десант в глубокий тыл врага, высадив войска на западном побережье Южной Кореи у города Инчхон, милях в 25 к западу от Сеула. Очень быстро северных корейцев оттеснили за 38-ю параллель.

Китай официально вступил в войну, когда 7 октября войска ООН вошли в Северную Корею и захватили ее столицу Пхеньян. К концу октября передовые войска ООН сражались уже не только с северными корейцами, но и с китайцами. На первые успехи армий Макартура китайцы ответили атаками теперь уже с использованием огромного количества солдат и тяжелой техники. Ситуацию усугубила суровая корейская зима, и вскоре частям ООН пришлось отступить. Чтобы предотвратить продвижение коммунистов на юг, войска ООН начали 21 февраля 1951 года крупномасштабное контрнаступление — операцию «Киллер». Под давлением превосходящих сил китайцы начали медленно отступать на север, однако жестокие бои на земле и в воздухе продолжались месяц за месяцем. Численность войск ООН в Корее составляла уже более 300 000 плюс 340 000 солдат южнокорейской армии. Коммунисты опирались на 900 000 солдат, включая две китайские бронетанковые дивизии и одну механизированную дивизию с 520 танками.

Важную роль в этой войне играли военно-воздушные силы. Впервые разыгрались эффектные сражения между сверхзвуковыми реактивными самолетами, причем господствовали в воздухе китайцы. Половину из их 1400 самолетов составляли советские МиГи-15, базировавшиеся в Маньчжурии и иногда залетавшие в тыл войск ООН. ВВС ООН практически потеряли превосходство в воздухе на знаменитой «аллее МиГов» в северо-западной Корее, и так продолжалось до тех пор, пока президент Трумэн не предоставил в срочном порядке новенькие «Ф-86 Сэйбр». В воздушных сражениях обе стороны, в основном китайцы, потеряли около 1000 самолетов.

Военные моряки также не сидели без дела. Британский Тихоокеанский флот воевал в западных водах Кореи, а Американский 7-й флот — в восточных. Они также оказывали полномасштабную поддержку морским пехотинцам и частям

особого назначения, которые совершали глубокие рейды в тыл врага, уничтожая линии снабжения китайской армии и нападая на железные дороги, мосты, электростанции и промышленные центры Северной Кореи.

Наземные силы включали и первоначальный четырехтысячный контингент, отправленный из Соединенного Королевства в конце июля и начале августа. Авангард составляли коммандос — часть, полностью сформированная из добровольцев, в основном из морских пехотинцев и подразделения СБС. Будущий 41-й отдельный отряд коммандос под командованием подполковника морской пехоты Д.Б. Драйздейла поспешно собрали в июле и сразу же отправили на военно-морскую базу США в Йокосуке, Япония.

«41-й Коммандо» впоследствии участвовал во многих операциях наряду с частями армейских британских полков. Учитывая ситуацию, вероятно, уместнее сосредоточиться здесь на двух поразительно контрастирующих историях, однако сначала вспомним об ужасающей человеческой цене войны, бушевавшей до перемирия, заключенного в июле 1953 года. Из строя выбыло 157 530 американцев: по разным причинам, включая болезни и плен, погибло 33 629 человек, 23 300 из них — в боях. Военные потери Южной Кореи составили 1 312 836 человек, включая 415 004 погибшими. Остальные войска ООН потеряли 16 532 человека, включая 3094 убитыми. Потери коммунистов составили 1,9 миллиона человек. По приблизительным оценкам погибло два миллиона гражданских лиц, северян и южан, а миллионы остались без крова.

Среди множества британских солдат, втянутых в этот кошмар, был Джон Пескетт из Суффолка. В 1947 году в возрасте 17 лет он вступил добровольцем в морскую пехоту, и после базового курса присоединился к отряду коммандос № 45. Через год он был в Палестине в стрелковом взводе, затем попал в джунгли Малайи и участвовал в кратком столкновении в Сомали с Коммунистическим союзом молодежи, угрожавшим базе британских ВВС в Могадишо. В 1950 году, накануне своего двадцать пятого дня рождения, Пескетт вызвался добровольцем в 41-й отдельный отряд коммандос и в сентябре в первой волне подкреплений отправился в Корею. Это многочисленное пополнение должно было компенсировать огромные потери в жестоком сражении на льду Чункхенского водохранилища, где 40 000 солдат ООН оказались в окружении и были вынуждены с боями пробиваться к пункту эвакуации. Тысячи были убиты, ранены или взяты в плен:

«Нас перебросили в Японию в совершенно неподходящей

одежде. В целях унификации вооружения нас учили обращаться с американским оружием. Подобралась веселая компания, готовая выполнить любое задание. Болтали, что для создания 41-го отряда коммандос прочесали все британские тюрьмы, но это полная чушь. Мы все были добровольцами; никто не попал туда по принуждению. Некоторые прибыли из Малайи, некоторые из Гонконга, а некоторые из дома. Отличная команда. И американские пехотинцы тоже отличные ребята: и те, у кого за плечами опыт войны, и 17-летние новобранцы из учебных лагерей. Мы там подружились со многими американцами, и дружба продолжалась много лет. Мы почти сразу же начали боевые действия. Базируясь на острове в заливе Вонсан, мы участвовали в патрулях и рейдах миль на сто в тыл врага. В патрулях подслушивания, например, мы подкрадывались в резиновых сапогах к деревне, отмечая все, что видели и слышали, затем тихонько возвращались к лодкам и ускользали на остров. Затем отправлялись патрули за «языками». В местах предстоящего десанта они устраивали засаду на северокорейский патруль, захватывали офицера для допроса и избавлялись от остальных. И патрули подслушивания, и патрули захвата «языков» были необходимы — единственный способ получить информацию, так как крестьяне были запуганы до смерти, как и во всех этих коммунистическх странах. За болтовню их беспощадно убивали».

В июне 1951 года Пескетт был переведен во взвод № 1 роты Бейкера, укомплектованный бойцами из 3 СБС и совершавший диверсии в тылу северных корейцев. В одном из этих рейдов десантники попали в страшный шторм, тайфун. Отряд добрался до берега, а судно с оставленным на нем пехотинцем проболталось в море всю ночь. Наутро наспех собранная команда — Пескетт, квартирмейстер-сержант Дей и морские пехотинцы Хикс и Бамфильд — вернулись на судно, чтобы отвести его к подветренной стороне острова. Послушаем Пескетта:

«Когда мы отправились на задание, шторм еще бушевал. Ветер сталкивался с волнами, и мы плыли будто в водяном одеяле. Чтобы обогнуть скалы, пришлось выйти в открытое море, и единственный мотор перегрелся: песчаные фильтры забились мусором. Мотор заглох и, чтобы снова завести его, пришлось чистить фильтры. А пока я возился, нас швыряло по волнам. Когда удалось завести мотор, лопнул один из рулевых тросов. Пока снова занимались ремонтом, двое держали руль. Я уже понятия не имел, где мы находимся. Ничего не было видно, и мы просто пытались удержаться на плаву. Так мы пробарахтались несколько часов, и вдруг я заметил, что море стало мельче.

Потом мы увидели берег: кольцо скал, а за ними лагуна. В

скалах была брешь, в которую наше судно могло бы протиснуться, но тут нам повезло. Огромная волна перенесла нас через скалы прямо в лагуну. Судно подошло вплотную к берегу; мы оказались в безопасности. Старший сержант послал меня и солдата морской пехоты Хикса в разведку. Мы вскарабкались на вершину холма и увидели внизу в долине множество огней. Уже стемнело, и мы решили залечь на ночь и поспать. На рассвете мы снова поднялись на вершину того холма и увидели в долине лагерь целого северокорейского батальона.

Оставался единственный путь отхода — морем. Я пошел посмотреть на наше судно и с ужасом обнаружил, что с отливом оно оказалось в 200 ярдах от воды. Поскольку оно весило 30 тонн, и речи не было о том, чтобы его сдвинуть. Мы с Бамфилдом вытащили перекрытие, решили посмотреть, нельзя ли сделать из него плот. Старший сержант согласился, хотя идея ему не очень понравилась, ведь это означало, что только двое смогут плыть на плоту, а другая пара все время будет в воде. Однако в одном мы были уверены: здесь оставаться нельзя и ничего больше сделать мы не можем.

К девяти часам мы были готовы к отплытию. Старший сержант сказал, что ему надо отлить, и исчез в кустах. И тут же нас окликнул корейский патруль, раздались выстрелы, взорвалась граната… бах, и мы в плену. Смущенного старшего сержанта вывели из кустов в одних голубых подштанниках. Нас всех отвели в бункер в долине и допросили поодиночке. Каждому сказали, что выведут из бункера и расстреляют. Первым вывели самого младшего, Джимми Олдриджа, завели за угол, и раздался выстрел. Следующим был Хикс, и все повторилось. Затем Бамфилд. Потом старший сержант. Проходя мимо меня, он проронил: «Мы ничего этим ублюдкам не скажем». Снова выстрел, и я остался один. Я подумал: господи, их всех уже нет. Меня начали допрашивать… и я тоже ничего не сказал».

На самом деле, это были не казни, а уловка, чтобы заставить пленных заговорить, но никто не заговорил. Их отправили пешком в город Вонсан, сильно пострадавший от воздушных налетов. По улицам текла нефть из взорванных нефтяных резервуаров. Капитан охраны с трудом удерживал местных жителей, пытавшихся напасть на пятерых британцев. Все это происходило 29 августа 1951 года. Несколько дней пленных продержали в лагере в яме на скудном рисовом пайке. Затем, сковав всех пятерых одной цепью, отправили на грузовике в следственный центр для военнопленных в Пхеньян. Грузовик медленно поднимался в гору, когда американский самолет, пилотируемый майором (впоследствии генералом) американского

корпуса морской пехоты Джеральдом Финком, выпустил в их сторону пару ракет. Грузовик взорвался, шофер и пассажир рядом с ним были убиты, остальных, охранников и пленных, выбросило из кузова. Если бы их отбросило в другую сторону, вправо, они упали бы с обрыва в пропасть глубиной 300 метров.

Никто из них не был серьезно ранен. Кто-то из охранников хотел пристрелить британских военнопленных на месте, но молодой капитан остановил его. Один корейский солдат поранил ногу и не мог идти. Пескетт попросил у офицера бинт и перевязал рану, а морские пехотинцы сняли куртки, срезали пару палок и сделали носилки. Они донесли раненого до деревни, где армейский врач похвалил Пескетта и его товарищей за умелую первую помощь:

«Крестьяне так обрадовались, что дали нам голову лошади, убитой при бомбежке, и миску риса. Потом пешком мы добрались до следующей деревни. Там нас допросил офицер, хорошо говоривший по-английски. Только радости это ему не принесло. К тому времени я страдал острой дизентерией. Остальных он отправил в следственный центр, а меня оставил в деревне с одним охранником; я жил в семье, две женщины и двое детей. Ни один из нас не знал языка друг друга. Они делали все, чтобы помочь мне. Я жил с ними пару недель. Если бы я смог вернуться и найти тех двух женщин, я отдал бы им все, что у меня есть. Они были замечательные.

Старшая послала моего охранника в горы за какими-то особенными травами, потом сделала настой и велела мне пить. Жуткая гадость, но я пил понемногу каждый день и постепенно избавился от дизентерии. У меня была всего одна пара брюк, те, что на мне. Младшая женщина одолжила мне еще одну пару, и когда я пачкал одну, они ее стирали и возвращали мне чистой. Они также водили меня к реке, чтобы я мог посидеть в воде и вымыться. Конечно, я не брился и не стригся.

Однажды через деревню проходил отряд китайских солдат. Мой охранник, капитан, посадил меня в дверях хижины, а рядом поставил пустую медную миску, и с каждого проходящего китайца брал по сигарете за то, что они на меня смотрели. В конце концов огромная миска наполнилась сигаретами. Этот охранник однажды отвел меня в другую хижину и дал лист бумаги, вопросник. Он велел мне ответить на вопросы, а я, нахальный щенок, решил проявить остроумие. Увидев мои ответы, охранник пришел в ярость и стал бить меня по голове автоматическим пистолетом. Вышиб зуб, разбил бровь и порезал мне все лицо. Когда он привел меня в мою хижину, старшая из женщин так разбушевалась, что схватила железную кастрюлю и

швырнула в него, а потом гнала его через всю деревню.

Как-то в деревню пришел один молодой человек, и меня вызвали к капитану и объявили, что отправляют меня в другое место, но не сказали — куда, и что этот новенький отведет меня. Мне разрешили попрощаться с жителями деревни. Мы отправились в центр дознания, где уже находились остальные. Примерно через милю солдат, до этого лопотавший по-корейски, вдруг заговорил со мной на чистейшем английском. Оказалось, что его, студента сеульского университета, северные корейцы поймали, когда захватили Сеул, и он, чтобы спасти свою жизнь, вступил в северокорейскую армию. Я все еще неважно себя чувствовал, и он сразу же отвел меня в армейский госпиталь и упросил врача осмотреть меня, а после осмотра сказал: «Знаешь, ты умрешь».

Он спросил, не хочу ли я поесть, а мне жутко хотелось рисового пудинга. «Это нетрудно», — сказал он и принес мне миску рисового пудинга с кучей сахара. Меня уложили в конце палаты с корейскими ранеными солдатами, мой охранник Ким дал мне тыквенную бутыль и сказал, что если ночью мне понадобится в туалет, чтобы я шел к дороге. Ну, естественно, меня ночью прихватило. Я сидел у грязной дороги, когда вдруг загрохотал самолет и посыпались бомбы. Прямо за моей спиной засвистели пули. Я оказался меж двух огней, правда, очень быстро налет прекратился. Выскочил Ким и сказал: «Пошли». Поскольку самолеты разбомбили госпиталь, вряд ли меня оставили бы в живых, если бы нашли.

Мы растворились в темноте, и в конце концов Ким доставил меня в следственный центр северокорейской армии. Меня заперли в хижине, а наутро снаружи донесся голос американца: «Джон Пескетт? Счастливый денек. Остальные тоже здесь». Это был Джерри Финк. Раз уж мы установили контакт, то стало бессмысленно держать меня отдельно, и меня перевели в лагерь. Вот так я встретил Джерри Финка, пилота, который разбомбил наш грузовик.

Лагерь был невеселым местечком. Его называли Дворец Пака, по имени начальника лагеря, майора. Он пытался выжать информацию из своих клиентов любыми методами. Я находился в плену так долго, что все мои сведения устарели и никому не были нужны, даже если бы я что-нибудь рассказал. Только они думали иначе. Несколько раз меня избивали кулаками и досками. Однажды за отказ говорить меня заставили выбивать в скале бомбоубежище. Целыми днями куском железа я колотил по камню, пытаясь углубиться в скалу: мартышкин труд.

Если тебя признавали нежелающим сотрудничать, то бросали

в круглую яму с крышкой сверху. За время пребывания в следственном лагере я попадал туда несколько раз. Однажды моим соседом оказался мертвец, уже некоторое время валявшийся там. Я всю ночь пытался держаться подальше от мерзкой вонючей массы. Скорее всего, это был корейский политзаключенный. Они жутко обращались с политзаключенными. Однажды я видел изможденных мужчин, женщин и детей, скованных цепями за шеи и ноги. Это были сами корейцы.

Все следователи и переводчики были выпускниками университетов, очень умные люди. Чтобы получить нужную информацию, они как бы между прочим вставляли в разговор важные вопросы. Мы изо всех сил пытались уклоняться от таких вопросов. Однажды меня попросили нарисовать план казарм морских пехотинцев в Истни. Ну, я нарисовал совершенно фальшивый план. Главная проблема была в том, что никого из нас не проинструктировали, как вести себя, если мы попадем в плен. Если бы нам дали хоть какие-нибудь советы, мы бы подготовились. С большинством из нас корейцы очень плохо обращались за то, что они называли «нежеланием сотрудничать».

К несчастью, в следственном центре умер один из нашей команды, Джимми Олдридж. Мы похоронили его утром на склоне горы, сразу за лагерем. Настал день, когда нас перевели на север в постоянный лагерь для военнопленных. Там мы встретились с капитаном Энтони Фаррар-Хокли, который за попытку побега подвергся пыткам и избиениям.

Во время Второй мировой войны Фаррар-Хокли служил в Глостерширском и Парашютном полках. В 1950 году он был старшим адъютантом 1-го батальона Глостерширского полка. Позже в звании генерала сэр Энтони Фаррар-Хокли занимал почетную должность полковника (colonel commandant) Парашютного полка и командовал сухопутными силами (Land Forces) в Северной Ирландии. Автор двух томов официальной истории Корейской войны, вышедших в 1990 и 1995 годах. Я увидел в дверном проеме взъерошенного человека. Он распрямился и очень вежливо спросил: «Сколько здесь офицеров?» Я сразу понял, что передо мной настоящий солдат. К тому времени в лагере было много британцев, американских летчиков, пара южноафриканцев, голландец, турок, пара французов. Наша еда состояла из двух горстей смеси, которой они кормили цыплят. Если еду раздавал солдат-мужчина, мы получали большие горсти; если солдат-девушка, горсточки были маленькими. Иногда удавалось украсть немного соли.

Лагерь оказался промежуточным пунктом, где

формировались партии для долгих походов на север. Похолодало. Чем дальше мы шли на север, тем сильнее сыпал снег. Нас взяли в плен летом, так что теплой одежды у нас не было. По дороге один корейский солдат украл у меня ботинки, тяжелые горные ботинки. Он носил их всего день, а потом швырнул с обрыва, потому что натер волдыри. В конце концов мы добрались до какой-то деревни. Капитана Королевской артиллерии Уошбрука и капитана Фаррар-Хокли катили в тележке. Мы все выбивались из сил. Несколько человек умерли по дороге. Идти было гораздо лучше, чем лежать в ледяной тележке, только они не могли ходить. Думаю, если бы они были рядовыми, их пристрелили бы и бросили. Когда мы добрались до той деревни, бушевала снежная буря. Мы внесли капитанов в хижину и стали растирать их. К несчастью, капитан Уошбрук умер. Капитана Фаррар-Хокли нам удалось вернуть к жизни. Мы — это мой старший сержант, я сам, морской пехотинец Бамфилд и капитан Х. Дж. Пайк из Глостерширского полка. В общем, поход продолжался, и в конце концов мы добрались до нового лагеря, кажется лагеря № 3, для младших чинов; сержанты и офицеры побрели еще дальше на север в офицерский лагерь.

Через некоторое время… в лагере тогда было всего шесть британцев, остальные — американцы. И вот, представьте себе, китайцы устроили особый обед в День Благодарения. Странно, не правда ли? То они избивают тебя до полусмерти, то отлично кормят, а потом три месяца морят голодом. Мы уже сильно отощали, и в том лагере я заболел бери-бери. Очень похоже на цингу, зубы качаются и нарывы по всему телу.

Когда я обратился к врачу, мне дали пакетик с какими-то кристаллами и велели полоскать горло три раза в день. Я расхохотался. Переводчик спросил: «Почему ты смеешься?» Я ответил, что мне необходимы витамины. Он сказал, что все это знают, но никаких витаминов нет. Правда, там были врачи из Китая, так они втыкали в нас, в тех, кто серьезно болел, иголки. Жгло жутко, но нарывы прошли, и больше не появлялись.

Иногда мы мылись в общественной бане недалеко от лагеря. Зимой там хоть можно было согреться. Летом мы купались в ближайшей реке, но на это требовалось разрешение, потому что им не очень-то хотелось охранять кучу голых военнопленных. Как-то днем меня вызвали к начальству, сказали, что я — реакционер и меня переведут в другое место. В тот лагерь отправляли всех плохих парней, а мы действительно были шайкой хулиганов. Задирали китайских охранников до тех пор, пока не вызывали солдат регулярной армии. Хотя мы здорово веселились, все же не заходили слишком далеко.

Нашу шайку допрашивали регулярно, считая, что если возникают какие-то неприятности, то мы с ними непременно связаны. Мы привыкли ко всем их трюкам и не сдавались. Иногда они приходили в ярость и бросали нас в арестантские камеры, а иногда просто предупреждали и отсылали обратно в наши лачуги. У меня всегда в куртку были зашиты сигареты и спички, потому что никогда не знаешь, когда тебя запрут. На самом деле, мы в том лагере неплохо повеселились, естественно, для тех условий неплохо. Работать не надо было вовсе, а как-то зимой они пришли и спросили, не хотим ли мы попутешествовать по реке. У одного старого корейца была лодка, и мы спускались по широкой реке, грузили лодку доверху дровами на зиму. Как мы и думали, дрова действительно предназначались нам. Для них мы ничего не делали. Они пытались вдолбить в нас коммунизм и заставляли писать «мирные» письма, а мы просто не делали ничего и все. Они, естественно, не понимали, почему бы нам не солгать и согласиться с ними, пока мы в лагере. Но приходилось осторожничать, чтобы никому даже не показалось, будто мы помогаем врагу.

Через некоторое время я перестал считать их врагами; некоторые из них были неплохими, просто выполняли свою работу. Были и настоящие свиньи, но такие попадаются повсюду. Вообще все было так глупо. Насколько я понимаю, мы не были военнопленными, как в немецких лагерях. Иногда было похоже на японские лагеря… на какое-то время запихивали в яму за отказ сотрудничать и попытку к побегу. У меня до сих пор на запястьях следы от слишком тесных наручников. Я отказывался писать «мирные» письма, а когда явились коммунистические журналисты, двое из Британии (от «Дейли Уоркер») и один из Австралии, я собрал парней, и мы забросали их камнями.

Однажды морские пехотинцы, сидевшие в нашем лагере, решили захватить кухню, потому что армейские, заправлявшие продуктами, забирали себе львиную долю, а нам доставались крохи. Не буду говорить, из какого они полка, достаточно сказать, что один назвался лейтенантом ИРА (Ирландской Республиканской Армии). Так это или нет, не знаю, но он был ирландцем. Я только что вышел из тюрьмы, и мы, морские пехотинцы, собрались и решили совершить налет на камбуз. Мы отправились рано утром, всех оттуда вышвырнули и начали готовить еду. Поднялся переполох и меня снова арестовали за то, что я с огромным ножом гнался за одним парнем до самых ворот лагеря. Часовой перепугался и выстрелил, так что мне пришлось остановиться. Меня снова сунули в яму, но почти сразу же выпустили, потому что я впервые сказал правду. Я сказал им, что

нас не устраивало происходившее на кухне.

Потом мы обнаружили в лагере одного парня из интендантов, который не общался с армейскими и был рад помочь морским пехотинцам. В общем, мы начали питаться прилично, и еды было полно. Один Бог знает, куда раньше уходили продукты. Китайцы дали нам кастрюли, и жизнь стала сносной. Мы соорудили баскетбольную площадку и построили собственный спортивный центр. Двое парней из Глостерширского полка оказались хорошими плотниками, а один сделал из консервных банок часы, и они работали. Среди нас нашлась и пара инструкторов по физической подготовке, так что мы обрели приличную спортивную форму. Сделали себе гири и все такое. Потом для поднятия духа мы создали собственную концертную бригаду. Однажды на Рождество, кажется, в 1952 году, китайцы дали нам маленькую красную книжечку с вытисненным голубем мира. Сидя в одиночном заключении, я записывал в нее кое-что. Это был не дневник, а просто всякая всячина, включая пьески, которые исполняли наши артисты. Потом, вы только представьте себе, китайцы подарили нам пару гитар!

Однажды нас, несколько человек, вызвали к начальству и, как смутьянов, заперли в тюрьме. В тот день мы услышали о конце войны и приезде Красного Креста. Нас два или три раза очень хорошо накормили, выдали кучу сигарет, рисовые лепешки и бог знает что. Когда нас выпустили, делегация Красного Креста уже уехала, оставив для каждого наборы с зубной пастой и прочим. На следующий день явились китайцы с еще большими сумками, набитыми примерно тем же. Через некоторое время нас выстроили, отвезли на грузовиках к железнодорожной станции, оттуда в Паньмыньчжон, где нас и обменяли».

Когда пленные Корейской войны вернулись домой, еще и речи не было о психологической помощи. Многие были тяжело больны и их лечили месяцами; некоторые умерли вскоре после возвращения. Те, кто выздоровел физически, как Пескетт, вернулись в свои части, но, несомненно, мучительные воспоминания преследовали их. Пескетт женился на медсестре, с которой познакомился вскоре после освобождения, и она помогла ему вернуть душевное здоровье, хотя временами это было нелегко. Случалось так, что он выходил из дома только с наступлением темноты, не мылся и не брился. «Я был грязным дьяволом. Морские пехотинцы просто оставили меня в покое, а потом офицер вызвал меня к себе и просто сказал: «Поговори со мной», а я разрыдался. Он сказал: «Продолжай, не сдерживайся». Я проплакал минут двадцать, а в конце он сказал: «Теперь иди домой, вымойся, и утром увидимся на плацу». Я все так и сделал.

Два месяца спустя я носил сержантские нашивки. Мне подарили время, и это все, что мне было нужно».

Джон Пескетт остался в морской пехоте, и позже провел много лекций и бесед о сопротивлении на допросах. Он многому научился на личном опыте, а для британцев это была первая психологическая война в таком масштабе. Позже методы влияния на людей с целью изменить их убеждения и заставить поверить в правдивость того, что они считали ложью, назвали идеологической обработкой или «промывкой мозгов». Впервые этот термин применили к методам, используемым китайскими коммунистами в программах «перевоспитания» после их прихода к власти в Китае в 1949 году.

Глава 15. ОТСТУПНИК

Документальные и устные свидетельства пролили свет на различные методы, которыми китайцы и северные корейцы пытались обратить военнопленных в коммунистическую веру. На ранней стадии в приказах верховного китайского командования были четко расписаны простые действия: «все пленные офицеры и рядовые… должны посещать и тщательно конспектировать лекции… Все должны систематически изучать литературу… Плохое поведение, шум, шутки, сон на занятиях строго запрещаются».

Впоследствии выяснилось, что процедура «обращения» была гораздо шире обязательных лекций и чтения. Лагеря военнопленных прилежно обследовались, и заключенные классифицировались по категориям: «невосприимчивые», «прогрессирующие» и «сотрудничающие». Применялись и такие формы внушения, как изолирование пленных в тюремной камере или маленьком помещении, избиения, пытки, и при этом бесконечно повторялось, что их убеждения ошибочны. Их не кормили и не давали спать до тех пор, пока измученная жертва не отказывалась от собственных убеждений и не соглашалась с доводами палачей. Для большинства жертв это была лишь временная хитрость.

Эндрю Мелвин Кондрон оказался единственным из британскх солдат в Корее, кто решил не возвращаться домой и уехал в Китай с двадцатью двумя американскими отступниками. Он утверждает, что не подвергался идеологической обработке и не вернулся домой по собственной воле, хотя некоторые психологи склонны оспорить это заявление. Воспоминания Кондрона не только позволяют нам взглянуть на случившееся его глазами, но и подтверждают ужасающие условия, в которых содержались военнопленные.

Кондрон родился в шотландском графстве Уэст-Лотиан в рабочей семье. Его отец участвовал в Первой мировой войне и во Второй, в частности, при Дюнкерке. В 14 лет Кондрон бросил школу, мечтая о торговом флоте, а пока закончил радиотехнические курсы в Эдинбурге и принялся искать работу. Война только что закончилась, и рынок рабочей силы был перенасыщен радиотехниками. Семнадцатилетний Кондрон, жаждавший приключений и путешествий, решил пойти в коммандос. В августе 1946 года он завербовался в Королевскую морскую пехоту на обязательные тогда 12 лет. Его родителям это не очень понравилось, но в конце концов они дали свое

разрешение. Два года Кондрон провел на Средиземноморском флоте на борту «Ливерпуля». После окончания курсов повышения квалификации радистов он оказался в списке кандидатов в отряды коммандос № 42 и 45, находившиеся тогда в Малайе; в июне 1950 года он уже собирался погрузиться на корабль, когда разразилась Корейская война.

«Начался набор добровольцев в специальную группу коммандос на Дальнем Востоке. Мы все понимали, что в Корею. Я всерьез собирался пойти добровольцем, но тут один приятель написал мне из Куала-Лумпур (Малайя), что у них есть хорошая радиостанция и я должен попытаться попасть туда. Поэтому я не стал записываться в добровольцы. Однако через несколько дней появилось новое объявление, мол, большинство вакансий на Дальнем Востоке занято, но не хватает связистов, саперов и тому подобных, так что все эти специалисты зачислены в часть автоматически. Мое имя было в списках. Справедливости ради, надо отметить, что всем зачисленным предлагалось собеседование. Кое-кто не хотел вступать в ту часть по личным или семейным мотивам и, насколько я знаю, их вычеркивали из списка. Когда пришла моя очередь, я беседовал с майором и в итоге сказал, что не возражаю. Дело было так. Он спросил: «Ты с нами?», и я ответил: «Да, сэр».

По-моему, большинство верило, что война скоро закончится. Я лично не задумывался о политических последствиях. Я из простой рабочей семьи, и у меня нет твердых политических убеждений; в то время я считал политиков профессионалами, выполнявшими свою работу. Пожалуй, в целом, я был антикоммунистом, но никогда особо не вникал в суть. Просто среди моих сверстников существовало мнение, что коммунисты хотят завоевать весь мир. Была еще одна причина: мой брат служил в ВВС и в Сингапуре попал в плен к японцам, работал на железной дороге в Сиаме. Три года он пробыл в плену. Он выжил, еле выжил. И я помню наши разговоры, когда он вернулся домой. Он не любил вспоминать, но иногда рассказывал кое-что: их избивали, а со своими собственными солдатами японцы обращались почти так же жестоко, как с военнопленными. Думаю, по многим вопросам у него было более объективное мнение, чем у газетчиков. Он не любил японцев; он их ненавидел, но имел свою точку зрения. Он как-то случайно обмолвился, что корейцы в японской армии были еще более свирепыми и жестокими, чем японцы. Настоящие садисты.

Так что, когда я приехал на Дальний Восток, я уже не любил корейцев, и для меня мое отношение было гораздо важнее политических взглядов. Из учебного лагеря коммандос мы в

гражданской одежде вылетели в Японию. Предполагалось, что наши перемещения — строжайшая тайна, но, когда мы в гражданском прибыли в Лондон, на наших сумках были надписи «RM Commando». Двумя группами мы вылетели из лондонского аэропорта с остановкой в Каире. Если бы кто-нибудь начал задавать нам вопросы, надо было сказать, что мы — футбольная команда. Мы прибыли в американский армейский лагерь, «Лагерь Макгилл», и переоделись в летнюю камуфляжную форму. Там мы учились пользоваться американским оружием и десантироваться с подводных лодок и транспортных судов.

Мы начали совершать рейды, еще базируясь в Японии. Я был на американском корабле «Басс». Обычно в час или два ночи, милях в пяти от берега, в море сбрасывали наши резиновые лодки и привязывали их к моторке, которая тащила их дальше. Милях в двух или трех от берега мы начинали грести сами. Как правило, в рейд отправлялись три-четыре лодки по шесть-восемь человек в каждой. Мы были легко вооружены, самое серьезное оружие— автоматические винтовки Браунинга. Рейды были хорошо спланированы и согласованы между нашими офицерами и американцами. Мы всегда получали четкие инструкции; в основном наши цели были очень важными и недоступными для авиации.

Обычно мы посылали на разведку одного или двоих, и они сигнализировали нам с берега, что можно высаживаться. Мы десантировались, минировали тоннели, железнодорожные мосты и скрывались еще до взрывов. Если в таких рейдах мы встречали сопротивление, то стреляли на поражение. Мы отплывали восьмером и возвращались восьмером в лодке; для пленных не было места, разве что нам давали особый приказ. Как-то на берегу при отходе мы встретили гражданских лиц и просто связали их, чтобы они смогли освободиться позже.

Так мы воевали до октября 1950 года. Затем коммандос послали в материковую Корею. Американцы и южные корейцы наступали на север, и казалось, что война скоро закончится. Все коммандос присоединились к 1 — й дивизии морской пехоты США. Еще было не ясно, вступили ли в войну китайцы, а если вступили, то в каком масштабе. Было много слухов. Мне дали понять, что нас зашлют в тыл врага налегке, а припасы будут сбрасывать с воздуха. Наша задача — оценка участия в войне китайцев, то есть сбор разведданных.

В составе автоколонны мы направлялись на ссверо-восток Кореи к Чункхенскому водохранилищу. С нами была и американская моторизованная часть — 7-й кавалерийский полк. Грузовиков тридцать с авангардом из танков двигались по очень

узкой дороге в долине, вокруг лежал глубокий снег, и вдруг начался налет. Сначала падали отдельные снаряды, потом обстрел усилился. Корейцы и китайцы окопались в горах, а мы были легкими мишенями. Из минометов они подбили головные и замыкающие грузовики, эффективно заблокировав пути вперед и назад, а потом стали постепенно приближать огонь к центру колонны. Мало кому из наших удалось пробиться; последние двадцать грузовиков попали в ловушку. И я там оказался. Нам приказали покинуть грузовики и нырнуть в придорожную канаву. Остававшийся невидимым враг усилил огонь, мы отстреливались. Царили хаос и всеобщее замешательство. Сражение длилось 17 часов, еще долго после наступления темноты. С нами был один офицер морской пехоты, но и он не знал, что делать. Я несколько раз пытался связаться с кем-нибудь по рации, но никто не отвечал.

Офицер пришел в себя и спросил, кто хочет попробовать прорваться. Я хорошо понимал безвыходность нашего положения и решил рискнуть. Нас, добровольцев, вызвалось человек двенадцать. Где ползком, где бегом мы добрались по канаве до восточного конца дороги, а дальше надо было преодолеть, по меньшей мере, 200 ярдов открытого пространства. Сугробов намело в некоторых местах высотой до шести футов. Взрывались мины, горели грузовики, повсюду лежали раненые и убитые. Мы решили бежать через открытую местность по одному с интервалами в десять секунд. Первые шесть или восемь человек прорвались, я был в последней тройке, и, когда пришел наш черед, китайцы нас заметили. Мы бросились бежать, а они перенесли весь огонь на нас. Как будто мы попали в осиное гнездо, вокруг свистели пули. Мы распластались на снегу, надеясь позже снова броситься вперед. Так мы лежали, наверное, час, а когда добрались наконец до безопасного места, обнаружили, что остальные уже ушли. Мы пошли гуськом вдоль реки. Вскоре раздался одиночный выстрел, и наш командир упал. Когда мы к нему подбежали, он был уже мертв. Мы услышали голоса и бросились в укрытие, но скоро поняли, что говорят американцы. Они просто увидели приближающуюся фигуру и открыли огонь. Можно понять, ведь командир был в зеленом берете, а не в американской стальной каске. Я со злостью выкрикнул, что они убили моего товарища, и осторожно вышел. Меня встретили американский капитан и два сержанта из окопавшейся у реки американской части. Я спросил американского капитана, не видел ли он наших парней. Не видел. К тому времени стрельба утихла, и они предложили нам остаться с ними до рассвета. Моя одежда замерзла и стояла колом, потому

что нам пришлось идти по пояс в воде.

На рассвете началось движение. Я спустился с холма и наткнулся на одного из наших водителей. Его ранило в бедро, и он уполз в безопасное место. Встав на колени, с винтовкой на плече, я перевязывал его рану. Раздался шум. Я обернулся, увидел южнокорейского солдата, но проигнорировал его. Он что-то выкрикнул, вроде бы приказ, а потом ткнул меня своей винтовкой. Я вскочил и уже хотел разделаться с ним, когда один из американцев крикнул сверху: «Эй, приятель, лучше брось винтовку. Мы сдались». Оказывается, нас окружили. Я крикнул в ответ: «Ну, большое спасибо. Могли бы и раньше сказать, черт вас всех побери!»

Я со злостью отбросил винтовку. Меня бесило, что никто не предупредил раньше. Парень, которого я принял за южного корейца, оказался китайцем. Он почему-то подбежал ко мне и пожал руку, явно неправильно истолковал мои действия: решил, что я охотно сдаюсь в плен. Потом подошел китайский офицер, собрал нас всех вместе — нас было человек 30 или 40 — и произнес небольшую речь. Он заявил, что не мы их враги, настоящие враги — империалисты, которые послали нас убивать женщин и детей. Он сказал, что мы пролетарии, как и он, и воюют они не с нами. Я плохо себе представлял, что такое пролетарий, как и многие из нас. Один парень рядом со мной сказал: «Проле-кто? Я-то считал их проклятыми коммунистами».

Речь длилась минут десять, потом офицер ушел, а нас повели вверх по склону и загнали в маленькую хижину. Где-то через час один из охранников принес огромную тыквенную бутыль с горячей водой и поставил ее у двери. Мы по очереди умылись. Охранник вернулся, взглянул на мыльную грязную воду и взбесился. Он заскочил в хижину, размахивая штыком, пнул ногой бутыль и в бешенстве выбежал. Через некоторое время пришел офицер и объяснил, что, рискуя собственной жизнью, этот охранник развел огонь и вскипятил воду, чтобы мы напились, а, мы в ней вымылись и для него это страшное оскорбление. Откуда нам было знать, что китайцы пьют только кипяченую воду? Мы попытались объяснить, но он не стал слушать. Мы унизили охранника. Так Восток встретился с Западом. Полное непонимание и невежество с обеих сторон, хотя тогда я не смог бы так сформулировать. Однако я получил наглядное свидетельство различий между нами.

Тяжелораненых погрузили в джипы и отвезли к нашей передовой. Ходячих раненых оставили. Позже, конечно, они умерли, ведь у нас не было никакого врачебного ухода. Тогда мы и понятия не имели, что медицинской помощи вообще не будет.

Нас соединили с другими пленными, получилось человек двести, и мы отправились в долгий поход. Шли недели три по очень, очень глубокому снегу, нехоженными тропами, вверх и вниз по горам. Иногда нас обстреливали с воздуха, и мы стали двигаться только ночью.

Американцы и австралийцы имели превосходство в воздухе, и пилотам приказали стрелять во все, что движется. Думаю, каждую ночь мы проходили от пяти до десяти миль в зависимости от высоты снега. Раненым приходилось очень тяжело. Когда они уже не могли идти, мы несли их, а потом нам дали пару тележек. Но факт оставался фактом: никакой медицинской помощи, и не могу вспомнить, чтобы хоть кто-то из раненых пережил тот поход.

Нас охраняла часть числом с роту; у них самих не было никакого транспорта, и они тащили все свое снаряжение на себе, включая и большие черные котлы с выпуклым днищем. Я был потрясен тем, что они не заставляли нас что-то тащить. Иногда мы останавливались на ночь на открытом воздухе, иногда в деревенских домах по 20 человек в комнате. Китайцы высылали вперед солдата договориться о нашем размещении. Странно, что корейцы не брали с китайцев никакой платы. Я позже много об этом думал. Потом мы подошли к городу, разбомбленному американскими самолетами. Перед тем как войти в город, китайские охранники согнали нас в кучу и сомкнули ряды вокруг нас, потому что предстояло пройти сквозь толпу, враждебно настроенную из-за воздушных налетов.

Наконец мы добрались до какой-то горной деревушки, и нас распределили по лачугам: земляные полы, на них набросана солома, никакой воды. Это называлось «Лагерь 10», но на самом деле ничего похожего на лагерь. Весь день нам приходилось сидеть в лачугах, и только ночью под охраной нам разрешалось выйти и размяться. Остальное время мы все просто сидели в хижинах, сгрудившись, чтобы согреться. Никакого мытья, только могли потереть руки в снегу; мы не брились и никогда не снимали одежду. Очень скоро мы все завшивели, одежда покрылась гнидами и кишела всякой живностью. Мы, бывало, устраивали соревнования, кто убьет больше вшей. Избавились от вшей мы гораздо позже, когда перебрались в другой лагерь, однако удивительно, что может выдержать человеческое тело.

Еды было очень мало, две крохотные миски в день. Воду, тоже в ограниченном количестве, нам давали с центральной кухни. Вся еда и вода делились между нами и нашими охранниками очень демократично. Многие из нас, весившие по 12–13 стоунов (1 стоун = 6,35 кг), вскоре похудели до 67 стоунов. В конце концов мы оказались в «Лагере 5», где несколько

человек забрали на допросы. Остальные пленные устроили забастовку, и я был среди зачинщиков. Мы не отзывались на перекличке и тому подобное. Вызвали солдат, они стреляли поверх наших голов, однако забастовка закончилась, только когда допрашиваемых вернули.

Китайцы были очень злы. Комендант лагеря чувствовал себя униженным и, чтобы успокоиться, отыгрывался на нас. Потом нам пошли на некоторые уступки. Британцам разрешили сформировать отдельный отряд и еще избрать лагерный комитет. Меня дважды избирали председателем. Это было очень важно, мы могли проследить, чтобы те, кто заправлял на кухне, не брали слишком много еды себе и своим друзьям. Все было очень демократично и даже интересно. Мы учились смотреть на жизнь с их точки зрения и таким образом могли кое-чего добиться. Положение с едой, например, улучшилось. Первые шесть месяцев еды было очень мало, и весь первый год она была очень плохой. Пленные умирали, иногда человек по 20 в день, в основном от недоедания. Раненые умирали раньше, другие умирали потому, что переставали бороться. Мы называли их капитулянтами. Они просто переставали двигаться: думали, что все равно умрут от голода. По большей части, это были молодые американцы.

В «Лагере 5» мы начали налаживать свою жизнь. Нам удалось избавиться от вшей. Лагерь находился рядом с рекой, где мы могли вымыться, и потому были относительно чистыми. Мы привели лагерь в порядок и построили сортиры. Мы даже выложили камнями дорожки и побелили их, чтобы по ночам, если приспичит, добираться до сортиров. В самом начале многие страдали дизентерией и часто опорожнялись где придется, и мы все время вляпывались в дерьмо. Нам удалось навести порядок, и мы стали образцовым отрядом. Среди британцев были люди постарше с военным опытом, а мы, молодые, были неплохо обучены и, как военные дети, привыкли к лишениям. Хотя наши беды не сравнить со страданиями в немецких концлагерях, вероятно, психологически мы были подготовлены лучше, чем большинство американцев.

И в то же время мы не давали спуску нашим охранникам. Изводили их, обзывали, передразнивали и тому подобное. Думаю, мы чувствовали свое превосходство над гражданами отсталой аграрной страны. И опять же, противоречия между Востоком и Западом, совершенно разная логика. Они совершали множество глупостей, например пытались перевоспитать нас.

Некоторые из них воевали с начала тридцатых годов с японцами, а потом с армией китайских националистов. О многих сражениях с огромным числом пленных мы и не слыхивали.

Многие из них были просто крестьянами, которых забрали в армию против их воли, а когда они попадали в плен к коммунистам, то начинали действовать, как они, проводили земельные реформы и тому подобное. Короче говоря, коммунисты захватывали тысячи молодых крестьян, быстренько, за месяц-другой промывали им мозги, и в конце концов идеологически обработанные убеждались, что коммунисты правы, и вступали в Красную Армию. Так что китайские коммунисты считали свою тактику результативной. Китайский коммунист — это животное, которое верит в себя и в свою правоту. Многие были образованными людьми, видевшими в коммунизме единственный путь для Китая. Они не понимали, что на Западе большинство считает «коммунизм» непристойным словом. В общем, китайские коммунисты немало преуспели в своей идеологической реформе.

Когда мы явились в Корею, они считали нас разновидностью своего крестьянства. Они понятия не имели о жизни на Западе. Думали, что надо только заставить нас думать, как они, хотя, конечно, не помышляли о том, чтобы брать нас в свою армию. В первые дни в «Лагере 10» внушение проводилось в форме маленьких речей. Они уверяли, что не имеют к нам претензий, но большинство их попыток в промывании мозгов проваливалось, так как они обращались с нами, как со своими крестьянами. Я не знаю никого, кто подвергался бы психологической обработке, но читал, что это применялось в других местах.

В целом я понимаю это так: взяв нас в плен, китайцы хотели заставить нас смотреть на мир через призму марксизма, но плохое обращение не способствовало восприятию их взглядов и даже приводило к обратным результатам. Сталкиваясь с сопротивлением, они прибегали к пыткам и избиениям, и к чему угодно, это я не могу отрицать. Но все, что я говорю, основано на моем личном опыте. Я считаю, что, в общем, китайцы не пытались навязать нам свои взгляды силой просто потому, что это было бы бессмысленно. Они действовали, исходя из неправильного представления о жизни на Западе; они понятия не имели о западном образе жизни. Они не были глупы, просто наивны и неискушены, как и мы, в отношении их образа жизни и убеждений.

Вначале лекции проводились примерно раз в неделю. Мы тащились мили две до большого сарая, рассаживались, и какой-то парень разглагольствовал об империализме, интернационализме и прочем. Мы не хотели слушать. Нам было неинтересно. Мы интересовались только едой и тем, как бы согреться. Может, мы и обсуждали кое-что, но их неуклюжие попытки идеологической обработки провалились и где-то к концу 1951 года прекратились.

Позже нам еще пытались внушить коммунистические идеи, но иногда мы просто соглашались, чтобы не спорить. Я впоследствии воспринял многие марксистские идеи, но не потому, что мне приказали, а потому что стал читать. Если вспомнить, то это случилось после того, как мы самоорганизовались, наладили еду и чистоту, то есть перестали умирать от голода.

Когда перестаешь голодать, то начинаешь интересоваться тем, что происходит вокруг. Я стал прислушиваться к их болтовне. Нам давали читать брошюры: некоторые, изданные коммунистической партией в Китае, другие — левыми организациями Америки. Кое-кто из нас стал проявлять интерес не столько к китайской точке зрения, сколько к марксизму. Я раньше никогда и не слышал о «Капитале», а там прочитал его трижды. Это заставило меня задуматься. На меня также сильно повлияли две брошюры Мао Цзэдуна: «О практике» и «О противоречиях». Сначала я понимал написанное с трудом, но с третьего-четвертого раза стал понимать смысл. Мао Цзэдун объяснял марксизм на китайском примере, так что пришлось познакомиться с общественным устройством Китая. Книги отвечали на вопросы, которыми сознательно или подсознательно я задавался всю свою жизнь. Например, когда мы совершали рейды в Японии, люди там иногда искренне удивлялись, обнаружив, что простые морские пехотинцы думают, имеют мысли.

К нам приезжал журналист Алан Уиннингтон (из лондонской «Дейли Уоркер»), и я попросил его достать нам книги. Ему удалось выслать нам из Китая много книг: русскую и британскую классику, в основном Диккенса, американских и других писателей. Когда Уиннингтон приехал в наш лагерь в первый раз, он мне не очень-то понравился. Показался высокомерным. Он был в китайском мундире и меховой шапке. Поговорив с ним, я лишь укрепился в своих впечатлениях: очень высокомерный англичанин, а то, что коммунист, так мне было все равно. Люди имеют право на собственные убеждения. Я же не придерживался никаких политических взглядов.

Наш отряд пригласил Уиннингтона провести с нами беседу. Мы слышали кое-какие новости, но не очень верили китайцам. Бывало, попадалась газета «Шанхайские новости», которую мы называли «Шанхайским лжецом», потому что не верили ни слову из того, что там было написано. Пришли многие обитатели лагеря. Уиннингтон рассказывал, а мы чему верили, чему нет. В целом, он говорил правду, например, будто американцы затягивают переговоры о мире и нашем освобождении. Мы не поверили, однако позже оказалось, что доля истины в этом была.

Он также привез нам новости с родины, но для нас важнее было то, что через Уиннингтона мы могли давить на китайцев и получать бритвы, книги, граммофон и все такое. Не очень много, но больше, чем раньше. После войны говорили, что Уиннингтон «промывал мозги», допрашивал. Я об этом не знаю; никогда не видел. Может, что и было, но не на моих глазах.

Он взял у нас письма, и только после его визита мы получили кое-какую почту. Китайцы всегда говорили, что наши письма не доходят до адресатов. Не думаю, что это правда. Уиннингтон написал книгу «Завтрак с Мао». Когда он к нам приехал, мы уже жили получше, значит, это было в начале 1952 года. Мое первое впечатление о нем несколько сгладилось, но он всегда казался мне очень рассудительным человеком с собственным мнением.

Уилфрида Берчетта (корреспондента левых французских газет) я видел только раза два, а Уиннингтон приезжал три или четыре раза. Берчетт казался более практичным, чем Уиннингтон, и, как австралиец, был более общительным. Я довольно хорошо узнал его позже в Китае. Он был очень открытым человеком. Я бывало спорил с ним. Уиннингтон всегда спорил на теоретическом уровне, тогда как Берчетт был ближе к реальности. Уиннингтон же приводил аргументы, с которыми трудно было поспорить.

Они, как журналисты, освещали мирные переговоры. Я знал их обоих и, хотя не соглашался с их мнениями и идеями, думал, что обвинять их в предательстве и отбирать паспорта несправедливо. Я знаю, что для американцев они были бельмом на глазу, ведь они получали от китайцев расшифровки стенограмм и сообщали в газетах такое, что американские военные предпочитали скрывать.

Думаю, я решил остаться в Корее из-за всего пережитого в лагерях военнопленных. Это был суровый опыт в том смысле, что сам очень близок к смерти и видишь, как умирают вокруг твои друзья и тебе приходится хоронить их, правда, со временем перестаешь остро реагировать, становишься невосприимчивым. До самой последней минуты я думал только о возвращении домой и, только когда завершились мирные переговоры, мне в голову закралась мысль, не остаться ли.

Временами китайцы меня просто поражали; они могли вести себя глупо, но и мы такие же. Я вдруг подумал, что было бы интересно посетить Китай, посмотреть своими глазами, а потом, может, съездить в Россию… самое большее, на год. Проблема в том, что я все еще был морским пехотинцем, но это не очень меня беспокоило, так как я не видел противоречий закону. По условиям мирного соглашения я мог вернуться домой или

остаться. Решение оставалось за мной, и я его принял. Многие, конечно, с этим не согласились, но тогда мне это было безразлично. Я готов признаться в некотором романтизме, в том, что Китай заинтриговал меня.

Меня больше волновало, как воспримут мое решение родные. Мы всегда были очень близки и меня одолевали дурные предчувствия, я не знал, поймут ли они, что я пережил и как изменился. Мне оставалось лишь надеяться, что когда-нибудь я смогу им все объяснить, что я в конце концов и сделал. Препятствия неожиданно стали чинить китайцы. Меня вызвали на беседу к старшему офицеру. Он пытался отговорить меня, уверял, что самое лучшее для меня уехать домой, а позже, если я не передумаю, приехать в Китай. Но я принял решение. Я хотел остаться. В нашем и других лагерях еще кое-кто из британцев подумывал остаться, но, как я полагаю, их отговорили. В итоге я — единственный британец, оставшийся в Китае, хотя еще были 22 американца. Не могу сказать, остались ли они по тем же причинам, что и я. Я не считал себя коммунистом, хотя стал марксистом. Не убежденным марксистом, но думал в том же русле.

Тем временем пленные группами уже покидали лагерь, и остались только мы, те, кто не возвращался домой. Потом приехали наши официальные лица, чтобы побеседовать с нами и удостовериться, что нас не принудили остаться и что мы не подвергались идеологической обработке. Нам сказали, что мы можем передумать и никаких мер против нас принимать не будут. Двое из американцев передумали и решили вернуться. Одного парня, Батчелера, по возвращении приговорили к 25 годам тюрьмы; другого, Дикенсона, к 10 годам.

Мы задержались еще на пару недель, потом нам выдали одежду, ботинки и посадили на поезд. Итак, мы ехали в Китай. Все было очень похоже на мои ожидания. Китайцы не помогали нам изучать язык, но вели себя вполне дружелюбно. Позже, прожив в Китае лет восемь или девять, я понял, что мне повезло приехать именно в то время, которое я называл добрыми старыми денечками. В целом же я многому научился. Несколько лет я преподавал английский язык в Пекинском университете. Жизнь была вполне приличной. Я полюбил и стал уважать китайцев.

Столкновения с бюрократией неизбежны, особенно со средним чиновничеством. У меня было несколько неприятных случаев, но, в целом, ничего страшного. Например, в 1956 году у меня была девушка, студентка, правда, у меня она не училась. Мы начали встречаться по выходным и уже были вместе четыре или пять месяцев, когда ее семья начала давить на нее. Ее отец,

выходец из Гонконга, ненавидел иностранцев, как и многие китайцы. Администрация университета тоже вмешалась, и в конце концов нам пришлось расстаться. Моей девушке сказали, что я работаю на британскую разведку, и она должна меня бросить без объяснения причин, иначе будет наказана. Она мне все рассказала, и я сильно разозлился, так как считал, что китайцы должны мне доверять. Однако они мне явно не доверяли, а я и слова сказать не мог, чтобы не подвести свою девушку.

Я больше не хотел оставаться в университете и даже в Китае. В Китае вообще нельзя жить в одиночку. Каждый является частью какой-то организации, пусть даже маленькой общины. Я находился под покровительством китайского Красного Креста. Я сообщил, что собираюсь уйти из университета, а мне заявили, что я не могу это сделать. Я встретился с ректором университета, рассказал о случившемся и заявил, что отказываюсь от должности. Он сказал, что никто в Китае не отказывается от должности, у них даже понятия такого нет. Тогда я сказал: «Черта-с-два. Я отказываюсь от должности». Я собрал вещи, сел на велосипед и покинул университет.

Я не был связан с британским посольством. Адмиралтейство объявило меня дезертиром, несмотря на то, что само оставило за мной свободу выбора. Меня могли объявить убитым в бою, пропавшим без вести, военнопленным или дезертиром. Они выбрали последнее. Но я не был дезертиром, потому что мой статус был четко определен условиями перемирия. Итак, я все еще находился под покровительством Красного Креста. У них было маленькое общежитие, и я там остался. Я заявил, что сыт по горло и возвращаюсь в Британию. Они встревожились, ведь это был вопрос их престижа.

Хотя я все еще любил Китай, я стал противником бюрократии, а мое возвращение на родину именно в тот момент сильно бы подпортило их политический имидж. Меня это мало волновало, я готов был рискнуть и вернуться в Британию. Я не чувствовал себя нарушителем закона. Меня считали предателем, позором морской пехоты. Ладно. Пусть, но, по моему мнению, я не сделал ничего плохого. Я так разозлился на китайскую бюрократию, что решил уехать.

Я продал свои вещи, подготовился к отъезду, и тут встретился с одним из американцев, таким же невозвращенцем, как я. Он предложил отдохнуть в заливе Бохайвань. Мы провели там месяц, и там я познакомился с моей женой. Короче говоря, мы поженились, и я задержался в Китае еще на несколько лет. Перед свадьбой я предупредил жену, что когда-нибудь вернусь

домой. В 1960 году родился мой сын, а когда ему было около года, я решил, что пора покинуть Китай навсегда.

Тут снова против нас выступили чиновники. Красный Крест заявил: «Да, приятель, ты можешь ехать, но твоя жена и ребенок, как китайские граждане, не могут». К счастью, к тому времени я уже понимал образ мыслей китайцев. Я не рассердился, а просто решил действовать на более высоком уровне, и, чтобы добиться разрешения, понадобилось 18 месяцев. Я написал очень длинное письмо отцу, которое, по моей просьбе, вывезли из страны. Я попросил отца скопировать письмо и послать Чжоу Энь Лаю, премьер-министру Китая, что он и сделал. Я подчеркнул две главные мысли: отец должен был написать, будто он стар и ему недолго осталось жить — что было абсолютной ложью — и что он хочет увидеть внука, невестку и сына, которого не видел много лет. Сработало. Думаю, Чжоу Энь Лай прочитал краткое изложение письма и сказал: «Пусть едет. Зачем его задерживать?» Я очень быстро все устроил и уехал с двумя чемоданами, женой, сыном двух с половиной лет отроду и 30 фунтами стерлингов в кармане. Мы вернулись в 1962 году и жили в Шотландии около 15 месяцев. Зима была очень суровой. Я жил тогда в Аллоа у сестры. Как-то утром я прогуливался, и рядом со мной остановилась машина. Из нее вышел человек, показал мне удостоверение, сказал, что парни из Адмиралтейства жаждут поговорить со мной, уточнить кое-что о тех, кого я видел убитыми или похороненными. Ну, я и согласился.

В Лондоне, в Военном министерстве, меня ждали пятеро. Один — психиатр, еще эксперт по Китаю, остальные из Министерства иностранных дел и разведки. Я ответил на все их вопросы, и они стали расспрашивать, почему я решил остаться в Китае. Им было интересно, если я, конечно, не сумасшедший. Они хотели понять политические и военные аспекты моего решения. В общем, я остался там на пять дней. Они расспрашивали, как я жил, что делал, что чувствовал. Никаких разведывательных данных. Да я и не смог бы рассказать им столько, сколько их собственные агенты. Я говорил о своих политических взглядах, о том, что не согласен с теорией домино, теорией быстрого распространения коммунизма по Дальнему Востоку. Мы много спорили о Китае и китайцах, я утверждал, что коммунисты — единственные люди, которые действительно что-то могут сделать для китайцев, по меньшей мере, они уже вошли в историю, объединив китайцев в нацию и освободив китайских женщин. Не знаю, прав я или нет… кому судить об этом?»

Кондрон не переставал утверждать, что не подвергался «промыванию мозгов». Кто-то с этим не соглашался. В сентябре

1996 года полковник американской армии Филип Корсо выступил свидетелем на сенатских слушаниях по военнослужащим, без вести пропавшим в Корейской и Вьетнамской войнах. Он напомнил, что во время Корейской войны руководил особыми проектами и разведкой на Дальнем Востоке и, по долгу службы, беседовал с больными и ранеными военнопленными, освобожденными из коммунистических лагерей. Во время этих бесед он получал информацию о медицинских экспериментах над военнопленными. Вот, что он сказал на слушаниях:

«Самыми коварными, сродни нейрохирургическим, были методы переубеждения. По рассказам военнопленных, многие от подобных процедур умерли. Полученные мной данные доказали, что Советы учили своих союзников, китайских коммунистов и северных корейцев, перевоспитывать военнопленных и затем их использовать. Вернувшиеся пленные, подвергшиеся подобной обработке, говорили, что работавшие с ними эксперты были квалифицированными и хорошо образованными. Они были специалистами по применению жестоких психологических методов, которые часто заканчивались пытками. Многих пленных предназначали для сбора разведданных с последующим уничтожением».

Глава 16. ДОРОГИЕ МАМА И ПАПА…

Распространение коммунизма на Дальнем Востоке в конце концов взорвалось ужасами Вьетнама. В то время когда французские, а затем американские и австралийские войска терпели там поражения, волнениями оказались охвачены старые поля сражений коммандос на Ближнем Востоке. Следом за Кореей британцы послали войска на остров Кипр, где террористы ЭОКА (Национальной организации кипрских борцов) начали борьбу за освобождение от колониального гнета. Полковник Гривас, бывший офицер греческой армии, увел своих партизан в горы, откуда они устраивали засады на британских солдат и убивали полицейских, турок-киприотов. Североафриканские колонии Британии и Франции превратились в пороховую бочку. К середине 50-х годов там подняли головы коммунисты и националисты.

Много неприятностей британцам доставлял и непредсказуемый президент Египта Насер, сбросивший с трона короля Фарука и тут же потребовавший от Британии вывести с берегов Нила семидесятитысячную армию. Войска вывели в июне 1956 года, а шесть недель спустя Насер завладел Суэцким каналом, находившимся под международным контролем. Когда Насер заявил, что компания «Суэцкий канал», свою долю акций в которой Египет продал Британии в 1875 году, национализирована без всяких компенсаций владельцам и все доходы отныне принадлежат Египту, улицы Каира заполнились восторженными танцующими толпами. Ситуация просто требовала массированного контрудара, и британский премьер-министр Энтони Иден заявил, что не позволит никому, тем более человеку с таким прошлым, как у Насера, держать «большой палец на дыхательном горле» Британии.

Британия и Франция с ужасом осознали, что их могут отсечь от жизненно важных нефтяных месторождений Персидского залива. Французов также беспокоило то, что Насер поддерживал движение за независимость в Алжире. Втайне от Америки Британия и Франция начали планировать военные действия по возвращению канала и смещению, а если возникнет необходимость, то и убийству Насера.

Весь август британское и французское командование разрабатывали план. Предусматривалось задействовать всю 3-ю бригаду коммандос, два батальона 16-й парашютной бригады и французский Иностранный Легион. Полковник Гривас воспользовался нараставшим в зоне канала напряжением и

возобновил террористические акты против британских войск. Новая конституция Энтони Идена открывала Кипру путь к независимости, но Гривасу этого было мало: он настаивал на воссоединении с Грецией. 27 сентября четверо британских солдат были серьезно ранены при взрыве бомбы, упакованной в жестяную коробку из-под конфет. Все три отряда коммандос 3-й бригады перебросили на Кипр, где уже находились парашютисты. Джим Грин, с которым мы встречались в малайском конфликте, вспоминал:

«Наше пребывание на Кипре сильно напоминало Малайю: нас сбрасывали на горные склоны и вершины искать террористов ЭОКА. Конечно, природа отличалась, но на Кипре было также красиво. Мы в основном обеспечивали внутреннюю безопасность; предотвращали мятежи и тому подобное. Мы отправлялись в деревни, подозреваемые в укрывательстве террористов, выгоняли жителей из домов, выстраивали их, а информатор сидел в крытом фургоне с глазком. Крестьяне проходили перед ним и мы выдергивали террористов. Довольно часто мы находили боеприпасы и оружие, арестовывали тех, кто подозревался в терроризме. Информаторы опознавали и мы сдавали их в полицейский участок. Что случалось с ними после этого, нас не касалось. Нам там нравилось, все летние месяцы мы ездили на пляжи в Лимасол. Правда, приходилось остерегаться засад; некоторые подразделения за несколько месяцев потеряли несколько человек, но, в общем, стычек было немного».

С операцией по возвращению Суэцкого канала, названной «Мушкетер», все время возникали проблемы. С августа по конец октября было издано четыре комплекта директив и распоряжений, и все они были отменены. Во многие головы уже закрадывалось слово «провал». Окончательный план появился в третьей неделе октября, когда израильтяне уже провели отвлекающий маневр по всей своей 120-мильной границе с Египтом, задействовав 30 000 бойцов, причем их вторжение было стремительным и беспрепятственным.

По окончательному плану операции «Мушкетер» коммандос и парашютисты были решающей силой в нападении на Порт-Саид, но и здесь произошли изменения, когда отряды уже направлялись к Суэцу. Отчет генерал-майора Р.Мадока, поясняющий ход событий, хранится теперь в Музее Королевской морской пехоты:

«Согласно окончательным оперативным приказам, бригада коммандос должна была десантироваться у Порт-Саида и захватить город, гавань и район к югу от города, причем двум отрядам, 40-му и 42-му, было приказано высадиться у пирса казино. До начала операции, назначенного на 6.45 по местному

времени, самолеты и корабельная артиллерия должны были разрушить береговые укрепления. Отрядам коммандос предстояло захватить плацдарм для идущего за ними эскадрона танков «Центурион». Через десять минут после британцев десантировались в Порт-Саиде французы. Через тридцать минут после часа «Ч» британский парашютный батальон должны были сбросить на аэропорт Гамиль, а французских парашютистов — на Порт-Саид. Отряд коммандос № 45 высаживался с вертолетов к северу от внутреннего бассейна и захватывал мосты и дамбу. Выполнив эти задания, все три отряда коммандос получали господство над городом, а парашютисты подавляли любое сопротивление».

Бригада коммандос погрузилась на Мальте на 20 кораблей, но не успела отплыть, как директивы изменились. Мадок получил сообщение от командующего союзными войсками о том, что вертолетная атака 45-го отряда коммандос отменяется, а мосты становятся целями французских парашютистов. Как говорил Мадок: «Это означало полную переоценку задач коммандос, уже рассредоточенных по кораблям. Я решил не менять задачи 40-го отряда коммандос, 42-й направить к южному району города, а 45-й оставить в резерве и затем высадить вертолетами на плацдарм для поддержки 40-го и 42-го».

Однако 4-го ноября, за два дня до штурма, появились новые приказы. Парашютно-десантные войска, первоначально следовавшие за коммандос, теперь должны были десантироваться на день раньше главных сил, то есть 5 ноября. Это объяснялось тем, что президент Насер знал о предстоящем нападении, и следовало внести элемент внезапности. Почему-то оговаривалось, что корабельная артиллерия будет стрелять только в ответ на стрельбу египтян, причем из орудий калибра не более шести дюймов. «Мягко выражаясь, — заметил Мадок, — эти директивы вызвали легкое замешательство и до самого вторжения многие сомневались, будет ли вообще артиллерийская поддержка. Я был одним из сомневавшихся».

Замешательство охватило и командиров парашютистов, в последнюю минуту получивших приказ высадить два батальона с моря. По предыдущему плану вся 16-я парашютная бригада должна была выброситься на стратегические цели, но как в Арнеме и во многих других случаях, у Британии не оказалось достаточно самолетов, чтобы одновременно взять на борт всех парашютистов. ВВС наскребли «Гастингсы» и «Валетты» лишь для переброски 668 человек 3-го батальона Парашютного полка, шести жалких джипов, четырех грузовиков, шести 106-миллиметровых противотанковых пушек и около 170 контейнеров

с припасами. Таким образом, только один батальон, 3-й парашютный, приземлился в Гамиле за 24 часа до морского десанта и был встречен сильным огнем египетской самоходной артиллерии и крупнокалиберных пулеметов. Нескольких парашютистов расстреляли еще в воздухе. Больше всего неприятностей доставляли самоходные ракетные установки, и только благодаря храбрости и героической стойкости, парашютистам, лишенным всяческой поддержки, удалось продвинуться к своим целям. Когда на рассвете появились корабли, уже горели нефтяные резервуары, и город был окутан густым черным дымом.

С морским десантом особых проблем не было. В течение двух часов десантировались все войска, включая эскадрон «С» 6-го Королевского танкового полка, присоединившийся к 40-му и 42-му отрядам коммандос. По пути их обстреливали, забрасывали гранатами, а все утро они потратили на уличные бои, однако к наступлению темноты добрались до своих целей. Тем временем отряд № 45 под пулеметным огнем высадился с вертолетов на плацдарм и бросился на помощь 42-му отряду, застрявшему у упорно обороняемого пакгауза. Командир 42-го отряда вызвал воздушную поддержку, но помощь не пришла. Оба отряда двинулись вперед, а то, что случилось дальше, обрисовал Гордон Берт из 1-го парашютного батальона. Его воспоминания подтверждают хаос, царивший в британских войсках в той экспедиции:

«Мы были практически лишены авиаподдержки. Я видел всего два истребителя «Хантер», и тем пришлось вернуться на Кипр для дозаправки. Обычное дело: вызвал авиацию, жди до скончания века. Морские пехотинцы прождали вызванную авиацию около часа и, не дождавшись, решили наступать. Они были почти у цели, когда начался воздушный налет, и результат оказался печальным».

Действительно, печальный. Как записано в отчете коммандос, «бесконтрольная воздушная бомбардировка» обрушилась на головы 42-го и 45-го отрядов. Потери составили 18 человек, включая командира и начальника разведотдела 45-го. Несмотря на все это, объединенные силы британских и французских парашютистов и коммандос, а также танки, преодолевая упорное сопротивление, к наступлению темноты захватили почти все свои цели. Уже ходили слухи о прекращении огня, и два старших египетских офицера вступили в переговоры с британскими командирами.

Однако в Лондоне и Париже разразилась паника. Гневные протесты стекались со всего мира, включая, естественно, Россию

и Америку. Генерал-майор Мадок, не достигший прогресса на местных переговорах, к восьми часам вечера расположил свой штаб в многоквартирном доме на набережной Порт-Саида: «Именно там я услышал первые новости по радио, а час спустя Би-Би-Си передала заявление премьер-министра в палате общин о том, что огонь прекращен. В 11.15 в тот же вечер я получил приказ прекратить огонь в полночь».

Через 18 часов боев в Порт-Саиде коммандос получили приказ прекратить военные действия. Срочно был созван Совет Безопасности ООН. Британские войска, уже видевшие Суэцкий канал невооруженным взглядом, были растерянны и разгневанны. Письмо домой одного из солдат хранится в Музее Королевской морской пехоты:

«Дорогие мама и папа, прошлой ночью тут был настоящий сумасшедший дом, горели нефтяные цистерны, полевые склады взрывались, кругом пламя и грохот. Сегодня утром все изменилось, и жизнь в городе вернулась в нормальное русло. Что будет дальше, я просто не знаю. Египтяне заблокировали канал, и скопилась куча кораблей… больше всего меня поражает отвратительное снаряжение нашей пехоты. У египтян — первоклассное оружие русского производства, и французы вооружены лучше нас. Однако наши солдаты, как всегда, великолепны».

И второе письмо с борта парохода «Эмпайр Фауи»: «Ну вот, мы покинули Египет и плывем на Мальту. Корабль отличный. И еда великолепная. Я только и делаю, что ем, сплю и пью. Транспорт и тяжелое вооружение мы оставили в Порт-Саиде и немедленно вернемся, если потребуется. Почему-то я думаю, что этого не случится. Я просто не понимаю политического смысла всей этой истории, не понимаю, почему нас остановили. Должно быть, из-за угроз Америки или России. Было бы интересно узнать правду…»

Правда состояла во вмешательстве политических сил. Русские угрожали применить «современное и страшное оружие». Но что еще хуже, на Идена сильно надавил президент Эйзенхауэр, разбушевавшийся оттого, что его не проинформировали. К тому же наступление началось накануне президентских выборов в Америке. Эйзенхауэр, баллотировавшийся на второй срок, не хотел посылать американцев на войну даже в качестве поддержки бывших союзников, тем более в день выборов. В результате он победил на выборах, но еще долго относился к британцам и французам враждебно.

Военные действия вызвали падение фунта стерлинга на мировых финансовых рынках, и США согласились помочь

Британскому министерству финансов, только если получат твердые гарантии вывода британских войск из зоны Суэцкого канала. Дав гарантии, Иден через шесть недель ушел в отставку. К 21 ноября шеститысячный контингент американских войск вошел в зону Суэцкого канала, а британцы покинули се навсегда. Так бездарно закончилась эта злосчастная экспедиция.

В тот день, когда британцы высадились в Египте, тысяча танков Красной Армии вошла в Венгрию и подавила Венгерскую революцию. Последние слова, которые успело передать Радио Будапешта, были: «Помогите… помогите… помогите…». Эйзенхауэру было не до венгров. Через два дня после того, как Совет Безопасности ООН проголосовал за вывод англо-французско-израильских войск из Египта, такая же резолюция была вынесена в отношении советских войск в Венгрии. Русские подчинились… через 33 года.

К тому времени рассыпались остатки Империи. Малайский кризис закончился, во всяком случае для Британии, в 1957 году, когда Малайя получила независимость. Однако продолжались волнения на Кипре, куда и отправили коммандос сразу после Суэца. Национальная организация кипрских бойцов полковника Гриваса продолжала борьбу, и в конце концов британское правительство согласилось на посредничество ООН. Для заключения мирного договора понадобилось еще два года. И все эти два года коммандос вместе с другими частями британской армии несли на острове полицейскую службу, поддерживая порядок. К большому огорчению военного командования, президентом Кипра стал архиепископ Макариос, главный союзник полковника Гриваса.

После ухода британских войск с Кипра новые конфликты на Дальнем и Ближнем Востоке фактически расчленили 3-ю бригаду коммандос на последующие десять лет. Сначала 45-й отряд послали в британскую колонию Аден; через два года 40-й и 42-й отряды отправили в джунгли Борнео. Всем им предстояли годы тяжелой военной работы, но, безусловно, героями шестидесятых стали коммандос 45-го. Они отправились в Аден и Радфан в 1960 году и оставались там семь долгих лет в тяжелейших условиях. Их последними вывели из этого региона; их отряд прошел самый долгий одиночный путь из всех британских частей на Ближнем Востоке и вернулся в Англию в 1967 году, то есть непрерывно воевал за пределами метрополии с 1946 года.

Напряжение на Ближнем Востоке усилилось, когда президент Насер провозгласил победу Египта над империалистическими силами Запада. Вслед за этим в Ираке группа молодых офицеров убила юного короля Фейсала и его дядю, крон-принца Абдаллу, а

призывавшего к спокойствию премьер-министра Нури-Саида разъяренная толпа забила насмерть. Государственный переворот в Ираке затронул Иорданию, партнера Ирака по Арабскому союзу, и 31 июля 1958 года 2000 британских парашютистов приземлились в Аммане, а американские морские пехотинцы высадились в Бейруте. Волна беспорядков прокатилась по всему Ближнему Востоку. Арабские республиканцы остро отреагировали на политическое и экономическое подавление Британией бесчисленных эмиратов, султанатов, монархий и протекторатов.

Единственным обломком колониальной империи, брошенным на чашу весов, остался Аден, которым Британия управляла 28 лет. Последней стратегической базой была крепость в южной оконечности Красного моря, обеспечивавшая доступ к Суэцкому каналу. Эта крохотная территория, контролируемая Британией, оказалась посреди Федерации Южной Аравии, состоявшей из племенных эмиратов южноаравийского побережья Аденского залива. На обширных гористых землях вплоть до Саудовской Аравии разразилась война между финансируемой Советами Народной Республикой Южного Йемена и Федерацией, поддерживаемой Британией.

К 1960 году Аден оказался во враждебном окружении, и последовавшие события задержали 45-й отряд на самый долгий срок в истории коммандос. К ним вскоре присоединились преобразованный САС и подразделение СБС, разместившееся в Бахрейне. СБС прибыл с Мальты в марте 1960 года и занял «лагерь Би-Пи» (BP camp) в Дхале, где и базировался все время своего пребывания в Южной Аравии. Вначале половина отряда оставалась в Дхале, а остальные отправились в отдаленный и безлюдный район Радфан, где впервые после ухода с Кипра вступили в боевые действия, на этот раз с так называемыми арабскими диссидентами. Радфан — почти безводный горный регион в 50 милях к северу от Адена с отдельными воинственными племенами, собиравшими дань с караванов, проходящих по традиционному пути из Дхалы в Йемен. В августе, когда вышел закон о запрещении забастовок, коммандос, патрулировавшие зловонные улочки Адена, впервые почувствовали, что значит исполнять международный долг по поддержанию безопасности. Те трудные первые месяцы были лишь прологом. Коммандос оказались вовлеченными в кровавый кошмар терроризма и партизанской войны в самых суровых природных условиях. Отряд попеременно выполнял задания в Радфане и обеспечивал порядок в Адене, не прекращая тренироваться, чтобы не потерять десантных навыков.

Вдобавок к их бедам, республиканский Ирак положил глаз на

богатый нефтью Кувейт и объявил его своей собственностью. Окончание срока британского протектората над этой крошечной страной побудило Ирак к решительным действиям. В июне 1961 года разведка донесла, что иракская армия мобилизована и готова к вторжению; то же самое случится и через 30 лет при Саддаме Хусейне. В июле десантников перебросили по воздуху в Кувейт. Там к ним присоединился 42-й отряд коммандос, прибывший морем из Сингапура, и подразделение № 6 СБС с Мальты. СБС осуществлял береговую разведку на случай десанта крупных сил, однако тысячи трехсот британских морских пехотинцев, патрулировавших улицы Кувейта, хватило, чтобы Ирак отказался от вторжения. Отряд № 45 вернулся в Дхалу к патрульной службе. Столкновения с партизанами участились. Казалось, весь регион стремительно несется к полному распаду, и в ноябре войска промаршировали 80 миль в Аден, где снова приступили к выполнению интернационального долга по обеспечению порядка. Пока они находились в городе, военное командование устроило в Аденском заливе показательные десантные учения с привлечением нового корабля коммандос «Булварк». В этой демонстрации силы 45-й отряд коммандос играл главную роль. Несколько месяцев спустя провели повторные учения с привлечением отрядов № 45, 42 и роты управления 3-й бригады. Еще одни учения в районе Адена провели на следующий год с участием прибывшего морем из Сингапура отряда коммандос № 40 и недавно переформированного отряда № 41, приплывшего из Англии и впервые действовавшего совместно с 3-й бригадой.

Однако вскоре из-за тягот патрульной службы от учений пришлось отказаться. В 1963 году гражданская война в Йемене достигла Радфана, и 45-й отряд снова вызвали туда, усилив парашютистами и САС. Действия в Радфане превратились в длительную операцию с участием британских войсковых соединений: Восточно-Английского полка (East Anglian Regiment) и 39-й бригады. Именно в тот период 45-й отряд начал использовать вертолеты в тактических целях, что имело далеко идущие последствия. В мае 1964 года подполковник Т.М.П. Стивенс в своем рапорте командующему Королевской морской пехотой сообщал: «С 30 апреля по 9 мая мы не снимали одежду, в которой прибыли (наши вещи так нас и не догнали), имели минимум питьевой воды и спали на голых камнях. У каждого бойца было три бутылки с водой, которых хватало на сутки или даже больше, если мало двигаться и находиться в тени. В долгих и трудных ночных маршах те, кто шел с полной выкладкой — связисты, например, — пили много. Никто не получил тепловой

удар, но сколько случаев истощения! Вечером, ночью, утром было даже приятно, но дневная жара на голых скалах ужасна. Мы гордились нашими бородами, которые отпустили по необходимости. Мы научились жить и сражаться в тех условиях. А самый главный урок: мы убедились в необыкновенной эффективности нескольких хорошо замаскированных на вершинах снайперов… Также очень важна материально-техническая база, а пополнение ресурсов с вертолетов — важнейший элемент… Действия САС великолепны. Они растворяются среди диссидентов маленькими группами, открывают огонь и наводят артиллерию и самолеты, как только завидят цель».

Не успели коммандос отдохнуть после операций в Радфане и патрулирования Адена, как их перебросили на Танганьику подавлять мятеж, вспыхнувший в армии этой страны. Затем 45-й отряд вернулся в Южную Аравию, где ситуация продолжала ухудшаться. Все больше времени они проводили в горах, получая припасы с вертолетов. Всего за семь недель 45-й отряд коммандос провел 305 ночных патрулей, а в начале 1966 года участвовал в восьми крупных операциях. В одном из последних походов в глубь страны они по подтвержденным данным уничтожили 24 террориста и вскоре первыми из британских военных формирований покинули регион, оставив его в руках парашютистов и 39-й бригады.

Однако уход из Радфана не означал, что отряд № 45 получил передышку, вовсе нет. По соглашению, сформулированному лейбористским правительством Гарольда Вильсона, Аден получал независимость. Контрольный срок полного вывода британских войск был назначен на 1967 год, и 45-й отправился в Аден для обеспечения безопасности в районе Маала, ставшем на время центром гражданских беспорядков. Населению не терпелось поскорее выдворить британцев. В одном из самых крупных столкновений в Адене 45-й отряд уничтожил тринадцать террористов, потеряв одного человека убитым и двоих ранеными. В конце концов коммандос уходили из Адена последними; прикрывали войска, самолетами переправлявшиеся из аэропорта Хормаксар в последние дни британской оккупации Адена. За службу в Аравии 45-й был награжден многими орденами и медалями, включая три «Ордена Британской империи» 3-й степени, два «Военных креста», четыре медали «За заслуги», 6 благодарностей в приказе, три благодарности Королевы и 15 благодарностей Главнокомандующего. За семь лет боевых действий в отряде было убито только 6 человек и 62 ранено, что отметили, как «относительно небольшое количество, учитывая

такой срок и тяжесть проведенных операций».

Пока 45-й томился в Южной Аравии, остальные коммандос 3-й бригады сражались во влажных непроходимых джунглях Борнео, в условиях, не менее тяжелых, чем выжженные солнцем горы и пустыни Радфана. Война, стыдливо названная «конфронтацией», вспыхнула, когда пронзительный взгляд «сумасшедшего» доктора Сукарно, президента Индонезии, остановился на британском протекторате на острове Борнео.

В то время на Британии лежала ответственность за Султанат Бруней, Северный Борнео (позже Саба) и Саравак. Считалось, что эти государства войдут в Малайскую Федерацию и образуют сильный и стабильный союз. У Сукарно на этот счет было другое мнение, и он поддержал коммунистических партизан в конфликте, вспыхнувшем в Брунее и быстро распространившемся по всему острову. Все три британских протектората имели границы с Калимантаном, индонезийской частью Борнео, занимавшей три четверти острова. Сукарно решил захватить контроль над оставшейся четвертью и добавить 7,5 миллионов подданных к тем 100 миллионам, которыми он уже правил. Явно вдохновленный примером японцев во Второй мировой войне, честолюбивый Сукарно мечтал покорить все Малайские государства и Сингапур. В 1961 году британское правительство дало добро на стремительный, хотя и ограниченный военный ответ, послав в регион штурмовой отряд, набранный из коммандос морской пехоты, турков, Собственного Королевы Хайлендского полка и, чуть позже, Парашютного полка.

В скором времени там было развернуто 28 000 человек, включая австралийцев, новозеландцев и весьма активный контингент сил специального назначения. Последний состоял из СБС и 22-го полка САС, одной из рот которого командовал майор Питер де ла Бильер (впоследствии командующий британскими войсками в Войне в Заливе). В патрульной службе САС участвовали и подразделения Парашютного полка. Общее командование осуществлял генерал сэр Уолтер Уокер, бывший генерал-майор бригады турков, назначенный руководителем военных операций на Борнео. В британской армии Уокер считался главным экспертом по боевым действиям в джунглях.

Средства массовой информации называли его «загадочной» и «эксцентричной» личностью. Сам Уокер считал, что обязан такой репутацией утечке информации из Министерства обороны, которому всегда был не прочь насолить и не делал секрета из того, что игнорирует некоторые министерские приказы. Как он говорил, «старые придурки еле терпели его», и в свое время отомстили, на несколько лет задержав присвоение ему

рыцарского звания.

Именно благодаря Уокеру военные действия на Борнео станут одной из самых успешных кампаний с очень низкими потерями и новаторским использованием коммандос и частей специального назначения. Уокеру однако пришлось преодолевать строгие ограничения, наложенные на британские войска. С одной стороны, армия должна была подчиняться требованиям ООН, с другой — бороться с боязнью британского правительства быть втянутым в длительную и дорогостоящую войну в дремучих и неисследованных джунглях. При пересечении границы войскам дозволялось углубляться лишь на 5000 ярдов, хотя сам Уокер в особых случаях увеличивал это расстояние до 20000. Он вспоминал: «Если подумать, ситуация была идиотской. Как патруль, прорубающий себе путь в густых джунглях, может отмерить 5000 ярдов? Они могут углубиться на 9000… или даже больше».

Эмблема Королевской морской пехоты, носимая на головном уборе

Составные части эмблемы:

— лев и корона, являющиеся отличительным знаком Королевского полка (корпус британской морской пехоты получил приставку Royal то есть «Королевский», с 1802 г.);

— надпись «Гибралтар», пожалованная в память захвата и защиты Гибралтара в 1704 г.;

— лавровый венок, пожалованный за отвагу в сражении при Бель-Иле в 1761 г.;

— глобус, введенный королем Георгом IV в 1827 г. (в честь 109-ти боевых отличий, заслуженных морскими пехотинцами в разных частях земного шара);

— якорь (эмблема Высшего Лорда-Адмирала, впервые принятая морскими пехотинцами в 1747 г.);

— надпись «PER MARE PER TERRAM» («По морю и по земле») — девиз корпуса морской пехоты, впервые использованный в 1775 г. в сражении при Банкер Хилле.

Флаги штабов и боевых частей Королевской морской пехоты (КМП) Великобритании

Штаб КМП

Штаб 3-й бригады коммандос

Флаги штабов и боевых частей Королевской морской пехоты (КМП) Великобритании

40-й отряд коммандос

42-й отряд коммандос

Флаги штабов и боевых частей Королевской морской пехоты (КМП) Великобритании

45-й отряд коммандос

Группа "Комаччио"

Королевское знамя морской пехоты

Полковое знамя коммандос морской пехоты (40-го отряда)

ROYAL MARINES
COMMANDO

Нарукавная нашивка отряда «А» коммандос Королевской морской пехоты (1942 г.)

Нарукавная эмблема Штаба Объединенных операций, использовавшаяся в частях коммандос во время Второй мировой войны (в армейских отрядах до конца 1944 г.)

Нарукавные нашивка и эмблема 1-го отряда коммандос. На эмблеме изображена мифическая саламандра в языках пламени - символ неуязвимости

Нарукавная нашивка 3-го отряда коммандос

Нарукавная нашивка частей коммандос Королевской морской пехоты

Рядовой частей коммандос (рейд на Булонь, апрель 1942 г.). Вооружен пистолетом-пулеметом «Томпсон» М1928, имеет снаряжение обр. 1937 г., дополненное надувным спасательным поясом в чехле и шестипрядным пеньковым линем. Его экипировка

— вязаная шапочка рыбацкого фасона (cap comforter), униформа «battledress», легкие туфли вместо солдатских ботинок — характерна для кратковременных диверсионно-десантных операций

Рядовой коммандос, (Нормандия, июнь 1944 г.). Боец в зеленом

берете, вооруженный винтовкой «Ли-Энфилд» N 4, специально экипирован для десантных операций. Его снаряжение включает в себя: штурмовой рюкзак «Берген» с пристегнутой внизу плащ-палаткой, стандартный армейский ранец (на боку), легкий штурмовой жилет с прикрепленными к нему подсумками, саперной лопаткой и ножнами штыка, спасательный пояс и пеньковый линь. Он одет в полевую форму канадского производства и обут в солдатские ботинки. На левом рукаве его куртки имеются: вверху у плеча — дугообразная нашивка 4-го отряда коммандос (позднего образца, с красным номером и точкой), под ней — круглая эмблема Объединенных операций, а ниже локтя — знак специалиста-пулеметчика

Зеленый берет коммандос (с эмблемой Королевской морской пехоты). Впервые появился в 1942 г. у 1-го отряда. Утвержден 29 октября 1942 г. для частей бригады специального назначения, позже использовался во всех отрядах коммандос (в армейских — со своими эмблемами)

Нарукавная нашивка отряда коммандос № 4 (первый вариант 1941—1942 гг.) и эмблема Объединенных операций

Кинжал F-S (Fairbairn-Sykes) № 2 и его ножны. Имея обоюдоострый клинок длиной 33 см, это холодное оружие называлось в честь своих создателей — капитанов У. Э. Фэйрбэйрна и А. Э. Сайкса, инструкторов коммандос. Существовали три его образца, незначительно отличавшиеся между собой

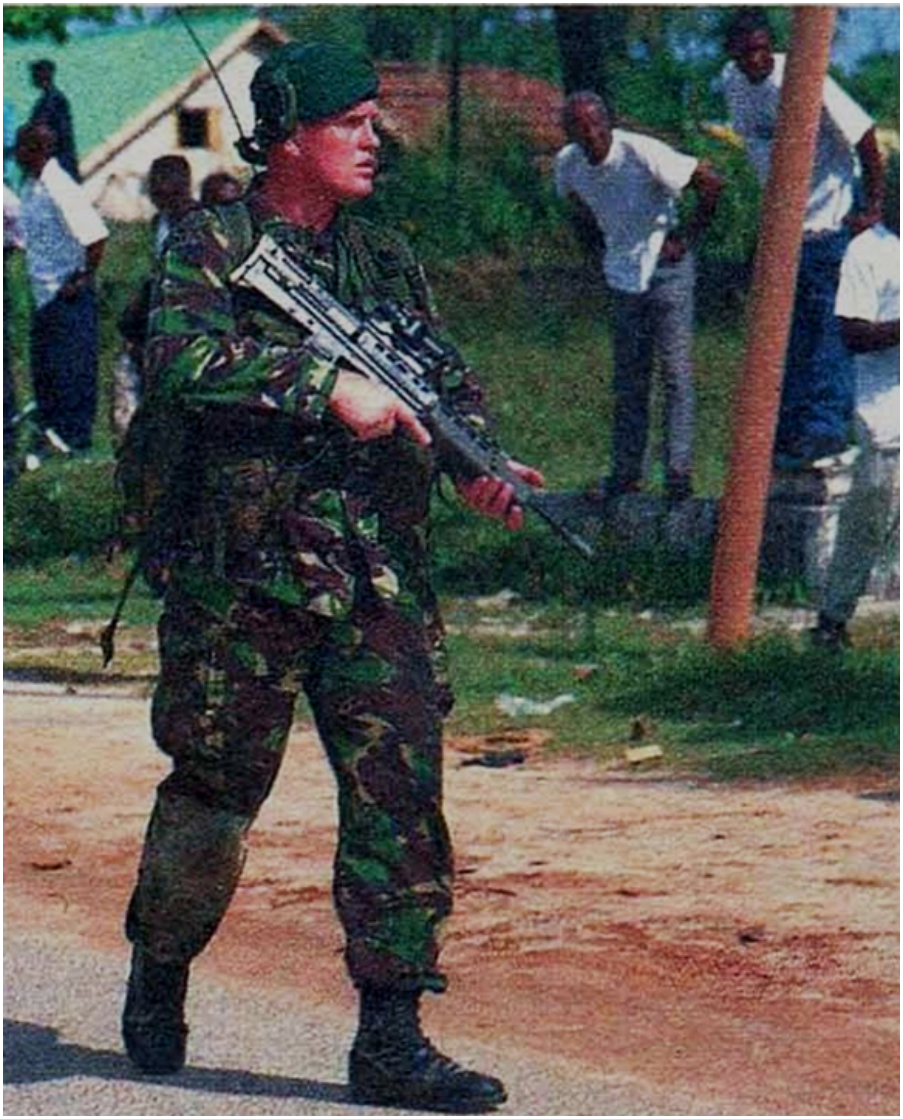

Эти военные действия назывались «Операции Кларет». Теоретически никаких пересечений границы в карательных целях не существовало, и Министерство по вопросам развития заморских территорий требовало, чтобы ни один британский солдат не оказался в плену и ни один погибший или раненый не остался на территории, где его могли бы сфотографировать и предъявить миру, как доказательство британских военных действий.

42-й отряд коммандос первым вступил в конфликт 10 декабря 1962 года, начав путь длиной в три с половиной года. Роту «L» перебросили по воздуху в Бруней, где в Лимбанге, в 12 милях к югу от города Бруней, держали в заложниках

британского министра-резидента с женой и еще семь британцев. По приблизительным оценкам дом окружали 200 мятежников. 12 декабря в ходе яростного столкновения заложников удалось освободить невредимыми, хотя пятеро коммандос были убиты и пятеро ранены. Мятежники потеряли 35 человек убитыми и как минимум столько же ранеными.

После столь удачного старта за последующий месяц 42-й захватил в плен 421 мятежника, больше любой другой воинской части. Однако отряду серьезно мешали сильные январские дожди, вызвавшие наводнения в районе их действий. Например, дом, в котором отдыхал лейтенант А.Д.М. Моррис со своим взводом, смыло поднявшейся водой. Несмотря на это неприятное происшествие, 42-му поручили найти и взять в плен одного из главных мятежников, Яссина Эффенди. Лейтенант Колин Джордж и сержант Смит сформировали специальную команду, чтобы выследить его, и в марте Эффенди был арестован.

Затем 42-й, вместе с остальными британскими частями, приступил к патрулированию джунглей с десантами, засадами, перестрелками и еще одним новшеством: они первыми стали использовать в речных патрулях суда на воздушной подушке. Отряд коммандос № 40 прибыл на Борнео 14 декабря 1962 года и оставался там три года и девять месяцев. Его первым подразделением, прибывшим туда, стала рота «А», прозванная «Пагфорс», так как командовал ею знаменитый экс-командир СБС, ветеран Второй мировой войны, майор П.Дж. «Паг» Дэвис. Коммандос сразу же приступили к патрулированию и рейдам, а в апреле 1965 года обеспечивали комендантский час в поясе шириной пять миль вдоль индонезийской границы, знаменитом ночными засадами. Воинская часть была растянута на фронте в 140 миль, поддерживая связь между постами с помощью 32 радиостанций. По всему фронту находились опорные пункты, и за десять минут в любой из них вертолетом можно было перебросить подкрепление. Впоследствии, когда 40-й отряд коммандос контролировал территорию в 140 миль длиной и в 140 миль в самом широком месте, он, единственный, обзавелся собственным воздушно-десантным взводом.

Для новичков того периода это, во многих отношениях, был потрясающий опыт. Генерал-майор А.М. Килинг вспоминает свою борнейскую историю:

«В 1963 году я, 19-летний наивный второй лейтенант, оказался в джунглях Саравака. Я командовал взводом в 42-м отряде коммандос, а вокруг меня были ветераны Брунейской кампании. Мы и представить себе не могли, что ввязались в затяжную войну; мы просто, не жалея сил, искали террористов,

вооруженных и вдохновленных индонезийцами, а они, видимо, искали нас. Та часть Саравака была еще почти первобытной, и в джунглях вдоль индонезийской границы почти не чувствовалось двадцатое столетие.

Днем мы патрулировали границу, по ночам сидели в засаде у переправы, а между дежурствами вели очень простую жизнь в деревнях даяков. В такой ситуации практически исчезают различия между офицерами и рядовыми, а потому отлично узнаешь друг друга. Этим и хорош такой тип военной службы. Мы приспособились к бедной деревенской жизни, разделяя с даяками все их лишения. Мы переняли их привычки и образ жизни, как будто выросли среди них, хотя никогда прежде не жили даже в отдаленно похожих условиях. Местные женщины носили лишь саронг, а саронги на Сараваке завязываются на талии. Но мы даже этим зрелищем пресытились, а ведь это было задолго до того, как на пляжах появились женщины с обнаженной грудью. Однажды, отправляясь на патрулирование, мы подошли к реке, через которую было переброшено единственное бревно. В этом не было ничего необычного для джунглей. Сначала двое или трое наших переходили по бревну на другую сторону и прикрывали остальных на случай нападения. Я как раз собирался с духом, чтобы без всякой опоры преодолеть стремительно несущийся поток, когда из джунглей с противоположной стороны появилась одетая, как описано выше, девушка и направилась ко мне по бревну. Девушка была очень красивой, и, видимо, выражение моего лица ясно говорило, что я застыл на месте не только потому, что уступал ей дорогу. Один морской пехотинец за моей спиной громко зашептал, пародируя приказ на плацу: «Шаг вперед, сэр. Догнать глаза!» Парень точно уловил ситуацию».

Хотя коммандос сохраняли чувство юмора, 1960 год был неудовлетворительным во многих отношениях. Привычные для них операции почти не проводились, и 45-й отряд, например, занятый однообразной утомительной работой в Адене и Радфане, сохранял десантные навыки только благодаря упорным тренировкам. Остальные два отряда хотя бы видели воду, и в немалом количестве.

Когда 3-я бригада коммандос вернулась в Англию, то почти сразу оказалась вовлеченной в новые события, только теперь уже ближе к дому.

То, что обычно именуют «беспорядками», разразилось на улицах Северной Ирландии из демонстраций за гражданские права в 1968 году.

ИРА возобновила теракты, и очень скоро 20000 британских солдат, вернувшихся, как и коммандос, с колониальных войн,

начнут патрулировать улицы ирландских городов. Отряд коммандос № 41 первым оказался в Ирландии в сентябре 1969 года и первым попал под обстрел при патрулировании Белфаста. Следом получили боевое крещение 400 коммандос из 45-го отряда, вставшие в Ардойне между враждебно настроенными толпами: 2000 католиков и 3000 протестантов.

В семидесятые годы ряды коммандос пополнились молодежью, и один или два отряда 3-й бригады постоянно участвовали в кампаниях типа операции «Мотормэн» 1972 года. И 40-й, и 42-й отряды сносили баррикады в пользующихся дурной славой «закрытых» зонах Лондондерри и Белфаста, устанавливая власть закона. Долгие годы они патрулировали Ирландию, включая и «бандитское» графство Южный Арма. По независящим от них обстоятельствам подразделениям коммандос все чаще приходилось играть роль пехоты. Им это не нравилось, но у них не было выбора.

Глава 17. ИДЕМ НА ЮГ

Коммандос Королевской морской пехоты больше других жаждали отправиться на Фолклендские острова. После того, как 2 апреля 1982 года аргентинские войска вторглись на Фолкленды, на первых страницах газет и телевизионных экранах всего мира появились фотографии британских морских пехотинцев, распластанных на улицах Порт-Стэнли под дулами «торжествующих победу аргентинских спецназовцев». Эти унизительные кадры разгневали британскую общественность и военных, не говоря уж о премьер-министре Маргарет Тэтчер. Сфотографированные британцы входили в маленький фолклендский гарнизон, которым командовал ветеран Адена майор Майк Норман, незаурядный человек с долгим военным стажем, несмотря на его 38 лет. «Могу вас заверить, — сказал Майк, — что парни не лежали бы там, если бы губернатор Рекс Хант не приказал нам сдаться. Думаю, этим приказом он спас нам жизнь».

Прекрасно осведомленные о малочисленности британского гарнизона на островах, аргентинцы послали отряд вторжения, состоявший из батальона морской пехоты численностью 680 человек и роты «Бузо тактико», аргентинского эквивалента британского СБС. В тот момент британский гарнизон на Фолклендах насчитывал 80 человек, необычно большое число, так как отряд Майка Нормана недавно прибыл из Англии на смену подразделению майора Гэри Нутта. И эти 80 человек были распылены: 3 офицера и 66 солдат гарнизона занимали различные позиции; 2 офицера и 9 солдат находились на борту старого доброго «Эндьюрэнса», патрулировавшего Южную Атлантику. В случае нападения Майк Норман мог рассчитывать на помощь местного отряда обороны из 23 человек и бывшего капрала морской пехоты Джима Фэрфилда, женившегося на местной девушке и обосновавшегося в Порт-Стэнли. Таким образом силы вторжения превосходили их в десять раз по численности и во много раз по огневой мощи. Даже в такой ситуации парни Майка Нормана оказывали аргентинцам упорное сопротивление, пока не были вынуждены сдаться. «Бузо тактико» отправился прямо в казармы британцев в Муди Брук, которые оказались пустыми, но аргентинцы все равно забросали фосфорными гранатами почти все помещения. Затем они двинулись к Дому правительства, где морские пехотинцы собрались на защиту губернатора и его немногочисленного персонала.

К тому времени с бронированных транспортов на берег высаживались главные силы вторжения аргентинцев с тяжелой артиллерией. Группа лейтенанта Билла Троллопа засела на возвышенности, и рядовой Браун поразил 66-миллиметровой ракетой бронированный транспорт, что не могло порадовать находившихся там пятьдесят или больше аргентинцев. За ракетой последовал пулеметный огонь, и аргентинцев на время удалось остановить. Произошло еще несколько подобных перестрелок, но затем случилось неизбежное. В Гритвикене на острове Южная Георгия 20 морских пехотинцев лейтенанта Кита Миллза также доставили аргентинцам немало неприятных минут, сначала сбив вертолет «Пума», а затем повредив десантный корабль 82-миллиметровой бронетанковой ракетой «Карл Густав», самой мощной в их распоряжении. Когда же аргентинские военные корабли начали обстрел из 100-миллиметровых орудий, пехотинцам пришлось сдаться; им просто негде было спрятаться.

В Порт-Стэнли ситуация также достигла кульминации. Майк Норман вспоминал тот момент долгие годы спустя, когда вышел в отставку и наслаждался более спокойной жизнью, возделывая собственный сад:

«Мы даже не задумывались о капитуляции. Никто из нас. Но Рекс Хант, губернатор Фолклендских островов, приказал мне капитулировать, а он был Главнокомандующим. Я был ошеломлен. Мои люди знали реальное положение вещей. Хотя мы столкнулись с превосходящими силами противника, мы все равно хотели драться. Я очень гордился моими людьми. Факт остается фактом: нас послали туда не защищать Фолклендские острова; это невозможно такой маленькой группой. Мы должны были защищать правительство, а правительством был Рекс Хант. Я предложил ему на выбор три варианта, и ни один из них не включал капитуляцию. Я сказал ему, что мы можем продолжать сражаться, можем бежать с ним в сельскую местность и вести партизанскую войну, или пусть начинает переговоры о мире, чтобы дать нам передышку. Он сказал мне: «Майк, я хочу, чтобы ты приказал своим людям сложить оружие». Это решение несомненно спасло наши жизни, однако должен сказать, что вторжение не было сюрпризом ни для нас, ни для Рекса Ханта. Капитан «Эндьорэнса» целый год предупреждал о вторжении, но в Лондоне его игнорировали. Миссис Тэтчер и ее правительство должны были вести себя иначе. Нас поставили в безвыходное положение. Я так и сказал ей после пары стаканчиков на Фолклендском обеде несколько лет спустя».

В тот же день Рексу Ханту и Майку Норману объявили, что их вместе с солдатами репатриируют в Англию. Они покинули

остров, поклявшись себе, что вернутся. Так они и сделали в свое время, как «Взвод Джулиет», прикомандированный к 42-му отряду коммандос. В Монтевидео был послан самолет VC-10 Королевских ВВС, на котором они вылетели в Брайз Нортон, где, кроме репортеров, ждали представители армии и разведки, чтобы немедленно опросить их. Информация была жизненно необходима, потому что миссис Тэтчер хотела как можно скорее отправить ударные силы и вернуть острова.

Как выразился Денис Хили, началась неразбериха, что естественно, если вспомнить предысторию. Правительство Тэтчер, находившееся у власти более трех лет, резко сократило общие расходы, а министр обороны Джон Нотт безжалостно урезал военные траты. Единственное в южном полушарии британское судно, ледокол-разведчик «Эндыорэнс», собирались летом отозвать, чтобы сэкономить жалкие три миллиона фунтов стерлингов в год из многомиллиардного бюджета. Генерал Галтиери, глава аргентинской военной хунты, погрязший в собственных проблемах, решил, что небольшая встряска нации не повредит, и послал своих лучших парней на захват Мальвин (испанское название Фолклендов). Это решение вызревало у генерала довольно долго, что следует из предупреждений капитана «Эндыорэнса», которые он месяцами посылал в Лондон во все инстанции.

По отношению к Фолклендам Британия вела себя, как классический помещик, не живущий в своем имении. Мало кто из членов правительства бывал на островах. Более того, они и понятия не имели, как и когда их возвращать. Острова так далеко; еще пара сантиметров на карте и они скатятся за край мира! Миссис Тэтчер приказала действовать немедленно, поэтому правящую верхушку и несчастные министерства Иностранных дел и Обороны, на которых свалилась эта щекотливая проблема, теперь больше волновало «когда», чем «как». И чем скорее, тем лучше, а любой, кто хоть немного разбирается в военном деле, знает, что поспешные решения стоят жизней. Один из военных вспоминал о типичном совещании на высоком уровне: «… какой-то идиот (из гражданских) предложил нанести сильный удар где-нибудь в Аргентине». Хаос царил в коридорах власти, пока Главнокомандующая не приняла волевое решение: немедленно собрать две бригады, поддержанные самой современной артиллерией, подразделениями разведки, материально-технического снабжения и управления, и отправить их на Фолкленды на 40 кораблях.

Хотя часто утверждали, что о береговой линии Фолклендских островов и местах, удобных для десантирования, ничего не

известно (именно поэтому Майка Нормана и компанию так упорно опрашивали после их возвращения), это не совсем соответствует истине. На самом деле у коммандос была собственная ходячая энциклопедия — майор Юэн Саутби-Тейлиур. Командуя в 1977 году фолклендским гарнизоном, майор провел детальное и достаточно изнурительное обследование побережья, а потому три года спустя оказался центральной фигурой штабной группы, собранной бригадиром Джулианом Томпсоном, командиром 3-й бригады коммандос.

Чтобы добраться до Фолклендов, основным силам требовалось пять недель, однако уже при погрузке на корабли 6 апреля стало ясно, что миссис Тэтчер имела в виду более стремительную реакцию на агрессию Галтиери. В качестве цели для авангарда выбрали остров Южная Георгия в 800 милях к северо-востоку от Фолклендов, строго говоря, к ним не относившийся. На острове находился небольшой аргентинский гарнизон, но лучше войск его защищал неприступный ландшафт: предательские ледники с наметенными ураганами снегами. У регулярной армии не было соответствующей подготовки, однако все отряды коммандос регулярно проводили зимние тренировки в Норвегии, и 42-й отряд как раз недавно вернулся с учений. Таким образом выбор был очевиден, и 42-й послали на захват Южной Георгии до подхода главных сил.

Командовал десантом майор Гай Шеридан, заместитель командира 42-го отряда, имевший большой опыт снежного и ледового альпинизма и лишь недавно спустившийся с Гималаев на лыжах. Ротой «М» 42-го отряда командовал капитан Нанн. Он взял на задание два 81-миллиметровых миномета, отделение из взвода разведки коммандос (Commando Reconnaissance Troop), маленькую группу материально-технического снабжения и медиков, две группы артиллерийских наблюдателей (корректировщиков огня) из 148-й батареи, один взвод СБС и одну роту САС: всего 230 человек. 7 апреля отряд вылетел на остров Вознесения, а оттуда на огромном танкере Вспомогательного флота (Royal Fleet Auxiliary tanker) «Тайдспринг» поплыл на юг под защитой эсминца «Антрим» и дряхлого фрегата «Плимут». 21 апреля в сопровождении двух ядерных субмарин конвой подошел к Южной Георгии.

Высадившийся первым САС, вопреки совету Шеридана, отправил разведпатрули на коварный ледник Фортуна. Через 12 часов они затребовали вертолеты для немедленной эвакуации с совершенно непроходимой территории. Высланные с «Тайдспринга» два вертолета «Уэссекс Мк 5» рухнули на ледник, поскольку пилоты потеряли ориентиры в белой мгле, когда

горизонт слился с небом. Древний одномоторный «Уэссекс 3» с «Антрима», пилотируемый капитан-лейтенантом Стэнли, в убийственных условиях забрал САС и экипажи разбившихся вертолетов на корабль.

Получив донесение о рыскающей в окрестностях вражеской субмарине, «Тайдспринг» с большей частью роты «М» на борту вышел в открытое море. Аргентинскую субмарину «Санта-Фе» заметил в 5 милях от Гритвикена все тот же капитан-лейтенант Стэнли. Атаковав субмарину пулеметным огнем и глубинными бомбами, он не дал ей возможности погрузиться и подставил под более мощный удар двух британских вертолетов, вооруженных ракетами. Субмарина серьезно пострадала и сильно накренилась.

Хотя «Тайдспринг» находился далеко в море, майор Шеридан решил высадиться на Южной Георгии, для чего наскреб на «Антриме» 75 человек из группы управления роты «М», разведотделения, СБС и САС. Получив разрешение на атаку при поддержке орудий эсминца, Шеридан высадился на Южной Георгии, и вскоре аргентинский гарнизон выбросил белый флаг. 26 апреля эти 137 аргентинцев стали первыми военнопленными фолклендской операции. В далеком Лондоне миссис Тэтчер выбежала из своей резиденции на Даунинг Стрит 10, осажденной телерепортерами, с возгласом: «Радуйтеь, радуйтесь. Южная Георгия взята обратно».

Тем временем оперативная группа с присоединившимися к ней на острове Вознесения войсками и кораблями с Гибралтара двигалась на юг. До их прибытия, назначенного на 1 мая, патрули САС и СБС проводили рекогносцировку вражеских позиций на самих Фолклендах. В патрулях участвовали и корректировщики огня военно-морского флота. Некоторые из этих групп бродили по продуваемому ветрами побережью до трех недель, добывая необходимую информацию. Когда 16 мая ввиду островов появились основные силы, корабельная артиллерия авангарда уже вовсю расстреливала аргентинские позиции. Основной десант был назначен на 20 мая, а до тех пор — в порядке подготовки — формирования интенсивно перебрасывали с корабля на корабль.

Подразделения СБС и САС должны были закрепиться на пляжах и обеспечить высадку войск, перевозимых на берег десантными судами с транспортных кораблей самых разных типов (от паромов с Северного моря до лайнера «Канберра»), Флотские рассчитывали на господство в воздухе, однако командир 3-й бригады коммандос был более пессимистичен и оказался прав. К счастью, главные силы высаживались в отвратительную погоду: низкая облачность и густой туман прикрыли 5000 десантников. Группа 3-й бригады коммандос —

единственной бригады в британских войсках, имевшей вспомогательные формирования, подготовленные к десантным операциям и арктическим условиям — состояла из 40-го, 42-го и 45 отрядов, 29-го артиллерийского полка коммандос и саперов 59-го инженерного эскадрона коммандос. В группу также входили представители полка материально-технического обеспечения (Logistics Regiment), эскадрилья вертолетов «Газель» и «Скаут»[24], взвод противовоздушной обороны, 1-я диверсионная рота (1st Raiding Squadron) и персонал Кадра горной и арктической военной подготовки (Mountain and Arctic Warfare Cadre). 2-й и 3-й батальоны Парашютного полка поддерживали пехоту. Кроме того, в операции участвовали два взвода легких танков из полка «Синих» и Королевских драгун (Blues and Royals) и батарея полка противовоздушной обороны, вооруженная зенитными управляемыми реактивными снарядами «Рэйпир»[25]. Через несколько дней прибыла армейская 5-я бригада с Шотландским гвардейским полком, Уэльским гвардейским полком и 7-м полком гурков[26].

Всем этим формированиям, но в основном парашютистам и коммандос предстояли жестокие бои. 2-й парашютный батальон, единственный, получил два задания: сначала захватить Гуз Грин (Goose Green) и затем гору Лонгдон (Маунт-Лонгдон, Mount Longdon). В первой атаке на хорошо укрепленные позиции аргентинской пехоты на Гуз Грин парашютисты потеряли командира. Подполковник Х. Джоунс, стойкий и храбрый офицер, известный тем, что всегда находился впереди своего отряда, был убит, когда первым ворвался на аргентинские позиции, чтобы атака не захлебнулась. В этом бою он был смертельно ранен и затем посмертно награжден крестом Виктории.

3-й парашютный батальон и 45-й отряд коммандос стремительно наступали по всему гористому острову к Порту-Стэнли, вытесняя противника все дальше и дальше на восток. План предусматривал участие в сражениях всех формирований, кроме 40-го отряда коммандос, оставленного в резерве. Личный состав последнего недолго горевал по этому поводу, так как дело ему находилось постоянно: две роты отряда бросили на помощь Уэльским гвардейцам, потерявшим сто человек, из них 56 убитыми еще на кораблях «Сэр Галахад» и «Сэр Тристрам», атакованных «Скайхоками».

В ходе яростных боев на восточных горных цепях, под мощным огнем с обеих сторон, наблюдалось множество примеров личной храбрости. 3-й парашютный батальон мог понести большие потери в своем главном бою за Маунт-Лонгдон (Mount Longdon), но сержант Ян Маккей в одиночку бросился на

вражескую позицию, закидывая ее гранатами, и своим героическим поступком спас от полного истребления прижатые к земле 4-й и 5-й взводы. За подавление огневой точки врага он был посмертно награжден крестом Виктории. «Никто из нас, — сказал генерал Хыо Пайк, в то время в чине подполковника командовавший 3-м парашютным батальоном, — никогда не испытывал ничего подобного тому, через что пришлось пройти в ту ночь. За Маунт-Лонгдон, как и повсюду на Фолклендах, мы сражались врукопашную, как пехота. Это опасные, жестокие и изнурительные бои».

Пока 42-й и 45-й отряды коммандос атаковали гору Ту Систерс (Two Sisters, т. е. «Две сестры»), 2-й парашютный батальон упорно сражался за хребет Уайрлесс Ридж (Wireless Ridge). Из 5-й бригады, сражавшейся за три другие горные цели, только Шотландским гвардейцам пришлось драться врукопашную. Уэльские гвардейцы задержались с началом атаки, что, в свою очередь, задержало гурков, и, когда они вступили в бой, аргентинцы уже спускались с гор сдаваться, не выдержав обстрела армейской и морской артиллерией. Все сражения тщательно задокументированы. Дневник капитана Яна Гардинера, командира роты «Х», позволяет взглянуть на события, предшествовавшие капитуляции аргентинцев, глазами непосредственных участников. Представляем записи из дневника, начинающиеся с момента высадки в Аякс Бэй.

«20/21 мая: Парашютистам не повезло и мы опаздываем на два часа. К тому же одно из десантных судов разбилось и пришлось впихивать оставшихся людей в три другие. Если бы в тот момент нас обстреляли, нам бы здорово досталось. Мы захватили намеченные цели и развернулись к горам. При приближении к хребту я увидел первый в своей жизни вражеский самолет. Он летел вдоль гор с севера на юг очень близко от меня. Джеймс Келли, командир 1-го взвода, и я залегли. Через мгновение самолет скрылся за горами, и вскоре его сбили.

Зенитное подразделение, вооруженное ракетами «Рэйпир», явилось поздно и не успело поразить четыре «Миража», проскользнувшие мимо наших истребителей «Харриер». Один был сбит корабельной артиллерией, но три других сумели прорваться. «Миражи» пронеслись над нами и скрылись за горой, чтобы атаковать находившийся в Фолклендском заливе фрегат «Ардент». Наши зенитчики пустили вдогонку один «Рэйпир», но он потерял управление и не попал в цель. Поврежденный «Ардент» не затонул и, ковыляя, исчез из вида. Мы закрепились на захваченных позициях и вгрызлись в землю, как кроты. Ночью мы сильно замерзли, потому что так и не получили рюкзаки.

Рюкзаки должны были сбросить с вертолетов. Во время походов части коммандос традиционно снабжаются с воздуха каждые 24 часа. На Фолклендах это было практически невозможно из-за плохой погоды и недостатка вертолетов.

22 мая: Рано утром я послал Аластера Камерона, моего артиллерийского корректировщика, понаблюдать с вершины горы. Он вернулся с неприятным известием: «Ардент» горит и начинает тонуть с кормы. Потрясенный, я наконец осознал, что нахожусь на войне. В последующие несколько дней я увидел такое, что и не думал увидеть, и надеюсь, никогда больше не увижу. В тот день начались сильные бомбежки. «Скайхоки» появлялись по несколько раз в день, пытаясь разбомбить как можно больше кораблей в водах Сан-Карлоса. До сих пор не могу понять, почему столько кораблей сосредоточили на таком маленьком водном отрезке. В них там вовсе не было нужды. Они не могли маневрировать, а горы не пропускали сигналы их радаров. Они не могли вести огонь, боясь поразить нас и бесчисленные вертолеты, перевозившие грузы. Вообще-то я несколько раз видел, как они чуть не попали в вертолеты и в свои же войска. Мы тоже не могли стрелять, боясь попасть в них. Они вполне могли оставаться в море, а на разгрузку, если необходимо, подходить ночью. По моему мнению, моряки слишком часто в той войне недооценивали угрозу с воздуха.

В тот вечер в гавань вползли два фрегата. «Аргонт», фрегат класса «Леандер», тянули два или три десантных катера. Видимо, он повредил рули, а в остальном выглядел вполне прилично. Несколько позже вошла своим ходом «Энтелоуп» («Антилопа»), извергая из труб клубы черного дыма, необычные для такого фрегата, а в обоих бортах на уровне передней трубы зияли пробоины. Радиомачта согнулась, видимо, задетая низко летящим вертолетом. Несмотря на эти повреждения, мы совершенно не ожидали того, что произошло. Не успело стемнеть, как «Энтелоуп» взорвалась, выстрелив в небо огромным куском корпуса. Взрыв был такой силы, что нам сразу стало ясно: корабль не спасти. Очевидно, капитан придерживался того же мнения, так как команда стала быстро собираться на полетной палубе. Хотя солнце зашло, было светло, как днем. Район спасательных работ освещался горящим кораблем и прожекторами вертолетов, быстро поднявшихся то ли с «Фиарлесса», то ли с «Интрепида». Та ночь явила много примеров мужества. Раздалось еще несколько взрывов, а вертолеты продолжали слетаться. В бинокль я довольно ясно видел членов команды в непромокаемых оранжевых костюмах.

Когда, не заботясь о собственной безопасности, к борту

«Энтелоуп» подошел десантный катер, не возникло ни намека на панику. Вскоре после того, как сняли почти всю команду, корабль к носу от трубы был объят пламенем. Вдруг на мостике появилось около дюжины человек. Храбрец-рулевой подвел катер вплотную, и они сошли по трапу. Никто даже ног не замочил. Это была блестящая спасательная операция, причем совершенно спонтанная, насколько я могу судить. Погибло трое — те, кто пытались обезвредить не-взорвавшуюся бомбу, и она все же взорвалась. Я преклоняюсь перед мужеством этих замечательных людей. Они самые храбрые из всех.

Всю ночь я зачарованно смотрел на горящую «Энтелоуп». Как что-то, сделанное из металла, может быть таким горючим? Я знал ее по Гамбургу, а теперь этот британский корабль умирал на моих глазах. Я понимаю, почему моряки, особенно капитаны, так нежно относятся к своим кораблям. Пожар и взрывы продолжались всю ночь, а на рассвете «Энтелоуп» разломилась пополам и медленно затонула, окутанная клубами пара и дыма.

23 мая: Авиашоу в заливе Аякс продолжалось. Из четырех «Скайхоков» два атаковали корабли, а два набросились на плацдарм. И те, и другие сбросили бомбы. Это был первый налет на наземные цели, и я встревожился, потому что половина моей роты спустилась с горы поесть: туда доставили мясо с хлебом. Однако повезло, и обед прошел отлично. Появились «Миражи» и «Скайхоки». Один «Мираж» тут же сбили ракетой «Рэйпир», и он врезался в гору, разбрасывая горящие обломки по всему заливу. Я не видел ни одного парашюта. Войска, находившиеся на склоне, заулюлюкали и зааплодировали, будто на стадионе «Хэмпден Парк» в Глазго. Вскоре был сбит низко летящий над водой «Скайхок». Он перевернулся и, подняв столб воды, погрузился в воду. Спустившегося на парашюте пилота подобрал маленький десантный катер.

Это было настоящее гладиаторское сражение храбрых и опытных пилотов: впервые аргентинцы пытались атаковать наземные цели. Они могли бы переломить ход войны, если бы не наши «Харриеры», мужественно преградившие им путь к островам, и потрясающие ракеты «Си Вулф». Однако некоторым самолетам удалось прорваться: к нашему списку потерь прибавились эсминец «Ковентри» и контейнеровоз «Атлантик Конвейор», а потом десантные корабли «Сэр Галахад» и «Сэр Тристрам».

26 мая: Мы получили приказ перейти в наступление с плацдарма: десантным судном переправиться в Порт-Сан-Карлос, оттуда 20 миль пройти пешком и захватить Дуглас-Сеттлмент. Вертолетов не предоставили, и нести все снаряжение пришлось

на себе. Мы выступили на следующее утро перед рассветом. Кое-что лишнее оставили, но все равно каждый тащил килограммов 55, а некоторые гораздо больше. Погрузившись на десантное судно, мы плыли 40 минут, а потом двинулись в поход. Я достал губную гармонику и сыграл несколько мелодий. Похоже, парни оценили.

Переход от Порт-Сан-Карлос до Ныохауса, миль 12, был самым отвратительным в моей жизни. Погода стояла не слишком плохая, однако грунт был болотистым, а где не болотистый, там торчали крепкие травянистые кочки, на которых запросто можно было подвернуть ногу. Кое-где склоны были крутыми, но все эти неприятности не шли ни в какое сравнение с жуткой тяжестью, причем я точно знал, что большая часть груза нам не понадобится. Морские пехотинцы держались отлично. Первого мы потеряли метров через 180, а в последующие несколько часов еще шестерых.

Из 650 человек отстали только 15; почти все они в течение недели вернулись в 45-й отряд. С отставшими ничего особенного не случилось, вероятно, им просто не хватило силы воли. Остальные с утра и до двух часов следующей ночи упорно шли вперед, не теряя хорошего настроения, хотя тем, кто, прыгая и сталкиваясь, замыкал цепь из 650 человек, жизнь должна была казаться адом. К концу пути у меня самого терпение лопнуло.

В тот вечер, перед заходом солнца, мы остановлись поужинать. Со стороны залива, откуда мы вышли, слышались взрывы. В Аякс-Бэй происходило то, что и должно было произойти: скоординированная атака воздушных сил противника на склады и постройки. Мы боялись за своих. Почти всю ночь на складах взрывались боеприпасы, и небо освещалось пламенем пожара. В тылу пятеро были убиты и шестнадцать ранены, в основном повара. В два часа ночи я дал приказ отдохнуть. Наше обычное убежище — это непромокаемые плащ-палатки, поддерживаемые маленькой палкой. Я приказал не ставить палатки и совершил ошибку. Шел дождь, и пластиковые мешки, в которых мы расстилали спальные мешки, не выпускали воду, так что спальники промокли. Я проснулся часов в пять утра промокший насквозь вместе со своим мешком. Мысленно прорыдав не меньше часа, я пообвыкся.

К концу пребывания в том негостеприимном местечке мы так приспособились к условиям, что и не возражали против жизни на свежем воздухе. С рассветом мы развернулись в боевом порядке. Рота «Х» шла в авангарде семь миль, оставшиеся до Дугласс-Сегглмент. Мы захватили его в 16.00, не встретив сопротивления. Враг бежал. Мы устали, промокли и проголодались, поскольку

разделались с пайком еще за завтраком. Наступая боевым порядком, мы не имели даже мокрых спальных мешков. Вертолеты должны были доставить рюкзаки, но не в первый и не в последний раз они подвели нас. Я боялся, что эта ночь будет еще хуже предыдущей, однако обошлось. Две трети личного состава удалось разместить в сарае для стрижки овец, хотя и чертовски холодном, зато там было сухо и не продувало ветром. Рюкзаки прибыли на следующий день, и, как часто случалось, погода наладилась, чем мы и не преминули воспользоваться. Многие отложили часть пайка про запас, чтобы не повторилась вчерашняя голодовка, однако очень трудно восемнадцатилетнему парню, потратившему много энергии, заставить себя остановиться и не сожрать всю свою еду вместе с упаковкой. Некоторые постоянно ходили голодными.

30 мая: Полностью восстановили силы. Обсохли, получили пайки, заклеили пластырем волдыри. Прекрасный день. В Дугласе мы услышали о том, что 2-й парашютный атаковал Гуз Грин. Они неплохо справились, хотя главная задача командира— не позволить себя убить. Несомненно, его наградят за храбрость, хотя подозреваю, что его бросок на вражеские пулеметы был скорее актом отчаяния. Появились первые слухи о том, что аргентинцы расстреливают сбитых пилотов. В том марше один из моей команды артиллеристов отлично зарекомендовал себя как сельский житель. На одной из десятиминутных стоянок после форсирования реки он прыгнул в воду и вытащил огромную форель. Мы еле поверили глазам своим. В Тиле мы ее сварили. Она оказалась изумительно вкусной.

Тил мы увидели издалека, а приблизились уже в темноте. Земля была покрыта снегом. Мы провели блаженную ночь в загоне для овец, хотя и грязном, и кишащем клещами. В тот вечер, ближе к ночи, командир отдал приказ закрепиться на позициях вокруг Тиля. Вообще-то, мы находились за передовыми рубежами. Перед нами были 3-й парашютный батальон и 42-й отряд коммандос. Полагаю, главный урок той операции в том, что ничто никогда не идет по плану. Хотя я не призываю отказаться от планирования, необходимо быть готовым к любым изменениям на любой стадии в зависимости от обстоятельств. Выживает и добивается успеха только тот командир, который помнит о главной цели, без суеты использует подручные средства и все время готов к неприятностям, то есть умеет ВЫКРУЧИВАТЬСЯ!

2 июня: Вертолетами нас должны были перебросить на базу в Блафф-Коув-Пик. Сгустились тучи, и лететь стало невозможно. Мы прождали целый день, и небо прояснилось. Однако вертолеты не появились. Мы отправились в Блафф-Коув-Пик пешком. Это

заняло два дня. Ветер усилился и пошел дождь, но нас это уже не волновало, потому что Стэнли был в десяти милях, и о возвращении не было и речи. Мы были единственными, кому пришлось прошагать весь тот путь… и мы этим гордились.

4 июня: Мы организовали патрульную базу в Блафф-Коув-Пик позади горы Маунт-Кент. Штурм Ту Систерс намечался на 11 июня. За оставшуюся неделю мы провели ряд разведочных патрулей, чтобы понять, что нас ожидает. Врага мы почти не видели, им всегда удавалось скрыться от нас. Долина к западу от Блафф-Коув-Пик была болотистой, и наши позиции пересекались каменными потоками. Это удивительные природные образования: потоки огромных камней, по которым очень сложно передвигаться. Камни покрыты скользким мхом вроде лишайника и часто движутся, когда на них наступаешь. И днем-то идти по ним тяжело, а ночью — сущий ад. Боялись, что после того, как 42-й отряд коммандос ушел с соседней Маунт-Кент, противник поставит там наблюдательный пост. Мне приказали послать туда взвод, и я послал Криса Кароу со 2-м взводом.

6 июня: В нормальных условиях подъем в 300 метров на 2,5 мили с видом на Стэнли показался бы приятной прогулкой, однако нам пришлось карабкаться в отвратительную погоду. Дождь лил как из ведра, и ветер был очень сильный. До вершины мы добирались два часа. Нескольких человек, включая меня самого, подхватил ветер, и мы пролетели несколько метров, приземлившись на задницы. И опять морские пехотинцы проявили себя отлично: такое терпение, выносливость и дружелюбие. Однако, выслав несколько патрулей, мы поняли, что не достигли ничего, что уже не было бы сделано артиллерийскими наблюдателями и 2-м взводом: мы просто измотали еще два взвода. Нам разрешили снова спуститься вниз.

Пока мы слонялись вокруг Маунт-Кент, Крис Фокс и часть его взвода разведки колотила врага на Ту Систерс. Сквозь туман я время от времени видел в той стороне разрывы снарядов. Команда Фокса убила человек двенадцать, не понеся потерь, только Фоксу прострелили палец.

9 июня: Дэвид Стюарт, командир 3-го взвода, получил задание потрепать врага. Он хорошо подготовился, никогда не видел, чтобы готовились так тщательно. Его люди рвались в бой, и я очень надеялся на успех. Я только боялся, что в такую лунную ночь они останутся без прикрытия.

В час ночи я пожелал им удачи, хотя в последнюю минуту на меня навалились дурные предчувствия. 275 метров я видел их невооруженным взглядом, а потом в бинокль треть мили, однако враг их не замечал. Они двигались к скале к югу от Ту Систерс,

цели моей роты во время предстоящей атаки бригады. Там они довольно ловко пересекли открытое, залитое лунным светом пространство, убили с очень близкого расстояния двух часовых и в последующей перестрелке еще как минимум пятерых. Их с разных сторон обстреливали не менее трех пулеметов, и возвращаться им пришлось с боем, преодолевая сопротивление превосходящих сил врага без артиллерийской поддержки. Пули взрывали трясину. В ярком лунном свете парни, отстреливаясь, мчались к ближайшему приличному укрытию за рекой в 900 метрах от них. Слава богу, ни в кого из них не попали. По любым меркам это была успешная разведка боем и, как выяснилось позже, значительно повлиявшая на успех наших последующих операций. Однако не всегда нас ждал успех…

10 июня: Патрулю из роты «У» поручили обойти восточную оконечность Ту Систерс и выяснить, что там есть. Минометное отделение поддержки выслали вперед. Однако минометчики безнадежно заблудились, никто не знал, где они находятся, и командир стрелкового взвода предпринял необходимые меры безопасности, чтобы не напороться на них. В конце концов они столкнулись там, где минометов просто не должно было быть. Взвод первым заметил минометчиков и решил, что это вражеский патруль, собравшийся атаковать наши позиции. Однако сержант все же удостоверился по рации в том, что никаких других патрулей не высылали. Он даже связался с соседней частью, 3-м парашютным батальоном, и уточнил, что они тоже не высылали патрули. Наконец он связался со своим минометным отделением и спросил, где они. Те ответили, что находятся на высоте близко к цели. Сержант смотрел сверху вниз с расстояния 180 метров, и те, кого он видел, были далеко от цели его минометчиков. Когда их разделяло менее 90 метров, взвод открыл огонь. Где-то через минуту командир выкрикнул приказ и, должно быть, один из минометчиков услышал, потому что закричал по-английски: «Мы — позывной 52». Взвод прекратил огонь. В итоге они опознали друг друга. Погибли четверо, включая сержанта. Я по радио слышал об этой катастрофе и эвакуации погибших. Вскоре мы заставили себя забыть об этом ужасном инциденте. Время оплакивать наших мертвых еще не пришло.

После атаки на Ту Систерс мы должны были штурмовать гору Тамблдаун (Тамблдаун-Маунтин). Рота «Х» опять шла в авангарде. В сумерках мы провели репетицию на ближайшем утесе, очень похожем на нашу цель, затем расслабились и поели. Примерно через час после наступления темноты мы выступили, все 150 человек. С нами был капеллан Уинни Джоунз. Он замыкал колонну и нес дополнительный запас медикаментов.

Когда мы собрались, чтобы в последний раз проверить снаряжение, я шепнул ему: «Помолитесь за наши души, викарий». Он ответил: «Не придется. Не придется». В роте «Икс» было мало верующих, однако присутствие священника удивительно успокаивало. Нелегко выразить словами то, что чувствуешь перед боем. Страх, конечно, но не страх самой смерти. Скорее, печаль, потому что сознаешь, какое горе твоя смерть принесет в твою семью.

11 июня: Переход к месту сбора, откуда начнется наше наступление, превратился в сущий кошмар. Мы тащили на себе радиоуправляемые противотанковые ракеты «Милан», но я и представить не мог, что они нас так задержат. В разведке этот относительно легкий переход занимал три часа, что оставляло нам час в запасе, а мы шли шесть часов. Камень или ручеек, которые в нормальном боевом порядке и не заметишь, становятся серьезными преградами, когда, кроме своего снаряжения, несешь еще 14-килограммовый комплект «Милана». У нас было комплектов 40. Рота постоянно рассеивалась. В довершение всего мое разведотделение не сумело найти нам самую легкую дорогу. В конце концов мы прибыли на место, но пришлось полночи с проклятьями кружить по скалам. Я дважды умудрялся терять половину роты и приходилось возвращаться и искать их, тратя время и энергию. В середине марша стало плохо главному связисту, и пришлось отправить его на ближайшую артиллерийскую батарею, а один солдат свалился с очень крутого склона. Фил Уитком, мой заместитель, сумел привести его в чувство. В общем, с двухчасовым опозданием в район сбора притащились 150 измученных и все на свете проклявших парней, а настоящая работа еще и не начиналась.

Десять минут спустя началось наступление. Самое неприятное — мы должны были пересечь открытое пространство. Приближаясь, мы видели в воздухе трассирующие пули: с вершины нашей цели стреляли из крупнокалиберного пулемета. Я решил посмотреть, на что способен «Милан». Это означало, что стрелять будут поверх наших голов, а к цели мы были ближе, чем к «Милану», но только так мы могли подстраховаться до прибытия артиллерии. Первая ракета прошла метрах в девяти над нами и с оглушительным грохотом поразила цель. Вскоре 2-й взвод подготовился, и Крис Кароу отдал приказ. Последовал заградительный залп восемью минами, но артиллерии — через Аластэра Камерона — я так и не добился. Бедный Аластэр чувствовал себя чертовски бесполезным оттого, что в критический момент не смог обеспечить поддержку. Я так и не понял, в чем была загвоздка. Я знаю только, что когда артиллерия

действительно нужна, ее никогда нет. Я попросил минометчиков повторить залп и приказал выпустить еще две ракеты «Милан».

Ракеты выпустили, но тут меня подвели минометчики. Опорные плиты минометов утонули в мягком грунте, и нас смогли поддержать одной-единственной миной. Об артиллерии и минометах пришлось забыть, однако Крис Кароу все равно повел своих людей вверх. А враг теперь использовал не только противотанковое оружие, но и артиллерию. Люди Кароу карабкались вверх по скалам к вражеским позициям. Передвигались перекатами, как в плотно застроенном районе. Пока один прыгал, двое его прикрывали. Все время приходилось увертываться от снарядов. Когда на следующий день я увидел территорию, у меня сердце замерло. Рельеф был еще более сложным, чем я думал, и если бы я увидел это раньше, то сильно сомневался бы в шансах взвода. Но выбора не было. Одновременно могла двигаться только одна группа.

Кароу уже с переменным успехом вел бой на вершине горы. Им удалось добраться до вершины, но артиллерийский огонь заставил их отойти. Тогда мы понесли наши единственные потери. Младший капрал Монтгомери и морской пехотинец Уотсон оказались в полутора метрах от взорвавшегося снаряда. Сила взрыва отбросила их на несколько метров. Монтгомери то ли сломал, то ли вывихнул плечо и явно получил сотрясение мозга. В конце концов авангард вытеснил врага, и мы захватили нашу цель. Какой-то стрелок время от времени вяло обстреливал мой «штаб» с фланга. Мы не обращали на него внимания. Однако постепенно обстрел стал более серьезным и неприятным, и еще 36 часов то затухал, то нарастал, что усиливало чувство опасности и замешательство. Сначала стреляли только из двух орудий, но вскоре сорок или пятьдесят снарядов обрушились на наши позиции на гребне горы, а седловина между нами и остальными войсками была изрыта воронками. Потерь у нас не было, но артиллерийский обстрел — дело неприятное.

Самое смешное то, что, если не слишком шумно, можно услышать выстрел вражеского орудия, а потом свист снаряда. Чаще слышишь только свист. Если снаряд летит достаточно близко, у тебя есть две секунды, а если он летит прямо на тебя, времени нет совсем. Съежившись за скалами, мы имели возможность изучить этот процесс. Во время затишья я отошел отлить. Я еще не закончил, когда услышал ужасающий свист. Снаряд врезался в землю одновременно со мной… к счастью, в 19 метрах от меня. Огромный камень упал мне на спину… К рассвету я добрался до вершины. Когда я посмотрел вниз, у меня кровь застыла в жилах. Теоретически эта вершина была

неприступна.

Остальные коммандос тоже не сидели без дела. После жестоких схваток, в которых они потеряли четверых убитыми и пятнадцать ранеными, им удалось захватить свои цели. Врагов мы похоронили на месте. Я сам руководил похоронами неопознанного офицера и сержанта. Они погибли 9 июня в перестрелке, вероятно с 3-м взводом. Мы положили их в мелкую могилу, тщательно отметили место и сообщили в рапорте властям. Я произнес небольшую молитву. На позиции мы нашли много боеприпасов, оружия, еды и снаряжения. На следующий день 2-й взвод, рыскающий по лагерю на вершине горы, напомнил мне семейство мусорщиков, копающихся на свалке.

Повезло, что на позиции было так много всего. Нам так и не сбросили рюкзаки, а ночь была морозной. Без аргентинских одеял и одежды мы испытывали бы страшные неудобства. Когда я давал последние инструкции перед ночевкой, из темноты появилась какая-то фигура. Мы насторожились, но тут же с удовольствием услышали голос с сильным уэльским акцентом: «Привет, рота «Икс-рэй», это викарий, и я забыл чертов пароль».

Мы находились там два дня, пока Шотландские гвардейцы не захватили Тамблдаун-Маунтин, а потом нам приказали взять Сэппер Хилл.

14 июня: Стало ясно, что враг отброшен в сторону Стэнли, а это оставляло брешь между высотами Тамблдаун и Сэппер Хилл. Нам приказали как можно быстрее выдвинуться к Сэппер Хилл. Мы пробежали семь миль, но нашей решимости это не поколебало. Как же мы удивились, когда, взяв гору без сопротивления, обнаружили там Уэльских гвардейцев, сброшенных с вертолета. Если бы на позиции был враг, то их уничтожили бы. Они были чистенькие, откормленные и, на мой взгляд, слишком изнеженные. Позже мы услышали об их фиаско в пешем переходе. Они отправились из Порт-Сан-Карлоса и, не выдержав погодных условий и плохой дороги, вернулись. Мы не удивились. Их предназначали для гарнизонной службы на островах после нашего ухода, и я почувствовал к ним жалость.

Когда мы наступали на Сэппер, прошел слух о капитуляции противника. Думаю, это и согревало меня в ту ночь, самую мучительную в той войне и во всей моей жизни. Я глаз не сомкнул. Мы опять замерзали, и особенно горько было сознавать, что, устроив победный вертолетный парад, военный флот не нашел ни одного вертолета, чтобы сбросить нам рюкзаки!

16 июня: Мы отправились маршем в Стэнли. Проведя месяц в полевых условиях, мы были практически обессилены, но горды. Это был очень волнующий момент. Не могу вспомнить, когда я

испытывал большее чувство гордости. Я вошел в Стэнли во главе моих ребят под самодельным флагом роты, которое нес ефрейтор (Lance Bombardier) Инглсон. Нас встречали счастливые горожане. А потом случилось самое невероятное. Мы нашли открытый паб! Рота ввалилась в отель «Глоуб». Бывали у меня более счастливые моменты в жизни, но очень немного. Один Бог знает, кто покупал пиво. Я точно не покупал. Я стоял в скромном задымленном помещении в окружении 150 усталых, вонючих, небритых, слегка пьяных моих ребят, и этот момент я бережно сохраню в памяти на всю оставшуюся жизнь».

Глава 18. БОЕВОЙ АВАНГАРД (НА ОСТРИЕ НОЖА)

Процесс стабилизации, наступающий вслед за войнами, на этот раз сильно отличался от обычного. После окончания Второй мировой войны коммандос морской пехоты практически не вылезали из боевых действий. Это ясно видно из предыдущих глав: Палестина, Малайя, Гонконг, Корея, Суэц, Борнео и Ближний Восток, и наконец Фолкленды. Коммандос воевали два с половиной десятилетия. После активных военных действий, губительных для любого военного формирования, необходим период восстановления. Даже для опытного солдата ужасы войны не проходят бесследно. Однако, несмотря на сокращение британских военных обязательств перед бывшими колониями и протекторатами, тяжкое бремя не ослабевало до конца восьмидесятых.

В Северной Ирландии постоянно требовалось в среднем 16000 человек, и коммандос несли там службу наряду с британскими армейскими соединениями. Длительность командировок варьировалась от шести месяцев до двух лет, и коммандос были надолго оторваны от своих семей. Холодная война также требовала присутствия британских войск в составе контингента НАТО в традиционных буферных зонах Европы, где существовала угроза безопасности странам — членам НАТО. Дополнительную угрозу представляли взрывоопасные страны и террористические группы, образовавшиеся после ухода европейских войск из бывших колоний, особенно на Ближнем Востоке. Опасность, возникшая в начале семидесятых, усилилась в последующие десятилетия, когда государства с нестабильными режимами стали создавать современные боевые арсеналы, включая огромные запасы химического и бактериологического оружия. К концу девяностых не менее 21 страны обладали оружием массового уничтожения, а некоторые из них разрабатывали ядерное оружие.

Как боевому авангарду Королевской морской пехоты, 3-й бригаде коммандос пришлось включить в подготовку много новых дисциплин. Уже на ранней стадии они стали группой специалистов НАТО, постоянно готовой к любому развитию событий. В такой ситуации они постоянно должны были находиться под рукой. Признанная лучшим десантным соединением в Европе, 3-я бригада коммандос стала главным элементом в защите как национальных, так и европейских

интересов.

Сфера применения морских пехотинцев и СБС расширялась и на внутреннем фронте. Морская пехота первоначально создавалась для защиты кораблей, и в этой роли стала еще более необходимой, особенно после террористических атак на пассажирские суда в семидесятые годы. В тот период было проведено не менее трех операций, в которых морские пехотинцы и СБС отражали нападение террористов на лучший британский пассажирский лайнер «Куин Элизабет II». Опыт коммандос морской пехоты стал особенно необходимым, когда увеличилось число нефтяных и газовых сооружений в морских водах Соединенного Королевства. Для защиты от террористов отдаленных от берега объектов, а также ядерных заводов, электростанций, других элементов инфраструктуры страны и тоннеля под Ла-Маншем требовались постоянные десантные формирования.

Непрекращающиея атаки на Британию Ирландской Республиканской Армии, увеличение числа политических и религиозных экстремистских группировок усиливали необходимость Десантного прикрытия британского побережья. Морские пехотинцы постоянно находились в состоянии боевой готовности. Чтобы удовлетворять возрастающим требованиям, система подготовки коммандос, разработанная в начале семидесятых, нуждалась в постоянном усовершенствовании. «Рота Комаччио», названная так в честь сражения в Италии, и СБС постоянно были готовы к немедленным действиям в случае угрозы терактов. Соответственно разрабатывались закодированные операции для всей бригады коммандос. В таких условиях необходимо было точное знание о расположении и внутреннем устройстве уязвимых объектов. Система подготовки и планы все время совершенствовались и испытывались в тактических учениях.

В начале девяностых годов организованная преступность приобрела необыкновенный размах: контрабандная торговля наркотиками, оружием и людьми велась на всех морях, и здесь невозможно было обойтись без коммандос, особенно без СБС. Пока Королевская морская пехота оставалась неотъемлемым компонентом планов обороны государства, 3-я бригада коммандос стала рассматриваться, как элита британских десантных войск, и не будет преувеличением сказать, что многие армейские формирования завидовали ее положению.

С падением Берлинской стены и реальным окончанием Холодной войны необходимость в специалистах по национальной обороне сохранилась, хотя сразу после краха коммунизма многие

политики впали в эйфорию и решили, что при новом мировом порядке можно уменьшить военные расходы. Сокращение британской военной структуры было предопределено в вызвавшем полемику документе «Варианты перемен» (Options for Change). Позже заговорили и о сокращении численности войск в Северной Ирландии, хотя очень скоро надежды на мирное урегулирование конфликта угасли. С выводом советских войск из Европы и Балкан появились новые проблемы: гражданские войны в бывшей Югославии и беспорядки в России.

Несмотря на все это, сокращение затронуло многие британские формирования, даже давно и преданно служивших Британии гурков, чье положение ухудшилось в связи с уходом Британии из Гонконга. Общий численный состав морской пехоты наметили свести к 7000, однако коммандос практически сохранили личный состав — около 5000 человек, включая части материально-технического и медицинского обеспечения — как примерно и планировалось Уинстоном Черчиллем в 1940 году: хорошо оснащенное формирование с высокой квалификацией в самых разных отраслях, готовое моментально отправиться в любую точку земли.

3-я бригада коммандос полностью соответствовала предъявляемым требованиям, и ее первоклассных специалистов, как и парашютистов, не могло заменить ни одно другое формирование. В непрерывно меняющихся условиях, несмотря на постоянную боевую работу, главным делом коммандос оставались постоянные тренировки.

Как их предшественники во Второй мировой войне, коммандос могли воевать и на передовой, но когда в 1990 году началась война в Персидском заливе, они не понадобились, исключая лишь СБС, приписанную к группе особого назначения. Мэтыо Которн, молодой офицер 45-го отряда коммандос, вспоминал, что как раз тогда его часть собиралась в шестимесячную командировку в Северную Ирландию, в так называемый «бандитский район» графства Южный Арма:

«Мы следили за развитием войны с безусловным интересом, хотя и несколько отстраненно, поскольку вряд ли нас отозвали бы из боевой командировки и перебросили в Залив. Единственное, где мы могли бы пригодиться при освобождении Кувейта, так это в уличных боях в плотно застроенных районах. Главная причина, почему нас не могли бросить на иракские оборонительные укрепления, заключалась в том, что мы обычно тащим все снаряжение на собственной спине, а ни один пехотинец не может нести больше суточного запаса воды. Это означает пополнение запасов каждые 24 часа, а мы не видели такой возможности.

Многие парни были разочарованы и говорили: «О боже, на следующие 20 лет все эти армейские станут невыносимыми, будут хвастаться полной грудью медалей, а мы упустили шанс». Однако присутствовало и некоторое облегчение; не потому, что мы не хотели воевать, а просто не хотели отправляться туда прямо из Ирландии. Это было бы очень тяжело, особенно для женатых парней и их семей. Поэтому, я думаю, мы больше притворялись разочарованными, когда узнали, что не отправляемся в Залив.

Все закончилось как раз перед нашим возвращением домой, и мы находились в шестинедельном отпуске, положенном после Ирландии. Странные вещи вспоминаешь в кризисные моменты. Жена была на работе. Я посмотрел телевизионный сериал «Соседи» и от нечего делать стал переключать каналы. По Би-Би-Си-2 как раз передавали выступление министра обороны, мистера Тома Кинга, в Палате общин. Он произнес роковые слова: «…и часть, которую я решил использовать — 3-я бригада коммандос морской пехоты». Это был первый намек на то, что нас пошлют в Ирак».

Бригаду коммандос задействовали сразу после Войны в Заливе. Пока международная коалиция изгоняла войска Саддама Хусейна из Кувейта, на севере Ирака разворачивалась человеческая трагедия невообразимых масштабов: Хусейн повернул свою армию против курдов, проживавших на севере страны. Джордж Буш, президент США, в то время игравший в гольф в Майами, высокомерно отказался вовлечь свои войска в конфликт, который он назвал гражданской войной. На самом деле, это было продолжение геноцида курдского населения. В 1988 году иракский лидер истребил тысячи курдов химическим оружием, и, боясь повторения, они начали покидать свои дома. Курды направились к турецкой границе, где были остановлены, и на восток к Ирану, не ожидавшему появления огромных людских толп у своих границ. Через несколько дней на горных склонах скопилось два миллиона мужчин, женщин и детей без еды, воды и какого-либо убежища.

Через неделю их положение стало безнадежным. По всему миру телеканалы показывали страдания курдов, вызванные жестокостью Саддама Хусейна и безразличием Запада, в особенности Буша, который мог, но не захотел предотвратить кризис. Британскому премьер-министру Джону Мейджору не оставалось ничего, кроме как разработать план по созданию «зоны безопасности» для курдов, заставив Саддама оставить их в покое за 36-й параллелью. Мейджор также призвал своих европейских коллег и американцев присоединиться к Британии и

послать войска в Ирак до ввода войск ООН. Буш неохотно согласился, а впоследствии пытался приписать идею себе.

45-й отряд коммандос, отдыхавший в Британии после вертолетного патрулирования над Южным Арма, был отозван из отпуска для немедленной отправки в Ирак в составе 3-й бригады. Пока другие британские соединения, находившиеся в составе сил коалиции, выводились из Южного Ирака, десантникам предстояло защищать как курдов, так и представителей международных гуманитарных организаций. Под флагом ООН вместе с контингентами других стран коммандос вытеснили иракцев за «линию, проведенную на песке» в 20 милях к югу от города Закхо. Согласно приказу, любой иракский самолет, залетевший в зону безопасности, следовало сбивать, а наземные войска вытеснять за 36-ю параллель. Вспоминает Мэтью Которн:

«В действительности мы не предполагали, что станем защищать курдов. Мы думали, что должны прикрыть вывод войск на юге по окончании главных сражений. Однако нельзя отрицать: действительно возникла необходимость в формировании, которое может быстро развернуться и действовать в самых жутких условиях. Телевидение всего мира показывало замерзающих, голодающих, умирающих от дизентерии курдов, дерущихся за крохотные пакеты с едой. Необходимо было что-то делать, и делать срочно. Мы были под рукой и думаю, что и с политической точки зрения мы были самыми подходящими людьми.

Мы срочно сделали прививки, собрали специальное снаряжение, боеприпасы и защитные костюмы на случай, если Саддаму Хусейну придет в голову применить ядерное, бактериологическое или химическое оружие. Все это потребовало времени, а Королевские ВВС очень придирчиво следили за размещением нашего груза, чем вызвали дополнительную задержку. Нас перебросили из базы Королевской морской пехоты «Кондор», расположенной на восточном побережье Шотландии, на базу Королевских ВВС «Лукас», с которой мы перелетали на самолете VC-10 в южную Турцию. Оттуда американскими и британскими «Чинуками» нас с самым необходимым снаряжением доставили на намеченные позиции».

Район предстоящих действий разделили на два: северный и южный. Северную полосу, где в горах были рассыпаны жалкие лагеря беженцев, назвали «район Объединенного оперативного соединения Альфа». Южная, «Объединенного оперативного соединения Браво», покрывала курдские города и деревни, покинутые местным населением, спасающимся от иракских солдат и тайной полиции. Главных задач было две. Первая — обеспечивать голодающие толпы пищей, водой, убежищами и

вторая — создать в покинутых городах такие условия, чтобы курды захотели вернуться. Первая часть была серьезным испытанием даже для самых опытных международных гуманитарных агентств; вторая требовала большой осторожности. Снова послушаем Мэтью Которна:

«45-й отряд коммандос разместился вокруг маленькой школы в крохотной деревушке, создав базу для патрулирования региона в южном направлении к Дахуку. Обстановка была типичной для Ближнего Востока: низкие грязные здания из бетона, снующие машины — от развалюх до вполне приличных, и гражданское население в длинных одеждах, занятое повседневными делами: они носили воду, стирали одежду и тому подобное. Когда мы появились, было довольно пустынно, поскольку население бежало в горы. Если раньше там жило 30 000—40 000 человек, то вначале было не больше 2000–3000, но постепенно люди начали возвращаться.

Когда мы имели дело с иракцами, это было настоящее боевое патрулирование, но когда вокруг были курды, речь шла о завоевании душ и сердец. Очень часто за нашими парнями, патрулирующими улицу, увязывались два-три подростка. У нас появлялась возможность просто поговорить с местными, успокоить их, поиграть с мальчишками, а не бряцать оружием. Мы должны были ободрить курдов, чтобы способами тайного сообщения они передали тем, кто находился в горах, что обстановка безопасная и можно возвращаться. Это все, что мы могли сделать, чтобы они спустились с гор.

Другие части 3-й бригады коммандос поднимались в горы, чтобы убедить беженцев вернуться в свои дома и помочь гуманитарным организациям. С иракцами же мы не церемонились, особенно когда в районе появлялись войска. Нам не разрешали называть их «противниками», поскольку официально мы находились в состоянии мира. Мы не имели права называть курдов партизанами или борцами за свободу; просто вооруженные курды. Приказы варьировались. Иногда нам просто говорили: «Идите, прогуляйтесь по городу, покажитесь, а если увидите агентов тайной полиции, остановите и потрясите как следует». Давали и особые инструкции: например пойти в дом тайной полиции, постучать в дверь и спросить, когда они уезжают. Если в следующий раз они все еще будут на месте, мы должны приказать им уйти и оказать давление. Однажды в Амадье (рядом с турецкой границей) мы посадили их в грузовик и вывезли в Дахук. Оказалось, что такие действия идут вразрез с политикой коалиции на высшем уровне. Коалиция и Военный координационный комитет, в который входили представители

обеих сторон, договорились никого не выселять насильно, что иракцев вполне устраивало. Поэтому, когда коммандос собирали этих людей и вывозили, начинались неприятности. Иракцы жаловались, и нам попадало. Унизительно, потому что даже командир бригады точно не знал, как войскам обходиться с иракцами, которые не желали подчиняться.

Местные курды легко опознавали агентов тайной полиции, хотя очень часто и мы выделяли их. Они обычно были хорошо одеты, носили американские темные очки, курили американские сигареты, водили хорошие машины и вели себя надменно. В одном городишке, где мы довольно прилично ладили с иракскими военными, стоявшими на контрольно-пропускном пункте, вдруг объявился некий баасист[27], государственный чиновник. Он выглядел так, словно сошел с киноэкрана: черные брюки и черная рубашка, белый пиджак. Отвратительный тип, и иракские солдаты его явно боялись. Когда он спросил наши имена, мы, естественно, не представились, а все, что мы говорили, он записывал в маленькую книжечку, демонстрируя, что он — часть государственной машины подавления».

Шли дни, некоторые из оставшихся иракских частей даже не слышали о достигнутых в Багдаде соглашениях, не знали, что должны освободить курдские территории, но тут, как вспоминал Которн, пришел приказ о «выселении». В одном соседнем городе рота иракцев с двумя танками упорно стояла на контрольно-пропускном пункте и не давала покоя проходящим курдам. Патруль Которна, предупрежденный о возможной стычке, подъехал к ним на грузовике и связался по рации со штабом, чтобы, в случае необходимости, вызвать поддержку с воздуха. Затем десантники двинулись к посту «с некоторой тревогой и опасениями». Однако до перестрелки дело не дошло. Которн в конце концов поговорил с командиром иракской роты, который заявил, что понятия не имеет о решении насчет 36-й параллели и ждет приказа. «Я объяснил, что нам хотелось бы их больше не видеть. Часов через шесть появилась остальная часть 45-го отряда, и на следующий день иракцы ушли».

Только один раз части Которна пришлось открыть огонь. Это случилось во дворце, которым, как считалось, иногда пользовался Саддам Хусейн. За дворцом наблюдали две недели. Иногда оттуда выскакивали иракские солдаты и стреляли из винтовок в направлении наблюдательного поста 45-го отряда с расстояния примерно в 600 метров. Затем раздался более мощный залп, и командир наблюдательного поста приказал своим людям ответить. С поста выпустили 438 патронов, и двое иракцев упали. Их втащили во дворец, и больше никто не стрелял. Коммандос

сталкивались и с другими проблемами. Вдоль дорог, особенно ведущих к оставленным иракцами позициям, было много минных полей. В основном это были очень опасные противопехотные мины, снабженные проволокой, прикрепленной к пяти усикам. Активированная мина выскакивала из оболочки до уровня пояса с губительными последствиями для жертвы. Хотя никто из десантников не пострадал, погибло не менее восьми представителей гуманитарной миссии.

Коммандос не просто убеждали курдов вернуться в деревни, но и играли важную роль в снабжении беженцев едой, палатками, топливом и медикаментами. Тем временем курдские лидеры пытались узнать, какие действия предпринимаются для изгнания тайной полиции и как долго еще защитники останутся с ними. Велись также щекотливые переговоры о создании курдских административных структур, чтобы войска ООН ушли как можно скорее. Последние уже готовились. Американцы заявили, что хотят вывести свои части к концу июня, а 45-й отряд коммандос готов был вернуться в Британию в любую минуту. 40-й отряд, до этого эвакуировавший курдов с гор в предгорья и долины, занял позиции 45-го отряда и, в свою очередь, ушел с остатками бригады. Их сменили гуманитарные организации и войска ООН. Однако в конце концов весь район был занят армией Саддама Хусейна, жестоко расправившейся и с шиитами, укрывавшимися в болотах на юге страны. Единственно, чего добились британские и американские войска, так это освободили горы от замерзавших там двух миллионов курдов и лишили телезрителей захватывающего зрелища.

Одной из причин столь быстрого вывода войск была угроза, возникшая в других регионах. Коммандос еще возвращались домой, когда разразился кризис в Югославии, где крах коммунизма положил начало гражданской войне. Союз несовместимых народов, принужденных к сожительству после окончания Первой мировой войны, рухнул и взорвался кровопролитными сражениями, не затихавшими до конца века. Война между Хорватией и Словенией[28] на северо-востоке страны положила начало войне по всему региону. Британские, американские и европейские войска сначала вмешались под знаменем ООН в боснийскую войну, а затем при поддержке НАТО пытались прекратить этнические чистки в Косово. Как и многие другие формирования, наземные, морские и воздушные, 3-я бригада коммандос предоставила группы специалистов и личный состав для преодоления кризиса.

Кроме выполнения боевых задач, десантники не прекращали учений и продолжали патрулирование в Северной Ирландии. С

1968 по 1998 год в Северной Ирландии было убито 448 и ранено 5544 британских военнослужащих; в их числе были и морские пехотинцы. Исполнение долга в Северной Ирландии стало частью посвящения в коммандос для многих молодых офицеров и рядовых. Там они приобретали свой первый боевой опыт. Перед вами записки младшего офицера из 40-го отряда коммандос:

«Я оказался в западном Белфасте с 40-м отрядом коммандос более чем через 20 лет после появления здесь первых войск. Обстановка совершенно другая, но сразу поражают живописные пейзажи, необычные звуки и ароматы, типичные для Северной Ирландии. Некоторые приехали сюда во второй или в третий раз, но большинство — новички, которые никогда не забудут это первое боевое задание. Мы помогаем королевским констеблям Ольстера (северо-ирландской полиции) наводить порядок в районах западного Белфаста: Фолз Роуд (Fals Road), Торф Лодж (Turf Lodge), Андерсонстауне (Andersonstown) и в хорошо укрепленном Сектариэн Дивайд (Sectarian Divide) вдоль Шанкилл (Shankill). Это трудная и часто неблагодарная во всех отношениях задача. К тому же очень сложно объяснить нашим любимым, чем же мы в действительности занимаемся в шестимесячной командировке. Патрулирование здесь негативно сказывается на парнях, поскольку они все время ждут, что что-то случится. Вспомогательные части пытаются поддержать их боевой дух, удовлетворяют их волчьи аппетиты, обеспечивают связь и стараются, чтобы в жалкие часы отдыха хватало телевизоров.

Жизнь однообразная. Дни тянутся, похожие один на другой. Недели превращаются в календарные строчки. Мы разбросаны по трем районам, включая старую фабрику Норт Ховард Стрит Милл, обломок ушедшей эпохи промышленного расцвета западного Белфаста. Мы любовно называем ее Милл. Если бы не британская армия, этот разрушающийся памятник «Тревожным годам», как и многие другие вокруг, стоял бы заброшенным в ожидании смерти и возможной реинкарнации. В Милл уютно. Из-за ежедневной уборки в затхлом воздухе царит острый запах моющих средств. Жизнь в Милл немного похожа на морскую. Жилые помещения и кабинеты выходят в длинные коридоры, и легко представить, что ты на большом корабле. Окна так высоко, что выглянуть можно, только забравшись на лестницу. Из-за недостатка естественного света теряешь ощущение времени, а топят так, что жарко и влажно, будто в субтропиках — резкий контраст с морозами на улице.

Люди и машины снуют туда-сюда в любое время дня и ночи, шум двигателей сменяется грохотом и скрежетом инструментов, так как в ветшающем здании непрерывно что-то ремонтируется.

Только за воротами Милл или полицейского участка окунаешься в реальную жизнь западного Белфаста. Многие урбанистические монстры предыдущих десятилетий уступили место довольно милым микрорайонам, просторно застроенным кирпичными коттеджами, однако огромное количество бытового мусора портит впечатление, а поначалу даже вызывает тревогу. Когда вспоминаешь, что нельзя судить о книге по обложке, жизнь кажется почти нормальной, и, во многом, так оно и есть. А потом с ревом проносится колонна серых бронированных полицейских «Лендроверов», или среди женщин с колясками появляются солдаты в полевой форме, касках и с винтовками, и впечатление «нормальности» исчезает.

Идешь дальше и видишь тяжелые запертые ворота, перегораживающие оживленную улицу, и стену высотой с соседний дом. Это — «Линия мира», разделяющая католиков и протестантов. Жители западного Белфаста по-разному реагируют, когда видят британского морского пехотинца. Начитавшись инструкций, ожидаешь враждебности, но в действительности все не так плохо. Молодежь, конечно, может разразиться ругательствами, но большинство людей просто смотрит сквозь тебя.

По ночам чувствуешь на себе пронзительные взгляды, где-то дрогнет занавеска в окне, но люди всех возрастов говорят более свободно и даже могут пожелать тебе удачи. Ты хватаешься за сочувствие, как за соломинку, ибо вполне возможно, что завтра ты для них снова перестанешь существовать. Жители западного Белфаста очень гордятся своей историей и свою верность короне или движению «За объединенную Ирландию» демонстрируют огромными цветными надписями, ловко разрисовывая торцы длинных рядов домов, стоящих вплотную друг к другу. Некоторые стены размалевывают свежими новостями, и неважно, согласие ли это с мирными усилиями или клятвы никогда не сдаваться Югу.

На базе в Милл люди спят, холят стертые ноги, тренируются в гимнастическом зале или готовятся к новым инцидентам. Снова взойдет солнце над нашим маленьким районом этого большого и многоликого города и начнется новый день. Для некоторых рассвет означает конец 14-часовой вахты и возможность поспать. Даже если ты безразлично относился к Северной Ирландии, ты не забудешь Белфаст, хотя, возможно, и останешься в некотором недоумении. Ты навсегда сохранишь воспоминания о хороших днях, плохих днях, людях… и, самое главное, о дружбе между морскими пехотинцами».

Последняя фраза часто повторяется повсюду. Коммандос

оставили далеко позади дни эксцентричных лорда Ловата, Джэка Черчилля и остальных бойцов старых бригад, однако дух коммандос сохранился, и недаром страничка морских пехотинцев в Интернете начинается словами: «Уникальный esprit du corps (корпоративный дух) коммандос возник из их моральных целей… слово «коммандос» родилось в Бурской войне, когда каждый коммандо был маленькой самостоятельной боевой частью, совершающей эффективные атаки на врага — британцев».

Именно с этого мы и начали…

Эпилог. НАШИ ДНИ

Как мы уже отмечали, коммандос перешли под знамена морской пехоты в 1945 году и стали подчиняться Командующему (Commandant-General) со штабом на острове Уэйл (Whale) у Портсмута. В 2000 году коммандос насчитывали около 7000 мужчин и женщин, служивших в Британии и заграницей. В это число входит и личный состав их вспомогательных формирований.

На сегодняшний день боевая сила 3-й бригады коммандос состоит из трех отрядов: 40-го, базирующегося в Таунтоне, 42-го, базирующегося в Плимуте, и 45-го, базирующегося в Арброте. Отряды бригады эквивалентны батальонам легкой пехоты и могут быть развернуты как независимо, так и в составе боевой группы. И в том, и в другом случае коммандос могут быть усилены артиллерией, инженерными частями и частями материально-технического обеспечения. Каждый отряд состоит из 650 морских пехотинцев и служащих военно-морского флота, а в военное время его численность может быть более 700. Отряды способны проводить весь спектр боевых операций, попадающий под категорию «война» (как на Фолклендских островах), а также вносить свой вклад в гуманитарные операции, как это было с курдами после Войны в Заливе. За последнюю операцию 40-й отряд коммандос — уникальный случай для вооруженных сил — был награжден тремя «Уилкинсонскими мечами Мира» (Wilkinson Swords of Peace).

Каждый отряд обладает стандартной огневой мощью, имеется в виду оружие, которое десантники несут на себе. Это 24 противотанковых ракетных комплекса «Милан» (дальность действия 1950 метров); девять 8-миллиметровых минометов (дальность действия 5650 метров); девять 51-миллиметровых минометов (дальность действия 1000 метров); сто 94-миллиметровых противотанковых гранатометов (4 на отделение); тринадцать пулеметов непрерывного огня (SF); шестнадцать снайперов, вооруженных винтовками L96 калибра 7,62мм; восемнадцать 0,5-дюймовых пулеметов Браунинга; двенадцать 0,5-дюймовых орудий поддержки пехоты (1SW).

Бригада коммандос имеет также дополнительные части, которые отвлекают врага на себя, пока коммандос перебрасываются на штурмовые позиции, а также усиливают боевую силу бригады. К тому же 29-я бригада специального назначения Королевской артиллерии (29 Commando Brigade, Royal Artillery) поддерживает коммандос тремя батареями 105-

миллиметровых легких пушек. Каждая батарея располагает шестью орудиями. Еще шесть орудий может предоставить батарея коммандос территориальной армии (Territorial Army Commando Battery).

Как подробно проиллюстрировано предыдущими страницами, коммандос несут на себе все необходимое для как минимум первых 24 часов операции, а иногда и для более долгого периода. Это позволяет 3-й бригаде мгновенно реагировать на приказы и в любой точке земного шара начинать десантные операции или находиться невдалеке от берега, демонстрируя военную силу для устрашения агрессора. Это качество, в сочетании со способностью флота преодолевать сотни миль в день, обеспечивает дополнительную маневренность, о какой традиционные войска могут только мечтать.

После Дьеппа и высадки союзных войск в Европе в тактику коммандос были внесены некоторые изменения. В современном мире высокотехнологичных оборонных систем лобовые атаки вражеского побережья приводят к слишком большим потерям людей и техники. В наши дни упор делается на наиболее слабые места в обороне врага или те, где укрепления вообще отсутствуют. Современный подход к десантным операциям предусматривает более широкий фронт наступления с привлечением всех огневых средств военно-морского флота. При этом достигается быстрое развертывание боевых групп на берегу, и противник не успевает своевременно отреагировать, что было продемонстрировано десантом на Фолклендских островах, по большей части не встретившим сопротивления.

Исходя из этого требования, а также из необходимости в быстрой переброске и выгрузке штурмовых частей и их тяжелого снаряжения, десантные суда и вертолеты подчиняются Командиру оперативного амфибийного соединения, формирующегося для выполнения определенной задачи (Commander, Amphibious Task Force (CATF)). Специальная часть тылового обеспечения, задача которой — непрерывное пополнение ресурсов с самого начала до конца операции, давно признана обязательным элементом десантных операций, однако не всегда действует эффективно. В наши дни такая часть должна обеспечивать доставку с кораблей готового к применению снаряжения на первые 60 дней любой операции, дабы бригада могла действовать самостоятельно, не полагаясь на переброску ресурсов по воздуху.

Для усиления боеспособности бригады разработано новое снаряжение. К концу прошлого века все старые десантно-высадочные суда «Риджид Рэйдинг Крафт, модель 2» (Rigid Raiding Craft Mk2) были заменены на более быстроходную и

мощную модель Мк3. Новый рейдер имеет дизельные двигатели, обеспечивающие гораздо большую скорость, маневренность и дальность действия. Поступившее в собственность коммандос в 1999 году транспортное судно «Оушн» резко увеличило грузоподъемность десантного флота, а к 2005 году, впервые за многие годы, 3-я бригада коммандос будет, как запланировано, располагать количеством судов, достаточным для того, чтобы принять на борт весь боевой эшелон бригады. К 2006 году бригада также получит новейшие вертолеты.

И, естественно, кроме боевой мощности, большое внимание уделяется совершенствованию подготовки самих десантников, которые до сих пор с гордостью носят зеленые береты, введенные в 1940 году. Зеленые береты остаются визитной карточкой десантно-диверсионных войск, и, чтобы надеть его, необходимо пройти курс учебной подготовки коммандос, суровое испытание на выносливость и пригодность, проявить себя в индивидуальной и командной работе, не растеряться в самых безнадежных обстоятельствах. Как ни странно, основные элементы курса мало изменились по сравнению с введенными в 1942 году в Ахнакэрри, однако появились дисциплины, позволяющие десантникам ориентироваться в мире современных технологий. Вся подготовка проходит в Учебном центре коммандос в Лимпстоуне близ Эксетера. Новобранцы морской пехоты проходят 30-недельный базовый курс, самый продолжительный во всем мире для пехотинцев, а будущие офицеры проводят в Лимпстоуне 14 месяцев. В программы как для рядовых, так и для офицеров входит четырехнедельная десантная подготовка, что позволяет новобранцам надеть зеленый берет.

К желающим вступить в ряды Королевской морской пехоты не предъявляют особых общеобразовательных требований, хотя необходимо сдать простой письменный экзамен, где проверяются грамотность, умение считать, логически мыслить и технические способности. Дополнительная подготовка проводится на море и на суше в различном климате: от северной Норвегии до джунглей Борнео. Отслужив какой-то срок рядовым стрелком, пехотинцы изучают широкий диапазон специальных дисциплин. Чтобы завершить жесткий курс подготовки коммандос, новобранцы должны быть очень здоровы, сильны и выносливы. Те, кто хочет стать офицером, должны иметь как минимум две высшие оценки плюс три хорошие в аттестат о среднем образовании и пройти очень сложную тренировочную программу, в начале которой они трижды проверяются на соответствие «физических и душевных качеств, необходимых для командования одними из самых элитных солдат в мире».

Коммандос являются решающей силой британских штурмовых частей и, для адаптации к современным условиям, проводят около шести месяцев ежегодно в морских учениях королевской морской пехоты и военного флота в Средиземном море и у побережья Северной Африки, в составе Амфибийной Группы Боеготовности (Amphibious Ready Group (ARG)). Свою «готовность» группа прекрасно продемонстрировала в мае 2000 года, когда в бывшей британской колонии Сьерра-Леоне вспыхнул мятеж. Миротворческие силы ООН не смогли погасить кровопролитный конфликт между правительственными войсками и мятежниками. Десятки британских медиков и британцев, постоянно проживающих в Сьерра-Леоне, а также более 500 солдат ООН стали заложниками мятежников.

Британия отправила в Сьерра-Леоне боевое формирование, по мнению военных стратегов, образцовое в современных условиях: сухопутные, военно-морские и военно-воздушные подразделения общей численностью 1600 человек; самый большой отряд британских войск после Косовского кризиса 1999 года. Отряд состоял из роты САС, предназначенной для тайных операций и сбора разведданных, 700 легковооруженных бойцов из передового батальона быстрого реагирования Парашютного полка и коммандос морской пехоты из ARG. Более 800 десантников из 42-го отряда и 29-го артиллерийского полка коммандос уже находились на борту «Оушн», полностью укомплектованного вертолетами и десантными судами. В тот момент, когда разразился кризис, «Оушн» участвовал в учениях в Марселе. «Оушн» отправился в плавание во главе маленькой флотилии из трех вспомогательных судов и фрегата «Четэм». Британский авианосец «Илластриес» с шестнадцатью истребителями вертикального взлета «Харриер» и тремя вертолетами также направился к Сьерра-Леоне.

Мощный боевой кулак, собранный за считанные дни, поразил наблюдателей и породил предчувствие, что Британия собирается не просто поддержать операцию ООН, а нанести главный удар. Парашютисты, кроме винтовок SA-80, захватили с собой ручные и крупнокалиберные пулеметы, минометы и противотанковые комплексы «Милан». Они летели двумя самолетами «Тристар», погрузив большую часть снаряжения, включая средства передвижения, в транспортный чартерный самолет «Ан-124».

Морские пехотинцы, развернувшиеся в Средиземноморье, располагали двумя вертолетами «Линке» с бронетанковыми ракетами, шестью вертолетами «Си Кинг» и четырьмя транспортными вертолетами ВВС «Чинук». Их тяжелое вооружение включало батарею из шести 105-миллиметровых

орудий Королевской артиллерии (Royal Artillery) плюс гусеничные машины «BV-206», грузовики и «Лендроверы», перебрасываемые вспомогательными кораблями «Сэр Бедевер», Сэр Тристрам» и «Форт Остин». В конце концов британское правительство отказалось от штурмового удара, и коммандос благополучно завершили свою миссию 15 июня 2000 года, продемонстрировав полную боевую готовность в случае необходимости.

ИСТОРИЯ ЭЛИТНЫХ ВОЙСК

1940 2000

"Новый книжный"
3 336803 919322

ЭКСМО

notes

Примечания

1

В действительности генерал Йодль занимал должность начальника оперативного отдела верховного главнокомандования вооруженными силами Германии (ОКВ). — *Прим. ред.*

2

Имеется в виду, по всей видимости, северо-западная граница Британской Индии, т. е. речь идет о военных действиях на границе с Афганистаном. — *Прим. ред.*

3

«Черно-пегими» (Black and tan) называли служащих особых военизированных отрядов Королевской ирландской полиции (Royal Irish Constabulary), боровшейся в 1920–1921 гг. против движения за независимость Ирландии. — *Прим. ред.*

4

Позже в официальном рапорте было отмечено, что добровольцы военно-морского флота (RNVR), управлявшие лодками, забыли отрегулировать компасы, в результате отклонились «на много градусов», и места высадки пришлось искать «наугад».

5

Кейс был личным другом Черчилля. Черчилль написал предисловие к книге Роджера Кейса «Приключения на суше и на море», опубликованной перед самым началом войны, где отметил, что автор в возрасте 27 лет командовал торпедными катерами, заблокировавшими китайские эсминцы около Таку (Таки).

6

Личный парламентский секретарь Чемберлена на переговорах с Гитлером; после отказа от звания пэра — сэр Алек Дуглас-Хьюм — стал в 1963 году премьер-министром Великобритании.

7

Один из трех гражданских кораблей «Глен», приписанных к коммандос в 1941 году; это были быстроходные грузовые суда водоизмещением 10000 тонн. Два других — «Гленрой» и «Гленеарн».

8

Сэр Роналд Суэйн, отряд коммандос № 1, сказал о Во: «Он был очень смелым. Как мне говорили, на Крите он вообще не испытывал страха. Однако он был абсолютно непригоден, и самым страшным его недостатком было презрение к своим солдатам. Па это не имеет права ни один офицер. Его так не любили, что он боялся получить пулю в спину от кого-нибудь из своих подчиненных. Ему вообще не следовало служить в армии».

9

Такое обозначение означает — 8-й пехотный батальон 2-х австралийских экспедиционных сил (в отличие от 1-х экспед. сил, участвовавших в 1-й мировой войне 1914–1918 гг.). — *Прим. ред.*

10

После войны Ронни Суэйн и Фриц Пауль стали друзьями.

11

Пережившие плен, как и многие другие отряды, поклялись организовать после войны свою ассоциацию. Первая встреча Общества Сен-Назера состоялась во французском ресторане «У Опоста» в лондонском Сохо. Все много пили и поминали павших товарищей.

12

Роналд Суэйн: «Даррант был очень тяжело ранен; на нем не было живого места, и я ухаживал за ним, а перед смертью дал ему морфий».

13

В операции «Римау», поддержанной Маунтбеттеном, участвовали 32 пловца-байдарочника коммандос, отправленные из Австралии и известные, как «Группа Икс». С помощью 15 «подводных байдарок» они должны были прикрепить магнитные мины к японским кораблям, однако были обнаружены и вступили в жестокий бой. Некоторые были убиты или утонули; одиннадцать десантников попали в плен. Один умер в плену, а десять оставшихся были обезглавлены японцами за месяц до конца войны на Дальнем Востоке.

14

Старые паровые канонерки больше моторных, хотя едва ли могут обеспечить неожиданность высадки: они имеют неприятную привычку извергать из трубы снопы искр и дыма, обычно сопровождаемые потоком ругательств через громкоговоритель с мостика в машинное отделение.

15

Джорджа Кука в конце концов перевезли в немецкий военный госпиталь в Париже. Он месяц находился в коме, потом опытные немецкие хирурги, лечившие тяжелораненых, сделали ему пластическую операцию лица с трансплантацией костных и кожных тканей. Он оставался в госпитале почти полгода, затем был переведен в Германию, в специальный лагерь для взятых в плен при Дьеппе. В конце 1943 года его, переполненного благодарностью за лечение, репатриировали в Британию.

Inter-Allied, то есть межсоюзнический.

17

Среди попавших в плен была группа, впоследствии ставшая известной как «Альберт ВМС» (Albert RN). Во время побега они использовали на плацу концлагеря чучела, чтобы обмануть охранников. К концу 1943 года был сформирован отряд коммандос 22 ВМС (22 RN Commandos), до конца войны прикрывавший почти все крупные десанты союзников.

18

Хотя спустя годы многие документы, относящиеся к Special Operations Executive, были переданы в Государственный архив, документы, касающиеся отряда «Мейд Онор», остаются закрытыми до 2017 года.

19

№ 1, 2, 3, 4, 5, 6, 9, 10, 12 и 14, в каждом пять рот по три офицера и 62 сержанта и рядовых плюс рота, вооруженная минометами и крупнокалиберными пулеметами.

20

Стерлинг был схвачен немцами в январе 1943 года и провел остаток войны в Colditz. Его заместитель, майор Пэдди Мейн, взял руководство САС на себя, а майор лорд Джеллико возглавил отряд №**1** СБС, прикомандированный к САС, который он переименовал в Спешиэл Боут Сквэдрон (Special Boat Squadron).

21

В начале войны Королевский военный флот располагал лишь шестью подобными судами.

22

Сверхсекретная группа, Combined Operations Pilotage Parties (Лоцманские группы Объединенных операций), известная как КОПП (COPP), а ее члены — как Копписты.

23

Авиационный термин «squadron» (эскадрилья) в данном случае относится к наземной части, примерно эквивалентной батальону. — *Прим. ред.*

24

Эскадрилья 3-й бригады коммандос морской пехоты имела 11 вертолетов «Газель» и 6 вертолетов «Скаут». — *Прим. ред.*

25

Два взвода эскадрона «В» бронетанкового кавалерийского полка «Синих» и Королевских драгун имели 4 легких разведывательных танка «Скорпион», 4 гусеничные боевые разведывательные машины «Симитэр» и 1 трактор «Самсон». На вооружении батареи «Т» 12-го полка ПВО, приданной 3-й бригаде коммандос, было 12 зенитных ракетных комплектов «Рэйпир» («Rapier», т. е. «Рапира»). — *Прим. ред.*

26

В состав 5-й бригады бригадира Энтони Уилсона входили: 2-й батальон Шотландского гвардейского полка, 1-й батальон 7-го Собственного герцога Эдинбургского полка гуркских стрелков, штаб и 97-я батарея 4-го полевого полка Королевской артиллерии (6 легких орудий калибра 105 мм), 656-я эскадрилья армейской авиации (6 вертолетов «Газель» и вертолета «Скаут»). — *Прим. ред.*

27

То есть, активист правящей иракской партии «Баас». — *Прим. ред.*

28

Вероятно, правильно: между Сербией и Хорватией. — *Прим. ред.*

comments

Комментарии

1

Рота «Икс» (X Troop) являлась 3-й ротой 10-го отряда коммандос. Ее называли также «английской», хотя англичанином и нем был только командир, капитан Брайтан Хилтон Джонс, В этой роте служили не только немцы и австрийцы, но также представители иных национальностей (чехи, венгры, румыны, русские, евреи и др.), великолепно владевшие немецким языком. Все они хорошо говорили по-английски и носили английские псевдонимы (как правило, самые распространенные фамилии, например, Смит, Браун или Джексон). Кроме роты № 3, в августе 1942 г. в 10-й (межсоюзнический) отряд коммандос входили роты, состоявшие из французов (№ 1), голландцев (№ 2) и бельгийцев (№ 4). Позже к ним добивались еще четыре роты — норвежская (№ 5), польская (№ 6), югославская (№ 7) и вторая французская (№ 8), так что к лету 1943 г. отряд подразделялся уже на 8 рот. В апреле 1944 г. рота югославов была расформирована в Египте, а рота поляков перешла в Италии в состав 2-го польского армейского корпуса (эта 6-я рота коммандос, переименованная в 1-ю отдельную, с августа 1944 г. развернулась в батальон под командой майора Владислава Смроковского). Рота норвежцев 13 января 1945 г. была переведена в Норвежскую бригаду, созданную в Великобритании, однако к тому времени 10-й отряд коммандос пополнился двумя новыми бельгийскими ротами (№ 9 и 10), сформированными после освобождения Бельгии. — *Прим. ред.*